

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2017 г., том 24, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

АРКТИКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Ананьев Д.А. Продажа Аляски в оценках американской и канадской историографии (конец XIX – начало XXI в.)	5
Комлева Е.В. Проблемы северных территорий Томской губернии начала XIX в. в «Замечаниях» В.С. Хвостова	12
Кочкина Е.И., Вдовин А.С. «...Под пылающим северным сиянием»: иностранные исследователи Енисейского Севера в конце XIX – начале XX в.	18
Тимошенко А.И. Советская стратегия в Арктике (1920-е гг.)	23
Куперштох Н.А. Владимир Петрович Ларионов – академик Севера	28

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Титова Л.В., Элерт А.Х. О научной серии «Археография и источниковедение Сибири»	33
Журавель О.Д. Книжная демонология и народные магические верования в Сибири XVII–XVIII вв.	39
Журова Л.И. История и повседневность в Сибирском летописном своде XVII в.	46
Панич Т.В. Новый список повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим: к изучению литературной истории памятника	54
Тимофеева Ю.В. Место духовно-нравственной литературы в чтении жителей Томской губернии (конец XIX – начало XX в.)	61
Никаноров И.Н. Эсхатологические построения федосеевцев в контексте эпохи Просвещения	66
Родигина Н.Н. Детям о революции: динамика образов и понятий «революционного» в журнале «Задуманное слово» начала XX в.	72
Клинова М.А., Трофимов А.В. Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» в 1953–1964 гг.	78
Посадсков А.Л. Издательская деятельность литературных организаций Сибири и Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в.	83

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Румянцев П.П. Жандармская отчетность 1850–1870-х гг. как источник по истории развития золотопромышленности Западной Сибири.	89
Крутова М.С. Новые архивные материалы о сибирских православных паломниках, погребенных на Святой Земле в 1864–1912 гг.	95
Матханова Н.П. «Плохие» и «хорошие» чиновники в записках сибирского духовенства XIX в.	100
Петров С.Г. К вопросу о назначении архиепископа Димитрия (Беликова) правящим архиереем Томской епархии	106
Стасть И.Н. Полемика историков о сущности и результатах урбанизации в России/СССР	112

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Альшеевская О.Н., Тарасова С.А., Пустотина А.Г. Региональные издательства: выход в виртуальное пространство (на примере издательств Новосибирска)	117
Чуркин М.К. Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н.М. Ядринцева	122
Почеревин Е.В. Содержание земских речных перевозов на транспортных коммуникациях Томской губернии в начале XX в.	126
Кискидосова Т.А. Рец. на кн.: Комлева Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в. – Новосибирск: Академиздат, 2016. – 324 с.	131

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 25.09.17. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 500 экз. Заказ № 217.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2017, vol. 24, N 3

CONTENTS

ARCTIC: PROBLEMS OF OF HISTORY

Ananyev D.A. The Sale of Alaska as Evaluated by the American and Canadian Historiography (Late XIX–Early XXI Centuries)	5
Komleva E.V. The Problems of the Northern Territories of the Tomsk Province in the early XIX century in the «Notices» of Vasilii Hvostov	12
Kochkina E.I., Vdovin A.S. «... Beneath the flaming northern lights»: foreign researchers of the Yenisei North in the end of XIX – the beginning of the XX centuries	18
Timoshenko A.I. Soviet strategy in the Arctic (1920s)	23
Kupershtokh N.A. Vladimir Petrovich Larionov – academician of the North	28

BOOK CULTURE

Titova L.V., Elert A.Kh. On the Scientific Series «Siberian Archaeography and Source Study»	33
Zhuravel O.D. Bookish demonology and folk magical beliefs in Siberia in the XVII–XVIII centuries	39
Zhurava L.I. History and everyday life in the Siberian chronicle of the XVII century	46
Panich T.V. New manuscript of the tale of Ioann Novgorodsky's Journey to Jerusalem: on the study of literary history of the monument	54
Timofeeva Yu.V. The place of spiritual-moral literature in reading of inhabitants in Tomsk province (late XIX – early XX centuries)	61
Nikanorov I.N. The eschatological ideas of the Fedoseevtsy in the context of the concepts of the Enlightenment	66
Rodigina N.N. On the revolution for children: the dynamics of representation and concepts of «revolutionary» in the magazine «Zadushevnoe slovo» in the early XX century	72
Klinova M.A., Trofimov A.V. Constructing a negative image of «managers» on pages of magazine «Krokodil» in 1953–1964	78
Posadskov A.L. Publishing activity of literary organizations in Siberia and the Far East in the late XX – early XXI centuries	83

NATIONAL HISTORY

Rumyantsev P.P. Gendarme reports of the 1850–1870s as a source for studying the development of gold mining in Western Siberia	89
Krutova M.S. New archival materials on Siberian orthodox pilgrims buried in the Holy land in 1864–1912	95
Matkhanova N.P. «Bad» and «good» officials in the notes of Siberian clergy of the XIX century	100
Petrov S.G. On appointment of archbishop Dimitry (Belikov) as Tomsk diocese ruling bishop	106
Stas' I.N. Historians' controversy on the urbanization essence and results in Russia / USSR	112

MESSAGES, ACADEMIC LIFE

Alshevskaya O.N., Tarasova S.A., Pustotina A.G. Regional publishing houses: exit to the virtual space (a case of Novosibirsk printing offices)	117
Churkin M.K. Siberian colonial discourse in N.M. Yadrintsev's feuilletons	122
Pocherevin E.V. Maintaining Zemstvo's river crossings on transport communications of Tomsk province in the early XX century	126
Kiskidosova T.A. Rec. ad op.: Komleva Ye.V. Iz naslediya krasnoyarskikh kuptsov Larionovykh. Vyp.1. Pisma kontsa XVIII – pervoy treti XIX v. (From the Heritage of the Krasnoyarsk Merchants Larionov. Issue 1. Letters of the Late XVIII – First Third of the XIX Century.) Novosibirsk: Akademizdat, 2016. 324 p.	131

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

АРКТИКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20170301
УДК 930 (571.1/.5) "1800/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

ПРОДАЖА АЛЯСКИ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ И КАНАДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI в.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются работы американских и канадских историков, опубликованные в конце XIX – начале XXI вв. Они посвящены завершающему этапу в истории Русской Америки. Установлено, что западные исследователи выявили широкий круг факторов (географических, политических, экономических, военно-стратегических), обусловивших отказ России от североамериканских владений. Разнообразие оценок и представлений о причинах, обстоятельствах и последствиях заключения договора о продаже Аляски объяснялось, прежде всего, изменениями общего взгляда исследователей на характер и эволюцию российско-американских отношений в рассматриваемый исторический период.

Ключевые слова: Русская Америка, зарубежная историография, продажа Аляски.

D.A. ANANYEV

THE SALE OF ALASKA AS EVALUATED BY THE AMERICAN AND CANADIAN HISTORIOGRAPHY (THE LATE XIX – EARLY XXI CENTURIES)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article's objective is to provide an analysis of changing views of American and Canadian historians on reasons and consequences of the Alaska Treaty signed in 1867. In the study the author analyzes relevant papers on the topic published in USA and Canada in the late XIX – early XXI centuries; identified basic concepts proposed by the historians; determined their contribution to the problem elaboration.

It is established that since the late XIX century American and Canadian researchers paid special attention to the factor of amicable relations between the United States and Russia facilitating a positive outcome of negotiations and permitting Russia to achieve the stated objective (works by H. Bancroft, F.A. Golder, T. Bailey, S. Tompkins, D.H. Miller, R.J. Jensen et al.). Despite the widespread perception that the 1867 Treaty provided greater benefit to Russia, some researchers (V.J. Farrar, R. Luthin et al.) persisted that even if Alaska's purchase was not economically justified, the bargain was in line with the military-strategic interests of the United States.

In the postwar period, in the context of Cold War Western scholars paid greater attention to the policy of colonial expansionism pursued both by Russia and USA in the North Pacific Region (C. Manning, C. Hulley et al.). In the 1960s–1970s historians of the so-called "revisionist" school (H. Kushner and others) argued that the sale of Alaska occurred not because of friendship, but intense competition and struggle for markets (therefore, the territory cession looked like a win to one side, and like a loss – to another). They were opposed by those researchers who believed that Russia was guided not by economic considerations, but by political ones, so both countries benefited from this treaty in one or another way.

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com.

Denis A. Ananyev – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

The recent studies have revived the idea of struggle between the colonial powers while emphasizing the international implications of the 1867 Treaty (I. Vinkovetsky, L. Farrow). The author comes to a conclusion that American and Canadian historiography evaluated the 1867 Treaty based on general understanding of Russian-American relations interpreted either in terms of cooperation or rivalry.

Key words: Russian America, foreign historiography, sale of Alaska.

История Русской Америки оказалась в сфере пристального внимания зарубежных авторов во второй половине XIX в. — после того как в 1867 г. царское правительство реализовало свое давнее намерение продать Аляску Североамериканским Штатам. За прошедшие полтора столетия западные историки (прежде всего американские и канадские), в распоряжении которых имелась обширная источниковая база, всесторонне изучили тему русского присутствия на Аляске. Разнообразие концепций и оценок, содержащихся в работах западных историков, столь велико, что они сами послужили предметом многочисленных историографических исследований, опубликованных как в России [1, 2, 3, 4, 5], так и за рубежом [6, 7, 8, 9]. По справедливому замечанию Н.Н. Болховитинова, «изучить историю Русской Америки без привлечения иностранной литературы и источников теперь невозможно» [5, с. 9].

При всей широте тематического и хронологического охвата работ по истории Русской Америки западные исследователи наибольший интерес проявляли к вопросам, связанным с продажей Аляски в 1867 г. В первую очередь выяснялись причины, которые побудили Россию продать, а США — купить Аляску; изучались обстоятельства заключения сделки и последовавшая реакция общественности; оценивалось международное значение договора о продаже Аляски. Цель настоящей статьи — выяснить, как и почему изменялись представления американских и канадских исследователей о причинах и последствиях заключения договора 1867 г.

Первым американским историком, достаточно подробно осветившим историю продажи Русской Америки, стал Г. Бэнкрофт (1832–1918) [10]. Вопреки мнению многих современников, сомневавшихся в целесообразности покупки Аляски¹, историк попытался доказать, что сделка отвечала не только краткосрочным политическим, но и долгосрочным экономическим интересам Соединенных Штатов.

В представлении Г. Бэнкрофта, мотивы, которыми руководствовалось американское правительство, покупая Аляску, объективно изложены в отчете сенатского комитета по иностранным делам, опубликованном 18 мая 1868 г. Формально сделка оправдывалась стремлением американского правительства допустить жителей тихоокеанских штатов (в ответ

на их неоднократные и настойчивые требования) к участию в рыболовном промысле у берегов Аляски. Далее говорилось о необходимости предотвращения передачи северо-западных территорий «недружественной державе» (т.е. Великобритании); о предоставлении возможностей для создания новых «индустриальных компаний» в Тихоокеанском регионе («необходимых для обеспечения превосходства нашей империи на суше и на море»); а также о получении преимуществ для беспрепятственной торговли американцев с Японией и Китаем. Иными словами, договор действительно служил целям американской экономической экспансии. Кроме того, авторы отчета подчеркивали необходимость упрочения дружественных отношений с Россией.

Г. Бэнкрофт отметил сложности, возникшие с утверждением договора в конгрессе и связанные со стремлением членов парламента, настроенных оппозиционно в отношении администрации президента Э. Джонсона, отстоять право законодательной власти на известную самостоятельность в решении внешнеполитических вопросов. Наряду с сомнениями в целесообразности сделки, конгрессмены высказывали подозрения относительно правильности расходования средств, предназначенных для уплаты российскому правительству. Г. Бэнкрофт предпочел не подвергать сомнению результаты официального парламентского расследования 1868–1869 гг., в ходе которого не удалось доказать, что взятки были одним из инструментов, обеспечивших прохождение договора через конгресс. Однако впоследствии американские историки (У. Даннинг [15], Ф.А. Голдер, П. Холбо [16]) документально доказали, что подкуп конгрессменов действительно имел место.

По мнению Г. Бэнкрофта, решение царского правительства о продаже Аляски было обусловлено, прежде всего, политическими соображениями — стремлением избежать конфликта с соседями из-за территории, безопасность и военную защиту которой Российской империя оказалась не в состоянии обеспечить. Исследователь признавал, что жизнь в Русской Америке была сопряжена с множеством трудностей, но все же отмечал положительные моменты в деятельности русских «колонизаторов», которые давали местным жителям защиту и средства к существованию, строили церкви и школы, тогда как с появлением американцев пришли лишь «спекуляция, нажива и беззаконие» [10, р. 599].

В начале XX в. политическое и торговое соперничество морских держав в Тихом океане расценивалось в американской историографии как важнейший фактор, обусловивший уход русских с Американского континента [17, 18, 19]. Тем не менее продажа

¹ Следует заметить, что в 1930-е гг. Т. Бейли [11] и В.Х. Рейд [12] на основе анализа публикаций в газетах тихоокеанских штатов опровергли миф о враждебном отношении прессы к договору о покупке Аляски. В 1958 г. к аналогичному выводу пришел Р. Уэлч [13], который изучил материалы газет, издававшихся в городах восточного побережья. По данным Р.Е. Нейнхерца, против договора выступила в основном пресса южных штатов [2, 8, 14].

Аляски представлялась своевременным и выгодным для России шагом. В этой связи особое значение придавалось фактору дружественных отношений между Россией и США, которыми якобы удачно воспользовалась российская сторона, в то время как американцы не смогли отказаться от сомнительной сделки из чувства благодарности российскому правительству за поддержку, оказанную в период Гражданской войны [11].

Особую позицию занял Ф.А. Голдер, который впервые в американской историографии подробно осветил ход переговоров, показал роль различных участников процесса как с американской, так и с российской стороны [20]. В отличие от Г. Бэнкрофта, Ф.А. Голдер считал, что Россия руководствовалась, прежде всего, экономическими соображениями, тогда как американская сторона – политическими, но при этом подписание договора менее всего имело отношение к укреплению российско-американской дружбы. Историк подчеркивал огромную роль, которую сыграл в приобретении Аляски госсекретарь У. Сьюард (надеявшийся тем самым заручиться поддержкой широкой общественности и привлечь ее на сторону непопулярного президента Э. Джонсона), что позволило многим современникам расценивать договор с Россией как его личный «каприз» или «прихоть».

Данный вывод историка не позволяет (как это делал Г. Кушнер и др.) в полной мере отнести его к так называемому «консенсусному» или, по определению Н.Н. Болховитинова, «традиционному» направлению в американской историографии, представители которого (Д.Х. Миллер [21], Т. Бэйли, Р. Дженсен [22], П. Холбо и др.) полагали, что заключение договора о продаже Аляски являлось в первую очередь проявлением дружественных отношений между Россией и США.

В отличие от Ф.А. Голдера, В.Дж. Фэррар полагал, что заключение договора с Россией не может ставиться в заслугу одному лишь У.Г. Сьюарду. В действительности покупка Аляски явилась итогом давней и последовательной политики американского правительства, направленной на установление контроля над северо-западными территориями [23]. Историк приводит свидетельства современников о том, что вопрос о возможной покупке российских владений уже неоднократно обсуждался американским правительством в 1840–1850-х гг. (при президентах Мартине ван Бюрене, Дж. Полке и Дж. Бьюкенене).

На основе анализа содержания международных договоров и дипломатической документации В.Дж. Фэррар предложил собственную периодизацию, отражающую основные повороты политики федерального правительства в отношении американского Северо-Запада. По его мнению, в период с конца XVIII в. до 1830-х гг. северо-западное побережье интересовало США, прежде всего, в плане добычи пушнины (соответственно, русско-американская конвенция 1824 г. представляла собой, по сути, торговое

соглашение). В 1840-х гг. борьба за Орегон сделала Аляску в глазах американцев более ценной и важной территорией, однако урегулирование Орегонского вопроса в 1848 г. заставило вновь о ней забыть. Лишь в период Гражданской войны правительство США в полной мере осознало ценность и значение Аляски как военного плацдарма, позволяющего контролировать весь Северотихоокеанский регион. Таким образом, В.Дж. Фэррар признавал, что на протяжении многих десятилетий американцы осуществляли экономическую экспансию на Тихоокеанском Севере, однако в 1860-х гг., при решении вопроса о покупке Аляски решающее значение имели политические и даже военно-стратегические соображения. В то же время историк не анализировал причины, по которым царское правительство приняло решение о продаже заморской колонии.

Известный американский историк Рейнхард Х. Лютин (1905–1962) также указывал на военно-стратегическое значение договора 1867 г. По его признанию, установление в 1933 г. дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом побудило его обратить более пристальное внимание на историю американо-русской дипломатии, центральное место в которой, безусловно, занимали переговоры, связанные с продажей Аляски. В 1937 г. Р. Лютин опубликовал специальную статью, в которой продемонстрировал значение экспансионистских устремлений части американского политического истеблишмента как фактора, способствовавшего заключению договора о покупке Аляски [24].

Цитируя одну из публикаций в советской прессе 1920-х гг., где продажа владений в Русской Америке названа «непростительной ошибкой» царского правительства, Р. Лютин задался вопросом: как развивались бы события, если бы американская сторона не проявила в свое время инициативу и должную настойчивость и Аляска все это время оставалась российской, а затем советской территорией? Скорее всего, предположил историк, на полуострове уже давно существовала бы советская военная база, и ее близость к США создавала бы совершенно иной дипломатический фон, нежели тот, что был до сих пор, особенно со времени падения монархии Романовых.

Признавая исключительные заслуги госсекретаря У. Сьюарда, Р. Лютин считал необходимым воздать должное и другим американским политикам, способствовавшим заключению сделки, в частности, Роберту Дж. Уокеру – бывшему сенатору от штата Миссиссиппи и министру финансов США в администрации президента Дж. Полка. По мнению ряда американских историков (Дж.М. Каллагана, Б.П. Томаса), именно Р.Дж. Уокер, будучи убежденным и последовательным сторонником американской экспансии, еще в 1840-х гг. явился подлинным инициатором обсуждения вопроса о приобретении российских владений в Северной Америке.

В начале 1930-х гг. история Русской Америки послужила предметом исследований сотрудников Кали-

форнийского университета – Р.Дж. Кернера, Э. Эс-сига, А. Огден и др. Развивая тезис Г. Бэнкрофта, Р.Дж. Кернер указывал на взаимообусловленность процессов заселения русскими дальневосточных территорий и освоения тихоокеанского побережья Северной Америки. Соответственно, одной из важнейших причин уступки Аляски Соединенным Штатам историк считал стремление царского правительства сосредоточиться на освоении недавно присоединенных территорий Приамурья и Приморья. Влияние концепции Р.Дж. Кернера заметно в работах А. Мазура, К. Халли, С. Томпкина [25, 26, 27].

В частности, канадский историк С. Томпкинс воспроизводил выводы калифорнийских историков о торговых интересах России на Дальнем Востоке и в Северной Америке, трудностях снабжения колоний, что фактически обрекало их на незавидное существование и предопределило уход русских из региона. Кроме того, успешному развитию Русской Америки, по его мнению, препятствовал грабительский характер колониальной политики, эксплуатация коренного населения; и, как наиболее фундаментальный фактор, отсталый крепостнический строй. В небольшой главе, посвященной переговорам о продаже Аляски, историк указывал на взаимные экономические выгоды, которые договор должен был принести обеим странам.

Автор ряда научно-популярных работ по истории Русской Америки Г. Шевиньи (1904–1965), отмечая некоторые отрицательные стороны жизни в колонии, все же полагал, что царское правительство в начале 1860-х гг. готовилось уступить Соединенным Штатам не изолированный форпост, чьи ресурсы были истощены, а процветающие и развитые поселения (несмотря на то, что численность населения в них никогда не превышала нескольких тысяч человек) [28]. Главная причина уступки территорий Соединенным Штатам, по мнению Г. Шевиньи, заключалась не в бедственном положении колонии, а в том, что имперское правительство оставалось неизменно равнодушным к своему предприятию, всегда готовое пожертвовать им в угоду европейской дипломатии.

По справедливому заключению У.Л. Блэквелла, Г. Шевиньи удалось по-новому интерпретировать продажу Аляски – не как избавление от тяжелого бремени перед лицом неизбежного установления британского или американского господства в регионе, но как трагедию ошибок, в которой каждая из сторон не смогла правильно оценить потенциал и намерения другой, и обе печальным образом недооценивали территорию, из-за которой вели торг [29].

В послевоенные десятилетия, в условиях начавшейся «холодной войны», американские историки все чаще обращались к изучению проблем колониальной экспансии России и США в Северотихоокеанском регионе. Так, профессор Колумбийского университета К. Мэннинг подчеркивал неизменность экспансионистских целей Российской империи, а затем и Советского Союза писал о необходимости противодействия

«русской экспансии», а значит – о целесообразности и выгоды покупки Аляски Соединенными Штатами. Историк также предупреждал читателей о готовности советского правительства исправить «величайшую и непростительную ошибку царского режима» и вернуть Аляску [1; 30].

В русле традиционного подхода написана монография сотрудника Университета Индианы Р.Дж. Дженсена, опубликованная в 1975 г. Автор, по его собственному признанию, стремился прояснить «характер той удивительной (вызывающей ироническую улыбку) дружбы, которая связывала американцев и русских в сер. XIX в.» [22, р. XX]. По мнению же оппонентов и критиков Р.Дж. Дженсена – представителей так называемого «ревизионистского» или «радикального» направления (Г. Кушнера и др.), автору следовало сосредоточиться на изучении не дружбы, а соперничества двух держав, их борьбы за сферы влияния и рынки сбыта, итогом которой и стала уступка Аляски Соединенным Штатам [31, 32].

В отличие от представителей «радикального» направления, канадский исследователь Дж. Гибсон признавал решающее значение экономических мотивов для США, но не для России [33]. В числе причин, побудивших Россию уйти из Северной Америки, историк назвал стремление царского правительства сосредоточиться на экспансии в Азии, а также страх перед возможным военным конфликтом с Великобританией и особенно с Соединенными Штатами, равно как осознание невозможности защитить американские владения в случае такого конфликта. Во многом данная концепция близка к взглядам Г. Бэнкрофта и Г. Шевиньи.

Выводы Дж. Гибсона поддержал С. Хэйкок – автор монографии по истории Аляски, в которой специальный раздел посвящен ее «русскому периоду». С. Хэйкок объясняет причины ухудшения ситуации в колонии к середине XIX в. тем, что Россия, в сущности, никогда не пыталась сделать свои американские территории привлекательными для переселенцев, но лишь заботилась об извлечении прибыли с наименьшими затратами. В годы Крымской войны стали очевидны сложности удержания Аляски в сфере российского влияния, а с присоединением Приамурья (региона, богатого разнообразными ресурсами и расположенного значительно ближе, что облегчало задачу его снабжения) уход русских из Америки стал практически неизбежным [34].

В 1990-х – начале 2000-х гг. история Русской Америки продолжала привлекать внимание многих западных исследователей, однако, по наблюдениям И. Виньковецкого, в своей работе они опирались на традиционные методики, почти не учитывая достижения новейших историографических течений (таких как «история окраин», «новая история североамериканского Запада», «новая имперская история» и др.).

В рамках такого «традиционного» подхода написаны работы Лидии Блэк (1925–2007), профессора

Университета Аляски. В своем обобщающем исследовании по истории Русской Америки, увидевшем свет в 2004 г. [7], она дала преимущественно положительную оценку итогов «русского периода» в истории Аляски. В отличие от Дж. Гибсона и С. Хэйкокса, Л. Блэк полагала, что в последнее десятилетие перед продажей Аляски ситуация в Русской Америке была стабильной, дела компании шли совсем неплохо. По словам исследовательницы, преувеличенный страх русского правительства перед реальными и мнимыми угрозами, убежденность в невозможности защитить американские территории в случае военного конфликта, а также стремление сосредоточить усилия на колонизации Приамурья заставили Александра II и его окружение принять решение о продаже Аляски уже в начале 1860-х гг.

Представление о ведущей роли политического фактора, обусловившего в конечном счете решение России о продаже Аляски, разделяет и современный канадский исследователь Илья Виньковецкий (выходец из России, как и Лидия Блэк) [9]. Вместе с тем, он отмечает, что американские власти, заключая договор с Россией о покупке Аляски, преследовали множество целей: расширение территориальных владений; значительное продление береговой линии; развитие торговли в Азии и на Тихом океане; приобретение природных ресурсов; продвижение республиканских институтов власти взамен европейской монархической модели [9, с. 17]. Таким образом, историк подчеркивает экспансионистские устремления американской деловой и политической элиты, направленные на приобретение всего западного побережья континента к северу от Мексики.

И. Виньковецкий также указывает на международное значение договора о продаже Аляски. В частности, реакцией британцев на изменение геополитического баланса на Североамериканском континенте стало образование в 1867 г. Канадской Конфедерации и присоединение к ней в 1871 г. Британской Колумбии. По наблюдениям американской исследовательницы Л. Фэрроу, известие о продаже Аляски вызвало обеспокоенность европейских правительств, которые предполагали, что договор содержал некие секретные пункты о взаимопомощи или, по крайней мере, о невмешательстве в дела другой стороны в остальных регионах мира. Также широко распространенным было мнение, что договор был направлен специально против Британской империи и включал в себя планы аннексии (частичной или полной) территории Канады [35].

Таким образом, западные исследователи определили широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических (отдаленность колоний и трудности их снабжения); политических (обоюдное желание сторон укрепить российско-американскую дружбу, не допустить передачи территории общему врагу – Великобритании; стремление царского правительства сосредоточиться на освоении дальневосточных территорий, воспользовавшись ослаблением

Цинского Китая; расчет госсекретаря У.Г. Сьюарда на получение широкой общественной поддержки); экономических (негативные последствия колониальной политики России в Северной Америке, связанные с эксплуатацией коренного населения и истреблением пушного зверя; столкновение интересов колониальных держав; сложное финансовое положение РАК; экспансионистские устремления американских деловых кругов и др.).

Большое значение придавалось военно-стратегическим факторам, в частности, отмечалась незащищенность Русской Америки перед лицом возможной военной агрессии, наплыва американских золотоискателей или восстания индейцев; подчеркивалась дальновидность американского правительства, которое рассматривало Аляску как стратегический плацдарм, обеспечивавший контроль над Северотихоокеанским регионом.

Как и в отечественной историографии, в зарубежных исследованиях неизменно подчеркивалось значение субъективного фактора – активная роль, которую в заключении сделки сыграли госсекретарь США У. Сьюард, ряд американских конгрессменов, российский посланник Э.А. Стекло, вел. кн. Константин Николаевич и др. В меньшей степени западные историки обращали внимание на особенности социально-политического строя и экономического развития Российской империи в качестве фундаментальных факторов, определивших исторические судьбы Русской Америки.

Лишь немногие западные исследователи отмечали положительные стороны российского присутствия на Аляске и были склонны рассматривать продажу Аляски как ошибочный или не вполне продуманный шаг царского правительства (Г. Шевиньи, Л. Блэк). В работах, опубликованных в США в последние годы, возрождается тезис о борьбе колониальных держав, отмечаются негативные аспекты американского и российского экспансионизма, делается особый акцент на международном значении договора о продаже Аляски.

В целом представления западных исследователей о причинах, обстоятельствах и последствиях подписания договора 1867 г. определялись, в первую очередь, их общим пониманием характера российско-американских отношений в рассматриваемый исторический период; тем, как интерпретировались эти отношения: в терминах сотрудничества или соперничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранат Г.А.* Новые американские работы о Русской Америке // *Летопись Севера*. М., 1957. Т. 2. С. 247–255.
2. *Болховитинов Н.Н.* Зарубежные исследования о Русской Америке // *США. Экономика, политика, идеология*. 1985. № 4. С. 87–95.
3. *Алексеева Е.В.* Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // *Известия СО РАН. Серия: История, филология и философия*. 1993. Вып. 1. С. 59–63.
4. *Гринев А.В.* Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // *Клио*. 2000. № 2. С. 17–26.

5. История Русской Америки (1732–1867). М.: Междунар. отношения, 1997. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. 480 с.
6. Haycox S. Russian America: Studies in the English language // *Pacific Historical Review*. Berkeley, 1990. Vol. 59, N 2. P. 231–252.
7. Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. 328 p.
8. Naske C.-M., Slotnick H.E. Alaska: A History of the 49th State. University of Oklahoma Press: Norman, 2nd ed., 1994. 368 p.
9. Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 320 с.
10. Bancroft H.H. History of Alaska. 1730–1885 // The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXXVIII. San Fr.: A.L. Bancroft & Company, 1886. 775 p.
11. Bailey Th.A. Why the United States Purchased Alaska // *Pacific Historical Review*. 1934. March. Vol. 3, N 1. P. 39–49.
12. Reid V.H. The Purchase of Alaska: Contemporary Opinion. Long Beach (Cal.): Press-Telegram printers, 1940. 134 p.
13. Welch R.E. American Public Opinion and the Purchase of Russian America // *American Slavic and East European Review*. 1958. Dec. Vol. 17. P. 481–494.
14. Neunherz R.E. The Purchase of Russian America: Reasons and Reactions. Ph.D. Dissertation. University of Washington, 1975.
15. Dunning W.A. Paying for Alaska // *Political Science Quarterly*, 1912. Vol. 27. P. 385–398.
16. Holbo P.S. Tarnished Expansion: The Alaska Scandal, the Press and Congress, 1867–1871. Knoxville: University of Tennessee Press, 1983. 145 p.
17. Callahan J.M. American Relations in the Pacific and Far East, 1784–1900. Baltimore, 1901. 177 p.
18. Hildt J.C. Early Diplomatic Negotiations of the U.S. with Russia. Baltimore, 1906. 195 p.
19. Thomas B.P. Russo-American Relations, 1815–1867. Baltimore, 1930. 185 p.
20. Golder F.A. The Purchase of Alaska // *The American Historical Review*. 1920. Vol. 25. N 3. P. 411–425.
21. Miller D. The Alaska Treaty. Kingston, 1981. 221 p.
22. Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. 185 p.
23. Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska // *The Washington Historical Quarterly*. 1922. Vol. 13, N 2. P. 93–104.
24. Luthin R.H. The Sale of Alaska // *The Slavonic and East European Review*. 1937. Vol. 16, N 46. P. 168–182.
25. Mazour A.G. The Prelude to Russia's Departure from America // *Pacific Historical Review*. 1941. vol. 10. P. 311–319.
26. Tompkins R.S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman: University of Oklahoma Press, 1945. P. 84.
27. Hulley Cl.C. Alaska, 1741–1953. Portland: Binforde and Mort Publishers, 1953. 406 p.
28. Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741–1867. New York: The Viking Press, 1965. 274 p.
29. Blackwell W.L. Rec. ad. op.: Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741–1867. N.Y.: The Viking Press, 1965 // *The William and Mary Quarterly*. 1966. Vol. 23, N 2. P. 347–349.
30. Manning C.A. Russian influence on early America. N.Y.: Library Publishers, 1953. 216 p.
31. Kushner H.I. Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 p. // *The Journal of American History*. 1976. Vol. 63, N 1. P. 139–140.
32. Hinckly T.C. Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 pp. // *Pacific Historical Review*. 1977. Vol. 46, N 2. P. 299–300.
33. Gibson J.R. Why the Russians Sold Alaska // *The Wilson Quarterly*. 1979. Vol. 3, N 3. P. 179–188.

34. Haycox S. Alaska: An American Colony. Seattle: University of Washington Press, 2002. 372 p.
35. Farrow L.A. Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. Fairbanks: University of Alaska Press, 2016. 225 p.

REFERENCES

1. Agranat G.A. New American Studies on Russian America. *Letopis' Severa*. Moscow, 1957, vol. 2, pp. 247–255. (In Russ.)
2. Bolkhovitinov N.N. Foreign Studies on Russian America. *SSHA. Ekonomika, politika, ideologiya*. 1985, no. 4, pp. 87–95. (In Russ.)
3. Alekseeva E.V. Russian America: New Concepts in the English-Language Historiography. *Izvestiya SO RAN. Seriya: Istoriya, philologiya i filosofiya*. 1993, issue 1, pp. 59–63. (In Russ.)
4. Grinev A.V. Reasons to Sell Russian Alaska to the USA in the National Historiography. *KLIO*. 2000, no. 2, pp. 17–26. (In Russ.)
5. History of Russian America (1732–1867): in 3 vols. Vol. 1: Founding Russian America (1732–1799). Ed. by Acad. N.N. Bolkhovitinov. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1997, 480 p. (In Russ.)
6. Haycox S. Russian America: Studies in the English language. *Pacific Historical Review*. Berkeley, 1990, vol. 59, no. 2, pp. 231–252.
7. Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks: University of Alaska Press, 2004, 328 p.
8. Naske C.-M., Slotnick H.E. Alaska: A History of the 49th State. University of Oklahoma Press: Norman, 2nd ed. 1994, 368 p.
9. Vinkovskiy I. Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2015, 320 p. (In Russ.)
10. Bancroft H.H. History of Alaska. 1730–1885. *The Works of Hubert Howe Bancroft*. San Fr.: A.L. Bancroft & Company, 1886, vol. 38. 775 p.
11. Bailey Th.A. Why the United States Purchased Alaska. *Pacific Historical Review*. 1934, vol. 3, no. 1, March, pp. 39–49.
12. Reid V.H. The Purchase of Alaska: Contemporary Opinion. Long Beach (Cal.): Press-Telegram printers, 1940, 134 p.
13. Welch R.E. American Public Opinion and the Purchase of Russian America. *American Slavic and East European Review*. 1958, vol. 17, Dec., pp. 481–494.
14. Neunherz R.E. The Purchase of Russian America: Reasons and Reactions. Ph.D. Dissertation. University of Washington, 1975.
15. Dunning W.A. Paying for Alaska. *Political Science Quarterly*. 1912, vol. 27, pp. 385–398.
16. Holbo P.S. Tarnished Expansion: The Alaska Scandal, the Press and Congress, 1867–1871. Knoxville: University of Tennessee Press, 1983, 145 p.
17. Callahan J.M. American Relations in the Pacific and Far East, 1784–1900. Baltimore, 1901, 177 p.
18. Hildt J.C. Early Diplomatic Negotiations of the U.S. with Russia. Baltimore, 1906, 195 p.
19. Thomas B.P. Russo-American Relations, 1815–1867. Baltimore, 1930, 185 p.
20. Golder F.A. The Purchase of Alaska. *The American Historical Review*. 1920, vol. 25, no. 3, pp. 411–425.
21. Miller D. The Alaska Treaty. Kingston, 1981, 221 p.
22. Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975, 185 p.
23. Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska. *The Washington Historical Quarterly*. 1922, vol. 13, no. 2, pp. 93–104.
24. Luthin R.H. The Sale of Alaska. *The Slavonic and East European Review*. 1937, vol. 16, no. 46, pp. 168–182.
25. Mazour A.G. The Prelude to Russia's Departure from America. *Pacific Historical Review*. 1941, vol. 10, pp. 311–319.
26. Tompkins R.S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman: University of Oklahoma Press, 1945. P. 84.
27. Hulley Cl.C. Alaska, 1741–1953. Portland: Binforde and Mort, publishers, 1953, 406 p.

28. *Chevigny H.* Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741–1867. N.Y.: The Viking Press, 1965, 274 p.
29. *Blackwell W.L.* Rec. ad. op.: Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741–1867. N.Y.: The Viking Press, 1965. *The William and Mary Quarterly*. 1966, vol. 23, no. 2, pp. 347–349.
30. *Manning C.A.* Russian influence on early America. N.Y.: Library Publishers, 1953, 216 p.
31. *Kushner H.I.* Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 p. *The Journal of American History*. 1976, vol. 63, no. 1, pp. 139–140.
32. *Hinckly T.C.* Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 p. *Pacific Historical Review*. 1977, vol. 46, no. 2, pp. 299–300.
33. *Gibson J.R.* Why the Russians Sold Alaska. *The Wilson Quarterly*. 1979, vol. 3, no. 3, pp. 179–188.
34. *Haycox S.* Alaska: An American Colony. Seattle: University of Washington Press, 2002, 372 p.
35. *Farrow L.A.* Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase. Fairbanks: University of Alaska Press, 2016, 225 p.

Статья принята
редакцией 08.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170302
УДК 908(571.16)"180"

Е.В. КОМЛЕВА

ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XIX в. В «ЗАМЕЧАНИЯХ» В.С. ХВОСТОВА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются материалы рукописных «Замечаний» первого томского гражданского губернатора В.С. Хвостова, поданных в 1806 г. министру внутренних дел В.П. Кочубею и позволяющих судить о наиболее проблемных территориях новообразованной Томской губернии начала XIX в. Один из ключевых вопросов, затронутых В.С. Хвостовым, – характеристика северных районов губернии: Туруханского края и Нарыма. Особого внимания, по мнению автора, требовали такие аспекты, как управление этими отдаленными обширными территориями, снабжение местных жителей продовольствием, плачевное состояние северных городов, сбор ясака, положение русских поселенцев. Текст рассматриваемого источника в значительной степени дополняет известные ранее сведения об освоении северных областей Средней Сибири, свидетельствует об интересе к этому региону со стороны как местных, так и центральных властей. В качестве приложения публикуется фрагмент «Замечаний», посвященный переносу Нарыма на новое место.

Ключевые слова: В.С. Хвостов, север Томской губернии, Нарым, Туруханск, население, снабжение, управление, поселенцы, инородцы, ясак.

E.V. KOMLEVA

PROBLEMS OF TOMSK PROVINCE NORTHERN TERRITORIES IN THE EARLY XIX CENTURY IN THE “NOTICES” BY V.S. KHVOSTOV

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article is devoted to the analysis of “Notes” handwritten by V.S. Khvostov, the first civil governor of Tomsk province, represented in 1806 to the Minister of Internal Affairs V.P. Kochubei. The document allowed judging about the most problematic areas of the newly formed Tomsk province in the early XIX century. A key problem formulated by Khvostov was the characteristics of the province northern regions: Turukhansk district and Narym. The author of the “Notes” emphasized important aspects that, in opinion, required a special attention, such as the management of these vast remote territories, supplying local people with food, deplorable state of northern towns, collecting tribute, life of Russian settlers. V.S. Khvostov had not only stated the existing problems but also proposed some measures to solve them. In particular, he believed that Narym should be removed to a more convenient place, and Turukhansk had to be abolished at all, attaching the territory under its jurisdiction to the Yeniseisk district. Such radical proposals were not implemented, however, the author’s view had influenced the state policy in this area in some ways – the series of governmental orders taken during a number of subsequent years were indirect evidences of it. There are some reasons to believe that V. Khvostov’s proposals were well known to M.M. Speransky, but the question of the impact of the Tomsk governor’s “Note” on the reforms of 1820s requires further investigation. Along with the issues considered in the paper V. Khvostov proposed initiatives to develop the region as well: establishing industry, arranging horse plants, development of sheep breeding, opening schools for Siberian native peoples, cessation of exile to Siberia, constructing channels to link Siberian rivers. As a whole the “Notes” text completes the previously known information about the development of Central Siberia northern areas, indicates the interest of both local and central authorities to the region. The appendix has a fragment of “Notes” concerning shifting Narym to a new location.

Key words: V.S. Khvostov, Siberia, northern areas of Tomsk province, Narym, Turukhansk, population, supply, management, settlers, aboriginals, tribute.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.32П «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации».

Евгения Владиславовна Комлева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: feodal@history.nsc.ru.

Evgeniya V. Komleva – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

По выражению автора известных мемуаров первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигеля, «беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала», Сибирь же, «как медведь», сидела «у нее на привязи» [1, с. 110–111]. Доля горькой правды, проступающая в этих словах, бесспорно, смешивается с явным преувеличением. Занятость об освоении, изучении и развитии обширных зауральских просторов, включая наиболее труднодоступные северные территории, уже с конца XVI в. составляла одно из важнейших направлений внутренней политики русского правительства. Примером внимания властей к региону могут служить сохранившиеся в РГИА «Замечания» первого томского гражданского губернатора В.С. Хвостова, относящиеся к 1806 г. и посвященные характеристике негативных сторон в состоянии недавно образованной Томской губернии, а также содержащие предложения по устранению отмеченных недостатков¹. Отражающий методы работы и взгляды одного из ярких представителей сибирской администрации начала XIX в., данный источник содержит богатый материал, в том числе и о сибирском Севере, дает наглядное представление о наиболее актуальных задачах по его развитию и улучшению жизни местного населения в дореформенный период.

Василий Семенович Хвостов, с 1804 по 1808 г. занимавший пост томского гражданского губернатора, был деятельный и неравнодушный человек, что, в частности, видно из написанных им перед смертью воспоминаний, опубликованных в 1870 г. в «Русском архиве» [2]. Ф.Ф. Вигель считал В.С. Хвостова «достойным» чиновником «самых честных правил» и исполненным «человеколюбия» [1, с. 110]. В 1820 г. М.М. Сперанский, изучавший деятельность В.С. Хвостова и выдвинутые против него И.Б. Пестелем обвинения, «нашел, что Хвостов невинновен ... служил же он в Сибири с истинным усердием и бескорыстием, оставив по себе доброе имя и лучшие отзывы», «обозрел отдаленнейшие части губернии, где ни прежде, ни после него губернаторы не бывали» [3]. Действительно, В.С. Хвостов объехал всю вверенную ему губернию, знакомясь с делопроизводством на местах, подмечая детали повседневной жизни населения. Сам В.С. Хвостов писал, что на это «познание» он «употребил более 20 000 верст разъезда» [4, с. 5]. Результаты своих наблюдений он изложил в виде нескольких тематических очерков, которые в 1806 г. отвез в Санкт-Петербург и представил министру внутренних дел В.П. Кочубею, назвав свой труд в сопроводительном письме замечаниями «на те части ВЫСОЧАЙШЕ вверенной управлению моему губернии, коих неудобство нынешнего их положения наисущественнейше почитаю я к исправле-

нию нужным»². Переработанный текст «Замечаний» послужил основой для «Краткого описания Томской губернии» [5, с. 385], изданного в 1809 г. под другим названием [4].

Думается, не случайно первые 40 страниц своей работы автор отвел анализу ситуации в самой северной части губернии – Туруханском уезде. В рукописи упоминается также расположенный в северных широтах Нарым. Из текста видно, что будущее этих огромных, но малонаселенных (в 1804 г. в Туруханском уезде насчитывалось 4461, в Нарымском – 3194 душ муж. пола³) территорий, производивших «тяжелое впечатление» [7, с. 161–162], небезосновательно вызывало у губернатора, воочию увидевшего «всю суровую дикость» Севера⁴, самые серьезные опасения.

Позднее В.С. Хвостов отмечал, что «главным предметом сведений» для него были «сбор ясака, состояние кочующих и продовольствие края» [4, с. 35]. Именно эти моменты акцентируются в опубликованной в 1809 г. книге. Однако как в печатном, так и в построенном по несколько иному принципу первоначальном рукописном варианте затрагиваются и другие важные вопросы, касающиеся северных территорий губернии. Так, автор указывал на плачевное состояние некогда крупных торговых центров – Туруханска и Нарыма, которые на рубеже XVIII–XIX вв. были одними из самых северных городов Российской империи, отмечал трудности в снабжении их жителей продуктами питания и промышленными товарами. Посетив оба населенных пункта, губернатор лично убедился в том, что их содержание обременительно для казны, а условия быта местного населения крайне тяжелы и убоги. В конце XVIII в. в Нарыме насчитывалось 3 церкви, 148 жилых домов, 3 соляных магазина, 6 казенных торговых лавок, 11 купеческих лавок, винный магазин, провиантский магазин, 3 питейных дома, богадельня [8, с. 80]; число всех жителей составляло около 1000 чел. [9, с. 123]. В Туруханске в то время насчитывалось 99 дворов и проживало 346 душ муж. пола [5, с. 348].

Одна из главных проблем, по мнению В.С. Хвостова, заключалась в неудачном расположении Нарыма и Туруханска в болотистой местности с нездоровым климатом. На это не раз обращали внимание и другие современники. Например, в отчете о состоянии Нарымского края в начале XIX в. указывалось, что «от неблагоприятного климата происходит особенное развитие цинги: почти редкий житель не страдает ею. У ясачных присоединился к ней еще сифилис, ставший почти наследственным»⁵. В.П. Зинovieв приводит относящиеся к 1818 г. слова нарымского городничего Мыльников: «В большое наводне-

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

³ Костров Н.А. Открытие Томской губернии в 1804 году [6, с. 221].

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110. Л. 9 об.

⁵ Костров Н.А. Нарымский край шестьдесят лет тому назад [6, с. 253].

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110.

ние понимается⁶ почти весь город водою и не более как домов до 30 на сухом месте» [9, с. 126]. Становой пристав Томского округа А.Ф. Плотников в начале XX в. даже сравнил Нарым с Венецией, описывая передвижение жителей на лодках во время весеннего половодья [10, с. 129–130]. Не в лучших условиях располагался и Туруханск: «Окруженный низменными водопоемными местами летом от испарений, болот и застойных вод имеет воздух претягостной ... город довольствуется водою из озер, часто до того задохнувшихся, что жители принуждены пить воду не редко с червями»⁷.

Все вышеперечисленное, а также сложности транспортировки продуктов питания и промышленных изделий из расположенных южнее районов, вызывавшие дороговизну привозных товаров, требовали коренных изменений в судьбе обоих городов. Что касается Нарыма, то В.С. Хвостов предлагал его перенести, иначе «в немногие будущие годы место, городом занимаемое, существовать не будет»⁸. В.П. Зиновьев упоминает, что план переноса Нарыма «версты на две восточнее» обсуждался в 1833 г., когда «было даже ... запрещено строить новые дома на старом месте, но как-то эта идея забылась» [9, с. 130]. Как следует из рассматриваемой рукописи, впервые такое предложение высказал первый томский гражданский губернатор еще в самом начале XIX в. и даже провел опрос жителей города для выяснения их предпочтений⁹.

Туруханск В.С. Хвостов предлагал и вовсе «уничтожить и уезд одного, обратив в комиссарство, приписать к Енисейску», комиссарству же «быть при Троицком монастыре»¹⁰. В данном случае, помимо проблем с климатом и транспортировкой товаров, немаловажную роль играла и ситуация в управленческом аппарате края, когда «в течение около восьми лет человек десять чиновников в Туруханске было смещено и суду предано»¹¹. Особенно многочисленные злоупотребления были связаны с поставками казенного хлеба в Туруханский уезд и сбором ясака. В доказательство излишества «штатного уездного управления в краю Туруханском» автор приводил следующие факты: с 1797 по 1805 г. Туруханский уездный суд рассмотрел 13 уголовных и 26 «тяжебных» дел, Туруханский магистрат — одно уголовное и пять «тяжебных», однако при этом «следственные дела относительно выводимых на чиновников злоупотреблений столь занимали присутственные места, что они обременены были», а уездные жители «отягощались ... разъездами следователей, а иногда и привозом из отдаленных мест людей, к делу прикосновенных»¹².

Разбирательство по одному из таких дел, начатому в сентябре 1802 г., излагалось на 2300 листах, но так и не было доведено до конца¹³.

В пользу объединения Туруханского и Енисейского уездов говорило и то обстоятельство, что «разделением уездов Туруханского и Енисейского, коих взаимные отношения торговли неразрывны, положена преграда тем обоюдным выгодам, кои составляли преж сего благосостояние страны сей»¹⁴, уничтожив же «причину зависти и распрей, будут взаимные обоим сих краев выгоды общею пользою» [4, с. 34–35]. Отмечая зависимость Туруханска от Енисейска, В.С. Хвостов считал, что без енисейского купечества «туруханские жители существовать не могут»¹⁵. Приобретая у енисейских торговцев хлеб и другие нужные «для жизни человеческой ... вещи», жители Туруханского края запасались «тем на годичное житье» [11, с. 216–217, 232, 236]. По выражению В.В. Буланкова, енисейские купцы занимались «монопольной эксплуатацией пушных и рыбных богатств Севера», а сам Енисейск со второй половины XVIII в. «стал выступать, прежде всего, как “метрополия” по отношению к обширному промысловому Туруханско-Таймырскому региону» [12, с. 127].

Особое внимание В.С. Хвостов уделил проблеме сбора ясака с северных народов. В рукописи живописуются трудности, с которыми приходилось сталкиваться туруханским капитану-исправнику и заседателю при сборе ясака. Первый из них с ноября по апрель объезжал «на собаках и на оленях около 3000 верст, лишенный всякого покоя и пристанища, кроме зимовьев, которыми обыкновенно живут все жители сего уезда», второй же принужден был проводить всю зиму «в бедном, из одной хижины состоящем зимовье»¹⁶. При сборе ясака расследовались и уголовные преступления: «... земская полиция не имеет способа узнать о происшествиях в пространном сем уезде рассеянных жителей, как только единожды в году, когда земской чиновник отправится за сбором ясака, имея не ту цель, чтоб следовать дела, не внемлет он давно прошедшим, в настоящие вникнуть ему некогда»¹⁷.

Отмена в 1782 г. распространенной прежде практики «брать в аманаты из князцов и лучших людей» привела к тому, что «год от году накапливаться стала недоимка», а также «не редкие явились злоупотребления»¹⁸. В.С. Хвостов считал большим соблазном и поводом для злоупотреблений сбор ясака «натурою», едва ли приносивший «значительную пользу для казны», но стеснительный для ясачных [2, с. 604]. В «Замечаниях» он писал: «... ничто не препятствует сборщикам удерживать лучших зверей в свою пользу и ясак взнестъ деньгами или мало принося-

⁶ Согласно В.И. Далю, слово «понимать» употреблялось в значении покрывать разливом, заливать, наводнить, потоплять.

⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110. Л. 3 об.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 43–44 об.

¹⁰ Там же. Л. 9 об. – 10.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 8 об. – 9.

¹⁴ Там же. Л. 7 об.

¹⁵ Там же. Л. 13 об.

¹⁶ Там же. Л. 5–Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Л. 12.

щим пользы зверем»¹⁹. В качестве выхода из создавшегося положения автор предлагал назначить определенные места для сбора ясака, установить его точные размеры («с ясашных по обоим Тунгускам и обоим Инбатам, так же и с подгородных брать по хорошему соболу за два пуда муки и по пяти белок за пуд соли. С ясашных же и зимовщиков ниже Туруханска по Енисею и за тундрой, так же и с тазовских брать по песцу белому за пуд муки и по пяти белок за пуд соли»)²⁰; ввести квитанции, которые «сборщики должны давать князьям... но и от них в знак, что не сделано ясашным никакого притеснения и обид, брать свидетельства [с] приложением печати, кои на сей конец и раздать князьям»²¹; наконец, «возобновить брать аманатов от всех родов ясашных кочующих». Последняя мера позволила бы не только «заставить ясашных исправно вносить ясак», но и принести им «некоторое умягчение ... грубого жизни образа и обычаев». При этом наилучшим средством было бы «повелеть брать аманатами детей кочующих от 10-ти до 12-ти лет, переменяя их чрез два или три года», содержать их при Туруханском мужском монастыре, «научать читать и писать, с согласия ж родителей приуготовлять к принятию святого крещения учением закона Христианского»²². Надо сказать, что при Туруханском Свято-Троицком монастыре школа для детей северных народов была открыта еще в 1720-х гг. [13, с. 76–77]. В 1805 г. был издан указ «о наполнении» числа монастырских воспитанников «из ясашных сирот Туруханского края» [14, с. 223]. В.С. Хвостов лично содержал там «на пожизненном иждивении» пять сирот из тунгусов и остяков, за что был удостоен особой благодарности императора [4, с. 40–41].

В рассматриваемой рукописи характеризуется также положение русских поселенцев, направленных на жительство в северные районы Сибири. В начале XIX в. на территории Туруханского уезда их насчитывалось всего лишь 26 чел.²³, однако эти люди вместе с государственными крестьянами обеспечивали связь с отдаленными селениями, доставляя в них почту и проезжающих. Вот как В.С. Хвостов характеризовал жизнь туруханских поселенцев: «...Енисей тут делается большою дорогою, по коей учреждены станции. На каждой таковой поделаны зимовья посельщикам на поселение, по приговорам судебных мест осужденных. Без хлебопашества, без казенной помощи, одним рыбным промыслом, сии несчастные должны не токмо скудно питаться, но платить подушную подать и отправлять некоторую повинность, возя на собаках и летом на себе в лодке без платежа когда-либо прогонов, на что хотя б хлеб купить

могли»²⁴. Возможно, мнение В.С. Хвостова повлияло на принятие в 1811 г. указа о разрешении поселений в Туруханском крае «с пособиями от правительства ... для усиления поселения зимовьев по р. Енисею» и на мероприятия томских губернских властей по заселению дороги по берегу Енисея до Таза [14, с. 233, 235].

В целом составленные В.С. Хвостовым «Замечания» позволяют почерпнуть дополнительные сведения о состоянии северных районов Томской губернии в начале XIX в., выявить те проблемы, которые стояли перед местным населением и властями. Сформулированные автором предложения были рассмотрены в нескольких инстанциях, вплоть до императора, а сам автор был удостоен высочайшей благодарности «за попечение о вверенном ему крае» и награды – ордена Св. Владимира 3-й степени [2, с. 603]. Это, в частности, свидетельствует о том большом внимании, которое государственные власти уделяли освоению Сибири. Правда, большинство высказанных соображений не было претворено в жизнь – для принятия окончательного решения их направили сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю, представшему к В.С. Хвостову личное «нерасположение». В 1870-х гг. служивший долгое время в Енисейской губернии Н.А. Костров отмечал, что «ни одного из этих предложений» не сохранилось в Томском архиве, и «какой отзыв дал по ним генерал-губернатор, – тоже неизвестно» [3, с. 4]. Есть основания предполагать, что с предложениями В.С. Хвостова был хорошо знаком М.М. Сперанский, однако вопрос о влиянии «Замечаний» томского губернатора на реформы 1820-х гг. еще требует дополнительного изучения. Инициативы В.С. Хвостова не ограничивались лишь рассмотренными нами пунктами – состоя в должности губернатора, он представлял в правительство также соображения о заведении промышленности, устройстве конных заводов, развитии овцеводства, открытии школ для сибирских народов, прекращении ссылки в Сибирь, предлагал соединить каналами сибирские реки [2, с. 604–610; 15, с. 875].

Ниже приводится отрывок из «Замечаний» В.С. Хвостова, посвященный Нарыму, в котором рассматривается предложение автора о переносе города на новое место. Из текста видны общая неудовлетворенность жителей Нарыма ежегодным затоплением домов и согласие их с губернатором. В зависимости от социального положения и рода деятельности нарымчане предлагали три возможных варианта переезда, однако все они в той или иной степени были связаны с поддержкой казны и так и не были реализованы. При публикации орфография и синтаксис приведены в соответствие с современными нормами за исключением некоторых случаев, придающих тексту особый колорит («домы», «ярмонка»), верхний регистр опущен.

¹⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

²⁰ Там же. Л. 16 об.

²¹ Там же. Л. 18.

²² Там же. Л. 14 об.

²³ Там же. Л. 8 об.

²⁴ Там же. Л. 5 об. – 6.

л. 43 О городе Нарыме

Сего года в марте месяце, осмотрев город Нарым, удостоверился я в крайне стесненном его местоположении. Окруженный Обью и протоками реки Кети, кои в разлив каждогодно столь отрывают берега, что жители, коих дома или уже снесло водою, или находятся ныне тому ж подвержены, не имеют в городе места для построения. Короче сказать, что в немногие будущие годы место, городом занимаемое, существовать не будет. Сие заставило меня предложить письменно жителям, где изберут они себе удобнеее под город место сообразно их торга и промыслов.

л. 43 об. Вследствие чего нарымский городничий надворный советник Кошенец предоставил мне приговор общественной, в коем единогласно признаны причины невозможности, чтоб город // существовал на прежнем месте; в избрании же вновь одного мнения разделились на трое: первые пожелали перенестись в градской выгон, и сия часть общества состоит более из мещан, кои, в бедности смотря более на затруднение переноски изб своих на дальнейшее место, избирали выгон города; несмотря на удаление от хороших вод и на недовольную выгодность местоположения лесистого и к болотам близкого; вторые избирают урочище, называемое Каргасок, в 50-ти верстах ниже Нарыма. Сих – большая часть купцов, но и оных виды собственного интереса, ибо придерживаются близких к ним рыбных промыслов (доход втуне у казны пропадающий) и удобства сплавить дома вниз по Оби.

л. 44 Но поелику место сие низменно и водоемно и выгоном будет недостаточно, то едва ли город сей будет когда-либо в желаемом состоянии; третьи, числом всех меньшие, избрали село // Тогурское при Оби и Кети стоящее, имеющее ежегодную и нарочитую ярмонку, куда охотно съезжаются купцы томские и енисейские. При самом селе есть хороший отстой приходящим из Тобольска баркам с товарами, Кетью вверх отправляемыми до Енисейска, равно и нагрузка в оные товаров, из Кяхты на Макарьевскую ярмонку посылаемых. Местоположение села сего нарочито высокое и открытое, будучи 100 верст ближе к Томску, делает доставление хлеба малопахотному краю сему удобнее, сплав соли и вина ближе. Нарочито зажиточные крестьяне села Тогурского перейдут, без сомнения, в состояние мещанское.

л. 44 об. Сообразив все сие, полагаю я, чтоб город Нарым перевести в село сие, в коем ныне 37-мь домов и каменная нарочитая церковь, начав построением присутственных мест и несколько домов чиновникам от казны с тем, чтоб, занимая оные, платили они проценты // с капитала, во что дом стоить будет, или, буде кто пожелает, то, заплатя вдруг или в сроки всю сумму, может иметь дом собственным. Впрочем, ежели исхочется Монаршая милость пожалованием на несколько лет без процентов суммы на вспоможение тем, кои на сие новое место переселиться пожелают, то, без всякого сомнения, лет в пять мало останется жителей в прежнем Нарыме.

Неимение в виду надежды на вспоможение от казны и трудность собственным бедным состоянием перейти на другое место, едва ли не главная причина не всеобщего выбора места при селе Тогурском.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 110. Л. 43–44 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. 327 с.
2. Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. 1870. С. 551–610.
3. Костров Н.А. Томский губернатор Василий Семенович Хвостов (1803–1808 гг.) // Томские губ. ведомости. 1871. № 30 (31 июля). С. 4–5.
4. Хвостов В.С. О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги, до Иркутской границы. СПб., 1809. 107 с.
5. Быконя Г.Ф. Избранные труды. Красноярск, 2015. Т. 1: Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 390 с.
6. Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск, 1871. 286 с.
7. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016. 888 с.
8. Резун Д.Я., Зиновьев В.П. Нарым // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 80.
9. Зиновьев В.П. За штатом (г. Нарым в XIX – начале XX в.) // Земля Парабельская: сб. науч.-попул. очерков к 400-летию Нарыма. Томск, 1996. С. 121–153.
10. Плотников А.Ф. Нарымский край. Историко-статистический очерк // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1901. Т. X, вып. I. 388 с.
11. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 321 с.

12. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск, 1999. 216 с.
13. Игумен Агафангел (Дайнеко). Свято-Троицкий Туруханский монастырь. 350 лет служения. М., 2010. 208 с.
14. Щеголов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. 463 с.
15. Дмитриенко Н.М. Хвостов Василий Семенович // Энциклопедия Томской области. Томск, 2009. Т. 2. С. 874–875.

REFERENCES

1. Vigel' F. F. Notes. Moscow, 2000, 327 p. (In Russ.)
2. Vasily Semenovich Khvostov's notes. *Russkii arkhiv*. 1870, pp. 551–610. (In Russ.)
3. Kostrov N. Tomsk governor Vasily Semenovich Khvostov (1803–1808). *Tomskie gubernskie vedomosti*. 1871, no. 30 (31 July), pp. 4–5. (In Russ.)
4. Khvostov V.S. On Tomsk province and population of the great Siberian road to Irkutsk border. St. Petersburg, 1809, 107 p. (In Russ.)
5. Bykonya G.F. Selected works. Krasnoyarsk, 2015, vol. 1: Russian colonization of the Yenisei region in the XVIII century, 390 p. (In Russ.)
6. Memorial book of Tomsk province for 1871. Tomsk, 1871, 286 p. (In Russ.)
7. Kytmanov A.I. Brief chronicle of Yenisei uезд and Turukhansk territory of Yenisei province. 1594–1893. Krasnoyarsk, 2016, 888 p. (In Russ.)

8. Rezun D.Ya., Zinoviev V.P. Narym. *Entzyklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, p. 80. (In Russ.)

9. Zinoviev V.P. Outside (Narym town in the XIX – early XX centuries). *Zemlya parabel'skaya: sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 400-letiyu Naryma*. Tomsk, 1996, pp. 121–153. (In Russ.)

10. Plotnikov A.F. Narym territory. A historic-statistical essay. *Zapiski IRGO po otdeleniyu statistiki*. St. Petersburg, 1901, vol. X, issue 1, 388 p. (In Russ.)

11. Description of the Tobolsk province. Novosibirsk, 1982, 321 p. (In Russ.)

12. Bulankov V.V., Shumov K.Yu. Yeniseisk. Essays on the town history and development. Krasnoyarsk, 1999, 216 p. (In Russ.)

13. Hegumen Agafangel (Daineko). Holy Trinity Turukhansk monastery. 350 years of service. Moscow, 2010, 208 p. (In Russ.)

14. Shcheglov I.V. A chronological list of the most important data in the history of Siberia: 1032–1882. Surgut, 1993, 463 p. (In Russ.)

15. Dmitrienko N.M. Khvostov Vasily Semenovich. *Entsyklopediya Tomskoy oblasti*. Tomsk, 2009, vol. 2, pp. 874–875. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 08.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170303
УДК 902/908, 327

Е.И. КОЧКИНА, А.С. ВДОВИН

**«...ПОД ПЫЛАЮЩИМ СЕВЕРНЫМ СИЯНИЕМ»:
ИНОСТРАННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.***

Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
РФ, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

В статье представлена роль зарубежных ученых и путешественников в изучении Енисейского Севера. Их работы внесли значительный вклад в исследование и развитие данной территории, в том числе Северного морского пути. Выделяется ряд зарубежных ученых, представляющих разные области знания: это специалисты с мировым именем – Н. Норденшельд, Д. Виггинс, Г. Сибом, Ф. Нансен, К. Доннер и другие, отправившиеся «покорять» Сибирь. Результаты их деятельности способствовали налаживанию международных научных коммуникаций и межкультурного обмена, распространению историко-культурного наследия Приенисейской Сибири за рубежом и стали стимулом для изучения региона отечественными учеными. Исследования иностранных экспедиций по этнографии, археологии, истории, лингвистике, естественнонаучным дисциплинам являются главными источниками для изучения Сибири для зарубежной научной общественности, а путевые заметки «открыли» этот регион для широкого круга читателей и не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Ключевые слова: Енисейский Север, экспедиции, международные научные коммуникации, зарубежные исследователи, Северный морской путь.

E.I. KOCHKINA, A.S. VDOVIN

**«... BENEATH THE FLAMING NORTHERN LIGHTS»:
FOREIGN RESEARCHERS OF THE YENISEI NORTH
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
(KSPU named after V.P. Astafiev),
89, Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

The article analyzes the contribution of foreign researchers in studying the Yenisei North; characterizes directions and tendencies in their studies. The presented data allow confirming the significant influence of foreign expeditions on the scientific study of the region within frameworks of different disciplines: geography, geology, botany, zoology, ornithology, meteorology, linguistics, ethnography, history, archeology, anthropology, paleontology, and others. Source study and cartographical analyses to identify specific personalities and their routes are carried out. N. Nordenskiöld, J. Wiggins, H. Seebohm, A. Popham, J. Stadling, S. Patursson, G. Wright, F. Nansen, K. Donner, O. Olsen, M. Czaplicka, F. Dus, H. Findeisen are among the famous researchers connected with the North. The dependence of their works in work on political, economic, social and cultural development of Russia is traced. Foreign scientists and the results of their work have become a stimulus for the development of local science, prompted Russian scientists and scientific societies on a number of expeditions including the study of the Turukhansk region by Krasnoyarsk subdivision of the Russian Geographical Society. Works of foreigners in Siberia are characterized not only by collecting scientific information, but exporting a large number of collections, of

*Статья подготовлена при финансовой поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» и РФФИ, проект № 16-11-24009 а(р) «Туруханский край: освоение и изучение в конце XVIII – начале XX в.»

Елена Игоревна Кочкина – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: lena.k.elena@mail.ru.

Александр Сергеевич Вдовин – канд. ист. наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: vdovin2002@bk.ru.

Elena I. Kochkina – postgraduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.

Alexandr S. Vdovin – Candidate of Historical Sciences, professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.

natural and historical and cultural character, the most significant in terms of the region development. Further these collections have replenished the museums of England, Sweden, Denmark, Norway, Finland, Germany, the United States of America and other countries. The authors conclude that the majority of foreign scientists established contacts with the local scientific community facilitating their study. Later, these links formed subsequent development of international scientific communication.

Key words: Yenisei North, expeditions, international scientific communications, foreign researchers, Northern Sea Route.

Во второй половине XIX – начале XX в. в процессе изменения вектора экономического развития российское правительство обращает внимание на восточную часть империи. Этому способствовали экономические и геополитические интересы России. Особое внимание уделялось северным территориям, которые были также объектом внимания зарубежных стран. Поэтому изучение Сибири и ее северной части носило не только научный характер, оно становилось своеобразным инструментом в конкуренции за контроль над природными богатствами. По мнению Л.Б. Ус, «главная причина роста интереса к Сибири – это ее геополитическая роль в истории не только России, но и мира. Сибирь становится краем, призванным сблизить Европу и Азию» [1, с. 6].

Во второй половине XIX в. российские правительство и общество признавали приоритетными задачами изучение и освоение Северного морского пути и арктических территорий. Исследования в данной области способствовали географическим открытиям, изучению флоры и фауны Севера, причем этнографические, антропологические и лингвистические наблюдения зарубежных ученых во многом дополняли работы отечественных ученых [1, с. 49–50]. Тем не менее большинство научных результатов иностранных экспедиций в России остаются малоизвестными, восполнить этот пробел в изучении международных научных коммуникаций – задача настоящей публикации.

Е.Г. Водичев считает, что «научная коммуникация обусловлена внутренней логикой развития науки, является закономерностью научного производства и необходимым условием создания нового знания» [2, с. 175]. В поисках нового знания в Сибирь, как «страну» далекую и чуждую, а поэтому неизвестную, во второй половине XIX – начале XX вв. прибывали ученые иностранные экспедиции. Определенный интерес вызывает их деятельность на севере Енисейской губернии, который представлял собой своеобразные «ворота в Сибирь».

Шведский геолог и полярник Нильс Норденшельд (Nils Adolf Erik Nordenskiöld, 1832–1901) известен как исследователь Арктики, совершивший в 1875 г. полярную экспедицию до устья Енисея. В задачи его плавания вошли астрономические, метеорологические наблюдения, топографические и гидрографические работы, зоологические, ботанические и геологические сборы коллекций. В этой работе приняли участие шведские ученые – ботаники А. Лунгстрем (A.N. Lundström) и Ф.Р. Чельман (Kjellmann), зоологи А.И. Стуксберг и Г. Тэль (H. Theel). В конце летнего сезона экспедиция разделилась на две части, продол-

жив наблюдения и сборы морским и сухопутным путем [3, с. 83].

Шведская экспедиция на Енисей 1876 г. была изначально разделена на две группы. Одна группа вела исследование водного пути под руководством Н. Норденшельда, другая группа, во главе с профессором Упсальского университета Г. Тэлем, двигалась ей навстречу через Енисейск. В последнюю группу вошли зоолог Ф. Трибом, бриолог Г.В. Арнель (H. Wilh. Arnell), финский зоолог И. Сальберг (J. Sahlberg), профессор естественных наук М. Бреннер (Magnus Brenner) [4, с. 76–77]. Исследования начались в июне с экскурсий в районе Красноярска, затем в окрестностях Енисейска, вдоль Нижней Тунгуски, в Туруханске, Игарском, Плахине, Вершининском, Дудинке. Экспедицией были проведены комплексные естественнонаучные исследования, а также этнографические наблюдения. Было собрано более 700 видов растений, гербарии которых хранятся в Стокгольмском и Хельсинкском университетах [3, с. 4, 12; 4].

В Туруханске содействие экспедиции Г. Тэля оказал английский (или датский) судостроитель П.А. Бойлинг, занимавшийся вопросами освоения Северного морского пути [4, с. 81]. Самого Бойлинга, который в 1850–1860-х гг. входил в купечество Томска, Енисейска и Ачинска, интересовали енисейские древности. Он составил крупную археологическую коллекцию из 500–800 предметов [5, с. 113]. Красноярский купец И.Г. Гадалов приобрел эту коллекцию и передал часть собрания в дар археологическому музею Томского университета, а часть материалов – в Минусинский музей, тем самым не позволив вывезти ее за границу [6, с. 75].

В истории освоения Северного морского пути особое место занимает английский мореплаватель Джозеф Виггинс (Joseph Wiggins, 1832–1905), который в 1876 г. достиг Карского моря, открыв морской путь к устьям сибирских рек [7, с. 347]. На следующий год Д. Виггинс сухопутным путем прибыл в Туруханск, откуда надеялся на пароходе через устье Енисея вернуться в Англию. К его экспедиции присоединился английский орнитолог Генри Сибом (Henry Seebohm, 1832 – 1895), отправившийся на север для изучения арктических птиц в нижнем течении Енисея [8, р. 26]. Экспедиция двигалась вдоль Енисея от Красноярска до Гольчихи и обратно тем же путем, так как пароход Д. Виггинса «Темза» сел на мель. Попытки освободить судно не увенчались успехом [8, р. 360]. Экспедиция шла не по плану, и с орнитологической точки зрения поездка была неудачной, как отметил Г. Сибом. Ученый дал описание встреченных видов сибирских птиц, сравнив их с видами Западной Европы. Орнитологический материал, а также коллекции по этнографии и ар-

хеологии благодаря Г. Сибому пополнили Британский музей [9, с. 152].

В 1890-е гг. исследования Г. Сибоба повторил член Клуба британских орнитологов Александр Хью Лейборн Попхэм (Alexander Hugh Leyborne Popham) [10, р. 26], который совершил три экспедиции на Енисейский Север. Как отмечает орнитолог Мауд Хавиланд, экспедиции Х.Л. Попхэма были более успешными, чем поездка Г. Сибоба [11, р. 2]. Х.Л. Попхэм посвятил своим исследованиям на Енисее несколько публикаций в орнитологическом журнале «Ибис».

Интересные заметки о путешествии по Сибири оставил шведский ботаник Джонас Стадлинг (Jonas Jonsson Stadling, 1847–1935), который в 1898 г. совершил поездку на Северный полюс для поиска экспедиции Андре. Экспедиция Стадлинга по поручению Шведского географического общества сначала прибыла в Иркутск, откуда через устье р. Лены добралась до Таймыра, исследуя сибирскую береговую линию [12, р. VII]. Обратная экспедиция поднялась по Енисею до Красноярска. В работе «Через Сибирь» Стадлинг дал описание коренных народов, их занятий, культов и обычаев, охарактеризовал местную фауну, значение морского пути в Сибирь. Отмечая все трудности столь опасного путешествия, Д. Стадлинг с оптимизмом смотрел на происходящее: «Но, с другой стороны, ночное путешествие на хорошем северном олене, под пылающим северным сиянием и с неопишуемым обаянием крайнего севера, дает ощущение непередаваемой радости, неизвестной цивилизованной жизни» [12, р. 238].

Интересные, с научной точки зрения, труды и заметки о Сибири принадлежат датскому исследователю Сигурду Патурссону (Siggert Patursson, 1869–1931), который совершил поездку от Красноярска до Карского моря, ставшую завершающей в его шестилетнем путешествии по миру. В 1889 г. этнографические наблюдения коренных народов Енисейского Севера были одной из главных задач путешественника. Итогом его поездки в Сибирь стала книга «Сибирь сегодня» (1901), а также ряд очерков, в том числе «Очерки жизни самоедов». С. Патурссон поддерживал идею развития Северного морского пути. Во время путешествия он испытал этот маршрут, отправившись британским пароходом «Lorna Doone» в Европу. Он верил в будущее регулярной морской коммерческой связи между Сибирью и Европой: «Экспорт дешевых зерновых (пшеница, рожь) из Сибири, как и как крупного рогатого скота, будет значительно повышен за счет использования Северного морского пути... Северная Сибирь является отличным местом для строительства фабрик, целлюлозных заводов, рыболовецких и охотничьих станций и других промыслов» [13, р. 385].

На рубеже XIX–XX вв. международные научные коммуникации региона заметно активизировались. Это было связано с развитием экономики, инфраструктуры, науки и культуры в регионе. Енисейская губерния являлась участником международных и всемирных выставок. Славу ее представителям принесли Фила-

дельфийская (1876), Чикагская (1893 г.) и Парижская (1900 г.) всемирные выставки, на которых наряду с достижениями разных отраслей производства были представлены образцы природных богатств и предметы культуры коренного населения, в том числе народов Енисейского Севера [14]. Образцы на этих выставках привлекли внимание иностранцев к проблемам и особенностям севера Енисейской губернии.

В 1901 г. американский геолог Джордж Фредерик Райт (George Frederick Wright, 1838–1921) предпринял поездку в Сибирь. В работе «Азиатская Россия» он представил описание климата и геологии края, дал характеристику Енисея, его бассейна и притоков, уделил особое внимание истории покорения и колонизации Сибири, рассмотрел целесообразность использования Северного морского пути, представил описание северных народов [15, р. 261].

В начале XX в. в Енисейской губернии вопросами развития судоходства и освоения Северного морского пути занимался предприниматель, директор «Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли» Йонас Лид (Jonas Lied, 1881–1969) [16]. Всемирно известным стало организованное им в 1913 г. плавание вдоль берегов Северного Ледовитого океана к Енисею, в котором принял участие полярный исследователь Фритьоф Нансен (Fridtjof Nansen, 1861–1930). Основные результаты путешествия Ф. Нансен изложил на основе путевых заметок географического и этнографического характера в книге «В страну будущего» [17]. Он также написал статью для географического журнала, где представил план северного судоходства, выполняющего торговые и научные функции.

В начале XX в. крупный вклад в изучение коренного населения Сибири внес финский лингвист и этнограф Кай Доннер (Kai Donner, 1888–1935) [18]. Следует также упомянуть и его отца – Отто Доннера (Otto Donner, 1835–1909), который был лингвистом, а в 1883 г. совершил экспедицию в Сибирь, способствуя сибиреведческим интересам сына [19, с. 162]. В этот период среди финской и венгерской научной общности была популярна гипотеза М.А. Кастрена об общем происхождении финно-угорских и самодийских народов, поэтому исследование их языков играло важную роль в поисках прародины финнов и венгров.

Сибирская экспедиция К. Доннера состоялась в 1911–1913 гг. Он провел на севере осень и зиму 1912 г. От Оби по Енисею он добрался до Дудинки, где исследовал селькупский, кетский, энецкий и нганасанский языки, занимался сбором этнографического и археологического материала [20, с. 84].

Вторая экспедиция ученого относится к 1914 г. В планы К. Доннера входило изучение камасинцев, а также продолжение работы по энцам и нганасанам. Но ему не удалось достичь Таймыра, так как в научные планы вмешалась Первая мировая война, и К. Доннер вынужден был вскоре покинуть Сибирь. В работе «У самоедов в Сибири» им описаны бытовой уклад и религиозные верования коренных народов, дана ха-

рактеристика сибирских населенных пунктов и нравов русского населения [19].

В связи с режимом военного времени русское правительство запретило иностранцам проводить полевые работы. Это отразилось и на исследованиях в Сибири норвежского зоолога Эрьяна (Орьяна) Олсена (Ørjan Olsen). Ученый считал Скандинавский полуостров и Сибирь похожими по климатическим условиям, а также придерживался гипотезы миграции древних азиатских племен на запад. В экспедиции приняли участие норвежские ученые: ботаник Хенрик Принтц (Henrik Printz), геолог Андерс К. Олсен (Anders K. Olsen), зоолог и фотограф Фритц Енсен (Fritz Jensen). Их пребывание в 1914 г. в Енисейской губернии стало частью путешествия из Осло в Монголию. Ученые планировали осуществить в 1914–1915 гг. две экспедиции – в Хакасско-Минусинскую котловину и на Енисейский Север для изучения коренных народов, а затем вернуться в Норвегию через Карское море [21]. Но воплощению планов, связанных со второй экспедицией, помешала война.

В это же время на севере Енисейской губернии по заданию Оксфордского университета проводила исследования Мария Чаплицка (Marie Antoinette Czaplicka, 1886–1921) – английский этнограф польского происхождения, руководитель экспедиции. Предметом ее научных интересов были аборигенные народы сибирского севера, которым она посвятила монографию «Aboriginal Siberia. A Study in Social Anthropology» [22]. Членами ее экспедиции были орнитолог Мауд Хавиланд (Maud Doria Haviland, 1889–1941) из Национального музея естественной истории в Лондоне, американская художница и путешественница Дора Кертис (Dora Curtis) и антрополог Музея Пенсильванского университета Генри Ашер Холл (Henry Usher Hall, 1876–1944) [23].

Изучение коренных народов Енисейского бассейна проводилось от Красноярска до Гольчихи. С июня по сентябрь 1914 г. исследователи делали антропологические измерения, этнографические наблюдения и сборы. Накануне Первой мировой войны М. Хавиланд и Д. Кертис вернулись в Англию через Карское море [11, р. 260], а М. Чаплицка и Г. Холл продолжили путешествие из с. Монастырское до Есеев, где находились с сентября 1914 г. по апрель 1915 г. Результатами их сборов стали коллекции: азиатская – по этнографии и ботаническая, представленная гербарием. С целью антропологического изучения было произведено около 600 измерений взрослого населения [20, с. 88–89]. М. Чаплицка подготовила путевые заметки «My Siberian Year», а результаты исследований опубликовала в работах: «Влияние окружающей среды на религиозные идеи и практику аборигенов Северной Азии» (1914), «Племена Енисея. Оксфордская экспедиция» (1915), «Сибирь и сибиряки» (1916), «На тропе тунгусов» (1917).

Мауд Хавиланд издала тревзлог «Лето на Енисее (1914)», в котором наряду с путевыми заметками, представляла характеристику орнитологических исследо-

ваний Енисейского Севера, рассмотрела проблему колонизации, заключив, что Россия – «страна огромных возможностей и грубых парадоксов, самого деспотичного правительства с самым демократичным обществом в мире» [11, р. 260].

Таким образом, начавшаяся Первая мировая война и последующие политические события в России прервали работу большинства иностранных экспедиций. С одной стороны, зарубежные исследователи не допускались в Россию, а с другой – европейские ученые прибывали в Енисейскую губернию в качестве военнопленных. Здесь некоторые из них нашли поддержку в Красноярском музее. Так, среди оказавшихся в губернии военнопленных немцев, чехов, австрийцев, венгров было много образованных людей, представителей различных областей науки. В июле 1917 г. из Красноярского лагеря военнопленных в музей «под охраной солдата приходили пленные офицеры: Др. Кёнил (полярный исследователь), агроном, инженер (горный), ботаник и художник...»¹.

В последующие годы среди привлеченных к работе в музее изучением севера Енисейской губернии занимался венгр Франц Францевич Душ (Ferenc Dus, 1888–1945) – антрополог Будапештского университета. В марте 1921 г. Ф. Душ совершил экспедицию в Туроханский край на Подкаменную Тунгуску и Нижний Енисей для антропологических измерений и исследований коренного населения².

Последнюю экспедицию на север региона, перед разрывом международных научных контактов, осуществил немецкий этнограф Ханс Финдайзен (Hans Findeisen, 1903–1968). В 1927–1928 гг. он проводил исследования кетов и на заседании коллегии Красноярского музея выступил с докладом «О поездке к енисейским осякам» [24, с. 58].

Так закончилась целая эпоха исследований зарубежных ученых на Енисейском Севере. В последующие годы участники этих экспедиций занимались обработкой собранных материалов, готовили публикации, которые впоследствии были включены в систему международного книжного обмена с местными исследователями и научными учреждениями. Оставленное ими наследие, посвященное истории Енисейского Севера, бесценно. Труды и коллекции многих зарубежных исследователей не потеряли своей актуальности. Для западных ученых они стали энциклопедиями по изучению Сибирского Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ус Л.Б. Международные научные связи Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2005. 240 с.
2. Водичев Е.Г. Международное сотрудничество Сибирского отделения АН СССР: развитие форм связей // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988. С. 174–190.
3. Бородин И. Коллекторы и коллекционеры по флоре Сибири. СПб., 1908. 245 с.

¹ НА КККМ. Оп. 1. Д. 354. Л. 39.

² ГАКК Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.

4. Гончаров А.Е. О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // Известия Том. политехн. ун-та. 2014. Т. 324, № 6. С. 74–88.
5. Вдовин А.С., Комлева Е.В. Роль купцов в развитии сибирской археологии (XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 3. С. 111–116.
6. Вдовин А.С., Дзвлет М.А., Кузьминых С.В. Коллекционирование древностей Енисея как социально-культурный феномен // Очерки истории отечественной археологии. М.: Ин-т археологии РАН, 2015. С. 64–98.
7. Гончаров А.Е. К вопросу о начале англо-русской торговли по Северному морскому пути в конце XIX в. // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. № 2. С. 344–350.
8. Seebohm H. Siberia in Asia: a visit to the valley of the Yenesei, in East Siberia. London, 1882. 360 p.
9. Зибом (Seebohm) Генри (1832–1895) // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. С. 152.
10. Bulletin of British ornithologists club edited by cart. C.H. Grant. L., 1936. Vol. LVI: Session 1935–1936. 198 p.
11. Haviland M.D. A summer on the Yenesei (1914). L., 1915. 328 p.
12. Stadling J. Through Siberia. Westminster, 1901. 349 p.
13. Patursson S.O. Sibirien I Vore Dage. København, 1901. 414 p.
14. Кочкина Е.И. Из истории участия Енисейской губернии во Всемирных выставках // Мартыановские краеведческие чтения (2014–2015 гг.). Минусинск, 2016. Вып. 9. С. 139–142.
15. Wright G.F. Asiatic Russia. N.Y., 1902. 372 p.
16. Быконя Г.Ф. Потомственный почетный гражданин Российской империи (Йонас (Юнас) Лид в Сибири (1910–1919 г.) // Енисейская провинция: Альманах. Красноярск, 2006. Вып. 2. С. 24–32.
17. Нансен Ф. В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / пер. А. и П. Ганзен. Пг., 1915. 561 с.
18. Louheranta O. Siperiaa sanoiksi – Urallaisuutta teoiksi. Kai Donner poliittisena organisaattorina sekä tiedemiehenä antropologian näkökulmasta / Research Series in Anthropology. Helsinki, 2006. 432 p.
19. Доннер К. У самоедов Сибири / пер. с нем. А.В. Байдак. Томск, 2008. 176 с.
20. Кочкина Е.И., Вдовин А.С. «В страну будущего»: из истории изучения севера Енисейской губернии зарубежными исследователями в начале XX в. // Енисейский Север: история и современность. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2016. Вып. 2. С. 83–97.
21. Olsen Ø. Til Jeniseis kilder; den Norske Sibirieskspeditions reise. Kristiania, 1914. 412 p.
22. Czaplicka M. A. Aboriginal Siberia. A Study in Social Anthropology, at the Clarendon Press, Oxford, 1914. 430 p.
23. Кочкина Е. И. Международные связи Красноярского музея 1889–1930 гг.: археология и этнография // Материалы LV Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых / отв. ред. Г.И. Медведев, Е.А. Липнина. Иркутск, 2015. С. 23–25.
24. Детлова Е.В. Геро Мергарт и Ганс Финдайзен: к истории международных научных связей Красноярского краеведческого музея // Урал. ист. вестник. 2016. № 4. С. 53–61.
3. Borodin I. Pickers and collectors of the flora of Siberia. St. Petersburg, 1908, 245 p. (In Russ.)
4. Goncharov A.E. The Swedish expedition to the Yenisei river in 1876. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2014, vol. 324, no. 6, pp. 74–88. (In Russ.)
5. Vdovin A.S., Komleva E.V. The role of merchants in development of Siberian archaeology (XIX – early XX centuries). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2015, vol. 22, no. 3, pp. 111–116. (In Russ.)
6. Vdovin A.S., Devlet M.A., Kuzminykh S.V. Collecting Yenisei antiques as a socio-cultural phenomenon. *Ocherki istorii otechestvennoi arkhologii*. Moscow, 2015, pp. 64–98. (In Russ.)
7. Goncharov A.E. On the issue of English-Russian trade early on the Northern Sea Route at the end of the XIX century. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 2012, no. 2, pp. 344–350. (In Russ.)
8. Seebohm H. Siberia in Asia: a visit to the valley of the Yenesei in East Siberia. London, 1882, 360 p.
9. Seebohm Henry (1832–1895). *Sibirskaia sovetskaia entsyklopediya*. Novosibirsk, 1931, vol. 2, p. 152. (In Russ.)
10. Bulletin of British ornithologists club. Ed. C.H. Grant. L., 1936, vol. 56: Session 1935–1936, 198 p.
11. Haviland M.D. A summer on the Yenesei (1914). L., 1915, 328 p.
12. Stadling J. Through Siberia. Westminster, 1901, 349 p.
13. Patursson S.O. Siberia in our days. Copenhagen, 1901, 414 p. (In Dan.)
14. Kochkina E.I. From the history of the Yenisei province participation in the World Exhibition. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniia (2014–2015)*. Minusinsk, 2016, vol. 9, pp. 139–142. (In Russ.)
15. Wright G.F. Asiatic Russia. N.Y., 1902, 372 p.
16. Bykonya G.F. Hereditary honorary citizen of the Russian Empire (Jonas (Yunas) Lead in Siberia (1910–1919). *Eniseiskaya provintsyya: al'manakh*. Krasnoyarsk, 2006, vol. 2, pp. 24–32. (In Russ.)
17. Nansen F. In the future of the country. The great northern route from Europe to Siberia through the Kara Sea. Transl. by A. & P. Ganzen. Petrograd, 1915, 561 p. (In Russ.)
18. Louheranta O. Siperiaa sanoiksi – Urallaisuutta teoiksi. Kai Donner poliittisena organisaattorina sekä tiedemiehenä antropologian näkökulmasta. *Research Series in Anthropology*. Helsinki, 2006, 432 p. (In Fin.)
19. Donner K. In Siberian Samoyeds. Transl. by A.V. Baidak. Tomsk, 2008, 176 p. (In Russ.)
20. Kochkina E.I., Vdovin A.S. “In the country of the future”: the history of studying the North Yenisei province by foreign researchers in the early XX century. *Eniseiskii Sever: istoriya i sovremennost'*. Krasnoyarsk, 2016, vol. 2, pp. 83–97. (In Russ.)
21. Olsen O. Til Jeniseis kilder; den Norske Sibirieskspeditions reise. Christiania, 1914, 412 p. (In Norw.)
22. Czaplicka M. A. Aboriginal Siberia. A study in social anthropology. Oxford: Clarendon Press, 1914, 430 p.
23. Kochkina E. I. Krasnoyarsk Museum international relations in 1889–1930: archaeology and ethnography. *Materialy LV Rossiiskoi arkhologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Irkutsk, 2015, pp. 23–25. (In Russ.)
24. Detlova E.V. Gero von Merhart and Hans Findeisen: the History of international academies of Krasnoyarsk Regional History Museum. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2016, no. 4, pp. 53–61. (In Russ.)

REFERENCES

1. Us L.B. International scientific relations of Siberia (the late XIX – early XX centuries). Novosibirsk, 2005, 240 p. (In Russ.)
2. Vodichev E.G. International cooperation of the Siberian Branch of the USSR: communication forms development. *Formy organizatsii nauki v Sibiri. Istoricheskii aspekt*. Novosibirsk, 1988, pp. 174–190. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 08.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170304
УДК 351.813.1:908(98:470) "1920/1929"

А.И.ТИМОШЕНКО

СОВЕТСКАЯ СТРАТЕГИЯ В АРКТИКЕ (1920-е гг.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье сделана попытка обозначить особенности государственного управления российской Арктикой в 1920-е гг. Природно-климатические условия северных высоких широт и геополитические обстоятельства того времени требовали использования мобилизационных методов для организации плаваний по Северному морскому пути и поддержки развития экономики арктических районов. Автор поэтапно рассматривает подходы советской власти к организации разнообразной деятельности в Арктике, показывает эволюцию процессов, связанных с освоением арктических территорий и акваторий. В статье делается вывод о том, что применение мобилизационных методов являлось адекватной мерой, соответствующей вызову времени.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, Карские экспедиции, мобилизационные методы, государственное управление, Сибкрайисполком, Комитет Северного морского пути.

A.I. TIMOSHENKO

SOVIET STRATEGY IN THE ARCTIC (1920s)

Institute of History SB RAS
8, A. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article objective is to identify main problems related to the specifics of state management of the Russian Arctic in the 1920s. The research is necessary for revealing historical experience of the Russian Arctic and the Northern Sea Route development. The central place in formulating research tasks belongs to the analysis of mobilization methods used by the Soviet leadership to solve both economic and geopolitical tasks in the Russian Arctic zone. The article notes that the 1920s became the period of forming the centralized state administration in the USSR. The paper problematic field includes studying the essence of mobilization methods of the Russian Arctic administration and forming the system of national economic planning in the country including the Arctic territories. The author pays much attention to the continuity of the Russian state policy in the Arctic as a significant territory for effective national development.

The article focuses on the events of the Soviet period initial stage, when Russia's Arctic strategy already identified some prospects for the Russian North development. To solve this task, plans were outlined to develop transport communications, to build ports and industrial enterprises, as well as settlements. This task difficult for solving in high latitudes in the Soviet state administration was intended to be implemented step-by-step at first in the framework of activities of the Northern Sea Route Committee, organized according to the Soviet principles, and then of JSC "Komseverput" operating under the state patronage. The research concluded that using mobilization methods based on the centralized state administration in the USSR in the 1920s prepared a breakthrough development of the Arctic and the Northern Sea Route in subsequent years.

Key words: Arctic, Northern sea route, Kara expeditions, mobilization methods, governance, Subkraiispolkom, Northern Sea Route Committee.

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», проект №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Альбина Ивановна Тимошенко – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: timoshenkoai@ngs.ru.

Albina I. Timoshenko – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

Освоение Арктики и Северного морского пути (СМП) советское правительство с самого начала своего существования считало важнейшей задачей, решение которой было необходимо как для развития экономики, так и для укрепления военно-стратегического положения государства на северных границах. Для этих целей уже в 1920-е гг. использовались мобилизационные методы различного характера. В годы иностранной интервенции и Гражданской войны, которая в северных районах продолжалась достаточно долго, советское правительство активно использовало военно-политические меры в решении как транспортно-экономических, так и геополитических проблем. В пароходствах, связанных с транспортировкой по Северному морскому пути, в начале 1920-х гг. был создан институт комиссаров, которые действовали через политотделы, организованные по типу армейских политических органов. Политотделы стремились поддерживать на кораблях строжайшую дисциплину с помощью руководителей всех уровней. Они были уполномочены вмешиваться во все производственные дела транспортных предприятий, могли принимать решительные меры по обеспечению их кадрами и всем необходимым [1, с. 156].

Первой мобилизационной задачей, стоявшей перед советским правительством, было стремление навести порядок в транспортных организациях, поднять дисциплину кадрового контингента. Второй, не менее важной задачей рассматривалась доставка продовольствия из Сибири в европейскую часть страны. Для ее решения организовывались так называемые Карские экспедиции. Для первой из них, состоявшейся в 1920 г., Северо-Беломорский политотдел, расположенный в Архангельске, специально подбирал надежные кадры, которые должны были не только знать условия плавания по северным морям, но и быть лояльными к советской власти. На суда Карской экспедиции направлялись комиссары, которые в обязательном порядке являлись членами ВКП (б). Они должны были проводить с моряками политинформации и идеологические беседы. Радисты ежедневно принимали сведения о политических событиях в стране, которые затем использовались комиссарами для работы с кадровым составом кораблей [1, с. 26].

Кроме того, советское правительство в складывающейся ситуации вынуждено было стремиться к сбалансированному сочетанию общегосударственных и региональных интересов. Поэтому в апреле 1920 г. при Сибревкоме был создан Комитет Северного морского пути – специфическая организация, управляющая процессами освоения северной магистрали. По мнению советского правительства, новая структура не должна быть только хозяйственной и коммерческой, перевозящей грузы. Она должна была по возможности включать в круг своих обязанностей также задачи укрепления портового хозяйства, речных пароходств, проводить заготовительно-закупочные операции и подготавливать сибирские грузы для перевозки по СМП. Советское правительство также рекомендо-

вало Комитету Северного морского пути поддерживать промысловое хозяйство северных регионов, особенно если оно было связано с коренными северными народностями¹.

На заседании Сибревкома, посвященном организации Комитета СМП, говорилось, что «этот орган должен являться не губернским и не областным, а всероссийским учреждением, составлять особое представительство центральной власти в Сибири, охватывать всю работу, касающуюся Северного морского пути, как в организационной, так и в оперативной стадиях»². В качестве исполнительного органа Комитета Северного морского пути создавалось Управление делами, состоящее из девяти отделов: торгового, транспортного, портового хозяйства, гидрографического, отвечающего за радиосвязь, топливного, хозяйственного, сметно-финансового и научного. Возглавлять отделы должны были соответствующие специалисты, проверенные на лояльность к советской власти и утвержденные Сибревкомом. В результате на службе советской власти оказались сотрудники различных организаций имперского периода, которые являлись активными участниками арктических экспедиций. Это были известные российские полярники: К.К. Неупокоев, А.М. Вихман, Б.А. Дмитриев, Н.И. Евгенов, А.С. Грамматчиков, С.Д. Лаппо и др. На все ключевые руководящие посты назначались советские функционеры, а их заместителями могли быть специалисты, работавшие в различных арктических структурах до революции 1917 г. Например, Комитет Северного морского пути возглавил член Сибирского революционного комитета Ф.И. Локацков, а его заместителем был назначен специалист Ф.А. Шольц³.

Ранее попытку создания Комитета Северного морского пути предпринимало колчаковское правительство, которое в навигацию 1919 г. смогло вывезти из Сибири и затем перегрузить на морские суда около 240 тыс. пуд. зерна, масла, сыра, кожи, шерсти и другой сибирской продукции. Соответственно речные суда приняли и доставили в Новониколаевск и Томск около 160 тыс. пуд. импортных товаров (земледельческих и лесопильных машин и механизмов, медикаментов, сепараторов, бумаги, военного снаряжения), хотя планировалось сделать гораздо больше. Переход власти в Сибири из рук в руки в годы Гражданской войны затруднял объединение усилий различных ведомств и коммерческих структур во круг решения общей проблемы обустройства СМП. В условиях укрепления советского государственного управления, которое с самого начала было достаточно централизованным, эта проблема могла быть решена более эффективно. Поэтому организация советского варианта Комитета СМП при Сибревкоме, как органа

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-271. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

² Там же. Д. 4. Л. 4.

³ Там же. Л. 209.

управления северными навигациями, была признана удачной⁴. Дело в том, что навигации по Северному морскому пути были жестко ограничены во времени, требовали четкой, слаженной, а подчас и военной организации проведения работ.

Первая советская Карская экспедиция в устья Оби и Енисея с выходом из Архангельска состоялась в августе–октябре 1920 г. Она была подготовлена одновременно в Сибири и на Европейском Севере, включала два отряда из 18 судов, многие из которых были крайне изношены и не приспособлены к плаванию во льдах. Но условия навигации того года способствовали успеху. Из Сибири было вывезено в европейскую часть страны около 1000 т хлеба, примерно 1500 т жиров, большое количество экспортных товаров – пушнины, льна, шерсти, конского волоса и др. [2, с. 49].

Советское правительство высоко оценило этот сложный поход, опыт его был рекомендован для распространения. В.И. Ленин лично интересовался подготовкой следующей навигации. Так, в записке заместителю управляющего делами СНК В.А. Смольянинову от 11 июля 1921 г. он беспокоился о снаряжении Карской экспедиции, писал: «Запросите факты, проверьте их. Проверьте лично и дважды. Потом поговорите по прямому проводу с Чуцкаевым и Иваном Никитичем Смирновым. Без всего этого я не поверю, что дело обеспечено». В другой записке, написанной в тот же день В.А. Смольянинову, подчеркивалось: «Дело исключительно важное и срочное», «Налягте всячески»⁵.

В последующие годы так называемые Карские экспедиции стали регулярными. Под контролем Совета народных комиссаров наркоматы внешней торговли и путей сообщения закупали за границей, насколько позволяли государственные финансы, новые суда, ледокольное оборудование, сигнальные и навигационные приборы, моторные лодки и другое необходимое оборудование для плавания по северным морям. Вывозом грузов из Сибири (продовольствия, пушнины, рыбы, леса, различного сырья) и доставкой их в порты на арктическом побережье занимались соответствующие отделы Комитета Северного морского пути. Его представительство в Архангельске, в свою очередь, контролировало поставки в Сибирь машин, инструментов, охотничьего снаряжения, химических и других товаров, в которых нуждался регион. Заграничные представительства Наркомата внешней торговли РСФСР в Лондоне и Берлине работали в рамках общей схемы планирования и реализации импортно-экспортных операций. На государственные средства закупались товары, фраговались морские суда, контролировались грузоперевозки из европейских портов на восток.

В условиях советского государственного управления, которое сосредоточило в своих руках все

властные рычаги и основные средства производства, в том числе финансовые, крайне важным было содействие центральных органов власти организации деятельности Комитета СМП. Например, в начале 1922 г. результативным стал приезд в Новосибирск (до 1925 г. Новониколаевск) наркома путей сообщения Ф.Э. Дзержинского в качестве уполномоченного ВЦИК и СТО. Он на месте попытался решить ряд межведомственных организационных проблем участников подготовки и проведения Карских операций. Например, принял меры по организации за государственный счет ремонта судов Енисейской флотилии, добился увеличения финансирования строительства портов в устьях Оби и Енисея. По распоряжению Ф.Э. Дзержинского уже в 1922 г. Енисейскому пароходству было срочно передано несколько судов Беломорского флота [3, с. 20].

Организация Карских экспедиций и экспортно-импортных операций, основанных на доставке сибирских грузов в обмен на заграничные товары, являлась главным направлением деятельности Комитета СМП. Работая под контролем центрального советского управления, Комитет за время своей деятельности (1920–1928 гг.) смог реально связать в транспортном отношении Сибирь, Восточный Урал и Северный Казахстан с портами европейской части страны, портовыми городами Западной Европы и Америки. В Сибири был создан собственный речной и ледокольный флот. Количество судов, занятых в Карских операциях к началу 1930-х гг., выросло почти в 6 раз, количество перевезенных грузов – в 9 раз. Постепенно улучшались и экономические характеристики грузоперевозок. Начиная с 1924 г. в отчетах Комитета Северного морского пути отмечалась более дешевая транспортировка грузов по Северному морскому пути в сравнении с перевозками железной дорогой [4, с. 544].

Успеху Карских экспедиций в 1920-е гг. способствовали и мероприятия, проводимые советским правительством. Придавалось большое значение не только ледокольному сопровождению грузовых судов, но и ледовой авиаразведке. В 1924 г. летчик Б.Г. Чухновский впервые выполнил разведку ледовой ситуации для судов Карской экспедиции. В Карском море постоянно работала научная группа Главного гидрографического управления страны по изучению течений и льдов. За счет государственного бюджета велось строительство портов в устьях сибирских рек. В марте 1923 г. за государственный счет была установлена мощная радиостанция в проливе Маточкин Шар. Она стала играть заметную роль в оперативном обслуживании Карских морских экспедиций. В навигацию 1925 г. правительство впервые ввело пошленные сборы на импортные товары в размере 30 % от ставок общего таможенного тарифа. Средства, полученные от сборов, предполагалось использовать для приобретения новых судов для арктического флота.

Государственное централизованное управление освоением Арктики и СМП в 1920-е гг. показало

⁴ ГАНО. Ф.Р-271. Оп. 1. Д. 74. Л. 207–207 об.

⁵ Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 22.

ло, что решение северных проблем должно осуществляться с применением мобилизационных методов, которые могут быть эффективными в условиях советского общественного устройства, основанного на общегосударственной собственности на средства производства. Предполагалось, что Комитет СМП должен не только решать проблемы грузоперевозок в Арктике, но и заниматься широким кругом проблем освоения северных территорий. На деле же деятельность Комитета чаще всего ограничивалась решением транспортных задач и проведением торгово-закупочных операций. Для более широкого спектра деятельности у него не было ни финансовых возможностей, ни соответствующих специалистов.

Комитет Северного морского пути создавался как орган для решения конкретных задач в чрезвычайных условиях. Он в принципе не мог заниматься развитием экономики, организацией деятельности населения и другими кардинальными проблемами освоения территорий. Из-за недостатка финансово-технических средств и нужных специалистов Комитет СМП не способен был обеспечивать и научно-исследовательские изыскания на арктическом пространстве, которые чаще всего были необходимы для его же результативной работы.

В 1927 г. на заседаниях Сибкрайисполкома неоднократно рассматривались предложения сибирских организаций о реформировании Комитета СМП путем создания акционерного общества. Но в этот период потенциальными акционерами могли быть только государственные организации, не имевшие, как правило, собственной прибыли и капиталов, которые можно было бы вложить в создаваемое предприятие. В результате многие сибирские организации просто отказывались от участия.

16 марта 1927 г. в Комитете СМП состоялось совещание по поводу «выяснения вопроса о размерах и форме участия хозорганизаций Сибири в предполагаемом акционировании Северного морского пути». Президиум Сибирского краевого исполнительного комитета пытался обратиться в Совнарком и ЭКОСО РСФСР с просьбой привлечь к делу акционирования центральные торговые и промышленные предприятия, возможно, организации Урала и Республики Казахстан, заинтересованные в торговле Северным морским путем, выделить им государственные средства для начального этапа акционирования. Сибирские власти также пытались обращаться в центральное правительство с просьбой об экономической поддержке будущего акционерного общества. Они предлагали полностью освободить на 15-летний срок его грузы от пошлин, а также разрешить обществу делать на ввозимые им грузы целевое начисление для увеличения капиталов в размере 50 % от тех пошлин, которые были бы взяты на этот груз при провозе по железной дороге. Рекомендовалось предоставить обществу и другие преференции, например, монопольное право торговли и транспортировок по СМП, монопольное право организации

промышленных и промысловых предприятий на Севере и т.п. Говорилось также о необходимости предоставления права владения собственным речным и морским флотом, о праве его эксплуатации на внешних и внутренних перевозках в период, не занятый Карскими операциями⁶.

Проект, выдвинутый Сибкрайисполкомом, был поддержан коллегией Наркомторга СССР, которая 4 апреля 1927 г. постановила: «Признать необходимой реорганизацию Комитета Северного морского пути в торгово-промышленный и транспортный Комбинат в виде Акционерного Общества, объединяющего торговые, промышленные, транспортные и промысловые предприятия, работа которых будет связана с использованием Северного морского пути»⁷. Однако решение вопросов, связанных с созданием специфического акционерного общества, затягивалось. С одной стороны, советскому правительству не хотелось обращаться к иностранному капиталу, а с другой — у него не было достаточного количества собственных средств, чтобы оборудовать Северный морской путь.

Сибкрайисполком, желая ускорить начатое дело, предлагал себя в качестве одного из учредителей акционерного Общества Северного морского пути как представителя всех хозяйственных органов Сибири. В письме по этому поводу сообщалось, что Сибкрайисполком обращается в ЭКОСО РСФСР с ходатайством об отпуске ему 2 млн руб. бюджетных средств для приобретения на эту сумму соответствующего количества учредительских акций. Сумма эта подтверждалась сметой, предусматривающей необходимые для начала деятельности акционерного общества средства. Вторым крупным акционером и учредителем предлагалось назначить Наркомторг СССР, который имел собственную прибыль и средства для акционирования. Предполагалось, что он сможет внести в организацию общества также 2 млн руб. Кроме того, в письме говорилось: «Учитывая то, что Наркомторгом СССР будет передан акционерному Обществу находящийся в его распоряжении специальный речной флот, оцениваемый в сумме 4 млн руб., то весь капитал Общества с указанным выше денежным вложением определится в размере около 8 млн рублей»⁸.

Потребовалось еще несколько месяцев согласований с Наркомфином, ЭКОСО РСФСР, экономическими комиссиями СТО и ВЦИК, чтобы в правительстве наконец-то пришли к выводу, что акционерное общество СМП должно создаваться на базе реорганизации Комитета СМП с учетом обеспечения его соответствующими властными и финансовыми возможностями.

В последнем приказе Комитета Северного морского пути от 31 августа 1928 г. говорилось, что «на основании Постановления СТО от 15 июня 1928 г. с 1-го

⁶ ГАНО. Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–4.

⁷ Там же. Д. 74. Л. 144.

⁸ Там же. Л. 145.

сентября 1928 г. Комитет Северного морского пути ликвидируется. Все имущество, в том числе речные и промысловые суда, строения, ценности и договора, находящиеся по день ликвидации в распоряжении Комитета Северного морского пути и его баз передается Северо-Сибирскому Государственному Акционерному обществу «Комсеверпуть» в качестве вклада на покрытие акций⁹.

21 сентября 1928 г. в газете «Экономическая жизнь» было объявлено о регистрации и внесении в реестр юридических лиц СССР под №239 Северо-Сибирского государственного акционерного общества «Комсеверпуть» с уставным капиталом 10 млн руб., из которых на момент регистрации было собрано чуть более 3 млн. Местонахождение общества определялось в г. Новосибирске. Предметом деятельности Общества указывалось: экономическое развитие северных территорий Сибири и Тобольского округа Уральской области, расширение вывоза Северным морским путем сибирских товаров из районов, тяготеющих к этому направлению, а также хозяйственное развитие северных регионов и разработка их природных богатств. Кроме того, «Комсеверпуть» должен заниматься не только использованием Северного морского пути, но и его оборудованием с целью «превращения в транспортную артерию постоянной нормальной экономической связи Сибири с Европой»¹⁰.

В действительности «Комсеверпуть» можно было только условно назвать акционерным обществом. Оно мало соответствовало юридическим и экономическим нормам, принятым в мировой практике, не обладало полной правовой и хозяйственной самостоятельностью, не могло без согласования с органами советского государственного управления принимать хозяйственные и управленческие решения, распределять и тратить прибыль. Общество находилось в полном подчинении у государства и действовало по его рекомендации преимущественно мобилизационными методами. Однако в географических условиях и социально-экономических обстоятельствах, складывавшихся в российской Арктике в 1920-е гг., оно не могло действовать иначе. Решение о его создании было вполне адекватным и отвечающим вызову времени.

Северо-Сибирское государственное акционерное общество промышленности и транспорта «Комсеверпуть» являлось специфической территориальной комплексной пионерной организацией, которая должна была не только осуществлять транспортные операции по рекам Сибири и Северному морскому пути, но и вести заготовку леса, строить порты и бухты, разрабатывать месторождения полезных ископаемых и решать социально-экономические проблемы на подведомственной территории, чем она и занима-

лась. Благодаря деятельности акционерного общества «Комсеверпуть» в 1928–1932 гг. были построены морской и речной порты в Игарке (устье Енисея), несколько лесопильных заводов, разрабатывались месторождения курейского и ногинского графита, угля на Таймыре и Нижней Тунгуске. «Комсеверпуть» организовывал в Арктике зверобойный и рыбный промысел, построил рыбоконсервный завод в Усть-Енисейске [5, с. 10].

Таким образом, советские стратегические решения с использованием мобилизационных методов в государственном управлении уже в 1920-е гг. смогли подготовить прорывное освоение Арктики и Северного морского пути, которое развернулось несколько позже. Вначале Комитет Северного морского пути в советском варианте заложил основы специфического решения проблем российской Арктики, затем государственное акционерное общество «Комсеверпуть» продолжило его деятельность в этом направлении. Организационный опыт 1920-х гг. был унаследован при создании в 1930-е гг. Главного управления Северного морского пути с полномочиями наркомата при правительстве СССР, которое совершило настоящий рывок в освоении российской Арктики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов В.Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М.: Изд-во МГУ, 1989. 156 с.
2. Тимошенко А.И. Советские инициативы в Арктике в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. №2. С. 48–52.
3. Новиков В.Д. К истории освоения Северного морского пути в первые годы советской власти // Летопись Севера. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути. 1949. Т. 1. С. 5–41.
4. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2: 3–К. 574 с.
5. Тимошенко А.И. Трансформации в российской государственной политике освоения Арктики и Северного морского пути (XVIII–XXI вв.) // Государственная политика России в Арктике: стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2012. С. 4–35.

REFERENCES

1. Bulatov V.N. CPSU – an organizer of the Arctic and the Northern Sea Route development (1917–1980). Moscow, Izd-vo MGU, 1989, 156 p. (In Russ.)
2. Timoshenko A.I. Soviet initiatives in the Arctic in the 1920s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2010, no. 2, pp. 48–52. (In Russ.)
3. Novikov V.D. The history of the Northern Sea Route development during the Soviet power first years of. *Letopis Severa*. Moscow; Leningrad, 1949, vol. 1, pp. 5–41. (In Russ.)
4. Siberian Soviet Encyclopedia. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe otделение OGIZ, 1931, vol. 2: Z–K, 574 p.
5. Timoshenko A.I. Transformation in the Russian state policy of the Arctic and the Northern Sea Route development (XVIII–XXI centuries). *Gosudarstvennaya politika Rossii v Arktike: strategiya i praktika osvoeniya v XVIII–XXI vv.* Novosibirsk, 2012, pp. 4–35. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.05.2017

⁹ Там же. Л. 42.

¹⁰ Там же. Л. 10.

DOI: 10.15372/HSS20170305
УДК 061.12:001(571)-051

Н.А. КУПЕРШТОХ

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛАРИОНОВ – АКАДЕМИК СЕВЕРА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается деятельность Владимира Петровича Ларионова (1938–2004) – выдающегося ученого и организатора науки, первого академика РАН из якутов. Его биография – пример служения науке. Он родился в якутском поселке, окончил школу с золотой медалью. После окончания Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана принят на работу в Якутский филиал СО АН СССР. Академик В.П. Ларионов внес существенный вклад в развитие северного материаловедения и создание технологий обработки конструкционных материалов. Его исследования и разработки стали основой технологического освоения Арктической зоны Российской Федерации. В 1986 г. В.П. Ларионов избран директором Института физико-технических проблем Севера, под его руководством окреп научный потенциал института. Как руководитель Якутского научного центра СО РАН, академик В.П. Ларионов многое сделал для сохранения и развития науки и образования в Якутии.

Ключевые слова: академик В.П. Ларионов, Якутский научный центр СО РАН, Институт физико-технических проблем Севера, техника Севера.

N.A. KUPERSHTOKH

VLADIMIR PETROVICH LARIONOV – ACADEMICIAN OF THE NORTH

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 6300090, Russia

The article studies the activity of Vladimir Petrovich Larionov (1938–2004), an outstanding scientist and organizer of science. Academician V.P. Larionov is well known for his studies in the field of materials science and structural strength at low temperatures. His elaborations are the basis of the Russian Arctic technological development. V.P. Larionov was born in the small Yakut village, graduated from school with a gold medal. In 1956 he entered Bauman Moscow Higher Technical School. In 1962 after graduating the young specialist was hired at the Yakut subsidiary of the Siberian Branch of Academy of Science of USSR. His studies were in demand for implementation of the state program «Northern technology». Academician N.V. Chersky composed a set of measures to develop physical-technical fields of science in Yakutia. He was supported by Academician M.A. Lavrentiev, the chairman of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. V.P. Larionov was one of the first who started studying northern materials science and creating technologies for processing structural materials. In 1968 V.P. Larionov was entrusted to organize and lead a welding laboratory in the Department of cold resistance of machines and metal structures in the Yakut subsidiary. In 1970 the Institute of Physical-Technical Problems of the North was established based on the Department. Its main scientific subject was the problem of studying material cold resistance and developing recommendations for equipment production for the North. V.P. Larionov defended his candidate and doctoral dissertations, became the country's leading specialist in the Arctic technology development. In 1986 V.P. Larionov was elected Director of the Institute of Physical-Technical Problems of the North. Scientific potential of the Institution and the Yakutsk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences as a whole has grown under his guidance. V.P. Larionov contributed significantly to creation of the northern construction materials and processing technologies. His research results have become a fundamental scientific basis for a modern technological complex, which produces materials and equipment for the Arctic zone of the country.

Key words: academician V.P. Larionov, Yakutsk Scientific Center SB RAS, Institute of Physical-Technical Problems of the North, northern engineering.

*Статья подготовлена по Программе Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации». Проект № 44. «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com.

Natalya A. Kupershtokh – Candidate of Historical Science, senior researcher, Institute of History SB RAS.

Жизни и деятельности В.П. Ларионова посвящено немало публикаций, из которых своей основательностью выделяется книга, изданная в Москве в 2006 г. [1]. Из справочной литературы следует отметить статью о В.П. Ларионове в издании к 50-летию СО РАН [2, с. 154–155]. Тем не менее научный вклад В.П. Ларионова в изучение и освоение Арктической зоны России раскрыт недостаточно. Цель статьи – на основе документальных и других источников изучить социальные условия, которые позволили В.П. Ларионову получить блестящее образование и реализовать научный талант в наиболее актуальных направлениях исследований для районов Крайнего Севера.

Владимир Ларионов родился 10 февраля 1938 г. в маленьком якутском поселке Балагасы Мегино-Кангаласского улуса. Чтобы дать ему возможность учиться в школе-семилетке, семья переехала в с. Ломтука. Большую часть времени В. Ларионов проводил в библиотеке. Необычайное трудолюбие и тяга к знаниям позволили ему окончить среднюю школу в с. Майя с золотой медалью¹.

Одним из направлений советской кадровой политики являлась подготовка кадров в национальных республиках. Лучшим выпускникам школ предоставлялись так называемые целевые места в вузах. В.П. Ларионов вспоминал, как ему помог первый секретарь обкома комсомола Е.Д. Кычкин, обратившись к ректору МВТУ им. Баумана «с просьбой выделить целевое место для золотого медалиста из Якутии» [1, с. 10]. В начале июля 1956 г. Володя Ларионов отправился в Москву. Как точно заметил академик В.И. Молодин, «трудное детство и огромные научные заслуги В. Ларионова в современной Саха-Якутии сопоставимы с судьбой и заслугами М. Ломоносова в истории России»².

В документах В.П. Ларионов зафиксировал судьбоносный шаг своей биографии: «После окончания в 1956 году Майинской средней школы поступил в Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана. Механико-технологический факультет института по специальности “Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты” с квалификацией инженера-механика окончил в 1962 г.»³. Профессорско-преподавательский состав МВТУ во второй половине 1950-х гг. состоял из представителей научно-технической элиты страны. В становлении В.П. Ларионова как исследователя большую роль сыграли такие ученые, как В.А. Винокуров, А.С. Куркин, Э.Л. Макаров. В настоящее время портрет академика В.П. Ларионова украшает Галерею выдающихся выпускников МВТУ в одном ряду с такими корифеями науки, как С.П. Королев, А.Н. Туполев, Н.А. Доллежал. Владимир Петрович не раз подчеркивал, что своим становлением обязан также академику Б.Е. Патону, который разглядел в молодом ученом умение «выбрать наибо-

лее перспективные направления исследований, разработать верную тактику и стратегию решения научных проблем, оптимально использовать имеющиеся ресурсы для достижения результата» [1, с. 229].

После окончания вуза В.П. Ларионов вернулся в Якутию, где прошел путь от лаборанта группы хладостойкости машин Якутского филиала СО АН СССР до директора Института физико-технических проблем Севера и руководителя Якутского научного центра СО РАН. Тему научных исследований подсказала сама жизнь. В связи с интенсивным освоением арктических районов возникла проблема создания специальной техники, выдерживающей аномально низкие температуры. Поставленные XX съездом КПСС задачи интенсивного освоения северных и восточных районов страны требовали адекватного научного подхода для их решения.

Это хорошо понимали ученые, которые в 1963 г. инициировали создание Совета по науке при СМ СССР во главе с академиком М.А. Лаврентьевым. В его состав вошли академики А.А. Дородницын, П.Л. Капица, М.В. Келдыш, В.А. Кириллин, Б.Е. Патон, Н.Н. Семенов и др. Совет обратил внимание правительства на проблему создания техники для северных районов, основываясь на предложениях академика Б.Е. Патона [3, с. 185]. По воспоминаниям Г.И. Марчука, ученого секретаря Совета, «мы с М.А. Лаврентьевым и Н.А. Шиловым в декабре (1963 г. – Н.К.) в условиях жгучих морозов и полярной ночи вылетели на Чукотку, на автомобилях проехали 1500 км по Колымскому тракту, беседовали с работниками золотых приисков, скотоводами, строителями заводов, местными властями и поняли, что вопрос был поставлен вовремя» [4, с. 23].

Хотя Совет просуществовал недолго, он задал необходимый алгоритм для дальнейших действий. В 1964 г. по инициативе М.А. Лаврентьева, Б.Е. Патона, С.В. Славина, Н.В. Черского и других выдающихся ученых вышло постановление ВСХН СССР о проведении комплексных научных исследований, связанных с созданием материалов, технологий, конструкций машин, предназначенных для эксплуатации в районах зоны холодного климата, – техники в северном исполнении. С 1966 г. начали действовать Научный совет по проблеме «Создание машин, работающих в условиях низких температур» при Госкомитете по науке и технике СМ СССР во главе с академиком М.А. Лаврентьевым и Межведомственная комиссия СОПС по проблемам Севера.

Для Якутии, где были разведаны месторождения алмазов, золота, коксующихся углей, нефти и газа, создание такой техники являлось первоочередной задачей. Руководитель Якутского филиала (ЯФ) Н.В. Черский при поддержке председателя Сибирского отделения М.А. Лаврентьева разработал комплекс мер по развитию физико-технического направления. В 1968 г. В.П. Ларионову было поручено организовать и возглавить лабораторию сварки в отделе хладостойкости машин и металлоконструкций в составе Якутского филиала. В 1970 г. на основе отдела организован Институт физико-технических проблем Севера (ИФТПС), одним из научных направлений которого стала проблема

¹ Тамтосов А. Слово о друге // Наука в Сибири. 2004. 2 апр.

² Там же.

³ Личное дело академика В.П. Ларионова // Управление кадров Президиума СО РАН.

изучения хладостойкости материалов и разработка рекомендаций для производства техники в северном исполнении [5, с. 316].

С созданием ИФТПС, особенно тогда, когда его возглавил академик Н.В. Черский, перед якутскими учеными открылись новые перспективы. Николай Васильевич Черский руководил государственной научной программой «Техника Севера», в которой участвовали научные и конструкторские организации, крупные промышленные предприятия Сибири, Урала, Украины и Белоруссии. В Якутии В.П. Ларионов одним из первых начал заниматься северным материаловедением и созданием технологий обработки конструкционных материалов. В дальнейшем эти исследования стали фундаментальным базисом, на который опирался технологический комплекс страны, производящий материалы и технику для Арктической зоны.

Первые результаты изысканий В.П. Ларионова обобщены в его кандидатской диссертации «Хрупкое разрушение сварных соединений в условиях Северо-Востока СССР», которую он защитил в 1967 г. в Институте электросварки им. Е.О. Патона АН УССР. В 1969 г. в Москве вышли в свет сразу две монографии В.П. Ларионова (в соавторстве): «Хладостойкость сталей при статическом и циклическом нагружении» и «Хладноломкость металлоконструкций и деталей машин». «Эти монографии, – писал академик Н.В. Черский, – явились большим подспорьем для научно-технических работников, инженеров и техников» [1, с. 238].

В.П. Ларионов вырос в уникального специалиста в избранной области исследований. Проживая в Якутии – зоне вечной мерзлоты и резкого перепада температур, он не понаслышке знал об особенностях поведения техники в условиях Арктики. Центром его научных интересов стали критерии хрупкости и методы оценки перехода деталей в хрупкое состояние, хладостойкость стали при статическом и циклическом нагружении, технология сварки в суровых климатических условиях. В 1971 г. под научным руководством В.П. Ларионова были завершены исследования по заданию ГКНТ СССР «Разработка технологии сварки и исследование работоспособности сварных соединений из малоуглеродистых и низколегированных сталей в условиях низких температур».

Научную работу В.П. Ларионов всегда увязывал с актуальными практическими задачами. Его рекомендации учитывались при возведении магистрального трубопровода Таас Тумус – Якутск – Покровск. По предложению В.П. Ларионова из технологического цикла сварки при низких температурах был исключен предварительный подогрев. В.П. Ларионов теоретически обосновал и экспериментально доказал, что при такой технологии сварки повышается хладноломкость сварных соединений. Использование новой технологии обеспечило значительный экономический эффект [1, с. 238].

1970-е гг. становятся для В.П. Ларионова временем активной научной и научно-организационной деятельности. В 1976 г. опубликованы две его книги:

«Хладостойкость и износ деталей машин и сварных соединений» (в соавторстве); «Влияние усталости на хладостойкость сварных соединений» (в соавторстве). В.П. Ларионов назначен заместителем директора ИФТПС, руководит лабораторией сварки отдела хладостойкости машин и металлоконструкций. В документах этого периода он представлен как специалист в области механики деформируемого твердого тела, автор пяти монографий, посвященных изучению физики и механики хрупкого разрушения конструкционных сталей и сварных соединений, разработке технологии сварки и особенностей сварочных процессов в условиях низких температур⁴.

В 1980-е гг. происходит признание В.П. Ларионова как основателя научного направления по сварке и прочности сварных конструкций, основоположника научной школы, эксперта по важнейшим проблемам науки и техники во всесоюзном масштабе. В 1983 г. В.П. Ларионов защитил докторскую диссертацию «Технология сварки низколегированных сталей для конструкций в северном исполнении» в Институте электросварки им. Е.О. Патона АН УССР. Вывод диссертации – основные причины отказов сварных соединений при низких температурах в первую очередь связаны с несоответствием материалов и технологии сварки, а уже затем с различными конструктивными недостатками [1, с. 239]. В 1986 г. опубликована монография В.П. Ларионова «Электродуговая сварка конструкций в северном исполнении».

В.П. Ларионов участвовал как эксперт в работе Координационного совета по сварке Института электросварки им. Е.О. Патона АН УССР, Научного совета ГКНТ СССР по проблеме «Машины и материалы, отвечающие требованиям эксплуатации в различных климатических зонах страны», Национального комитета по сварке СССР.

Инженерные решения В.П. Ларионова нашли применение на предприятиях Северо-Востока России и вошли в Перечень рекомендаций по выполнению сварочно-монтажных работ при изготовлении и ремонте металлоконструкций и деталей машин, предназначенных для работы в районах Крайнего Севера. На основе исследований В.П. Ларионова разработаны практические рекомендации для промышленных гигантов – Уралмаша, Белазы, Ижорского завода, Крастяжмаша. Рекомендации ученого учитывались также при эксплуатации техники в объединениях «Якутуголь», «Якутзолото», «Якуталмаз»⁵. Рекомендации по сварке, разработанные В.П. Ларионовым, легли в основу создания и монтажа крупногабаритных солнечных батарей на космических станциях, «просто в силу закрытости темы об этом мало кто знал», – отмечал академик К.В. Фролов⁶.

В 1984 г. профессор В.П. Ларионов организовал и возглавил кафедру машиноведения в Якутском госу-

⁴ Личное дело академика В.П. Ларионова // Управление кадров Президиума СО РАН.

⁵ Там же.

⁶ Тамтосов А. Слово о друге // Наука в Сибири. 2004. 2 апр.

дарственном университете, чтобы обеспечить трансляцию новейших научных достижений в учебный процесс. М.А. Федотова отмечала, что «Владимир Петрович своих учеников <...> всегда поддерживал делом» [1, с. 371]. Всего под научным руководством В.П. Ларионова защищено 10 докторских и 30 кандидатских диссертаций⁷. Среди его учеников и последователей – известные ученые М.П. Лебедев, М.Д. Новопашин, О.И. Слепцов, И.Н. Черский и др.

В 1986 г. В.П. Ларионов избран директором ИФТПС. Кредо директора он сформулировал следующим образом: «Сила института в том, что направления наших исследований тесно увязаны с проблемами развития производительных сил региона, в том, что институт постоянно заботится о повышении квалификации специалистов, их компетентности, о пополнении молодыми кадрами, а также в том, что заботой всего нашего коллектива является сохранение, поддержание, укрепление морально-психологического климата» [1, с. 23]. В.П. Ларионов содействовал тому, чтобы институт стал участником сибирских, всесоюзных и международных проектов. За разработку и внедрение в производство прогрессивных технологических сварочных процессов и высокоэффективных конструкционных и сварочных материалов, позволяющих изготавливать в тяжелом машиностроении крупногабаритные сварные конструкции, сотрудники ИФТПС отмечены присуждением премии Совета министров СССР в области науки и техники (1986 г.). За результаты исследований, обеспечивших качественно новый уровень производства техники для районов Арктики, В.П. Ларионов удостоен звания «Заслуженный деятель науки Якутской АССР» (1988 г.).

С конца 1980-х гг. стремительно расширился круг проблем, связанных с общественной деятельностью В.П. Ларионова. По рекомендации академика В.А. Коптюга В.П. Ларионов избран народным депутатом СССР, он работал в составе Совета национальностей Верховного Совета СССР, Комитета Верховного Совета СССР по науке и технологиям (1989 г.).

В 1987 г. коллектив ИФТПС впервые выдвинул кандидатуру В.П. Ларионова для избрания в члены-корреспонденты Академии наук СССР. В ходе обсуждения отмечалось, что профессор В.П. Ларионов является основателем общепризнанной научной школы, автором фундаментальных исследований в области прочности и надежности конструкций, эксплуатируемых в экстремальных климатических условиях. Сотрудники института подчеркивали, что В.П. Ларионов как директор содействовал не только укреплению позиций ИФТПС во всесоюзном масштабе, но и расширению зарубежных контактов⁸. Инициативу по выдвижению кандидатуры В.П. Ларионова для участия в выборах членов Академии поддержал Президиум

ЯФ Сибирского отделения АН СССР. Однако первая попытка не увенчалась успехом.

В 1990 г. состоялись очередные выборы в Академию наук СССР. На сей раз кандидатуру В.П. Ларионова поддержали не только в Якутске, но и в других городах. В отзыве председателя СО АН СССР академика В.А. Коптюга особо отмечались заслуги В.П. Ларионова на посту заместителя председателя Президиума Якутского научного центра, его роль в решении стратегических и тактических вопросов развития якутской академической науки [1, с. 241]. Академик Б.Е. Патон в письме В.А. Коптюгу от 13 сентября 1990 г. всесторонне обосновал, почему он поддерживает кандидатуру В.П. Ларионова: «Подключившись в 1962 году к активному участию в научных исследованиях, начатых в стране по инициативе академика М.А. Лаврентьева в области повышения надежности машин и конструкций в экстремальных климатических условиях Сибири и Крайнего Севера, проф. Ларионов В.П. вырос в одного из признанных ведущих специалистов науки в данной области». Академик Б.Е. Патон особо подчеркнул, что работы В.П. Ларионова получили широкое признание научной общественности в стране и за рубежом⁹. Ректор Якутского государственного университета В.С. Андреев и члены Ученого совета ЯГУ отметили заслуги ученого в подготовке инженерных кадров и специалистов для республики. В 1990 г. В.П. Ларионов был избран членом-корреспондентом АН СССР по Отделению проблем машиностроения, механики и процессов управления.

В 1990-е гг. результаты В.П. Ларионова и сотрудников ИФТПС нашли практическое применение в новых экономических условиях, оказались востребованы крупными машиностроительными объединениями, использовались в практике производственных предприятий Якутии (АЛРОСА, «Саханефтегаз», «Якутзолото», «Якутуголь» и др.)¹⁰. Работы института выполнялись по Программе СО РАН «Механика, научные основы машиностроения и надежности машин», Федеральной государственной программе Министерства РФ по науке и технологиям «Техника Российского Севера», в рамках международных проектов, в том числе с немецким Институтом сварки¹¹. Руководитель института проф. П. Зайффарт высоко оценил результаты этого многолетнего сотрудничества: «Мы вели совместные испытания, которые позволили выявить физическую природу аномальности сварочной дуги при сварке в условиях низких температур, кинетику сварочных деформаций и напряжений и др. Была проведена международная конференция в Якутске. На нашей базе уже много лет работают специалисты и аспиранты из ИФТПС»¹².

В 1997 г. В.П. Ларионов был избран академиком РАН по Отделению физикохимии и технологии неор-

⁹ Там же.

¹⁰ Лебедев М.П. Первый академик из народа Саха // Наука в Сибири. 2013. 14 февр.

¹¹ Личное дело академика В.П. Ларионова // Управление кадров Президиума СО РАН.

¹² Макарова В. Генерал сварочной науки // Наука в Сибири. 2004. 14 мая.

⁷ Ларионов Владимир Петрович // Наука в Сибири. 2004. 12 марта.

⁸ Личное дело академика В.П. Ларионова // Управление кадров Президиума СО РАН.

ганических материалов. К этому времени он являлся признанным специалистом в области материаловедения и прочности конструкций в северном исполнении, автором и соавтором 247 научных работ, в том числе 14 монографий¹³. В поздравлении Президиума СО РАН по поводу 60-летия со дня рождения Владимира Петровича отмечалось: «Ваши работы являются образцом научных исследований высокого класса и хорошо известны отечественным и зарубежным специалистам. Характерной особенностью Вашей научной деятельности является тесная связь глубоких теоретических разработок с высокой практической ценностью научных результатов в решении самых актуальных народнохозяйственных проблем»¹⁴. Всего академиком В.П. Ларионовым опубликовано более 300 научных трудов, в том числе 17 монографий¹⁵. Научные результаты В.П. Ларионова неизменно становились достоянием практики. В 2003 г. он стал лауреатом премии Правительства РФ за цикл «Разработка сталей нового поколения с использованием природнолегированных руд Халиловского месторождения для ответственных металлоконструкций в мостостроении, строительстве, машиностроении и внедрение комплексной технологии их производства».

А.А. Томтосов, близкий друг В.П. Ларионова, емко написал о его научных заслугах: «Свою научную деятельность он целиком посвятил изучению и решению проблем хладостойкости и прочности сварных металлоконструкций, работоспособности машин, созданных с применением электродуговой сварки, в условиях низких температур, наиболее актуальной научно-технологической задаче развития промышленности и транспорта, строительной техники и всего жизнеобеспечения Севера. Добился на этом поприще выдающихся результатов. Имел широкое признание в отечественной и мировой науке»¹⁶. Признанием научных заслуг В.П. Ларионова стало избрание его действительным членом Академии наук Республики Саха (Якутия), Российской академии естественных наук, Академии Северного форума, Азиатско-Тихоокеанской академии материалов, Международной и Российской инженерных академий. Деятельность В.П. Ларионова высоко оценена высшими государственными наградами. Он награжден орденами «Дружбы народов», «Знак почета», «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалями [2, с. 155].

В.П. Ларионов дважды (с 1992 по 1997 и с 2002 по 2004 г.) избирался руководителем Якутского научного центра СО РАН, который, несмотря на политические и экономические трудности, не только сохранил свой потенциал, но и продолжил организацию новых научных структур. В.П. Ларионов внес также весомый

вклад в создание и становление Академии наук РС(Я). Он находил новые пути организации взаимодействия науки, образования и производства, обращал особое внимание на создание новых технологий для алмазо-, золото-, олово-, угледобывающих отраслей, добычи нефти и газа, способов их переработки.

Память об академике В.П. Ларионове продолжает жить и приобретает все новые формы¹⁷. Как известно, в 2002 г. по его инициативе в Якутске состоялся I Евразийский симпозиум по проблемам прочности материалов и машин для регионов холодного климата. Мероприятие вызвало большой интерес не только специалистов, но и руководителей министерств и ведомств. Было принято решение о регулярном проведении этого форума. Симпозиум в 2004 г. был посвящен памяти В.П. Ларионова¹⁸, в 2015 г. – 75-летию со дня рождения ученого. В память об академике В.П. Ларионове в Якутске организовано несколько международных симпозиумов и конференций, а с 2008 г. проводятся ежегодные Ларионовские чтения.

Академик В.П. Ларионов скорпостижно ушел из жизни 4 марта 2004 г. Как ученый, он многое сделал не только для развития фундаментальной науки, но и для того, чтобы освоение Арктической зоны РФ происходило на современном технологическом уровне. Об этом убедительно свидетельствуют документы и материалы о его деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимир Петрович Ларионов. Статьи, выступления, интервью, воспоминания / сост. Н.П. Апросимова; отв. ред. А.А. Томтосов. М., 2006. 500 с.
2. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.
3. Век Лаврентьева / отв. ред. Н.Л. Добрецов, Г.И. Марчук. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 456 с.
4. Марчук Г.И. Наука управлять наукой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 704 с.
5. Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2006. 441 с.

REFERENCES

1. Vladimir Petrovich Larionov. Articles, reports, interviews, memoirs. Moscow, 2006, 500 p. (In Russ.)
2. Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Members. Novosibirsk: Nauka, 2007, 603 p. (In Russ.)
3. Lavrentiev's century. Eds. N.L. Dobretsov, G.I. Marchuk. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, filial «Geo», 2000, 456 p. (In Russ.)
4. Marchuk G.I. The science of managing science. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2015, 704 p. (In Russ.)
5. Kupershtokh N.A. Research centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk: Geo, 2006, 441 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.08.2017

¹³ Личное дело академика В.П. Ларионова // Управление кадров Президиума СО РАН.

¹⁴ Академику В.П. Ларионову – 60 лет // Наука в Сибири. 1998. 13 февр.

¹⁵ Ларионов Владимир Петрович // Наука в Сибири. 2004. 12 марта.

¹⁶ Томтосов А. Слово о друге // Наука в Сибири. 2004. 2 апр.

¹⁷ Ларионов Владимир Петрович // Энциклопедия Якутии. URL: <http://ysia.ru/spravka/?p=734> (дата обращения: 15.02.2017 г.).

¹⁸ Яковлева С. Создание хладостойких материалов и конструкций – условие развития промышленности в криолитозоне // Наука в Сибири. 2004. 10 дек.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20170306
УДК 930 (571) 050

Л.В. ТИТОВА, А.Х. ЭЛЕРТ

О НАУЧНОЙ СЕРИИ «АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ»

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена обзору сборников серии «Археология и источниковедение Сибири» – главного издания сектора археологии и источниковедения Сибири Института истории СО РАН. Первый выпуск серии увидел свет в 1975 г., в 2016 г. вышел 35-й выпуск. Все изданные сборники объединяет широкий круг проблем, связанных с отечественной историей и древнерусской литературой. В них исследуются и издаются вновь найденные или малоизвестные исторические документы, летописные памятники, публицистические и полемико-догматические сочинения старообрядцев, иерархов православной Церкви, этнографические материалы из творческого наследия Г.Ф. Миллера, мемуаристика Сибири. Особое место в сборниках занимают обзоры и описания рукописей и книжных коллекций Сибири. Авторами публикаций являются как сотрудники Института истории, так и исследователи из других археологических центров страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Томска и др.)

Ключевые слова: «Археология и источниковедение Сибири», серия, сборники, новые источники, публикация, научная школа Н.Н. Покровского.

L.V. TITOVA, A. KH. ELERT

ON THE SCIENTIFIC SERIES “SIBERIAN ARCHAEOGRAPHY AND SOURCE STUDY”

Institute of History, SB RAS
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The “Siberian Archaeography and Source Study” is the annual series publication of the scientific studies, collected articles, publications of new and insufficiently explored most valuable sources of the national history and the book culture. The publication was established towards the creation of the archaeological and source-study sector, its first volume was published in 1975, the 34th and 35th series were issued in 2016. The theme of compilations reflects a wide spectrum of problems, being studied by historians, philologists, folklorists, ethnographers, musicologists and art historians, it is particularly linked with the national history and the old Russian literature. The recovered and little-known historical documents, the monuments of hagiography and Old Believers’ creation of different genres, musicology, Siberian memoirs, ethnographic materials along with the reviews and descriptions of manuscripts and Siberian book collections are constantly published in the digests of series. The main feature of theme is its pioneering character. The most important and perspective topics were set by N.N. Pokrovsky, the responsible editor of series, for his students and staff: these are

Любовь Васильевна Титова – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: titova_istochnik@mail.ru.

Александр Христианович Элерт – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: alexandreler@mail.ru.

Lyubov V. Titova – Candidate of Philological Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

Alexander Kh. Elert – Doctor of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

eschatological Old Believers views, forensic and investigatory records, materials from the G.F. Miller's archives, problems of "folk theology" and more. The structure of collected volumes remains the same throughout the years of publication. The first section is provided with research works, the second – with publications of newfound essays and historical documents, the third section – with descriptions and reviews of Siberian handwritten and book collections. A wide range of historians and philologists, including metropolitan and foreign researches are always brought in the compilations of "Siberian Archaeography and Source Study" series. For years (from 1975 to 2012) the main body of the editorial staff remained unchanged: the academician N.N. Pokrovsky (the responsible editor), the corresponding member E.K. Romodanovskaya (the responsible editor), the candidate of philological sciences L.V. Titova (the executive secretary), in recent years the editorial staff of series has been represented by the branch staff: the doctor of history A. H. Elert, the doctor of history N.D. Zolnikova, the doctor of history N.S. Guryanova, the doctor of history N.P. Mathanova, the doctor of philology T.V. Panich, the candidate of philological sciences L.V. Titova (the executive secretary), I.A. Shipilov (the secretary).

Key words: "Siberian Archaeography and Source Study", series, collected volumes, new sources, publication, scientific school of N.N. Pokrovsky.

Возникновение вышеуказанной серии неразрывно связано с «археографическим открытием» Сибири (определение академиков Д.С. Лихачева и А.М. Панченко), начало которому было положено в 1965–1966 гг. Именно с середины 1960-х гг. развернулась активная археографическая работа по выявлению и изучению рукописного наследия старообрядцев, сохранившегося в Сибири «как живое явление русской традиционной книжной культуры» [1, 131–132]. Наряду с поиском и приобретением древнерусских рукописных и старопечатных книг у старообрядческого населения участниками экспедиций была организована работа по обследованию архивов, библиотек и музеев старинных сибирских городов и научному описанию хранящихся в них коллекций древнерусской книжности. Собранные участниками экспедиций книги описывались и определялись на хранение.

Книги, привезенные сотрудниками ГПНТБ, ИИФФ СО АН СССР (ИИ СО РАН) и НГУ, хранятся в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ (к настоящему времени насчитывается около 3800 ед. хр.) и специальном хранилище Института истории СО РАН (1610 ед. хр.), снабженном сигнализацией и установкой, обеспечивающей оптимальный температурно-влажностный режим.

К концу 1960-х – началу 1970-х гг. Новосибирский научный центр становится одним из крупнейших археографических центров страны (наряду с Московским и Ленинградским). В ноябре 1971 г. выходит постановление Президиума АН СССР о создании Сибирского отделения Археографической комиссии, в которой Н.Н. Покровский отвечал за координацию полевой работы и, конечно же, за развитие археографии в Сибири в классическом ее варианте, т.е. предусматривавшем поиск и собирание рукописей, их всестороннее изучение и публикацию.

Большое количество старинных книг, приобретенных у старообрядческого населения участниками археографических экспедиций (причем наиболее значительными в плане рукописных находок были первые годы полевой работы в сибирском регионе), позволило археографам уже в начале 1970-х гг. широко развернуть научную деятельность по исследованию и публикации новонайденных, подчас уникальных памятников¹. Проблемы с изданием научной литературы всегда

в те далекие 1970-е гг., как и сейчас, стояли остро и решались с трудом. Тем не менее Н.Н. Покровскому при поддержке академика А.П. Окладникова удалось добиться от РИСО АН СССР выделения Сибирскому отделению Археографической комиссии ежегодно 20–25 печ. л. специально для археографических публикаций [4, с. 35]. Благодаря этому в 1975 г. увидел свет первый сборник под названием «Археография и источниковедение Сибири», в дальнейшем так будет именоваться серия сборников, представляющих исследование и публикацию новых и малоизученных ценнейших источников отечественной истории и книжной культуры. На протяжении многих лет (с 1975 по 2012 г.) основной состав редколлегии оставался неизменным: акад. Н.Н. Покровский (отв. редактор), чл.-кор. Е.К. Ромодановская (отв. редактор), канд. филол. наук Л.В. Титова (отв. секретарь), а в последние годы редколлегия серии представлена такими сотрудниками сектора, как доктора исторических наук А.Х. Элерт, Н.Д. Зольникова, Н.С. Гурьянова, Н.П. Матханова, д-р. филол. наук Т.В. Панич, канд. филол. наук Л.В. Титова (отв. секретарь), И.А. Шипилов (секретарь).

Тематика сборников отражает широкий спектр проблем, изучаемых историками, филологами, фольклористами, этнографами, музыковедами и искусствоведами, она связана, прежде всего, с отечественной историей и древнерусской литературой. Хронологические рамки исследуемых памятников невероятно широки: от XII до XXI вв. Публикуются и сопровождаются комментариями вновь найденные или малоизвестные исторические документы, памятники агнографии и старообрядческой публицистики, этнографии, музыковедения, сибирской мемуаристики, обзоры и описания рукописей² и книжных коллекций Сибири.

вич писал: «Самая, пожалуй, ценная рукопись из всех, которые мне посчастливилось найти в Сибири» [2, с. 84]. Этот рукописный сборник конца XVI в., полученный в 1968 г. в с. Мульта Усть-Коксинского района Горно-Алтайской АО (ныне Республика Алтай), содержит полный текст знаменитого «Прения митрополита Даниила с Максимом Греком», созданного ярким противником Максима и представляющего собой публицистическую обработку протоколов суда над Максимом Греком, которые до нас не дошли. Этот список, ошеломивший многих ученых, прояснил целый ряд проблем общественно-политической полемики XVI в., о которых не одно десятилетие спорили медиевисты. Данный список в кратчайший срок блестяще, на уровне мировых стандартов текстологических исследований, был издан Н.Н. Покровским [3].

¹ В 1968 г. Н.Н. Покровским был найден знаменитый «Судный список «Максима Грека». Об этой своей находке Николай Николаевич

² Здесь уместно упомянуть о том, что Н.Н. Покровский, возглавляя Сибирское отделение Археографической комиссии, неоднократно

Необходимо подчеркнуть, что уже в начале своей деятельности ответственные редакторы сборников серии Н.Н. Покровский и Е.К. Ромодановская решили в качестве основного ориентира при издании принять Труды отдела древнерусской литературы (ежегодник ИРЛИ РАН, возглавляемый академиком Д.С. Лихачевым и тогда уже имевший полувековую издательскую традицию). Важно отметить пионерный характер издания: в сборниках публиковались не только новые источники и описания книжных коллекций; прежде всего помещаемые в них статьи должны были привлекать новизной и оригинальностью научных проблем. Основной тон задавал Н.Н. Покровский: он тщательно анализировал новые материалы по истории старообрядческого протеста в XVIII–XIX вв., его идеологии, крестьянской эсхатологии, общественному сознанию ее носителей.

Работы Н.Н. Покровского становились образцом научного анализа для всех читателей и авторов – участников серии, в первую очередь его учеников. Н.С. Гурьянова впервые подняла массовый материал, отражавший эсхатологические воззрения староверов, В.И. Байдин обнаружил и проанализировал в своих статьях новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества конца XVIII – первой половины XIX в. А.Т. Шашков, один из самых любимых учеников Николая Николаевича, рано ушедший из жизни, впервые проанализировал феномен старообрядческих кодексов сочинений Максима Грека. В более поздних сборниках ученики и коллеги Н.Н. Покровского публиковали и анализировали сочинения XVIII–XX вв. урало-сибирской историко-литературной старообрядческой школы, обнаруженные участниками экспедиций, научным руководителем которых был Николай Николаевич. Кроме сюжетов, связанных со староверием, освещались и проблемы истории РПЦ. Так, ученице Н.Н. Покровского Н.Д. Зольниковой впервые в научной литературе удалось проанализировать структуру и эволюцию сибирской приходской общины в XVIII в. Заметим, что уже в 1970-х гг. Н.Н. Покровский одним из первых в российской исторической науке поднял проблему «народного богословия», о которой до начала 90-х гг. мало кто отваживался писать.

Предпринятый обзор серии «Археография и источниковедение Сибири» в целом позволяет проследить основные тенденции развития тематики данной серии, а также отметить устойчивость ее структуры.

Первые четыре выпуска были ориентированы преимущественно на раскрытие источниковой базы Урало-Сибирского региона России. Уже в первом сборнике («Археография и источниковедение Сибири»³. Новосибирск, 1975) основной объем был

отведен разделам – «обзоры, описания, библиография и публикации». Он был посвящен описанию неизвестных в печати сибирских рукописных собраний (старейшей в Сибири коллекции Тобольского архива (Е.И. Дергачева-Скоп, Е.К. Ромодановская. Собрание рукописных книг Государственного архива Тюменской области в Тобольске), Тюменского музея (Н.Н. Покровский. Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея), Музея Приенисейского края (И.Ф. Мартынов. Литературные рукописи из собрания Музея Приенисейского края в библиотеке Академии наук СССР), публикации памятников, имеющих важное значение для истории Сибири (Н.А. Дворецкая. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г.; М.Т. Белявский. Наказы сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г.)⁴.

И в дальнейшем, оставляя структуру разделов традиционной (статьи и сообщения; обзоры; описания; публикации), редколлегия серии стремилась сохранить также основные принципы исследования, выработанные в первых выпусках: анализ в равной мере и исторических источников, и литературных памятников письменности с особым вниманием к археографическим, текстологическим и источниковедческим аспектам изучения книжной культуры Сибири; введение в научный оборот новых источников, особенно приобретенных в ходе работы археографических экспедиций; описание рукописных и старопечатных книг. Приоритет отдавался произведениям сибирской письменности, которые рассматривались как неотъемлемая часть общерусской культуры.

коведение Сибири» (Новосибирск, 1975), «Источниковедение и археография Сибири» (Новосибирск, 1977), «Сибирская археография и источниковедение» (Новосибирск, 1979); «Сибирское источниковедение и археография» (Новосибирск, 1980); все они отражают главное содержание названных выпусков, собственно, как и последующих, хотя и получивших оригинальные названия, связанные с тематическим приоритетом. Именно поэтому вся серия (документально оформлена как серия в 1982 г.) получила название по первому сборнику.

⁴ Отметим, что публикация этого важнейшего источника по изучению социально-экономической жизни крестьян и их идеологии – наказов сибирских крестьян в Уложенную комиссию 1767 г., осуществленная М.Т. Белявским, была продолжена им совместно с О.А. Омельченко в вып. 2, 4, 6 и завершена только в вып. 7. Циклы статей, объединенных одной темой, – явление не редкое в сборниках серии (см., например, статью Н.Н. Покровского о написанной в Сибири биографии одного из участников острого антимонархического протеста – казака В.Трегубова, посланного в Сибирь. – Покровский Н.Н. Биография оренбургского казака. Статья первая // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма (Археография и источниковедение Сибири; вып. 8). Новосибирск, 1984; *Он же*. Биография оренбургского казака. Статья вторая // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма (Археография и источниковедение Сибири; вып. 9). Новосибирск, 1985; Элерт А.Х. Языческие обряды аборигенов Сибири в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции (Археография и источниковедение Сибири; вып. 28). Новосибирск, 2009; *Он же*. Языческие обряды аборигенов Сибири в трудах и материалах участников Второй Камчатской экспедиции (Археография и источниковедение Сибири; вып. 32). Новосибирск, 2014; и др.

кратно ходатайствовал перед РИСО РАН о выделении специальной квоты для изданий справочного характера: он изыскал возможности для публикации Описаний рукописей Чудовского и Чертовского собраний ГИМ, Альбома филиграней С.А. Клепикова, Указателей к Синайскому патерику и др. [4, с. 35, 39].

³ Названия первых четырех сборников представляют собой варьирование слов в начальном заголовке: «Археография и источни-

Магистральное направление для развития сибирских исследований в сборниках серии задавали ее создатели и неизменные ответственные редакторы – академик Н.Н. Покровский и чл.-кор. Е.К. Ромодановская.

Работы Н.Н. Покровского, как справедливо о них писал академик Д.С. Лихачев, «охватывают все русское крестьянство и всю русскую историю от XVI в. до наших дней, ибо непрерывность русского культурного развития на протяжении всех этих веков, в народе по крайней мере, выявляется с полной отчетливостью. Петровские реформы коснулись в целом лишь верхов общества, крестьянство же продолжало жить своими собственными внутренними духовными проблемами... Вся жизнь Н.Н. Покровского, весь его личный быт, все его интересы объединены единой и, я бы сказал, великой патриотической темой: открыть науке новые стороны народной жизни...» [5, с. 3–4]. Действительно, начиная с первых выпусков, Н.Н. Покровский свои исследования посвящал самым различным аспектам истории крестьянства в Сибири, их духовной жизни [6, с. 155–182; 7, с. 178–184; 8, с. 48–79; и др.].

В статьях Елены Константиновны Ромодановской всегда успешно сочеталась сибирская проблематика с общерусской. В сферу ее научных интересов входят, с одной стороны, сибирское летописание, сибирские повести и литературное творчество тобольских архиереев, а с другой – явления общерусской литературы – такие, как возникновение беллетристики, повестей о «гордых царях», текстологическая судьба «Римских деяний». В серии «Археография и источниковедение Сибири» впервые увидели свет ее статьи по сибирскому летописанию, агиографии, беллетристике, переводным повестям из сборника «Римские деяния» и другим письменным памятникам, прочно вошедшим в круг чтения сибиряков.

Редколлегией охотно принимались к публикации работы молодых специалистов, прежде всего исследования учеников Н.Н. Покровского и Е.К. Ромодановской. Здесь увидели свет первые статьи замечательного русского историка А.Т. Шашкова (см. его статьи о Максиме Греке [вып. 2, 4, 7], цикл статей по старообрядчеству [вып. 9, 14, 15, 20, 24]; блестящие, ставшие знаковыми для науки статьи другого ученика Н.Н. Покровского, связавшего свою научную судьбу с академиком Г.Ф. Миллером – А.Х. Элерта, который ввел в научный оборот огромный пласт материалов из архива Г.Ф. Миллера, не привлекавшихся ранее специалистами [вып. 10–28]. Кроме того, А.Х. Элертом и его учеником И.А. Шипиловым проведена масштабная работа по выявлению, переводу на русский язык, изучению и введению в научный оборот неопубликованных и ранее не изучавшихся немецкоязычных рукописей участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции (дневниковые записи, научные сочинения по этнографии коренных народов и истории Сибири, принадлежащие перу профессоров Академии наук И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, адъютантов И.Э. Фишера и Г.В. Стеллера, а также пе-

реводчика Я.И. Линденау) (см. статьи А.Х. Элерта и И.А. Шипилова, вып. 29, 31–35).

На страницах издания увидели свет первые статьи и других учеников Н.Н. Покровского, который определил их научные пути на многие годы. И сегодня они, ведущие специалисты в области археографии и источниковедения, славно продолжают дело, начатое их Учителем⁵. В рамках научной школы рассматривались многие аспекты отечественной истории: взаимоотношения власти и общества, роль личности, значение сибирской мемуаристики и древнерусских произведений. Общепризнано, что одним из главных направлений исследований школы академика Н.Н. Покровского стала история старообрядчества и Православной Церкви. Первостепенной задачей и объединяющим подходом явилось введение в научный оборот новых источников, их тщательный и всесторонний анализ и публикация. Авторами сборников серии привлечены самые разные по происхождению, жанровым особенностям и тематике тексты: старообрядческие полемические сочинения, исторические письменные памятники, соборные постановления, сочинения писателей Русской церкви. Анализ этих текстов позволил выявить новые данные, свидетельствующие о преемственности и о творческом восприятии древнерусских книжных традиций в культуре XVII–XX вв. (см. статьи Н.С. Гурьяновой, Н.Д. Зольниковой, О.Д. Журавель, А.И. Мальцева, Т.В. Панич, Н.А. Старухина, Л.В. Титовой, вып. 2–35).

С 1990-х гг. (начиная с вып. 17) удалось возобновить тему, впервые оказавшуюся в поле зрения сибирских ученых еще в 1968 г. в связи с находкой Н.Н. Покровским на Алтае новых текстов XVI в. о знаменитом философе Италии, Греции и России Максиме Греке – «Судные списки Максима Грека». Текстологии его обширнейших трудов, позволившей выяснить особенности творчества писателя, посвящены фундаментальные статьи Л.И. Журовой (см. вып. 17–18, 20–26, 28).

Видное место в сборниках занимает изучение такого важнейшего исторического источника, каким являются мемуары. Они значительно расширяют источниковую базу современного сибиреведения. Особо следует выделить анализ интереснейшего социокультурного феномена – так называемых учебных и студенческих воспоминаний XIX в., благодаря которому удалось выявить их значение для становления идентичности интеллигенции, осознания ею своего места в обществе (см. серию статей Н.П. Матхановой, вып. 16–18, 22–23, 25–28, 31, 32, 34).

В рамках серии опубликованы статьи, в которых проведен анализ эпистолярных и делопроизводственных материалов по истории сибирских епархий первых послереволюционных лет, что позволило ре-

⁵ Из учеников Николая Николаевича и учеников его учеников выросло сообщество исследователей, называемое Научной Школой Н.Н. Покровского, которая была высоко оценена как отечественными, так и зарубежными учеными (см. об этом: [5, с. 4; 9, с. 167–189].

конструировать многие моменты внутрицерковной жизни и взаимоотношений церкви и власти (см. статьи С.Г. Петрова – вып. 18–20, 24–28).

К серийным выпускам тесно примыкают два сборника, поддержанные дополнительной квотой. Это сборник «Христианство и церковь в России феодального периода (материалы)», вышедший в 1989 г. к 1000-летию юбилею Православия на Руси и получивший широкий отклик исследователей-медиевистов. История церкви и старообрядчества уже в 1970-е гг. активно изучалась историками. Несмотря на все препятствия со стороны власти, удалось подготовить серьезное научное издание источников по истории церковной идеологии в России, охватывающее как период деятельности единой русской православной церкви от Древней Руси до середины XVII в., так и время раздельного существования «официальной» церкви и старообрядчества. В сборник традиционно включены публикации новых и малоизученных текстов памятников по истории церкви, археографические обзоры христианских сочинений, источниковедческие исследования, посвященные конкретным произведениям.

Еще один сборник – «Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки» – объединяет работы российских и зарубежных исследователей истории традиционной старообрядческой культуры. Он создан на материалах докладов III международного симпозиума, посвященного традиционной духовной и материальной культуре русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки и проходившего впервые в России (I симпозиум состоялся в ФРГ, II – в Югославии) в Новосибирском научном центре (сентябрь 1990 г.). С докладами выступили 60 ученых из 10 стран (США, Канады, Великобритании, Японии, ФРГ, Швейцарии, Финляндии, Польши и Румынии). Содержание этих докладов стало основой сборника. В них практически впервые в русской и зарубежной историографии были проанализированы самые разные стороны духовной и материальной культуры старообрядчества за все три столетия его существования, а главное, рассмотрено современное состояние этой культуры в основных старообрядческих регионах нашей страны и зарубежья.

Особого внимания заслуживают юбилейные сборники серии (вып. 14, 20, 24), посвященные 60-летию, 70-летию, и 75-летию академика Н.Н. Покровского, а также выпуски, посвященные памяти главы сибирской археографии (вып. 33 и 34). Широкий диапазон научных интересов Н.Н. Покровского определяет тематическое многообразие этих выпусков и невероятно обширный круг авторов (более 60 авторов в каждом сборнике)⁶.

⁶ Среди авторов специалисты историки, филологи, этнографы, музыковеды, культурологи, это сокурсники Николая Николаевича, друзья, единомышленники, почитатели его таланта, коллеги и, конечно же, ученики: В.А. Александров, Ю.Г. Алексеев, Д.Н. Альшиц, А.А. Амосов, В.Ю. Афиани, О.А. Белоброва, М.Т. Белявский, А.А. Горский, А.Х. Горфункель, М.М. Громыко, Н.С. Гурьянова, Н.С. Демкова, О.Д. Журавель, Л.И. Журова, Н.Д. Зольникова, Т.Г. Ка-

Надо отметить, что при таком многоголосье и небольшом объеме каждая статья, отправленная юбиляру в подарок, по содержанию представляет собой неповторимую тематическую зарисовку. Например, в статье «Вот те, Васька, и редька!» (к истории профессиональных языков) академик А.М. Панченко, раскрывая давно утраченный смысл фразы-символа из офицерского жаргона, делает изумительный набросок четверной дуэли «partie каее» (между штаб-ротмистром кавалергардского полка Василием Шереметевым и камер-юнкером графом А.П. Завадовским), случившейся из-за 18-летней балерины Авдотьи Истоминой, воспетой А.С. Пушкиным в 1-й главе «Евгения Онегина». В научный оборот вводятся новые исторические имена (Б.Л. Фонкич «Анастасий «из Малой России» (к истории участия греков в деле патриарха Никона), зачастую в научный оборот вводятся неизвестные ранее исторические источники (см.: А.Х. Элерт. «Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура»; А.Т. Шашков «Неизвестная «гарь» 1685 года в верховьях Кокшеньги»; Е.М. Юхименко «Реальные герои выговских чудес» и др.), а также даются новые интерпретации отдельных памятников или их фрагментов (см.: С.И. Николаев «Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума?»; А.А. Горский «Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве». (К чтению «с три кусы»); В.Л. Янин «О двух ложных прочтениях летописных текстов»). Нами здесь названы лишь несколько статей из юбилейных сборников, которые давно уже стали библиографической редкостью⁷.

Статьи выпусков 33 и 34 составлены на основе докладов, заслушанных на конференциях памяти Н.Н. Покровского. Впервые исследовались методологические принципы творчества Н.Н. Покровского, связанного как с русской дореволюционной традицией, так и открытого современным научным вызовам (статьи Е.Н. Швейковской, Н.Д. Зольниковой). Статьи этих сборников также отличает широкий спектр проблем, изучаемых его многочисленными последователями – историками и филологами.

В них помещены статьи иностранных исследователей (Хидэаки Сакамото «Брак и семья в русской старообрядческой деревне Маньчжурии: сравнение с японскими поселенцами»; Накамура Ёсикадзу «Вспоминания о Николае Николаевиче Покровском»), московских (Е.Н. Швейковская «Судебно-следствен-

занцева, С.М. Каштанов, М.Н. Климова, В.П. Козлов, А.И. Копанев, О.А. Князевская, Г.Д. Ленхофф, А.И. Мальцев, Н.П. Матханова, Н.А. Миненков, А.С. Мыльников, В.Д. Назаров, Т.А. Опарина, В.М. Панях, Т.В. Панич, А.М. Панченко, С.Г. Петров, Б.И. Пивоваров, А.И. Плигузов, А.А. Преображенский, А.П. Пронштейн, Н.Н. Розов, В.А. Ромодановская, Е.К. Ромодановская, Б.А. Рыбаков, М.Д. Сергеев, А.В. Сиренов, Л.В. Титова, А.А. Турилов, Б.Л. Фонкич, Б.Н. Флоря, В.А. Черных, Е.В. Чистякова, О.В. Чумичева, А.Т. Шашков, С.О. Шмидт, А.Х. Элерт, Н.Я. Эйдельман, Е.М. Юхименко, В.Л. Янин и др.

⁷ В настоящее время осуществлена публикация полнотекстовых электронных версий всех выпусков серии «Археография и источниковедение Сибири» на сайте Института истории СО РАН: www.history.nsc.ru.

ные материалы XVI–XVIII вв. в творчестве академика Н.Н. Покровского : источниковедческий аспект»; А.С. Усачев «Датированные русские книги XVI в. из фондов ОР РНБ»; Санкт-Петербургских (А.В. Сиренов «Новое о биографии Тихона Макарьевского»; Н.С. Демкова, Л.В. Титова «Неизданная переделка XVII в. первой редакции Жития протопопа Аввакума, не сохранившейся в автографе»; В.А. Ромодановская «Коколянич»; Юрий Георгиевич Алексеев о Николае Николаевиче Покровском), уральских (Н.А. Мудрова «Устюжский летописец конца XVIII века из собрания ЛАИ УрФУ»; П.И. Мангилов «Сборник сочинений инока-схимника Максима из библиотеки Екатеринбургской духовной семинарии (предварительное сообщение)»; А.В. Мангилова «Влияние модернизационных процессов на кадровую политику епархиальных властей в XIX в.») и томских (М.Н. Климова «Русская религиозная легенда в дневнике иностранного путешественника XVI века»). И, конечно же, большинство авторов сборника – это сотрудники Института истории, коллеги Н.Н. Покровского, а также его ученики.

Тематика статей соответствует главным направлениям научных интересов Н.Н. Покровского. Традиционно полно отражена в статьях и публикациях ведущая тема сибирской археографии – старообрядчество: введены в научный оборот новые источники, сделаны принципиально важные обобщения по оформлению идеологии старообрядческого движения, истории согласий.

Предметом научного анализа стали документальные источники, эпистолярно-мемуарные жанры, экспедиционные материалы (дневники) Г.Ф. Миллера, дневники и письма сибирских чиновников, документы по истории купечества. Особое место в сборнике занимают воспоминания о Николае Николаевиче. Нам представляется своевременным и целесообразным продолжить изучение материалов из архива академика Н.Н. Покровского в следующих выпусках серии.

В заключение еще раз подчеркнем, что при всем разнообразии тем конкретных статей сборников всех их объединяет пристальное внимание к источнику, что всегда во главу угла ставил академик Николай Николаевич Покровский, о чем он всегда помнил и передавал этот завет своим ученикам. В одном из предисловий к сборнику серии он писал:

«Внимание к тексту, сохранившемуся в рукописной традиции, отразившему взгляды и отношения своего времени, характеризует все статьи сборника. Несомненно, что такой подход создает незыблемый фундамент для выяснения пути формирования и развития общественной мысли, для воссоздания детальной истории русского народа. Работы сибирских археографов добавляют новые яркие штрихи в пеструю мозаику, отражающую реальную жизнь прошлых веков» [10, с. 4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н. Археологические экспедиции в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1: А–И. С. 131–134.

2. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005. 344 с.

3. Судные списки Максима Грека и Исаки Собаки / подг. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1971. 193 с.

4. Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как организатор науки (вторая половина 1960-х–1980-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 32–39.

5. Лихачев Д.С. Предисловие // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 3–4. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 14).

6. Покровский Н.Н. Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 155–182. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 3).

7. Покровский Н.Н. Неизвестный документ о волнении устьицких крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 178–184. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 4).

8. Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 48–79. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 6).

9. Crumney R.O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois Univ. Press, 2011. P. 167–189.

10. Покровский Н.Н. Предисловие // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 3–4. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 16).

REFERENCES

1. Alekseev V.N., Dergacheva-Skop Ye.I., Pokrovskiy N.N. Archeographic Expeditions in Siberia. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 1, pp. 131–134. (In Russ.)

2. Pokrovskiy N.N. Journey for Rare Books. Novosibirsk, 2005, 344 p. (In Russ.)

3. Trial Records of Maximus the Greek and Isak Sobaka. Prep. by N.N. Pokrovskiy, 193 p. (In Russ.)

4. Zolnikova N.D. N.N. Pokrovskiy as Organizer of Science (the Latter Half of the 1960s – 1980s). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2017, vol. 24, no. 1, pp. 32–39. (In Russ.)

5. Likhachev D.S. Foreword. *Obshchestvennoye soznaniye, knizhnost, literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 3–4. (Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri; issue 14). (In Russ.)

6. Pokrovskiy N.N. Petition of the Ural Plants' Peasants of 1790. *Sibirskaya archeografiya i istochnikovedeniye*. Novosibirsk, 1979, pp. 155–182. (Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri; issue 3). (In Russ.)

7. Pokrovskiy N.N. The Unknown Document about Pewsant Insurgency in Ust-Nitsinskaya Village in the XVII Century. *Sibirskoye istochnikovedeniye i arkheografiya*. Novosibirsk, 1980, pp. 178–184. (Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri; issue 14). (In Russ.)

8. Pokrovskiy N.N. Reviewing data from the judicial and investigatory records about the political views of Siberian peasants late XVII – mid-XIX century. *Istochniki po kulture i klassovoy borbe feodalnogo perioda*. Novosibirsk, 1982, pp. 48–79. (Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri; issue 6). (In Russ.)

9. Crumney R.O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois Univ. Press, 2011, pp. 167–189.

10. Pokrovskiy N.N. Foreword. *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodalnoy Rossii*. Novosibirsk, 1992, pp. 3–4. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.05.2017

DOI: 10.15372/HSS20170307
УДК 821.161+235.2+94(47)

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

КНИЖНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ И НАРОДНЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ В СИБИРИ XVII–XVIII вв.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В центре внимания автора – демонологические мотивы ранней сибирской литературы («Сказания об Абалацкой иконе Богородицы», «Сказании о явлении Николая Мирликийского томскому гражданину Григорию»), отразившие феномен одержимости. В статье показано, что литературно-церковный дискурс существовал параллельно с практикой гражданских расследований. Литературные тексты сопоставляются с материалами сибирских судебно-следственных дел XVIII в. о колдовстве и порче. Автор рассматривает книжную демонологию как своеобразную интерпретационную и полемическую стратегию, направленную на борьбу с народной магией. Государственному преследованию запретных магических практик церковь противопоставила духовную проповедь, выраженную в памятниках письменности. Вопросы духовного просвещения совмещались при этом с насущными задачами утверждения культа местных святынь, что было важной частью религиозной политики Тобольского архиерейского дома. При всем различии языковых стратегий и механизмов борьбы с народной магией представители разных слоев сибирского общества принадлежали к одной народной-религиозной культуре, включающей в качестве неотъемлемой черты магические представления и практики.

Ключевые слова: сибирская агиография, народное христианство, одержимость, порча, демонология, судебно-следственные процессы.

O.D. ZHURAVEL

BOOKISH DEMONOLOGY AND FOLK MAGICAL BELIEFS IN SIBERIA IN THE XII–XVIII CENTURIES

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia,
Novosibirsk State University,
1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article considers the early Siberian literature in the context of popular religious consciousness of Siberians in the XVII–XVIII centuries, which is characterized as popular Orthodoxy with magical practices and beliefs as essential elements. The author focuses on demonological motifs reflecting primarily the phenomenon of possession (demoniac possession, hand-wringing, hiccup). The study showed that these motifs were widely represented in the miracles from the “Tale of the Abalak Icon of the Mother of God”, they can be found in the “Tale of Appearance of Nicholas of Myra” and “Life of Simeon of Verkhoturye”. Literary materials are compared with documentary sources – judicial and investigative materials related to sorcery and spell cases. The author considers bookish demonology of the early Siberian literature as a certain interpretative and polemical strategy aimed against popular magic which was viewed by the ecclesiastic and state law as spiritual crime.

The article shows that the literary and church discourse existed along with practice of civilian investigations. The latter actively involved not only the state investigative and administrative bodies but also local population. The religious preaching expressed in written monuments was set by the church against the state prosecution. In so doing, the church combined issues of spiritual enlightenment with urgent tasks of establishing the cult of holy icons and sanctuaries, which was an important part of policy pursued by the Tobolsk Archpriest's House.

The author comes to conclusion that despite different linguistic strategies and mechanisms of struggle against popular magic, representatives of various layers of the Siberian society belonged to the same popular and religious culture, of which magical beliefs were an integral part. The author interprets the phenomenon of possession as a symbolic code which determined the everyday behavior and way of thinking of Siberians irrespective of their social status.

Key words: Siberian hagiography, popular Orthodoxy, possessions, spell, demonology, inquisitorial procedure.

Ольга Дмитриевна Журавель – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: helgazhuravel@gmail.com.

Olga D. Zhuravel – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University.

В конце 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. для Академической экспедиции Г.Ф. Миллера в Томске была сделана копия «Сказания о явлении великого иерарха Николая Мирликийского чюдотворца томскому гражданину Григорию»¹. В сказании повествуется о том, как святой Николай спас больного, страдавшего от бесовских истязаний. Причиной болезни, едва не стоившей Григорию жизни, было намерение обратиться к дьяволу с просьбой о богатстве: «Согреших, Господи, сице рекох во умѣ моем: “О что се, како богатии богатѣют, аз же един убог сын? Мню, яко бесове им приносят и спомогают о собрании богатств их. Добро было бы мнѣ, аще и ко мнѣ бы принесли, и аз бы у них принял и имѣл бых их себе спомогатели!”»². Отчитывая Григория за преступное легкомыслие, чюдотворец затрагивает тему духовного неблагополучия в городе в целом: «...аще бы аз тебе нынѣ не предстал в воспоможение, то бы злии тии демони зверообразною своею лютою всяко погубили бы тебе душевно и телесно, яко и протчих, беззаконно живущих и *имущих с ними дружество в чародѣйствѣ и волшебствѣ*»³ (курсив мой. – О. Ж.).

Устами святого книжник озвучил проблему, актуальную для сибирского общества того времени. Еще в 1654 г. царь Алексей Михайлович направил в Томск грамоту: «Ведомо учинилось..., что в Сибирских городах многие незнающие люди, забыв страх Божий и не памятуя смертново часу и не чая себе за то вечныя муки, держат у себя отреченные книги и писма и заговоры, и коренья и отравы, и ходят к ведуну и к ворожеям, и на гадательных книгах костми ворожат, и тем кореньем и отравы и еретическими наговоры многих людей насмерть портят, и от тое их порчи многие люди мучатца различными болезнями и умирают...» (цит. по: [1, с. 113]). В эпоху Просвещения ситуация в Сибири кардинально не изменилась. В быту сибиряков были широко распространены самые разнообразные магические практики [1; 2], в том числе квалифицируемые в царской грамоте как «порча».

Народная магия основывалась на архаических верованиях, составлявших неотъемлемую часть картины мира человека Средневековья. На протяжении веков церковь вела борьбу с остатками языческих культов, с верой в колдовство, а затем и с самими колдунами, с XVII в. в эту борьбу активно включилось государство⁴. С 1622 по 1688 г. проводились расследования в каждом отдельном случае обвинений в применении

запретной магии [3, с. VI]. Византийское право (статьи о «волсвех», «обавницех», «чародеех и узолницех» в Кормчей) было дополнено поначалу княжескими уставами, с 1649 г. – статьей о богохульниках в Соборном уложении. Кроме того, в XVII в. в разные города рассылались царские грамоты, призывавшие к искоренению остатков язычества. В народной магии выделялись опасные проявления народной культуры, чуждой официальному христианству.

Петровское законодательство вводит новую терминологию: в Воинском уставе речь идет не только о чернокнижниках, но и о тех, кто «действительно с дьяволом обязательство имеют». Согласно Воинскому артикулу, «наказание сожжения есть обыкновенная казнь чернокнижцам, ежели оный своим чародейством вред кому учинил или действительно с дьяволом обязательство имеет»⁵. Как и в западноевропейской традиции, власти не столько искореняли языческую по происхождению магию, сколько насаждали мысль о связи ее с дьяволом. Это отразилось и в таком социально-психологическом феномене, каким была одержимость, всегда считавшаяся следствием злой магии («порчи»).

Явление одержимости (кликушества) рассматривалось в науке с разных сторон, в зависимости от места его в том или ином дискурсе [6]. Медиевисты трактуют его как «бесодержимость» [7], в архаической народной традиции, изучаемой антропологами и фольклористами, принято название «икота» [8; 9]. Одержимость и связанные с ней психические аномалии считались в Средневековье (и считаются у носителей традиционной культуры по сей день) результатом воздействия на человека агрессивных сил посредством внедрения в его тело вредоносной сущности. Интерпретация этой сущности обусловлена актуальными религиозно-мифологическими представлениями. Фольклористы до недавнего времени фиксировали рассказы об «икоте» как о вполне осязаемом предмете, насланном вредителем [8]. В древнерусской и старообрядческой литературе данная сущность однозначно интерпретировалась в рамках демонологии: как бес, вселившийся в человека.

Магические представления, отразившиеся, в частности, в феномене одержимости, являлись частью ментального универсума сибиряков первых веков освоения Сибири. На несколько сибирских дел о колдовстве и порче XVII–XVIII вв. еще в 1975 г. обратил внимание Н.Н. Покровский, обсуждая проблемы, связанные со сложной системой народного православия [1, с. 110–130.]. Исследование общественного сознания и народной религиозности сибирского населения, начатое М.М. Громыко, Н.Н. Покровским, может быть продолжено за счет расширения источниковой базы и применения новых методологических подходов. В частности, может быть полезным обращение к новым источникам, как документальным, так и нар-

¹ РГАДА. Ф. 199 (портф. Миллера). Оп. 2. П. 505. Ч. 1, д. 6 (2^о, копии XVIII в.). Л. 13 об.–20. Бумага содержит «белую дату» 1730 г. См. также список 1745 г.: Архив РАН, СПФ. Ф. 21 (Миллер Герард Фридрихович). Оп. 5. № 110. Сочинение создано на основе легендарных событий 1702 г., когда в д. Крестининой под Томском явилась чудотворная икона св. Николая Мирликийского, перенесенная вскоре в с. Семилужки.

² Цит. по более сохранному списку: Архив РАН, СПФ. Ф. 21. Оп. 5. № 110. Л. 3 об.–4.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Значительный массив судебно-следственных дел опубликован: [3; 4; 5].

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е: с 1649 по 12.12.1825. СПб., 1830. Т. V, № 3006. С 320–321.

ративным, представленным агиографическим дискурсом. Рассмотрение их в комплексе не только позволит приблизиться к пониманию мировоззрения сибиряков прошлых эпох, но и дополнит научные знания об одержимости как уникальном историко-культурном и социально-психологическом феномене, проявлявшемся как в преследовании колдовства, так и в других исторических ситуациях.

В 1737 г., примерно в то же время, когда создавалось «Сказание о явлении Николая Мирликийского томскому гражданину Григорию», в Томске было начато расследование дела о порче⁶. Некто Мещерин привел в Томскую канцелярию «девку калмыцкой породы» Арину Иванову дочь, 12 лет, сказав, что «чрез волшебства она девка испорчена назад тому четвертой год и есть де во утробе у ней дьявольское навождение, которой де говорит явно человеческим языком вслух и показывает о себе, что де он лукавой» (л. 3). Об этом в Москву, в Сыскной приказ, сообщил томский воевода Угрюмов. Как показывала Арина, «лукавой» «посажен во утробу ко оной девке во щих девкою ж Василисою прозванием Ломакова», «тому четвертой год, и взят де он из воды». Однажды якобы Арина спросила щей у Ломаковой. Та дала, но сказала при этом: «Трескай, де, черт с тобой!» (л. 3, 220 об.) Бытовая грубость сыграла роль магического заклинания, и с тех пор Арина занемогла.

Несмотря на терминологию, свидетельствующую об усвоении служащими Томской канцелярии догмы о связи запретной магии с «нечистой силой», материалы дела выявляют древнейшие корни представлений об одержимости. В канцелярии было произведено освидетельствование, подтвердившее, что «подлинно явилась испорчена, у которой во утробе имеетца дьявольское навождение, и говорит человеческим языком вслух...» (л. 3 об.). Для выяснения обстоятельств дела опрашиваются «томские жители», дело приобретает широкий размах. Всех подозреваемых было решено отправить под крепким караулом в Сибирскую губернскую канцелярию. Пока Арину держали под охраной, дьявол проявлял активность – он то ругал караульного казака, то каялся и прощался с игуменьей, посетившей одержимую. На вопрос, куда дьявол собрался уходить, прощаясь, «он де дьявол отвещал ей: “я де иду в воду”, и велел оной дьявол отворить двери, и как де келейные двери отворили, тогда у оной девки Арины, лежа на прилавке, уста широко растворились и шла мокрота и вскоре изо рта у ней появился подобно как дым, и вышел ис кельи во двери вон, и после того она, Арина, сказывала им: “из гортани де ее незнаемо что вышло, подобно как ворона мокрая и дьявольского де навождения во утробе у ней не стало...”» (л. 5).

Следствие на этом не закончилось, применялись разнообразные средства экспертизы, от пыток до беседы с бесом, не принесшей результатов. Экзаменовал «лукавого» «по вопросам христианским» сам воевода

Угрюмов, подражая, видимо, инквизиторским допросам, однако ответов не получил. Пострадавшая давала противоречивые показания, заявив в конце концов, что наговорила на себя, однако это не облегчило ее участи. Арину по приговору суда били кнутом и, вырезав ноздри, сослали навечно на работы в Охотский острог. Наказаны были все замешанные в эту историю.

Как видно из процитированного источника, в расследование были вовлечены томские жители разных социальных слоев – от простолюдинов и духовных лиц до канцелярских служащих и самого воеводы. Насколько можно судить по материалам дела, противоречий в понимании природы одержимости у них не было. Но само это понимание весьма противоречиво, поскольку является результатом синтеза архаичных представлений об икоте, христианской демонологии и инквизиторской практики. Поведение Арины типично для кликуши, ее одержимость единодушно трактуется как следствие порчи и поселения в ней зловредной сущности. Эта сущность – уже не икота [8], а «лукавой», «дьявол», однако он «посажен во щих» (обычный способ порчи через пищу) и уходит в воду, как некая языческая нечисть. Покидая жертву, он принял облик мокрой вороны – вполне в соответствии с представлениями о формах икоты [8, с. 133, 119].

Дело об Арине Ивановой – не единичное в этом роде. Сибирь в отношении преследования колдовства мало отличалась от России в целом, где расследования проводились вплоть до 60-х гг. XVIII в. [10].

О том, насколько защита от порчи была актуальной для сибиряков в первые десятилетия XVIII в., свидетельствуют тексты из «Сибирского сборника» – рукописного памятника, ярко отразившего явление религиозного синкретизма [11, с. 250–266]. Палеографический анализ, проведенный А.А. Туриловым, показал, что сборник состоит из двух разновременных частей, первая его часть уже существовала к 1721 г., вторая активно пополнялась в 1730-е гг. Сборник содержит несколько датированных записей, где указаны имена владельцев. Публикатором отмечена любопытная деталь: наряду с обычной для начала XVIII в. бумагой голландского производства была использована гербовая бумага 1733 г. «Писавший заговор на гербовой бумаге мог питать надежду на то, что он будет более прочным («крепким»)» [11, с. 253], поскольку в традиционных слоях русского населения существовало представление о магическом воздействии государственной символики.

Основная функция «Сибирского сборника» – защитная. Именно этой цели – защите от врагов, злоумышленников, должны были служить почти все тексты, включенные в него: не только заговоры, но и апокрифы, и молитвы. Чисто сибирской приметой можно считать то, что в сборник включены тропарь и кондак Василию Мангазейскому, а также часть его Жития (чудо 1661 г.). Почитание Василия Мангазейского не получило общерусского признания, однако в Тобольской епархии он был популярен, что не в последнюю очередь было обусловле-

⁶ РГАДА. Ф. 7 (архив Сыскного приказа). Д. 553, 1737 г. 281 л. Далее ссылки на листы дела приводятся в тексте в круглых скобках.

но стремлением сибиряков заручиться поддержкой собственного местного святого. Это и подтверждается включением названных текстов в сборник заговоров. На «сибирский след», как мы считаем, указывает и появление в заговоре слова «атаман» («пойдите к своему другу атаману, к своему отречнику, хто вас посылал...» – с. 256), и включение Ермака в число поминаемых в заговоре: «И спомянут воина Ермака во Царствии Небеснем» [11, с. 265]. Вполне возможно, что составителями заговоров были казаки из первых поколений завоевателей Сибири, чья жизнь в суровых климатических условиях, в окружении недружелюбного местного населения была исполнена опасностей и требовала, помимо оружия, традиционных средств защиты через обращение к магии.

Среди прочих опасных явлений в заговорах из сборника названа «скорб и порча»: «будет ему, кто напустил – мужик или женка, или девка, или отроковица, или молод, или стар, или поп, или дяк, или пономарь, или скоморох, или калика, или чернец или черница, искусник или искусница, или вещник, или вещица, или самокрутка, или рострига, или ведьма, или ведун, или ведунья...» [11, с. 254]. Примечательно, что среди групп населения, потенциально способных навести порчу, упомянуты и духовные лица – поп, дяк, чернец, а также скоморохи⁷. Подробно перечисляются и все возможные обстоятельства («Будет ту порчу на дороге, или на стрече...или в пиру, или на свадьбе, или на крестинах, или на родинах, или на сорочинах...») и средства, с помощью которых орудовали недруги («или в молоке, или в хлебе ... или в меде, или в яйце, или в масле, или в горохе, или в огурцах, или в дынях, или в чесноку, или в муке, или в пиве, или в вине, или в браге, или в квасу, или в простой воде, или в чом-нибудь испортит, или на следу, или на месте, или зелем и корением, или травами, или словами, или помышлением, или делом» [11, с. 254–255]). В заговорах как магическое средство упоминается порох [11, с. 257] – вполне в соответствии с практикой, как ее отразили судебные дела. Так, «заговоренный мушкетный порох» пытались давать сургутскому воеводе, князю Константину Щербатому в 1679 г. восставшие против него заговорщики [1, с. 115–116]⁸.

Следы бытования «Сибирского сборника», который пестрит владельческими записями, обильное включение в его тексты, помимо образов древней славянской мифологии (Алатырь-камень, зверь Любимец и пр.) и христианской демонологии, святых и Бо-

городицы, свидетельствуют о том, что эта рукопись не считалась чем-то запретным. Мера осознанности того, насколько обращение к языческой магии несовместимо с православием, проявлялась по-разному. Чаще всего нормой был религиозный синкретизм, когда человек считал себя христианином и использовал при этом магию, в том числе в целях защиты. «Хотя современному наблюдателю многие элементы этой системы представляются подчас крайне противоречивым, эклектичным соединением язычества, христианской демонологии и синодального православия, на деле перед нами стройное и последовательное единство», – писал Н.Н. Покровский [1, с. 110].

Явление одержимости нашло отражение и в сибирской духовной литературе, что до сих пор не являлось предметом специального внимания исследователей. В агиографическом дискурсе данный феномен трактуется в демонологических категориях, однако содержание рассказов об одержимых обнаруживает заметный архаический «след». Речь идет прежде всего о сюжетах «Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы» (1641 г.) [12, с. 137–159]⁹, процитированного выше «Сказания о явлении святого Николая Мирликийского томскому гражданину Григорию», Жития Симеона Верхотурского (конец XVII – начало XVIII вв. [13, с. 196–271]). Особенно яркий материал по изучению феномена одержимости содержат чудеса из Сказания об Абалацкой иконе Богородицы. В полной редакции Сказания, датируемой первой половиной XVIII в. [13, с. 370], присутствуют 13 сюжетов, повествующих об исцелении одержимых посредством обращения к Абалацкой иконе.

Все эти сюжеты коренятся в фольклоре и имеют документальную основу. О документальной природе чудес, входящих в состав сибирских памятников агиографии, писала Е.К. Ромодановская [12, с. 141–148]. Они записывались при церкви, где хранилась икона, зачастую со слов свидетелей. В них содержатся точные данные о времени, месте события, биографические сведения об их участниках. Во множестве чудес Сказания об Абалацкой иконе упоминаются реальные рассказчики: «Прииде на Аблак из веси Тобольскаго града некий человек земледелец, именем Феодор Максимов, со женою своею, именем Анною, по обещанию своему, помолитися Пресвятей чудотворней иконе...и поведаша чудо сицево, глаголя. Бысть, – рече, – жена его Анна одержима беснующимся недугом...» (с. 107–108); «прииде на Абалацкий погост из веси града Тобольска некая жена, именем Улья-нея, с сыном своим Феодором...Бе, – рече, – сын ея Феодор объят бысть недугом многое время, и бысть во иступлении ума, и по мнози убо дни от беса томим бысть...» (с. 109).

Чудеса об исцелении «бесных» – не редкость в древнерусской агиографии. Как правило, подобные

⁷ Скоморохи упоминаются и в «Сказании о явлении святого Николая Мирликийского томскому гражданину Григорию», что было отмечено Е.К. Ромодановской [12, с. 151]. Не исключено, что в начале XVIII в. в Сибири не была до конца истреблена фольклорная традиция скоморошества.

⁸ Комментируя дело о порче князя К. Щербатого, Н.Н. Покровский писал, что историку «нелегко будет уложить в классификационную систему различных форм классовой борьбы эту историю порчи воеводского семейства заговорами», отмечая при этом, что данный случай – не единственный из зафиксированных источниками [1, с. 115].

⁹ Опубликовано: [13, с. 85–184]. В дальнейшем Сказание об Абалацкой иконе цитируется по данной публикации с указанием страниц в круглых скобках.

эпизоды в средневековых книжных памятниках достаточно лаконичны. В XVII в., на фоне демократизации литературного процесса, и, как следствие, более активного проникновения в книжные памятники демонологических мотивов появляется знаменитая Повесть о Соломонии бесноватой – своеобразная энциклопедия одержимости [7]. Разработка сюжетов в сибирском памятнике – вполне в русле новых веяний в литературе XVII в.

Маркером темы одержимости в чудесах Сказания об Абалацкой иконе служат слова-сигналы, обозначающие болезнь, которые появляются уже в названиях: «О человеце беснующемся» (чудо 12, с. 104, чудо 21, с. 109, чудо 22, с. 109), «О отрочате беснующемся» (чудо 15, с. 106), «О жене беснующейся» (чудо 19, с. 107). Вербальный код феномена одержимости в его «книжном» варианте обусловлен демонологическими представлениями, в сюжетах обязательно упоминается о «нечистых духах», «бесовском нападении», «бесовском озлоблении»: «да избавится от страждущаго недуга, духа нечистаго», «от бесовскаго озлобления свободися и к тому не виде зла от беса» (с. 104–105, 106, 109). Однако фольклорное происхождение сюжетов обусловило проникновение в книжный памятник народных представлений об одержимости и порче.

Так, в самом названии чуда 97 отчетливо отразилось древнее поверье об икоте: «О некоей же жене *икающей* и беснующейся». Демонологизация представлений об икоте не помешала проникновению в рассказ деталей, выявляющих связь с архаическими верованиями. В сюжете описано, как в городе Тобольске некая жена Анна «одержима великим недугом годишное время. Бе же ей недуг зелне лют, во многи дни икаючи и всячески различными гласы вопиющи, ово человеческим гласом, ово же птичьим граем и ово безсловесных убо гласу уподобляясь крычащи» (с. 160). Книжным языком точно описано типичное поведение кликуши, что подтверждается как этнографическими [8], так и документальными источниками, современными чудесам из Сказания. Так, в 1759 г. в Кузнецкой воеводской канцелярии на следствии по делу о порче Василисы, жены разночинца Степана Павлова, было показано, что во время приступов она «кричала кукушкой и лаяла собакой» [1, с. 111].

Во время приступов с Анной едва могли справиться, настолько физически сильной она становилась: «А егда же найде на ню таковой недуг, то поемше ю человецы два или трие и крепче вельми держаще ю и никако же могуще ю удержати. Руце же свои зубы грызуще и на главе своей власы терзаючи, и по лицу себе биюще, и одеяние на себе растерзаючи» (с. 160). Описания невероятной силы одержимых – устойчивый элемент демонологической литературы [14, с. 242–243]. Наиболее болезненным для Анны было чтение Евангелия, бес тогда проявлял, как свидетельствует чудо, повышенную активность: «во оно время она икаючи и ина многа глаголющи». И только после обращения к Абалацкой иконе «икоты

не бысть ей, ни демонскаго нахождения ... и не виде зла от демона» (с. 161).

Несколько сюжетов содержат устойчивую формулу «беснующийся недуг»: «Иустин Ошкоков беснующимся недугом одержим бысть» (с. 104–105, см. также: с. 106, 107–108, 109, 116, 119, 131–132, 139, 152). На первый взгляд, здесь нарушена грамматическая норма, однако можно предположить, что причастие «беснующийся», отнесенное не к больному, а к самой болезни («недуг»), подчеркивает ее генетическую связь с «икотой». «Беснующийся недуг» – аналог «дьявольского навождения» из цитированного выше дела об Арине Ивановой, которое могло как войти в несчастную «во щак», так и покинуть жертву. Таким образом, книжник разделял народное представление об одержимости как о результате «подсаживания» к жертве некоей вредоносной сущности, но это представление уже подверглось демонологизации.

Почти самостоятельной повестью является чудо 54 «О девицы Мелании». В нем повествуется о бесовском искушении девочки. В соответствии с жанровыми требованиями чудес здесь точно, как в делопроизводстве, указывается имя и происхождение главного персонажа. В данном случае – это дочь «человека воинскаго чину» из Тобольска, «именем Андроник, по званию же бысть Сухан Ермолин». Отмечено и время – «суботнему дни мимошедшу, приспе вечер недельнаго дни, и бысть яко в пятый час нощи». В данном сюжете встречается описание облика бесов, не частое в древнерусских литературных памятниках. «И се, рече, приидоша нецыи ко одру ея страшнии два беса, по видению же быша аки человецы, оба же наги и мрачны. Един же от них брадатый¹⁰, а другой же млад бяше» (с. 128). Они разбудили девочку, назвав по имени, начали уговаривать не поклоняться Богу, не молиться, снять с себя крест. Девочка от страха не могла вымолвить ни слова, они же «даша ей ясти зелье, зовомую редку». Видимо, «зелье» подействовало, после этого бесы сняли с нее одежду и начали избивать «жезлием». Рассказала об этом родителям, они обещали ее свозить на Абалак и петь молебен «о избавлении дщери своея от бесовских нападаний». Семь дней еще приходили эти два беса к Меланье. Девочке повезло – в те дни Абалацкую икону принесли в Тобольск, в Воскресенскую церковь, с целью сбора денег на церковное устройство. Когда принесли икону – «в то время онии два мрачных беси далече от нея отступиша и без вести быша. И к тому не виде зла от бесов» (с. 128–129).

Связь с книжной демонологией прослеживается в чуде 33 «О жене беснующейся». Житель с. Сузгун Тобольского уезда Савин рассказывал: «Бе, рече, жена его Анисия во иступлении ума и множицею беснующаяся ей, и нелепая словеса глаголющи, и безпрестани вражие дьявольское шептание усты своими глаголаше. Во дни же и в нощи не спящи, но без сна пребывающи»

¹⁰ Борода – «важнейший маркер власти и старшинства, позволяющий отличить сатану от остальных бесов» [15, с. 47].

(с. 115). Обращение мужа к Абалацкой иконе и обещание идти на Абалацкий погост с поклонением принесло мгновенное исцеление, однако обещанное не было исполнено. Вначале «в тонце сне» с предупреждением явилась сама Богородица, но «паки за неким орудием удержашася». И тогда «...приидоша ко одру их нецыи страшни чернии демони, и начаша ю страшити всячески, и на сон обратитися ей не даючи. И паки бысть жена его во иступлении ума, и начат бесноватися, и нелепая словеса глаголати, яко же и прежде...». Очередное явление Богородицы сопровождалось страшной угрозой: «Аще же ли не исполните обещания своего, тако бо имате мучитися и до кончины живота ваю» (с. 115–117).

Если алгоритм инквизиционных процессов в самом общем виде можно представить следующим образом: болезнь (порча) – поиск виновного – наказание, то алгоритм агиографических сюжетов иной. Его составляют следующие элементы: болезнь – обращение к иконе или помощь святого – исцеление. Духовная литература ставит акцент на исцелении, неразрывно связанном с религиозным почитанием святынь. Поиск виновных не входит в область задач агиографии, оставаясь за рамками литературы. Все сюжеты демонстрируют скорое и безболезненное избавление от недуга: для того, чтобы исцелиться от любой, самой страшной болезни, прогнать бесов, достаточно просто обратиться с мольбой к иконе или святому.

Утверждая такой путь исцеления от порчи, страхом перед которой было охвачено общество, церковь пыталась решить важную задачу: утверждение почитания местных святынь. Важность ее осознавалась всеми сибирскими иерархами. Для решения этой задачи особое значение имело установление почитания местных святынь и прославление местных святых. Так, архиепископ Сибирский и Тобольский Нектарий (1636–1640) собственноручно писал челобитную царю Михаилу Федоровичу по поводу явления иконы Знамения Богородицы на Абалаке, чтобы выпросить средств (руги) на поддержку причта вновь построенной церкви [13, с. 277–278]. К челобитной были приложены материалы следственного дела о явлении иконы вдове Марии [13, с. 342–344]. Деятельность духовных лиц находила отклик и у населения, нуждавшегося в местных святынях. Челобитная Нектария писалась уже после того, как церковь был построена на пожертвования местных жителей. На всех этапах создания агиографических текстов (а наличие Сказания об иконе было важным этапом в развитии почитания святыни) редакторская работа книжников опиралась на чей-то устный или письменный рассказ. Литературная история памятников зачастую представлена созданием новых редакций, добавлявших, как правило, все новые чудеса. Фиксация этих чудес проходила несколько этапов, и окончательный текст всегда был результатом пересечения книжной и фольклорной традиций.

Таким образом, для понимания картины мира сибиряков XVII–XVIII вв. наряду с документальными

материалами могут рассматриваться памятники книжности (сказания, жития). Нельзя не согласиться с мнением исследователя ранней сибирской литературы Е.К. Ромодановской, считавшей, что «повести об иконах могут предоставить исследователям материал по истории быта, взглядов, верований, настроений тех или иных социальных групп, по вопросам идеологии и социально-исторической психологии. Можно попробовать по сказаниям об иконах представить общую картину жизни сибирского населения» [12, с. 149].

Агиография предлагала собственную интерпретационную стратегию широко распространенных явлений, связанных с бытовой магией. Язык агиографических текстов был не нов, поскольку продолжал многовековую традицию средневековой литературы. Однако сибирские тексты порождались в той же локальной среде, где в ходу были иные модели реагирования на феномен одержимости. При всем различии языковых стратегий и механизмов борьбы с народной магией представители разных слоев сибирского общества принадлежали к одной народной-религиозной культуре, включающей в качестве неотъемлемой черты магические представления и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1975. С. 110–130.
2. Громыко М.М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII–начала XX в.: сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1975. С. 71–109.
3. Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия // Материалы по истории медицины в России. СПб., 1906. Т. 3.
4. Смелянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики: народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 462 с.
5. Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 234 с.
6. Мельникова Е.А. Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 220–263.
7. Пигин А.В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 266 с.
8. Христофорова О.Б. Икота: мифологический персонаж в локальной традиции. М., 2013. 304 с.
9. Христофорова О.Б. Оpozнать беса. Ч. 1: Вернакулярные теории болезней и методы символического лечения // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост.: Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова: альманах. М., 2016. Вып. 5. С. 259–275.
10. Лавров А.С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 576 с.
11. Сибирский сборник XVIII в. / предисловие и публикация А.А. Турилова // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 250–266.
12. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVIII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск. Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 172 с.
13. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 439 с.

14. Тогоева О.И. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек...»: демоны одержимых во Франции XVI века // In *Umbra: Демонология как семиотическая система: альманах* / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2016. Вып. 5. С. 239–258.

15. Антонов Д.И., Майзульс М.Р. *Анатомия ада: путеводитель по древнерусской визуальной демонологии*. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 240 с.

REFERENCES

1. Pokrovskiy N.N. Materials on the History of Magical Beliefs of Siberians in the XVII–XVIII Centuries. *Iz istoriyi semyi i byta sibirskogo krestyanstva XVII – nachala XX v.*: Sb. nauch. tr. Novosibirsk: NGU, 1975, pp. 110–130.

2. Gromyko M.M. Pre-Christian Beliefs in Everyday Life of Siberian Peasants in the XVIII – XIX Centuries. *Iz istoriyi semyi i byta sibirskogo krestyanstva XVII – nachala XX v.*: Sb. nauch. tr. Novosibirsk: NGU, 1975, pp. 71–109.

3. Novombergskiy N. Sorcery in Muscovite Russia of the XVII Century. *Materials on the History of Medicine in Russia*. SPb., 1906, vol. 3.

4. Smilyanskaya Ye.B. Sorcerers. Blasphemers. Heretics: popular religiosity and “spiritual crimes” in Russia of the XVIII century. Moscow: Indrik, 2003, 462 p.

5. Zhuravel O.D. The Plot of the Deal with the Devil in the Old Russian Literature. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1996, 234 p.

6. Melnikova Ye.A. Exorcising the Possessed: Practices and Discourses. *Antropologicheskij forum*. 2006, no. 4, pp. 220–263.

7. Pigin A.V. From the History of Russian Demonology of the XVII Century. Tale of the Demon Possessed Wife Solomoniya. Research and Texts. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1998, 266 p.

8. Khristoforova O.B. Hiccup: mythological character in local tradition. Moscow, 2013, 304 p.

9. Khristoforova O.B. Identifying Devils. Part 1: Vernacular Theories of Diseases and Methods of Symbolic Treatment. In *Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya Sistema: almanakh* / Ed. and comp. by D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, 2016, issue 5, pp. 239–258.

10. Lavrov A.S. Sorcery and Religion in Russia: 1700–1740. M.: Drevlekhranilishche, 2000, 576 p.

11. Siberian Miscellany of XVIII Century (Foreword and Publication by A.A. Turilov) // *Otrechennoye chteniye v Rossiye XVII–XVIII vekov*. Ed. by A.L. Toporkov, A.A. Turilov. M.: Indrik, 2002, pp. 250–266.

12. Romodanovskaya Ye.K. Russian Literature in Siberia of the First Half of the XVII Century (Origins of the Russian Siberian Literature). Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye, 1973, 172 p.

13. Literary Monuments of the Tobolsk archpriest’s House of the XVII Century. Ed. by Ye.K. Romodanovskaya, O.D. Zhuravel. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2001, 439 p.

14. Tогоева О.И. “By Day and Night My Man in Black Would Not Leave Me in Peace...”: Demons of the Possessed in France in the XVI Century. In *Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya Sistema: almanakh* / Ed. and comp. by D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, 2016, issue 5, pp. 239–258.

15. Antonov D.I., Mayzuls M.R. *Anatomy of Hell: Guide to the Old Russian Visual Demonology*. Moscow: FORUM; NEOLIT, 2014, 240 p.

Статья принята
редакцией 22.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170308
УДК 821.161.1

Л.И. ЖУРОВА

ИСТОРИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СИБИРСКОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ XVII в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Сибирский летописный свод предоставляет уникальный материал по истории «жизненного мира», человеческой обыденности в городах, селах и острогах зауральского региона России в XVII в. На основе анализа многочисленных известий «Книги записной», Головинской и Нарышкинской редакций в статье систематизированы основные повседневные практики сибиряков, отражающие бытовые детали в историко-культурном процессе: биографические сведения из жизни воевод, пожары, несчастные случаи, неудачи в поисках полезных ископаемых, торговля, конфликты на границах Сибирского царства, судьбы ссыльных, строительство храмов и др. Видение человека в контексте «духа времени» позволяет определить формы быта историко-культурной общности в XVII в. Особое внимание привлекают факты первичных явлений в бытовой жизни человека в Сибири: появление кружечных дворов, белых клобуков, медных денег, борьба со взятками. Типизация ситуаций дает основание для научной оценки бытовой культуры в сибирских городах. Текстологический анализ выявляет особенности составительской работы летописцев конца XVII в.

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, повседневность, воевода, города и остроги, историческая реальность, редакция, известие, текстология.

L.I. ZHUROVA

HISTORY AND EVERYDAY LIFE IN THE SIBERIAN CHRONICLE OF THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

Siberian chronicle is the largest cultural monument of book culture of the late XVII century and an important source of Siberian History. The historic plot is composed of information and tidings about towns and "ostrogs" foundation, administration, diplomatic missions, appointments of governors and archbishops, deacons and scribes. It is mixed with real life events, which creates a history of colonized Siberian land. The object of this investigation are three editions of the Siberian chronicle: «Kniga zapisnaya» (1687), Golovin's edition (1689) and Naryshkin's edition (1694). The subject is human commonness reflected in the Siberian chronicle of XVII century. The article objective is to define the significance of daily routine component in the Siberian chronicle's narration. Systematizing main daily human practices reflecting Siberian life details and realities allows viewing a person in the «spirit of the age» context, defining forms of the historical-cultural community existence in the 17th century. Household news in the Siberian chronicle can constitute an independent chronicle story or be interspersed with an official message.

«Kniga zapisnaya» is of the greatest interest concerning persons' everyday life: a story of the governor's absurd death in Nizhny Tagil, reports on deaths of some individuals, fortunes and misfortunes in trading and geological investigations, etc., which reflect a whole world of various daily routines at vast areas. A separate section consists of events that occurred in Siberia for the first time, such as advent of boyars, appointment of archpriests, sanctifying Siberian archimandrites with white monkshoods, opening taverns, introduction of copper money, investigating corruption. Curious and usually dramatic are stories about fires, fates of some governors and their families, exiles, human conflicts. These articles, in terms of everyday life's chronicles, are interesting because of routine's details, dramatic narration reflecting the author's personality and his empathy with tragic events. Golovin's edition is of the most interest because of stories about building activity in Siberia: restoration of burned temples, building prisons and bridges, and relationships between local population and China. Conflicts with Bashkirs and Kirghizs, plunder and ravage at Siberian borders are full of different vivid details of people's life. In Naryshkin's edition a lot of information is curtailed, motives of daily routine are reduced, the focus is on official reports on governance in Siberia. This trend continues in the XVIII century edition (Schlözer's and Academic ones). The textual analysis allows determining features of chroniclers' work in the late XVII century.

Key words: Siberian chronicle, everyday life, governors, towns and burghs, historic reality, edition, tidings, textology.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurova@ngs.ru.
Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

В истории летописания Сибирский летописный свод (далее: СЛС) [1, с. 138–379] – самый крупный памятник книжной культуры конца XVII в. и важный источник по истории Сибири. Известны три редакции, составленные в течение нескольких лет: «Книга записная» (1687 г.), Головинская редакция (1689 г.), Нарышкинская редакция (1694 г.) [2, с. 19–104].

«Книга записная» (далее: КЗ) – самая ранняя редакция Сибирского летописного свода, в истории составления которой, как отметила Н.А. Дворецкая, много неясного [2, с. 19]. Особенности КЗ: включение московских известий, использование документов приказной палаты и митрополичьего двора, многочисленных сообщений о тобольских событиях [2, с. 28].

Н.А. Дворецкая, основной исследователь СЛС, пришла к выводам, что составитель «Книги записной» мог использовать в качестве источника недошедшую летопись 70-х гг. XVII в. сибирского митрополита Корнилия, что интенсивная летописная работа велась в приказной палате Тобольска, что основная тенденция в развитии повествования СЛС – это сокращение статей, стабилизация и стандартизация текста [1, с. 19–30; 2, с. 115–117]. Исследователем был поставлен вопрос об особенностях летописной работы XVII в. в Тобольске, о выявлении личностей, способных «не только составлять погодную летопись, но и работать над изменением стиля летописной повести» [2, с. 72].

Построенный на систематизированных сведениях об административном управлении, дипломатических миссиях, росписи воевод, дьяков, подьячих СЛС в первую очередь воспринимается как сочинение деловой письменности, облеченное в летописную форму. Но вкрапление жизненных реалий создает событийную историю осваиваемой сибирской земли. Изложение по годам – ведущий принцип повествования. Основные формы подачи материала – сведение и известие. К сведениям как отдельной статье отнесем росписи воевод, распределенные по сибирским городам и острогам. Они фактографичны, документальны, констатируют административное положение дел на местах, отражают политику государственной власти и занимают большое пространство летописи. Сведения о воеводах в городах Сибири построены по одной модели: вступительная формула – «В тех же годех Тобольскако розряду в городех и в острогах воеводы» – открывает поименование лиц на местах: «На Верхотурье... На Пелыме... В Туринском остроге... На Тюмене... На Таре...» и т.д. Информативный характер таких статей служит неоценимым историческим источником. Частотность росписей и обилие имен свидетельствуют об интенсивном процессе в ходе решений кадровых вопросов в Сибири.

Известие событийно, его изложение повествовательно, содержанием служат разнообразные материалы. Так, круг сведений о воеводах Тобольска расширяется за счет рассказов об их приезде, смерти, перемене. Важную линию в изложении истории Сибири составляют сообщения о пришествии митрополитов.

Задача настоящей статьи – определить роль повседневной-бытовой составляющей в воссоздании летописной истории Сибири. Систематизация основных повседневных практик сибиряков, отражающих их бытовые детали в историко-культурном процессе и реалии жизни, позволит увидеть человека в контексте «духа времени» и определить формы быта историко-культурной общности в XVII в.

События бытового характера могут составлять самостоятельный летописный сюжет или могут быть вкрапленными в официальное известие. Так, специфичны рассказы о многочисленных пожарах, бывших в сибирских городах и селах. Статьи о них, с точки зрения летописной истории повседневности, интересны бытовыми деталями, драматизмом повествования, в котором проявилась личность повествователя, его сопереживание трагическим событиям. Пожары (стихийный пожар, раскольническая «гарь», поджоги) различаются масштабами. Большие («велии») пожары, как правило, представляют катастрофическую картину разорения города и требуют обширного (по летописным меркам) описания. Гибель церквей от огня – особый тип краткого летописного рассказа. Известия о самосожжениях раскольников – самые драматичные моменты летописного повествования. Сибирские книжники, которых можно назвать, расширяя ареал значимости слов А.М. Панченко, «литературной интеллигенцией XVII в.» [3, с. 47], разрабатывали нестандартные и разнообразные приемы летописного изложения в новых историко-культурных условиях.

Как правило, рассказы о пожарах начинаются с детальной датировки события: год, число, время суток (день/ночь, утро/вечер), час. Эти факты, несомненно, свидетельствуют о достоверности источников, документальности изложения. Указывается причина пожара: молния, поджог, от свечи, самосожжения. Основную часть рассказов занимает перечень сгоревших объектов, причем летописцы всегда замечали, что горели не только дворы русских, но и татарские юрты, погибали хлеб и другие запасы мирских. Такова структурная модель «пожарной» статьи в СЛС. Она сложнее и разнообразнее аналогичных известий, например, в «Новом летописце» – памятнике официального московского летописания второй четверти XVII в. Анализ сибирского материала (это рассказы о больших пожарах 1643, 1677, 1680 и 1687 гг.) позволил установить особенности строения и стилистику повествования о стихийных бедствиях в редакциях СЛС [4].

Наибольшим интересом к повседневной жизни сибиряков отличается КЗ. Так, в статье о воеводе Верхотурского города Рюме Языкове (1600 г.) примечателен своей исключительностью эпизод о его смерти от «большого кота»: «И был у того воеводы с собою привезен казанской кот большей. И все де ево подле себя держал Рюма. И тот кот спящему ему горло прееде и до смерти заеде в том городке» [1, с. 141]. Под «большим котом», видимо, следует понимать дикого зверя кошачьей породы, возможно, рысь. Летописца эта история привлекла своей неординарностью,

и читателя она должна поразить драматизмом и нелепостью происшедшего.

Темой нескольких статей стали торговые дела сибиряков. Неудачу похода за солью (1601 г.) письменно-го головы Алексея Поленова к «Ямышу озеру» летописец объясняет тем, что тот не знал обычаев калмыков, «а за гордость у сибирцов не спросался, и многих татар побил, а соли не взял, со стыдом возвратился» [1, с. 141]. Наряду с констатацией свершившегося факта повествователь осудил поступок чиновника и дал ему нелестную оценку («со стыдом возвратился»).

Из-за непогоды сорвалась соляная экспедиция на Ямыш тюменского стрелецкого головы Михаила Петрова, который снарядил 30 дощаников, торговый и войсковой караван: «И того дни [25 июня 7184/1676 г.] их погодою от берегу не отпустило, и сопцы у судов ломало, и стрельбы за погодою не было. И ночевали под монастырем» [1, с. 169].

Под 7193/1685 г. в КЗ помещено известие о том, как 24 июня на то же озеро Ямыш «войсковым караваном» дворянин тоболянин Федор Шульгин отправился с двумя подъячими на 30 дощаниках. Вернулись в Тобольск на следующий год 17 октября с товаром: «Соль взят полный груз», но с огорчением звучит рассказ летописца: «а торг был скудный камытской, многие и тюков не розвязывали» [1, с. 175]. А в 1687 г. уже другие люди привезли от Ямышева озера товар, и очевидцы «сказывают, что соль села самая добрая, и взят груз полной, и торг был самый большой» [1, с. 177]. Заметим, что эти события опущены в Головинской (далее: ГР) и Нарышкинской (далее: НР) редакциях. Примечательно, что известием о закрытии соляного промысла на Ямыше заканчивается НР: «В 707 году прислана с Москвы в Тоболеск великого государя грамота, к Ямышу озеру по соль дощениками ходить не велено» [1, с. 293].

Рассказы о землепроходцах и рудознатцах в КЗ интересны своей событийностью и вниманием к личности. Так, московским воеводой Яковом Игнатьевичем Хрипуновым, искавшим в Сибири серебро, в 1620 г. была разведана Якутская земля, великая река Лена и Байкал. «А многие тамошние земли проведаль Ерофей Хабаров, промышленной человек» [1, с. 147]. Всех этих известий уже нет в ГР и НР.

Рассказ о поисках серебряной руды – самый полный в КЗ, тогда как в ГР и НР сообщено, что в 1672 г. из Москвы был послан в Сибирь думный дворянин Яков Тимофеевич Хитрово с сыном и товарищами, были с ними немцы для розыска серебряной руды на Уральских горах. К ним были приписаны ратные люди, пашенные крестьяне из Тобольска и других сибирских городов. Построен город на реке Тайма. Поисковые работы велись два года, но «ничего серебряной руды не сыскалось» [1, с. 208–209]. По государеву указу Хитрово велено возвращаться в Москву, а город сжечь. В КЗ сохранились любопытные детали. Так, сказано, что накануне, т.е. в 1671 г., уже были посланы русские рудознатцы с немцами, они ничего не нашли, возвращались в Москву, но Хитрово

их вернул. Описано богатое снаряжение экспедиции думного дворянина, разнообразное оружие, большая казна. Для строительства города были мобилизованы крестьяне с подводами. Руду искали по Тоболу, на Красном Яру, в Томском уезде. С сокрушением заканчивает летописец рассказ: «Ничего не найдено, а государеве казне великая и неизглаголанная тщета и гибель учинилась от подъемов и подмогов, и всякими заводы, денежным и хлебным жалованьем» [1, с. 165]. В этих документальных свидетельствах звучит сочувствие неудачам первых сибирских геологов.

Успехом завершилась другая экспедиция. В ГР под 1689–1690 гг. сообщается, что в Тобольском уезде добыли слюды «353 пуда с полупудом и послана к Москве ноября в 26 день... цена положена на Москве по десяти рублей за пуд и продают из Сибирского приказа с наддачею» [1, с. 229]. В этой деловой записи слышится нота морального удовлетворения.

В СЛС следует выделить ряд статей, отметивших события, которые впервые произошли в Сибири. Так, КЗ отмечает первое появление бояр в 7124/1616 г. (Иван Семенович Куракин, Григорий Иванович Гагарин), «а прежде того в Сибири бояр в Тобольску не было», заметил летописец [1, с. 145]. ГР и НР такой детали не содержат.

Еще одно новшество в жизни сибиряков – появление первых кружечных дворов. О нем речь идет в ГР и НР. Так, в ГР сообщается: «Во 125 (1617) году в Сибире, в Тоболску, почали быть кружешные дворы, а до тех мест кружешных дворов в Сибири не было». Летописец сокрушается о пришедшей беде: «И многие люди испропились, иные и дворы свои испропили» [1, с. 193]. В НР это известие имеет иной вид: «При сих воеводах со 125 году (1617 г.) в Сибири, в Тоболску, पहले почали быть кружечные дворы и в продаже государское горячее вино» [1, с. 261]. Воеводами за год до этого были поставлены князь И.С. Куракин и князь Г.И. Гагарин. В этих строках летописи прочитывается косвенное обвинение администрации.

Д. В. Раевым сделан вывод о невозможности восстановить раннюю историю сибирских питейных заведений из-за отсутствия документов, но «можно сказать, однако, что кабаки стали появляться на территории Сибири после 1620-х гг. и продолжалось это до 1660 г.» [5, с. 125]. Исследователь пишет о том, что кружечные дворы сменили кабаки после собора 1652 г. [5, с. 4]. Но СЛС свидетельствует как раз о первых кружечных дворах, появившихся в 20-е гг. Может быть, летописцы в конце XVII в. не различали эти два вида алкогольных предприятий: кабаки и кружечные дворы.

Некоторые новые явления в повседневной жизни сибиряков зафиксированы в ГР и НР (в КЗ их нет). Например, первое посвящение белыми клобуками сибирских архимандритов. Так, в 7160/1652 г. архиепископ сибирский Симеон «пожаловал белою шапкою Тобольскаго Знаменскаго монастыря архимандрита Иосифа... а до того, уточнил летописец, архимандриты... были без белых шапок» [1, с. 202]. В 7187/1679 г. белой шапкой был освящен архимандрит Матвей в Енисейске

[1, с. 275], причем в ГР приведена точная дата: «мая в 13 день», указано, что «рукоположением преосвященного Павла, митрополита сибирского и тобольского поставлен в Енисейск в Спасов монастырь архимандрит Матвей», снова замечено, что «до того в Енисейску архимандриты были без белых шапок» [1, с. 215]. Автор, вероятно, использовал разговорный вариант для названия облачения монаха – «белая шапка»¹. Редактор НР акцентировал тот момент, что такой порядок будет впредь [1, с. 268]. Вторая новость касалась утверждения протопопов в монастырях Тобольска, Томска, Тюмени, Енисейска, Верхотурья, «а до того в тех местах протопопов не было» [1, с. 202], указал составитель ГР, такой детали нет в статьях НР.

Интересно сведение о появлении в Сибири медных денег. ГР сообщает: «Того же в 167-го году (1659) прислана в Сибири государева казна медные деньги, преж на Тюмень, а в Тоболск привезли того же году и понизовые города. И торговали в Сибири медными денгами четыре годы по 171-й год по июль месяц по 1 число. А с того числа закликано медными денгами торговати на Москве и во всей Росии, и Сибири. И почали торговать по-прежнему серебряными денгами со 172 (1664) году октября з 26 числа» [1, с. 205]. В НР не приведена информация о возврате к серебряным денгам в 1664 г.

По статьям СЛС можно проследить биографические события из жизни некоторых личностей. В КЗ (в ГР и НР этого рассказа нет) любопытен сюжет о драматическом случае, произошедшем с князем Дмитрием² Михайловичем Алачевым в 1643 г.: «он в своей вотчине в Коде стрелял из пищали по птице и погрешил: угодил на церкви Соловецких чудотворцов по кресту». Присланные из Софийского собора священники провели дознание, привезли поврежденный крест в Тобольск, и он «в паперти у Похвалы Богородицы на сених свидетельствован. И пулешные язвы знать, и ножом вырезываны пульки». Несчастный князь Димитрий повинился, что «не нарочным делом, а стрелял по птице, на кресте сидящей, и погрешил...» [1, с. 153–154]. Его дальнейшая судьба незавидна. Сам князь, его мать и сестра были «по сыску опорочены, и за то взяты из Коды в Тоболск», князь «в подначальстве» провел шесть недель на святительском дворе и год в Знаменском монастыре, мать и сестра – в Девичьем монастыре. «А сестра ево, девица и скончась в Тоболску с того сраму», сопровождает составитель КЗ свой рассказ психологическим пояснением поступка девушки. Князь, прожив два года в Тобольске, по государеву указу был отпущен в Москву вместе с матерью, женой и «всеми людьми». Уточнение: «И подводы ему были даны полные. Поехал на вечное житие» – отражает уважительное отношение к князю. В Сибири он больше не был, его вотчина Кода описа-

на, а служил Д.А. Алачев стольником у великого государя и скончался в Москве, сообщает летописец. Интерес к судьбе незадачливого человека в контексте деловой информации летописного свода, безусловно, выделяет авторское повествование и привлекает внимание читателя. Примечательно, что составитель КЗ, как правило, дописывает жизненную историю людей, покинувших Сибирь.

Другим примером биографического повествования может служить рассказ о Михаиле Приклонском. Преданный анафеме митрополитом сибирским и тобольским Павлом «за презорство и гордость, и за неистовое его житие, и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи» стольник Михайло был отправлен в Москву в 7190/1682 г. К сожалению, летописец не конкретизирует содержание его проступков, которые могли бы раскрыть «жизненный мир» героя, но отмечает: «у руки великих государей не бывал, ни благословения святейшего патриарха не получил» [1, с. 172]. Бывший стольник принял постриг, посхимился, но умер непрощенным. В таком заключении прозвучал «приговор» летописца.

Детали бытовой жизни сибирских воевод проscalльзывают сквозь официальные сведения об административном управлении. Так, в 1643 г. стольник государев Иван Петрович Пронский приезжал из Москвы в Тобольск проведать отца, князя Петра Ивановича, мачеху и сестру. «И с ним отпустил князь Петр Пронский княгиню свою и дочь свою княжну» [1, с. 153]. Семейные отношения связывали сибиряков со столицей: «Во 182 году (1674) марта в 22 день приезжал в Тоболск от великого государя его государев столник Федор Петрович Салтыков, болшей сын, ко отцу своему боярину Петру Михайловичу Салтыкову, отпущен повидаться, навестить. Жил у отца своего две недели [1, с. 166]. На следующий год приезжал средний сын, Алексей Петрович Салтыков, тоже стольник, с той же целью: повидаться и навестить родных. Летописец отмечает, что приезжали в Тобольск «на поклон и повидаться» с близкими из сибирских городов [1, с. 168], т.е. семейные отношения были не менее важным событием, чем государственные дела.

Составитель КЗ зафиксировал множество смертей сибирских воевод и их родственников, архиереев и митрополитов, сопровождая сведения пояснениями бытового характера. Сын умершего зимой 1616 г. Г.И. Гагарина Данил Григорьевич, поставленный на воеводство в Нарым, не поехал на место своего назначения, летописец объяснил причину: «за отчею смертию» [1, с. 145]. Князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский, поставленный на воеводство в Томск, не доехав, умер по дороге в Нарымском остроге [1, с. 152]. Раф Всеволодский после верхотурского воеводства приехал в Тюмень и вскоре умер, а государев указ о назначении его пришел после смерти, отметил летописец [1, с. 158].

Подробно описана кончина сибирского митрополита Павла в 7199/1691 г. от «скоропостижной болезни»: «И в то злое время и час язык и правая рука и нога

¹ В известии 7176/1668 г. указано, что «митрополиту [Корнилию] на Москве на поставлении дан... белый клобук» (КЗ, 1, с. 164; ГР, с. 207).

² В издании «Федор», с. 153.

заболели, и памяти не стало, и бысть от того языком гугнив». Умер он по дороге в Москву, «не доехав Соли Камской на Верхотурском волоку, зовомо на Чикмане» [1, с. 230].

Среди известий КЗ (в ГР и НР их нет) выделяют сюжеты о судьбе лиц, попавших в опалу и потому приехавших в ссылку. В 7154/1646 г. государев стольник князь Иван Никитич Хованский был в ссылке в Сибири «со всем домом своим». Летописец описал путь его скитаний: из Тобольска он был отправлен в Енисейский острог, из Енисейска через два года перевезен в Тобольск, оттуда в Пелым. Но не доехав до места, сообщает летописец, получил государеву грамоту о возвращении в Москву. Составитель КЗ дописал его биографию: князь был пожалован в бояре, усмирил Псков в 7158/1650 г., поставлен на воеводство, ходил на Соловки к мощам митрополита Филиппа и умер в Казани от морового поветрия в 7163/1655 г. [1, с. 155].

В 7155/1647 г. в Томске, где на воеводстве сидел князь Иосиф Иванович Щербатый, в ссылке был Подрез Плещеев. Он восстановил против воеводы народ, и город князю в воеводстве отказал. Начались судебные разбирательства («в подсудство дались»). Но Илья Бунаков, который «розряд чинил», бит кнутом, и «томские дети боярские и пятидесятники...», все, кто отказал Иосифу, были биты и отправлены в ссылку. Подрез Поздеев сослан в Кузнецкий острог, но и там «замутил», и был сослан в Енисейский острог. А во все ссылки сослан в тюрьму. И в Енисейском ево мужик от жены зарезал, ту и скончался» [1, с. 156], заканчивает летописец рассказ о бунтаре.

Под 7168/1660 г. сообщается, что в Томск был вывезен князь Дмитрий Васильевич Ромодановский, но в дороге его достигла государева грамота «быть на Березове». Здесь он пробыл недолго, сообщает летописец, и был «свезен» на Соловки [1, с. 160]. Другой ссыльный, сын воеводы Илимского острога Тихона Вындымского – Вавила, в 7171/1663 г. был прислан в ссылку из Москвы в Тобольск. О причинах не говорится ничего, но отмечено, что он женился «у немчина полковника» [1, с. 161].

Недолгой была опала братьев Ельчаниновых, Тихона и Авраамия. Прибывшие в Тобольск в январе 7184/1676 г., в марте по указу государя они были отпущены к Москве [1, с. 168].

Внутренние конфликты, размолвки среди сибирских чиновников породили ряд сюжетов КЗ. Так, в 7176/1668 г. «учинился раздор» между тобольским воеводой Петром Ивановичем Годуновым и князем Федором Федоровичем Бельским. Они оба писали жалобы друг на друга великому московскому государю. Царь велел Федору Бельскому ехать к Москве. Стольник Петр Годунов не мог послушаться государева указа и выслал «товарища своего», но пакость совершил: «дал ему один дощаничишко, некорыстной и утлой, а снастей и паруса, и бечевы ничево не дал, ни единой сажени, и от берегу велел отбить, и он пошел с великою нуждою своими людьми» [1, с. 163]. Через два года в Тобольск прибыл Андрей Павлович Акинфов,

которому было поручено «сыскивать» про раздор сибирских воевод. И уже через три дня П.И. Годунов был выслан к Москве, и летописец отметил: «отбит от берега, поехал на своих подводах» [1, с. 164].

Таким образом, интерес к человеку отличает КЗ от редакций ГР и НР, в которых известий о судьбах людей, ссыльных, строителях, первопроходцах уже нет.

В КЗ подробно описано крестоцелование по случаю венчания на царство Алексея Михайловича в 1645 г. Этот сюжет, вероятно, указывает на источник информации – Тобольский архиерейский дом. Описывая праздничный стол, устроенный архиепископом Герасимом по этому поводу, летописец отметил такую бытовую деталь: торжества проходили в Знаменском монастыре, «понеже святитель тут еще жил с пожарного времени» (с. 155) (в большом пожаре 1645 г. сгорели в Тобольске приказ, церкви, святительский двор, воеводский и гостиный дворы, острог, мирские дворы на горе). В ГР и НР это ритуальное действо, крестоцелование, передано кратко: «А в Сибирь, в Тоболеск, приезжал приводить к крестному целованию воевод и весь народ... столник князь Иван Григорьевич Ромодановский... в 154-м году ноября в 7 день» [1, с. 201, с. 267].

В ГР и НР обращают на себя внимание такие рассказы, как строительство храмов. Они представляют особый тип сюжета, тогда как в КЗ таких сведений практически нет. Летописная статья о храме, как правило, содержит дату события и три этапа в ее создании: церковь заложена, «совершена», т.е. построена, освящена. Многие церкви восстанавливались после пожаров, и летописец отмечает, как правило: «на прежнем месте» (церковь во имя Входа в Иерусалим, во имя Сергия Радонежского). Ряд церквей, погибших в бедствии 1680 г., был уже заложен в следующем году (Богоявления, Вознесения, Живоначальной Троицы).

В ГР насчитывается 12 известий о построении церквей в Тобольске, в – НР только два. Эти два свидетельства связаны с историей главного храма Тобольска – Софийского собора, который не раз страдал от сильных пожаров и каждый раз восстанавливался. Отбор фактографического материала НР позволяет определить замысел ее составителя как усиление официоза в сибирском летописании. Именование «собор святой Софии – Премудрости Божией» сменило название Троицкой церкви во время пребывания в Тобольске первого сибирского архиепископа Киприана (1621–1624 гг.) – уроженца Новгородской епархии. При нем тобольский храм был переименован в подражание Новгородскому собору, а история основания Троицкой церкви не известна.

Множество сообщений о церквях в ГР может указывать на связь летописца с Тобольским архиерейским домом. В 7154/1646 г., сообщает ГР, «заложена в Тоболску соборная церковь Софии Премудрости. А совершена и освящена бысть преосвященным Герасимом, архиепископом сибирским и тобольским. А церковь построена о тринадцати главах» [1, с. 201]. В НР приведена новая деталь: «А после пожарного

разорения построена в Тобольску...», – отсылающая к большому пожару 7151/1643 г.: «Лета 7151-го году августа против 15 числа в ночи в 3 часа в Тобольску бысть пожар большой. Згорел город и соборная, и приходские церкви, и святительский двор, и воеводские и гостиный дворы, и тюремный двор, и посад на горе по Девичь монастырь» [1, с. 201]. Напоминание о пожаре в НР связывает событийный ряд. Здесь же редактор отдельно выделяет даты заложения и построения: «Заложения в 154-м году мая в 24 день, а совершена и освящена бысть в 157-м году...» [1, с. 267]. Он отмечает, что церковь была деревянная. Дополнения в НР появились на стадии редактирования летописного повествования, документальность, хронологичность отражают характер работы книжников приказной палаты.

Следующее известие НР о строительстве соборной церкви относится к 7189/1681 г. И этому событию тоже предшествует пожар (1680 г.), когда сгорели Вознесенская церковь, приказная палата, боярский двор, церковь Живоначальной Троицы, «да под горой в анбарах погорело хлеба и иных запасов много» [1, с. 276]. И уже на следующий год, сообщают летописцы, «июля в 3 день в Сибири, в Тобольску, почали ров копать, где бысть соборной апостольской церкви каменной» [1, с. 216, с. 276]. Строительство каменной церкви постигла неудача, через два года начали возводить храм: «и склали церкви верх шеи немного до главы. И во 192 году июня 17 день паде у церкви столбы и обломилась своды, и верх весь паде внутрь церкви» [1, с. 216], сообщает ГР. В НР указана причина этого драматического события: падение произошло, «понеже столпы тонкости ради не удержаша великия тягости». Трагедии удалось избежать, отмечает редактор НР, из-за того, что «паде церковь в ночное время, а людей Бог милостию сохранил» [1, с. 276].

Заботой о храмах прославился митрополит Корнилий. Так, по его инициативе происходило возведение церкви Живоначальной Троицы в 7182/1674 г. на святительском дворе, и архипастырь ее «всякими церковными утварми украсил». Кроме того, летописец отметил, что «к той церкви доспета брусная трапеза шти сажень» [1, с. 209].

Под одним и тем же 7194/1686 г. в КЗ и ГР помещены разные известия на тему церквей. В КЗ читаем: «октября в 27 день, во вторник, великий господин преосвященный Павел, митрополит сибирский и тобольский, освятил в Тобольску соборную и апостольскую церковь своего строения каменную Успения...» [1, с. 175]. И далее сообщается о перенесении мощей «прежних архиереев» – Корнилия, Макария, Герасима. В ГР речь идет о заложении «на прежнем месте» церкви во имя Владимирской Богородицы, сгоревшей в пожаре. В НР ни того, ни другого известия уже нет, что свидетельствует о редуцировании церковной темы в летописце, составленном светскими книжниками.

Поставление острогов стало еще одной сквозной темой сибирского летописания, и статьи об этих событиях носят преимущественно деловой характер.

Примечательно, что в КЗ таких известий нет. В ГР и НР, как правило, указываются время, место, имена участников строительства. Например, в ГР в канцелярском стиле сообщено, как в 7125/1617 г. при воеводе И.С. Куракине основан новый Кузнецкий острог вверх по р. Томь, в устье р. Бразы. Летописец информирует, что «ставлен острог по томским воеводским отпискам по посылке из Тобольска тюменских и верхотурских служилых людей и татар. А с теми людьми ставили острог томские: тотарский голова Осип Кокорев да казначей голова Молчан Лавров, да сын боярской Остафей Михалевской. И посланы в тот острог ис Томского приказные люди» [1, с. 194]. В НР указано, что боярские дети были посланы в острог еще до прибытия московских воевод [1, с. 261].

Известие об основании острогов может быть кратким, но может содержать ряд любопытных деталей. Например, «того же 169-го году (1661) поставили в Тобольску на горе новый острог кругом всего посаду» [1, с. 205]; «того же 185-го (1677) году июня в 2 день в Тобольску начали острог ставить по городской стене, где стоял рубленой город, и поставили в 5 дней» [1, с. 212]. Последнего известия в НР нет. Уточнение места и времени строительства отражает локальный характер повествования.

Создание армии в Сибири – значимое событие в истории региона. Статья носит официальный характер, в ГР и НР отмечено, что по указу великого государя в 7169/1661 г. присланы из Москвы в Тобольск русские и немцы, «полковники и полуполковники, и маёры, и ротмистры, и поручики» [1, с. 205]. Им было велено собрать и обучить военному делу солдат, стрельцов из всех сибирских городов. И попали в солдаты конные и пешие казаки, дети боярские, и «из гулящих людей иманы и учены строителю. И прибрано было рейтар и салдат 1800 человек» [1, с. 205]. Сибирская армия воевала на Синаре реке с башкирцами до 1667 г.

В 1682 г. был предпринят поход на киргизов, которые изменили государю. В степь с «ратными людьми», сообщает ГР, отправился Иван Федорович Суворов – тобольский голова, поставленный на томское воеводство в 7190/1682 г. В боях, длившихся с 9 мая по 7 июля, «тобольских и иных городов служилых людей было побито и поранено человек со сто» (с. 216). Победенный киргизский князь Ереняк прислал ясак, «бобра да сто соболей», переданный государю в Москву. На следующий год была прислана грамота: «А про ссору, отчего кыргызы изменили, велено... сыскать». Киргизский князь покорился, признал свою вину и прислал «ясак и аманатов – от добрых людей, а от себя челобитчиков о своих винах» [1, с. 216]. В НР этот рассказ передан в сугубо деловом стиле [1, с. 276].

В 1684 г. велено было собрать войско из пеших казаков и казачьих детей и послать на службу в Дауры. В 1686 г. воевода Алексей Петрович Головин получил грамоту от царя, чтобы сыскать в сибирских городах ратных людей и отдать их в полк к сыну Федору Алексеевичу Головину, который в этом же году прибыл в Тобольск. С ним пришли из Москвы 500 московских

стрельцов. Примечателен наказ: если будут собраны люди старые и дряхлые, то будет воеводам от царя опала [1, с. 221].

Привоз колоколов в Тобольск стал важным городским событием. Так, в 7188/1680 г. были доставлены из Москвы «к соборной церкви три колокола больших» [1, с. 215]. Через четыре года был еще привезен «колокол большой в триста пуд» [1, с. 220]. В НР добавлено: «А на Москве лит во 190 году по благословению великого господина преосвященного Павла, митрополита сибирского и тобольского, на домовые казенные денги» [1, с. 279].

Целая серия известий СЛС связана с установлением отношений с Китаем. Заметим, их состав не совпадает в редакциях. Первое сообщение относится к 7160/1652 г., оно читается только в КЗ. Летописец свидетельствует, что тобольский боярин Петр Андреевич Ярыжкин со служилыми людьми по государеву указу был первым посланником в Китайское царство, при этом, отметил повествователь, они привезли серебро и камня [1, с. 157], что свидетельствует об успешности посольской деятельности. О самой дипломатической миссии ничего не сказано. Второе посольство в Китай состоялось в 1654 г., это уже был московский посол Федор Исакович Байков. Составитель КЗ описывает, как он добирался калмыцкими степями, зимовал, был отправлен с официальными бумагами и государевой большой казной: «а казны государевой пришло с ним, Федором, с Москвы денгами и товары всякими на китайский обиход на сорок тысяч рублей» [1, с. 159]. Из Китая боярин возвращался через Тобольск в 1657 г., поэтому тобольский летописец сообщает подробности: «А в Китаех царя не видел и листа не отдал, и посольства не было большева, только бояре китайские к нему на посольский двор приезжали, и с ними был ответ. А стреча ему вельма честна была в Китайском, и корм посольской с царева двора учинен был большей наперво, а последи, как не стало посольство, и то все отнято. И жили за караулом, не выпусканы на дворе и высланы вон из Китайского назад просто. А к Москве приехал в 166-м году (1658 г.)» [1, с. 159]. В том же году был послан в Китай «тарской сын боярский Иван Перфирьев с служилыми людьми», при этом летописцем сделана оптимистическая ремарка: «И быв выехал здорово» [1, с. 161].

Об успехе русского посольства в Китай КЗ под 7178/1670 г. сообщает довольно подробно. Китайский царь прислал в Даурию приглашение посетить его страну. Воевода Данило Аршанский отправил своих служилых людей. Прием был достойный: «И они в Китайском были, и царя видели, и корм, и честь, и дары были от царя им, и лист с ними к великому государю к Москве послал, и отпустил тем же путем». Летописец перечислил царские дары Данилу Аршанскому: «седло, оправное серебром, со всею збруею и иные подарки» [1, с. 167], что свидетельствует о высокой чести, оказанной даурскому чиновнику. Примечательно, что рассказ сопровождается сообщением о пути в Китай Николая Спафария. Этих известий нет в ГР и НР.

В ГР с 1684 г. начинается описание нового этапа отношений с Китаем. События свидетельствуют об осложнении политических связей двух государств. Любопытен эпизод о возвращении из плена двух человек в 7192/1684 г., которые годом ранее вместе с другими шестьюдесятью русскими служилыми людьми были «взяты из Даур» и посажены в Китае в крепостные тюрьмы. Посланники везли московскому государю «лист» от китайского царя, «а тот лист запечатан в ящике» [1, с. 220], уточняет составитель ГР. Из Тобольска бывшие пленники были тут же отправлены в Москву. В НР формулировка этой статьи более четкие и точные: сказано, что они ехали мимо Тобольска из Даурских острогов, что русские люди «были в Китайском государстве в великих крепях за караулы». Названы имена: «Мишка да Ивашко ис Китайского государства отпущены в Даурские остроги, в Албазин, с товарищи с подзывным листом». И примечательна деталь: «А тот лист писан руским писмом рукою изменника Ивашка Роспутина» [1, с. 279].

В следующем 1685 г. снова к Албазинскому острогу пришли китайские люди с войною, «острог разорили до основания и выжгли. А Алексея Толбузина [воеводу] и служилых людей в полон взяли и водили с собою многие дни. И отпустили Алексея и служилых людей», сообщает ГР [1, с. 221]. Рассказ в НР содержит ряд новых деталей этой истории: «острог многолудством из пушек разорили», полонили не только воеводу, но «и всех служилых людей з женами и з детми». Добавлено, что некоторых русских людей увели в Китай «по воли. А государскую казну увезли всю с собою же в царство Китайское» [1, с. 279]. Подробности НР говорят об использовании летописцем особых источников.

Разбой были и на других границах Сибири. Так, в 7198/1690 г. ГР рассказывает о разорении людьми Казачьей орды Тарханского острога. Сообщается, что в плен взяли двух русских, а тарханских татар убили человек 20, других жителей мужского и женского пола, лошадей и скот увезли с собой. Погоня, организованная из Тобольска и Тюмени, была безуспешной: «И были ратные люди в степи пять недель и три дни, и дойти тех воинских людей и сойтись не могли, и возвратились, и пришли восворяси», сокрушается летописец [1, с. 230].

В следующем, 7199/1691 году тобольского сына боярского Спиридона Рачковского с женой и детьми, а также многих казаков и крестьян с семьями во дворах сожгли и в полон увели человек 200 [1, с. 230]. В НР указано, что разбой учинили воинские люди Казачьей орды – «бесермены» [1, с. 285].

Сюжеты о разбойных нападениях продолжены в НР, тогда как ГР заканчивается смертью митрополита Павла, поставлением на архиерейский престол Игнатия в 7201/1693 г. и назначением на воеводство Алексея Михайловича Черкасского. Это последнее событие ГР датируется летосчислением от РХ – 1700 г. [1, с. 231].

НР под 7200/1692 г. сообщает, что те же «воинские люди Казачьей орды» снова разорили Утяцкую

свободу, «многих крестьян побили, а жен и детей в полон увезли. За ними гонялись сотник да сто человек беломестных казаков». В бою у Царева городища убиты сотник и 45 человек, погоня была продолжена тобольянином Федором Тутолминым «с товарищи», но «достичь воровских воинских людей не могли», заканчивает летописец печальный рассказ [1, с. 285]. Трагические, драматические события в основном определяют содержание статей СЛС.

Среди редких мажорных сюжетов СЛС выделяется рассказ о царском вознаграждении отца и сына Головиных. Тобольский воевода Алексей Петрович Головин получил грамоту великих государей «с милостивым словом и похвалою». Ее привез стольник Иван Исаевич Скрипицын с приятным поручением: спросить о здоровье тобольского воеводы и его боярскую службу похвалить. Но главной целью московского чиновника было передать в Даурах награду и «государское жалование» Федору Алексеевичу «за его многие радательные службы». Золотая монета, отмечает летописец НР, была украшена изображениями царей и великих князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, с одной стороны, и Софьи Алексеевны – с другой, и надписью их имен и титулов. Жалование и золотые деньги получили «товарищи» Головина, и «всем начальным людям и сибирским полком посланы золотые копейки и сукна» [1, с. 229]. Таким было щедрое поощрение государевых служащих за их верную и трудную службу.

Статьей о взятках и бесчинствах сибирских воевод практически заканчивается СЛС. Первое известие об этой русской беде датируется 7204/1696 г. В краткой статье ГР сообщается, что из Москвы по указу великого государя мимо Тобольска в «низовые города» ехал думный дьяк Данило Леонтьевич Полянский с дьяком Данилом Берестовым «для сысков всяких дел про воевод и всяких чинов градских людей и про воеводские взятки, а градских людей про винное курение и ясашных зборщиков, отчего чинится в ясашных зборах недоборы, и по отпискам воеводским и челобитья градских людей» [1, с. 231].

В НР расписаны места «сыска»: Сургут, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Якутск. «И в тех розысках многим воеводам он, думной дьяк, указы чинил». Были задержаны и «животы в казну взяты» Иван и Матвей Гагарины (отец и сын), иркутский и нерчинский воеводы, а также Антон Савелов – нерчинский воевода. Летописец отметил такую деталь: был он бит кнутом и сослан в Якутск на казачью службу, красноярские воеводы «пытаны» и отправлены в Москву. «Красноярских градских людей многих пытали, в ссылку разослали» [1, с. 289]. Сыскное дело велось восемь лет, но не было завершено, а думный дьяк Данило Полянский был отозван в Москву в 1708 г. Продолжить процесс было поручено тобольскому дворянину Федору Тутолмину, который занимался розыском о взятках еще прежде Полянского.

Безусловно, анализ событийного ряда из повседневной жизни сибиряков, отраженной в СЛС, можно продолжить. Но уже проведенная систематизация известий о бытовых практиках людей, прибывавших за Урал по казенной надобности, позволяет представить человеческую обыденность в историческом контексте, увидеть и оценить складывающиеся формы «жизненного мира» историко-культурной общности в Сибири XVII в. Особенности летописной истории повседневности следует признать ограниченность состава социальной группы личностей (воеводы, архиереи, дьяки и другие государственные служащие), связанность бытового события, которое, как правило, имеет драматический характер, с историко-хронологическим изложением, реакции повествователя на обсуждаемые происшествия. Наибольшим интересом к человеку отличается «Книга записная». Головинская редакция богата известиями и фактами из церковной жизни. В Нарышкинской редакции усилена официальная интонация повествования, всегда летописец отмечает, что то или иное событие совершалось по «указу великого государя и святейшего патриарха», многие бытовые сцены опущены, мотивы обыденности ослаблены. В Шлёцеровской и Академической редакциях СЛС получили распространение версии Нарышкинской редакции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. 382 с.
2. Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, 1984. 136 с.
3. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 280 с.
4. Журова Л.И. Сибирский летописный свод: нарративный аспект // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы конф. Новосибирск, 2016. С. 16–21.
5. Раев Д.В. Крестные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Новосибирск, 2005. 275 с.

REFERENCES

1. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 36. Siberian chronicles, pt. 1. Esipov's chronicle group. Moscow, Nauka, 1987, 382 p. (In Russ.)
2. Dvoretzskaya N.A. Siberian chronicle (the second half of the XVII century). Novosibirsk: Nauka, 1984, 136 p. (In Russ.)
3. Panchenko A.M. Russian culture of poetry of the XVII century. Leningrad, 1973, 280 p. (In Russ.)
4. Zhurova L.I. Siberian chronicle: a narrative aspect. *Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.): materialy konf.* Novosibirsk, 2016, pp. 16–21. (In Russ.)
5. Raev D.V. Taverns in towns of Western Siberia (the second half of XVII – early XVIII centuries). Novosibirsk, 2005, 275 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.05.2017

DOI: 10.15372/HSS20170309
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

**НОВЫЙ СПИСОК ПОВЕСТИ О ПУТЕШЕСТВИИ
ИОАННА НОВГОРОДСКОГО В ИЕРУСАЛИМ:
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена исследованию неизвестного списка Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим – литературного памятника Древней Руси, связанного с именем первого архиепископа Великого Новгорода Иоанна (Илии). Список содержится в старообрядческом сборнике середины XIX в. (№ 17/76), хранящемся в Собрании рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН. В статье определен и проанализирован состав сборника. На основе сличения вводимого в научный оборот списка Повести с уже изданными списками более раннего периода выявлены его текстуальные особенности. Некоторые из них сближают его со списком, опубликованным в ВМЧ. Рассмотрена композиционная структура сочинения, выделены книжные и фольклорные мотивы, составляющие его сюжетную конструкцию, намечены возможные пути исследования литературной истории памятника.

Ключевые слова: Иоанн, архиепископ Новгородский, повесть о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим, сюжетная структура повести, новый список сочинения.

T.V. PANICH

**NEW MANUSCRIPT OF THE TALE
OF IOANN NOVGORODSKY'S JOURNEY TO JERUSALEM:
ON THE STUDY OF LITERARY HISTORY OF THE MONUMENT**

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The tale of the Journey of Ioann Novgorodsky to Jerusalem is one of the most interesting literary monuments of Ancient Russia, which connects traditions of writing and oral lore, and shows events connected with Novgorod history. It reflects famous legends and fabulous motives. The plot about a devil who is sealed in a vessel by the sign of cross and performs human will take an important place in compositional structure and is well known in the world literature. There are many manuscripts from different times which present the tale both as a part of Life of Ioann Novgorodsky and out of this context as an individual work.

The author introduces into scientific circulation a manuscript of the tale which is included in the Old Believers collection of the mid-XIX century from the Collection of Manuscripts and Early Printed Books of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences №17/76. This manuscript represents a stage of the monument writing tradition, which was apparently developed in two ways: as a part of Live of Ioann of Novgorod and as an individual work, which had been written before it was attached to Live of Sanctifier. A new manuscript scroll of the tale has a number of textual differences versus earlier published manuscripts. It contains some mistakes, gaps and wrong interpretations. The manuscript contains some insertions as well. One of them is a large addition at the end of the text, which is derived from Life of Ioann of Novgorod. According to comparative study of involved texts, presence of this fragment brings together the tale manuscript №17/76 with a manuscript of the XVI century published in Great Menaion Reader. However, they also have some different interpretations. Despite the fact that this manuscript has later origin, results of its analysis are important for studying the tale's literary history, for deeper understanding a character of the text motion and evolution during its handwritten life.

Key words: Ioann, Archbishop of Novgorod, Tale of Ioann Journey on Devil to Jerusalem, tale plot structure, new manuscript copy.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik@history.nsc.ru.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Institute of History SB RAS.

В одном из рукописных сборников середины XIX в., входящих в Собрание рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН, содержится список популярной в литературе Древней Руси Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим (далее – Повесть), создание которой В.О. Ключевский относил к 1470–1480-м гг. [1, с. 164]. Это рукопись под № 17/76, 4⁰, 231 л., выполненная полууставом. По типу использованной бумаги она датируется серединой XIX в. (подробное описание рукописи см.: [2, с. 161–163]).

Рукопись попала в собрание ИИ СО РАН в 1976 г. Прежде она принадлежала известному коллекционеру, старообрядцу М.С. Севастьянову. Некоторые особенности сборника указывают на то, что он был составлен и обращался в старообрядческой среде. Так, наряду с известными текстами Древней Руси в составе рукописи имеются два сочинения (на основе выписок из разных источников), принадлежащие старообрядческим авторам и отражающие излюбленную и ключевую в мировоззренческой системе староверов тему эсхатологического характера о последних временах и пришествии антихриста. Кроме того, во всем сборнике последовательно сохраняется характерное для хранителей старого обряда написание «во веки веком».

Повесть в рукописи расположена на листах 110–122¹ и имеет следующее название: «Сказание о велицѣм святителѣ Иоаннѣ, архиепископѣ Великаго Новаграда и Пскова, како бысть в единой нощи в святѣм градѣ Иерусалимѣ из Великаго Новаграда и паки возвратися в Великий Новѣград той же нощи»². Текст переписан одним почерком (поздний полуустав) и содержит элементы правки, сделанной, очевидно, во время сверки с протографом сразу или какое-то время спустя после переписки. Почерком переписчика (только более мелким) устранены несколько ошибок. Например, глагол «простирать», первоначально написанный в форме «простираху», поверх строки исправлен на форму «простирающе» (в словосочетании «учение простирающе»), устранена ошибка в слове «сила»: «силу» исправлено на «силы» (в словесном отрезке «от силы в силу, и от славы в славу»). Поверх строк вписаны также отдельные пропущенные слова. При этом можно отметить и ряд сохранившихся пропусков, описок, неверных чтений, сделанных при копировании текста, что может говорить о недостаточной квалификации переписчика, его невежестве. Особенно испорченной оказалась начальная фраза сочинения, смысл которой сильно искажен: «Понеже нѣсть и се достойно молчанию предати, еже сотвори Бог, жизнь, еже бывает со искушением над святыми попушением

Божиим...» (л. 110). Здесь после слов «еже сотвори Бог» пропущены слова «святителем своим Иоанном», а вместо «многожды же бывает» переписчик написал: «жизнь, еже бывает», что нарушило и затемнило смысл начала текста. Возможно, уже в протографе списка фраза содержала указанные утраты текста (в том числе механические, например, из-за разрушения бумаги), хотя текст мог быть испорчен в силу разных причин при его копировании. Но даже ошибки переписчика, как свидетельствует опыт текстологических исследований, иногда могут иметь значение для более глубокого понимания характера движения текста в ходе его рукописной жизни.

Рукопись ИИ СО РАН, № 17/76 разнообразна и интересна по своему составу. Кроме богослужебных текстов (каноны Пасхе, Покрову, Благовещению и Успению Богородицы, Иоанну Предтече и др.) в сборник входят следующие списки памятников переводной и отечественной литературы: Повесть о умилении и исходе души из «Цветника» священноинока Дорофея; Слово Иоанна Златоуста о покаянии и умилении души; Слово о житии, иже во святых отца нашего Николы, Мирликийскаго чудотворца; Страдание священномученика Харлампия, епископа Магниси града, и иже с ним пострадавших; Слово Иоанна Златоуста о пользе душевной; Слово о некоем ростомце из «Великого зеркала»; Слово о милостивом Созомоне; Видение хутынского пономаря Тарасия из Жития Варлаама Хутынского; Мучение Параскевы Пятницы; Страсть и мучение Кирика и Улиты; Сказание о убиении Бориса и Глеба; Житие Алексея, человека Божия; Повесть о папе Григории; Житие Марии Египетской; два старообрядческих сочинения эсхатологического характера о знамениях антихриста, созданных на основе выписок из разных источников (Сборника большого, Апокалипсиса, сочинений Иоанна Златоуста, Ипполита, папы Римского, Кирилла Иерусалимского, Стефана Зизания, Максима Грека и др.). Первое сочинение озаглавлено следующим образом: «О последнем времени и об антихристе, и о скончании века», второй текст не имеет названия.

Любопытна одна из записей, сделанная неизвестным читателем на л. 166 и касающаяся непосредственно содержания сборника. В ней он выразил свое впечатление от прочитанного в следующих словах: «Читал с восхищенным сердцем сии строки душе-спасительнаго (далее одно слово неразборчиво) страстотерпцев и великомучеников многогрешный раб Божий...» К сожалению, имя автора этого восторженного отзыва не поддается прочтению: чернила практически угасли.

Очевидно, что в числе сочинений, которые произвели на неизвестного нам читателя столь сильное впечатление, была и Повесть³ о путешествии в Иерусалим первого новгородского архиепископа Иоанна (в миру Илии), жившего в XII в. (о Иоанне, архиепи-

¹ Необходимо отметить, что листы с нумерацией 113–114 представляют собой фрагмент текста из «Слова о милостивом Созомоне», очевидно, они случайно оказались здесь при переплете рукописи.

² ИИ СО РАН, № 17/76, л. 110. Далее при цитировании текста Повести указание на листы рукописи приводится после цитаты в круглых скобках.

³ В рукописях встречаются разные жанровые определения памятника: «повесть», «сказание», «слово», «слово 2-е».

скопе Новгородском, см.: [3, с. 299; 4, с. 208–210]). Сочинение является одним из ярких памятников литературы Древней Руси. О его популярности среди читателей свидетельствует большое количество сохранившихся до настоящего времени списков, представляющих Повесть как в составе Жития Иоанна Новгородского [5, с. 514–517; 6, с. 148–185, 284–288], так и вне его контекста, в качестве самостоятельного произведения. В сборнике из Собрания рукописей ИИ СО РАН, № 17/76 Повесть переписана как отдельное сочинение, хотя содержание текста указывает на то, что он продолжает ту линию, которая берет начало от текста, выписанного из Жития Иоанна Новгородского.

В Повести тесным образом соединились традиции письменности и устного народного творчества, нашли отражение события, связанные с политической историей Великого Новгорода. Здесь присутствуют элементы его топонимики, упоминаются некоторые памятники храмовой архитектуры – святые места города (например, собор Софии Премудрости Божией и Юрьев монастырь⁴, располагавшийся на берегу р. Волхов: с ними связаны отдельные событийные элементы сюжета). При этом реалии церковной и повседневной жизни города и героя повествования переплетаются с легендарными преданиями и сказочными мотивами.

Важное место в композиционной структуре Повести занимает известный в мировой литературе сюжет о запечатанном крестным знаменем в сосуде бese, исполняющем волю человека, этот сюжет восходит к древнейшим сказаниям о библейском царе Соломоне [7, с. 54–152]. Мотив служения человеку закланного крестным знаменем бese (оказавшегося в сосуде, мешке, посуде с опарой) бытовал и в русской фольклорной традиции, он нашел свое воплощение и в литературных произведениях⁵.

Общая схема повествования о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим такова. Архиепископ Иоанн, зайдя в свою келью, обнаруживает в рукомыльнике бese и ограждает его «страшным крестным знаменем». Затем после мольбы испытывающего невыносимые мучения нечистого отпускает его с условием исполнения своего желания – побывать в Иерусалиме. Чудесным образом за одну ночь он совершает паломничество в Иерусалим на обратном пути в коня бese, посещает святые места города и возвращается тем же путем в Великий Новгород.

После того как Иоанн, нарушив запрет бese, рассказывает о своем приключении собравшимся к нему на беседу людям, в результате мести и козней нечистого подвергается «попущением Божиим» тяжелым

испытаниям: он предстает в глазах жителей Великого Новгорода, прельщенных бесовским наваждением, как блудник: «И от того времени попущением Божиим нача бѣс искушения наводить на святого. Народом убо града того многажды видящим яко блудницу жену текущу из кѣлии святого, бѣс бо преображашеся в жену, ово же в дѣвицу. Народи же не вѣдуше, яко бѣс есть, мечты творяи на пакость святому. Хотяше бо лукавый своими лщени испроврещи святого святительскаго престола и посрамити и» (л. 115–115 об.). Оскорбленные и разгневанные новгородцы осудили архиепископа и решили изгнать его из города, посадив на плот и пустив по Волхову: «Емше его и велми поругашася ему, и недоумѣвахуся, что быша сотворити ему. И умыслиша тако, еже посадити его на плот и пустити по рецѣ Волхов, и да выплвет из града вниз по рецѣ. И изведоша святого и цѣломудреннаго великаго святителя Божия Иоанна на великий мост, еже есть на рецѣ Волхов, и, свѣсивше святого, на плот посадиша» (л. 116 об.).

Однако в конечном итоге из всех испытаний архиепископ выходит со славою («яко злато искушено»). Праведность новгородского владыки подтверждается чудом. Плот, на который он был посажен, плывет против течения Волхова: «И егда посажен бысть святитель Божий Иоанн на плот, и абие поплыве плот по рецѣ вверх, никим же порѣваем, противу великих быстрин, еже суть у великаго мосту, и пловяше к монастырю святого Георгия мученика» (л. 116 об. – 117). Дьявол оказывается побежденным и посрамленным. А горожане, увидев чудо, знаменующее невинность Иоанна, осознали, что были прельщены дьяволом. Они умолили архиепископа о прощении и возвращении на свой престол.

Сюжетную конструкцию Повести составляет сложный комплекс книжных и фольклорных мотивов. Здесь можно выделить несколько мотивов, характерных как для литературы (в том числе агиографического характера), так и для форм устного народного творчества.

Один из важных в мотивной структуре Повести – книжный мотив искушения (или испытания) святого, заявленный в самом ее начале и играющий важную роль в реализации сюжета сочинения, он является ключом, открывающим основную идею Повести. Автор повествования использует здесь аналогию: прохождение святого через тяжелые испытания уподобляется процессу выплавки золота в огненном горниле: «... еже бывает со искушением над святыми, попущением Божиим, да болши паче прославятся и просвѣтятся, яко злато искушено» (л. 110)⁶. Весь дальнейший рассказ направлен на демонстрацию идеи о могуществе святого над бесом (иллюстрация к евангельскому высказыванию «Он дал им власть над нечистыми духами»: Мф 10:1). Испытанию подвергаются и жители Великого Новгорода, ослепленные бесовским

⁴ Монастырь сохранился до наших дней, пройдя через сложные испытания, ныне это действующий монастырь, отреставрирован в 1990-х гг.

⁵ Самое известное из них – повесть Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (кузнец Вакула путешествует в Петербург на черте, который затем обращается в коня). Мотив нашел преломление и в произведениях других авторов [8, с. 94].

⁶ Образ, очевидно, восходит к ветхозаветному тексту (см.: Иов 23: 10; Зах 13: 9 и др.).

наваждением и учинившие скорый и неправедный суд над своим архиепископом. Впоследствии они принимают покаяние и получают от него прощение и назидательное поучение: «Чада, с испытанием всяко дѣло творите, да не прелщены будите дияволом, да и некогда с добродѣтелию злобу приплѣтену обрящите, страшно бо есть впасти в руцѣ Бога живаго!» (л. 119 об.).

Не менее значимую функцию в Повести исполняет и мотив оклеветания невинного героя – один из распространенных мотивов агиографической топики (грехи опороченного в результате козней беса святого на поверку оказываются мнимыми).

В сочинении присутствует и сказочный мотив сверхъестественного перевоплощения. По воле святого бес обращается в коня: «Бѣс же изиде яко тма из сосуда и ста яко конь пред кѣлию святого, яко же святому годѣ» (л. 111 об.). Бес предстает также в женском образе, перевоплощаясь то в жену, то в девицу: «бѣс бо преображашеся в жену, ово же в дѣвицу» (л. 115).

Большую роль в структуре Повести играет мотив чудесного путешествия, паломничества к христианским святыням Иерусалима, которое происходит стремительно. За короткий временной промежуток преодолевается огромное пространство. Как в волшебной сказке, перед ночным паломником (действие происходит ночью) предстают святыни города: чудесным образом сами собой отворяются двери храма Воскресения, загораются свечи и кадила, а после слезных молитв архиепископа Иоанна, поклонов Гробу Господню и ухода из храма двери также затворяются без постороннего вмешательства: «И прииде святыи к церкви святого Воскресения, и ста пред дверми, и преклонѣ колѣни, помолися. И абие отверзошася двери церковныя сами о себѣ, и свѣща, и кадила в церкви у Гроба Господня возгошася. Святыи же благодарственнѣ моля Бога и пролия слезы, поклонися Гробу Господню и облобыза и. Таже и Животворящему Древу, и всем святым образом, и мѣстом святым, иже суть в церкви. И изиде из церкви, совершив желание свое. И паки двери церковныя о себѣ затворишася» (л. 111 об. – 112). Изображение данного эпизода в Повести имеет сходство с тем, как нечто подобное может описываться в жанре видений.

Это лишь несколько примеров сюжетных элементов и образных средств, организующих композиционное и семантическое пространство Повести. Но и на этих примерах видно, насколько сложным по своему строению и смысловому наполнению является данный литературный памятник.

По мнению Л.А. Дмитриева, изучавшего Житие Иоанна, архиепископа Новгородского, которое было создано после обретения мощей бывшего новгородского владыки⁷, Повесть существовала «как самостоятельное, отдельное повествование до включения

его в состав Жития» [6, с. 152]. Основную редакцию Жития святителя составил цикл связанных с его именем сказаний и легенд, уже долгое время бытовавших в устном творчестве новгородцев в ходе складывания культа святого. Отдельные из них, как и Повесть, к этому времени имели письменную традицию [6, с. 148–185]. В.О. Ключевский, правда, высказывал сомнение в том, что сочинение было известно в письменном виде до создания Жития Иоанна Новгородского. Ученый писал: «Не видно, чтобы сказание о путешествии в Иерусалим и о мщении беса существовало в письменности раньше жизнеописания Иоанна; едва ли не впервые оно записано в этом житии по изустным рассказам “неложных свидетелей”» [1, с. 164].

Можно предположить, что история текста Повести развивалась двумя путями: одна линия – в составе Жития Иоанна Новгородского, другая – в качестве самостоятельного сочинения, которое получило письменное оформление до включения его в состав Жития святителя. На каких-то этапах эти пути, несомненно, пересекались. Следует учитывать также возможное обратное влияние книжной традиции на формирование устных сказаний и легенд, использующих сюжет Повести или отдельные элементы его мотивной структуры. Таковы, например, устные легенды «Монах и нечистый» [9, № 22] и «Поездка в Иерусалим» [10, с. 69], бытовавшие в разных регионах европейской части России и записанные исследователями в начале XX в. Обе легенды в разной степени передают сюжетную канву Повести.

Повесть публиковалась несколько раз и по случайным спискам разного времени. Впервые сочинение было издано Г. Кушелевым-Безбородко по рукописи конца XVI – начала XVII в. из собрания Румянцевского музея, № 154 [11, с. 245–248]⁸. Затем появилась публикация Повести в Великих Минеех Четьих (далее – ВМЧ) под 7 сентября⁹ [12, стб. 333–340]¹⁰. В 1916 г. сочинение напечатал В.Н. Перетц по списку XVII в. из собрания Церковно-археологического музея Киевской духовной академии, № 25 [13, с. 69–74]. Позднее текст Повести дважды был издан Л.А. Дмитриевым по списку конца XV в. (РНБ, Соловецкое собрание, № 500 (519)) с правкой испорченных мест текста по списку XVI в. [14, с. 404–413; 15, с. 450–459; 569–570]. Изданный Л.А. Дмитриевым список входит

⁸ Сочинение опубликовано под названием «Повѣсть о путешествии Иоанна Новгородского».

⁹ 7 сентября – день памяти святителя Иоанна Новгородского.

¹⁰ Здесь Повесть озаглавлена следующим образом: «В той же день, о том же великом святителѣ Иоаннѣ, архиепископѣ Великаго Новгорода, како был во единой нощи из Новаграда в Иерусалимѣ градѣ, и паки возвратися в Великий Новград тое же нощи». В Великие Минее Четьи включена также «Память иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородскаго» [12, стб. 321–322]. По мнению Л.А. Дмитриева, последний текст представляет собой второй вариант первоначальной редакции Жития Иоанна Новгородского (см.: [6, с. 149]).

⁷ Событие относится к 1439 г., когда архиепископом Великого Новгорода был Евфимий II. Рассказ о чудесном обретении мощей святителя Иоанна входит в его Житие в качестве третьей части сочинения.

в состав Жития Иоанна Новгородского Основной редакции, согласно классификации ученого¹¹.

Все опубликованные списки содержат разночтения. Самое существенное из них – большое дополнение, имеющееся в списке, напечатанном в ВМЧ. В этом фрагменте повествуется о кончине святого. Такое окончание текста в некоторых списках Повести свидетельствует о том, что в данном варианте она была выписана из Жития. Следует сказать, что не во всех подобных случаях в сочинении сохраняется указанное дополнение.

В рассматриваемом мною списке ИИ СО РАН, № 17/76 присутствует данный «житийный» фрагмент. В нем повествуется о кончине архиепископа Иоанна; сказано о принятии им схимы перед уходом из жизни; приводится его предсмертное поучение к жителям Великого Новгорода, в котором владыка оставляет своим духовным чадам ряд своих пастырских наказов, призывая хранить православную веру («да не растлятся обычая наша»), подчиняться власти князя, любить ближнего, быть милосердными: «Князя бойтесь о благочестии православнаго, яко Бога, всяк бо противляися князю, Божию повѣлению противляется, посланник бо есть Божий во отмщение злодѣем, в похвалу добродѣем. За иновѣрнаго же и нечестиваго князя не предавайтесь. И любовь имѣйте межю собою нелицѣмерну и к нищим милость, и ко убогим, и вдовицам, и сирым поможение. И во всѣм имѣйте страх Божий...» (л. 121).

В одном из эпизодов «житийной» вставки архиепископ напоминает своим чадам о реальном историческом событии 1170 г. (участником которого был также и сам владыка), когда новгородцы благодаря заступничеству Богородицы, явившей чудо от иконы, одержали победу над осадившим город войском под предводительством суздальского князя Мстислава. Архиепископ говорит об этом так: «Послушайте, еже реку вам, сами бо видѣсте, како Бог избави град сей от пленения ратных и вас от напрасныя смерти иконою Матере своея и молитвами ея, владычица наша Богородицы и Приснодѣвы Марии, христианская заступница во всѣх бѣдах. Можаше бо невидимый сый, невидимую силою мир строи, и вас избавити невидимо...» (л. 120 об.)¹².

¹¹ Сочинение здесь озаглавлено следующим образом: «Слово 2-е о том же о великомъ святителѣ Иоаннѣ, архиепископѣ Великаго Новаграда, како былъ въ единой нощи из Новаграда во Иерусалимѣ градѣ и пакы возвратиса в Великий Новѣград тое же нощи» [15, с. 450].

¹² Событие, о котором говорит архиепископ Иоанн, нашло отражение в известном памятнике Древней Руси – «Сказании о битве новгородцев с суздальцами». Центральным эпизодом в «Сказании» является описание чуда от новгородской святыни – иконы Богородицы. По молитвам архиепископа Иоанна и всех новгородцев вынесенная на острог, источающая слезы икона повернулась ликом к горожанам, что знаменовало милость Богородицы и заступничество Бога по ее молитвам. Чудесным образом Новгород был спасен от осадивших его ратников, которых покрыла и ослепила тьма; обьятые ужасом нападавшие на город воины стали сражаться друг с другом, многие погибли, другие были пленены. Сюжет чуда от иконы Бого-

В «житийной» вставке также упоминается брат Иоанна Новгородского Григорий (мирское имя Гавриил), наследовавший по просьбе жителей Великого Новгорода архиепископский престол после ухода из жизни святителя. В Повести об этом сказано так: «И мало пожив святыи на апостолском престолѣ Великаго Новаграда и Пскова и увидѣвъ, еже ко Господу свое отшествие, и положи на величѣй архиепископии омофор свой, уже сый достиже в глубоку старость. И тако приидоша к нему князи града того и прочии началници градстии, архимандрити же и игумени, священники, и черноризцы, и вси людие. И молиша святого, да благословит брата своего Григория на архиепископский престол Великаго Новаграда. Святыи же моления их не презре, по прошению их поручи архиепископию Великаго Новаграда брату своему Григорию и благослови его в свое мѣсто, еже и бысть...» (л. 120–120 об.).

После рассказа о погребении Иоанна сообщается о многочисленных исцелениях от мощей святителя: «Быша же многа исцѣления от целомудренных мощей его и цѣлбоносных всякими недуги одержимым, и бѣси от челоуѣк отгнашася. Но и до сего дне исцѣления бывають с вѣроу приходящим к рацѣ святого его же молитвами» (л. 122).

Наличие «житийного» фрагмента, заключающего текст Повести в рассматриваемом мною списке, сближает его со списком ВМЧ. При этом между ними наблюдаются отдельные текстуальные различия, которые свидетельствуют о том, что между ними мог существовать ряд других промежуточных списков. Например, рассказ о кончине и погребении архиепископа Иоанна в списке Института истории СО РАН, № 17/76 сопровождается описанием сцены всеобщего плача новгородцев. В списке ВМЧ этот эпизод передан в весьма лаконичной форме, в то время как в списке ИИ СО РАН, № 17/76 говорится о полных экспрессии и горечи стенаниях и криках жителей Великого Новгорода, оплакивающих своего пастыря, «отца и заступника». Привожу для сравнения оба текста (разночтения выделены курсивом):

ВМЧ

Князь же и началници градстии и честнии игумени, иереи же и диякони и весь священный собор и иноцы, и множество народа плакахуся *его ради*. [12, стб. 340].

ИИ СО РАН, № 17/76

Князь же и началници градстии и весь освященный чин, и иноцы, и множество народа плакахуся *и рыдаху, глаголюще: «Увы нам, такова пастыря и учителя, и святителя остахом сирии же и вдовицы, и нищии». Горѣ кричаще и вопиюще: «Увы нам, увы, отца и заступника оставим»* (л. 121 об. – 122.).

Л.А. Дмитриев отмечал подобные списки с плачем Жития Иоанна Новгородского и отнес их к позд-

родицы вошел и в состав Жития Иоанна Новгородского. О литературной истории «Сказания» см.: [6, с. 95–148]. Издание текста см.: [11, с. 241–242; 15, с. 444–449; 568–569 (подг. текста, перевод и комментарии Л.А. Дмитриева)].

ним переделкам Жития [6, с. 177]. По-видимому, список Повести Института истории СО РАН, № 17/76 представляет собой одну из таких переработок жизнеописания святителя, куда входила часть с рассказом о путешествии в Иерусалим. Любопытно, что список содержит еще одно дополнение в одном из фрагментов, где повествуется о том, как бес начинает мстить архиепископу Иоанну за то, что тот рассказал о своем чудесном приключении. Здесь неизвестный нам редактор счел необходимым внести свое пояснение – напомнить об истории ангела, возгордившегося и восставшего против Творца, за что он был свергнут с небес с подчиненными ему ангелами, лишившись первоначального света, сделался тьмою. Привожу для сравнения оба фрагмента (указанное дополнение в списке Института истории СО РАН, № 17/76 выделено курсивом):

ВМЧ

Народи же не вѣдаху, яко бѣс есть мечтуя, но весма мняху жену блудницу, и соблажняху о сем. Иногда же и началницы града того, приходяще в келью святаго благословения ради, видят мниста девичья лежаща и сандаля женска и рублища; и о сем оскорбляхуся, недоумеюще, что рещи. Вся же сия бѣс мечтуя показаваше им. Да встанут на святаго, и възглаголют неправедная и изженут [12, стб. 335–336].

ИИ СО РАН, № 17/76

Народи же не вѣдуше, яко бѣс есть, мечты творяи на пакость святому. Хотяше бо лукавый своими лщени испроверщи святаго святительскаго престола и посрамити и. *Яко же он вселукавый гордостю ради с небесе свержесе, первѣе бѣша свѣтли, нынѣ же – тма, помрачившесе прелестию окаянныи.* И подвижашеся на святаго непрестанно, ово кажа жену, ово же девицу, из кѣлии святаго исходящих.

Народи же, видяще сия, усумняхуся о таковых видѣнии и весма мняху тако сим бывати, и соблажняхуся о сих велии. Иногда же началницы града того, приходяще в кѣлию святаго благословения ради, и видяху женская мниста лежаща и сандаля женская, и рублища. И о сем оскорбляющеся и недоумѣяхуся, что рещи. Вся же сия бѣс мѣчтуя показаваше вѣм, да встанут на святаго и възглаголют неправедная, и ижденут святителя с престола (л. 115–116).

Отмеченной вставки о падших ангелах нет в других опубликованных списках. Однако наличие ее в списке ИИ СО РАН, № 17/76 не является его индивидуальной особенностью¹³.

Что касается привлеченных к анализу списков, то между ними имеются и другие разночтения. Интересно, что в списке ИИ СО РАН, № 17/76 в одном

из фрагментов, где речь идет о торжественном шествии оправданного архиепископа Иоанна к Юрьеву монастырю (монастырю святого Георгия), содержится притяжательное местоимение «наш» («наш архимандрит же усумнѣся и посла увѣдѣти»), которое указывает на то, что рассказ ведется от лица кого-то из насельников обители. Привожу данный текст: «Архимандриту же и иноком монастыря того не вѣдущим, яко идет архиепископ в монастырь. В то же время в монастыри святаго Георгия бѣ нѣкий челоуѣкъ, яко юрод творящесе, прозорлива же дара имѣя благодать. Сей прииде ко архимандриту, толкий в двери, глаголя: “Изиди противу святителя Божия архиепископа Иоанна, се бо грядет в монастырь к вам”. Наш архимандрит же усумнѣся и посла увѣдѣти. Они же, шедше, и онаго народа, ту сущаго, вопросивше и увѣдѣвше, яже о святѣм, возвратишася и все архимандриту сказавше. Он же повелѣ сотворити звон» (л. 118 об. – 119). Трудно понять, как появилось здесь слово «наш». Возможно, это случайная описка переписчика. Не исключено также, что когда-то существовал список, сделанный в фигурирующем в сочинении новгородском Юрьевом монастыре, одна из примет которого («наш архимандрит») могла найти отражение в последующих списках памятника.

Таковы самые общие, предварительные наблюдения, касающиеся списка Повести о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим из Собрания рукописей ИИ СО РАН, № 17/76. Необходимо дальнейшее изучение данного списка, чтобы определить его место в системе известных списков Повести. В специальном исследовании нуждается и сама Повесть как один из интереснейших литературных памятников русского Средневековья. Как представляется, одной из важных задач ее изучения является анализ мотивной структуры сочинения в контексте книжной и устной традиций, в связи с чем большое значение имеет привлечение не только текстов письменной культуры, так или иначе связанных с сюжетом Повести, но и материала легенд, бытовавших в фольклорной традиции. Важен также анализ эволюции композиционной структуры и смыслового наполнения текста, его развития в ходе рукописной жизни памятника. И наконец, Повесть о путешествии Иоанна Новгородского в Иерусалим нуждается в научном издании, необходимым условием чего является текстологический анализ всех известных на сегодняшний день списков сочинения с целью реконструкции его литературной истории¹⁴. Неоценимое значение здесь могут иметь результаты исследования Л.А. Дмитриева, выявившего большое количество списков Жития Иоанна Новгородского и определившего редакции и варианты текста этого произведения [6, с. 148–185, 284–288]. Думается, что Повесть, появившаяся до создания Жития и распространявшаяся впоследствии не только в его составе, но и как самостоя-

¹³ Вставка о падших ангелах содержится, например, еще в одном из известных мне списков Повести – РГБ, Костромское собрание, № 17 (начало XVII в.). Очевидно, существуют и другие списки, включающие указанное дополнение.

¹⁴ Вопрос о необходимости изучения литературной истории Повести и издания ее текста по всем редакциям был поставлен еще много лет назад, однако не нашел пока своего решения [16, с. 146].

тельное целостное и завершённое по своему сюжету сочинение, заслуживает отдельного изучения в полном объеме его рукописной традиции.

Несмотря на то, что список Повести из Собрания рукописей и старопечатных книг ИИ СО РАН, № 17/76 имеет позднее происхождение, результаты его анализа важны для текстологического исследования сочинения и реконструкции истории текста этого широко распространенного, но недостаточно изученного произведения литературы Древней Руси¹⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. 465 с.
2. Панич Т.В., Титова Л.В. Описание собрания рукописей ИИ-ФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. 279 с.
3. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской Церкви. М., 1993. Кн. 2. 702 с.
4. Творогов О.В. Иоанн // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 208–210.
5. Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVIII вв. Л., 1973. 301 с.
6. Дмитриев Л.А. Житие Иоанна Новгородского // Словарь книжников и книжности Древней Руси: вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 514–517.
7. Дурново Н.Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды славянской комиссии Моск. археол. о-ва. М., 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 54–152.
8. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Новосибирск, 2003. Вып. 1. 241 с.
9. Ширский А.А. К Житию Иоанна, архиепископа Новгородского. Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. Вып. 29.
10. Богословский П.С. Рукописная традиция в шадринском фольклоре // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 66–69.
11. Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. 482 с.
12. Великие Минеи Чети, собр. всеросс. митр. Макарием / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 1: Сентябрь, дни 1–13. 350 с.
13. Перетц В.Н. Отчет об экскурсии семинара русской филологии в Киев 30 мая – 11 июня 1915 г. Киев, 1916. С. 69–74.
14. Изборник // Библиотека всемирной литературы. М., 1969. Т. 15. 799 с.
15. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. 581 с.
16. Демкова Н.С., Дмитриева Р.П., Салмина М.А. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерус-

ских повестей // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 139–179.

REFERENCES

1. Klyuchevskij V.O. Ancient Russian Hagiographies as a historical source. Moscow, 1988, 465 p. (In Russ.)
2. Panich T.V., Titova L.V. Description of collection of manuscripts IIFiF SO AN SSSR. Novosibirsk, 1991, 279 p. (In Russ.)
3. Makarios (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna, History of the Russian Church. Moscow, 1993, vol. 2, 702 p. (In Russ.)
4. Tvorogov O.V. Ioann. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi: XI – pervaya polovina XIV v. Leningrad, 1987, pp. 208–210. (In Russ.)
5. Dmitriev L.A. Hagiographical Story of the Russian North as a Monument to Literature of XIII–XVIII Centuries. Leningrad, 1973, 301 p. (In Russ.)
6. Dmitriev L.A. Hagiography of Ioann of Novgorod. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi: vtoraya polovina XIV–XVI v. Leningrad, 1989, issue 2, ch. 2, pp. 514–517. (In Russ.)
7. Durnovo N.N. Legend of Sealed Devil in Byzantine and Ancient Russian Literature. Drevnosti. Trudy slavyanskoy komissii Mosk. arheolog. obshchestva. Moscow, 1907, book 4, vol. 1, pp. 54–152. (In Russ.)
8. Index Dictionary of Subjects and Motives of Russian Literature. Experimental publication. Novosibirsk, 2003, vol. 1, 241 p. (In Russ.)
9. Shirskiy A.A. K Hagiography of Ioann, archbishop of Novgorod. From legends of Vetluzhsky District. Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. Kostroma, 1923, issue 29. (In Russ.)
10. Bogoslovskiy P.S. Handwritten Tradition in Folklore of Shadrinsk. Permskij kraevedcheskij sbornik. Perm', 1924, issue 1, pp. 66–69. (In Russ.)
11. Monuments of Ancient Russian Literature. St.Petersburg, 1860, issue 1, 482 p. (In Russ.)
12. Great Menaion Reader, All-Russian collection of Metropolitan Makarios/ Published by Archeological committee. St.Petersburg, 1868. Vol. 1: September, days 1–13, 350 p. (In Russ.)
13. Peretts V.N. Report on excursion seminar of Russian philology in Kiev, 30 May – 11 June 1915. Kiev, 1916, pp. 69–74. (In Russ.)
14. Anthology. Library of World Literature. Moscow, 1969, vol. 15. 799 p. (In Russ.)
15. Library of Ancient Russian Literature. St.Petersburg., 1999. Vol. 6: XIV century – middle of XV century, 581 p. (In Russ.)
16. Demkova N.S., Dmitrieva R.P., Salmina M.A. Main problems in textological study of Original Ancient Russian Tales. Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Moscow; Leningrad, 1964, vol. 20, pp. 139–179. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.06.2017

¹⁵ Панич Т.В. Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесу в Иерусалим из собрания рукописей Института истории СО РАН // Книга и литература. Сборник, посвященный юбилею профессора Новосибирского государственного университета Елены Ивановны Дергачевой-Скоп. Новосибирск (в печати).

DOI: 10.15372/HSS20170310
УДК 028.4:2–29(571.16)(091)

Ю.В. ТИМОФЕЕВА

**МЕСТО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ЧТЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье на основе широкого круга источников определяется место духовно-нравственной литературы в круге чтения жителей Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Показано, что наиболее широко чтение духовно-нравственной литературы было распространено среди сельского населения и представителей старшего поколения. У горожан и молодежи она все более вытеснялась беллетристикой, отраслевой литературой, периодикой. Эти сведения позволяют говорить о проникновении модернизационных процессов (прежде всего о секуляризации и прагматизации чтения) в социокультурную жизнь Томской губернии, о более заметном – в губернском центре, значительно слабее – за его пределами.

Ключевые слова: духовно-нравственная литература, чтение, модернизация, читательские интересы, библиотека, беллетристика, Томская губерния.

YU.V. TIMOFEEVA

**THE PLACE OF SPIRITUAL-MORAL LITERATURE IN READING
OF INHABITANTS IN TOMSK PROVINCE
(LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

State Public Scientific-Technological Library SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia

The article's objective is to reveal the share of spiritual-moral literature in reading of inhabitants of Tomsk province under conditions of modernizing the Siberian society. The research methodological basis is the theory of the traditional society modernization.

Data systematized and summarized by the author from the numerous reports of libraries in Tomsk province on book circulation in the catalog divisions make it possible to determine the place of spiritual-moral literature in reading of residents; to trace the modernization processes entering the Siberian hinterland, and to reveal the secularization of reading during the period under review. They show that spiritual-moral literature maintained its presence in reading of provincial inhabitants, but it was uneven and determined by the person's education, age, occupation, place of residence. The most widely spiritual-moral literature reading was distributed among the rural population, mainly peasants, and representatives of the older generation. It was increasingly replaced by fiction, special literature, periodicals among urban residents and youth. Spiritual-moral literature dominated in peasantry home libraries along with representatives of other classes in the province peasants went to libraries mainly to get fiction. Public readings were carried out on a broad program. Books on art, Russian history, hygiene, natural science, ethnography, and other topics besides texts of spiritual-moral content were read in their course. Revealed data make it possible to clarify and supply the regional and all-Russian picture of reading in the late imperial period, its dynamic development under conditions of modernization.

Key words: spiritual-moral literature, reading, modernization, reader interests, library, fiction, Tomsk province.

Конкретно-историческая характеристика процесса перехода от традиционного к рациональному типу менталитета, культуры и образа жизни людей, по мне-

нию современных исследователей, является одной из важных проблем отечественной истории [см, напр.: 1, с. 120]. В позднеимперский период частным прояв-

Юлия Викторовна Тимофеева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: prankevich@mail.ru.

Yulia V. Timofeeva – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, State Public Scientific-Technological Library SB RAS.

лением этого процесса, называемого модернизацией, стал переход от чтения религиозных, духовно-нравственных текстов к чтению преимущественно светской литературы. Изучение особенностей такого перехода необходимо для реконструкции содержания, темпов, особенностей модернизации в России.

Репрезентативность источниковой базы исследования достигнута благодаря привлечению большого массива библиотечных отчетов рассматриваемого периода и исследовательской литературы по указанной теме. Проанализированы и обобщены сведения из отчетов народных библиотек, учрежденных при помощи Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (далее Общество содействия), Томской городской публичной, Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске почти за два десятилетия их существования. Изучение отчетов библиотек дало возможность определить место духовно-нравственной литературы в чтении жителей Томской губернии. Сравнительный анализ данных этих отчетов позволил выявить общую тенденцию в развитии чтения жителей губернии, включавшуюся в постепенном вытеснении духовно-нравственной литературы беллетристикой, отраслевыми изданиями, периодикой. Возможность проведения сравнительного анализа и достоверность полученных результатов обусловлены сходством составления этих отчетов, включавших, как правило, данные о количестве книговыдач по отделам. В некоторых отчетах приведены наблюдения библиотекарей о читательских запросах на литературу.

Основным источником получения книг в пользование являлись библиотеки, прежде всего учебных заведений, народные – в сельской местности и городские публичные. Их комплектование проводилось в соответствии с официально утвержденными каталогами книг, допущенных в школьные и народные библиотеки. В отделы духовно-нравственной литературы в библиотеках включали книги Священного писания, по истории церкви и религии, богословию, рассказы о жизни и казни Иисуса Христа, о паломниках и паломничестве, а также о творениях Святых отцов церкви, жития святых, Псалтырь, Евангелие, Библию, Часослов и другие издания, т.е. произведения, имеющие отношение к религии и церкви, направленные на укрепление приверженности православию и воспитание нравственных качеств личности, соответствующих официальной идеологии.

В начале 1890-х гг. в сельских народных библиотеках России по числу требований первое место занимала художественная литература (50 %), второе – религиозная (22 %), третье – историческая (15 %), четвертое – научная (13 %) [2, с. 142]. В начале XX в. доля религиозной литературы в чтении селян продолжала сокращаться, а в отдельных библиотеках по книговыдаче она уступила еще и изданиям по географии и истории.

Активную деятельность по открытию народных библиотек проводило Общество содействия, учредив-

шее с 1901 по 1919 г. почти 600 бесплатных библиотек, в фондах которых находилось около 300 тыс. томов, а число пользовавшихся книгами превышало 50 тыс. чел. [3, с. 41]. Отчеты этих библиотек, предоставляемые их заведующими в Совет Общества содействия, не всегда были полными и регулярными. Тем не менее анализ сведений, содержащихся в них, позволяет говорить о сокращении присутствия духовно-нравственной литературы в круге чтения сельского населения губернии в рассматриваемый период. Так, в Судженской библиотеке Томского уезда в конце 1902 – начале 1903 г. книги духовно-нравственного содержания по количеству выдач занимали второе место – 67 экз., или 8,5 %¹ всех выданных книг, пропустив вперед беллетристику – 644 экз., или 81,6 % [4, с. 7]. В Ново-Кусковской библиотеке Томского уезда по этому же показателю литература духовно-нравственного содержания находилась на четвертом месте (73 экз., или 7,5 % всех выданных томов) вслед за беллетристикой (615 экз., или 63 %), книгами по географии (115 экз., или 11,8 %) и истории (96 экз., или 9,8 %) [4, с. 8]. С марта по октябрь 1903 г. в библиотеке в пос. Островский Мариинского уезда было выдано 476 книг, из них с произведениями художественной литературы – 300, или 63 % всех выданных томов, духовно-нравственного содержания – 92, или 19,3 %, по истории и географии – 66, или 13,9 %, по естествознанию, медицине и сельскому хозяйству – 18, или 3,8 % [5, с. 97].

В 1906 г. одиннадцатью библиотеками, устроенными Обществом содействия, было выдано из отдела беллетристики 5014 томов (54,7 % всех книговыдач), духовно-нравственного содержания – 1222 (13,3 %) [6, с. 11], в 1907 г. восемнадцатью библиотеками – 8487 (62,2 %) и 2211 (16,3 %) соответственно [6, с. 13]. Заведующие библиотеками сообщали в Совет Общества содействия и такие сведения: «Охотно берут повести, рассказы и сказки»; «Наиболее читаются сказки, повести; читателям постарше нравятся книги духовно-нравственного содержания» [6, с. 14–15]. Приведенные отзывы свидетельствовали, с одной стороны, о росте интереса к светской литературе, а с другой – о том, что она не вытеснила полностью духовно-нравственную литературу из круга чтения сибиряков, особенно старшего поколения.

В городских библиотеках литература духовно-нравственного содержания была еще менее востребована. Так, в библиотеке Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске из отдела «богословие, история церкви и книги духовно-нравственные» было выдано в 1896 г. 6 книг, что составило 0,1 % всех книговыдач, в 1897 г. – 24, или 0,3 %, в 1898 г. – 23, или 0,3 %, в 1899 г. – 22, или 0,2 %, в 1900 г. – 18, или 0,2 %, в 1901 г. – 23, или 0,2 % [7, с. 42–43], в 1904 г. – 50, или 0,5 % [8, с. 8–9], в 1905 г. – 20, или 0,2 % [9, с. 20–21], в 1909 г. – 46, или 0,8 % [10, с. 7].

¹ Здесь и далее подсчеты относительных показателей, выраженных в процентах, выполнены автором статьи.

В Томской городской публичной библиотеке из отдела «богословие» за первые четырнадцать месяцев ее существования (с 1 ноября 1899 г. по 31 декабря 1900 г.) было выдано 130 томов, что составило 0,8 % всех книговыдач [11, с. 14], в 1901 г. – 94, или 0,6 % [12, с. 7], в 1902 г. – 78, или 0,4 % [13, с. 10], в 1903 г. – 82, или 0,4 % [14, с. 10], в 1904 г. – 69, или 0,3 % [15, с. 7].

Об уменьшении в круге чтения доли книг духовно-нравственного содержания и о росте интереса читателей к художественной и отраслевой литературе свидетельствуют данные о комплектовании библиотек даже при церквях не только книгами по истории религии и церкви, богословию и богослужению, творениями отцов церкви, но и учебниками, учебными пособиями, изданиями по русской истории, географии, естественным наукам и медицине, сельскому хозяйству и технике. Такими книгами пополнялась, например, библиотека при церкви Знамения св. Захария и Елизаветы в Барнауле – уездном городе губернии [16, с. 91].

Книги в домах у селян имелись, как правило, в малом количестве. В основном это были книги духовно-нравственного содержания. Так, согласно подсчетам новосибирских историков К.Е. Зверевой и В.А. Зверева, среди книг, находившихся в собственности населения Спасского участка Каинского округа губернии на рубеже 1880–1890-х гг., религиозных было 62,3 %, светских – 37,7 % [1, с. 129]. Одной из причин данного соотношения являлось то, что в деревне семейным бюджетом распоряжались и соответственно выбирали литературу, достойную приобретения, в основном представители старшего поколения, которые чаще задумывались о спасении души и поэтому были заинтересованы в покупке книг, способных им помочь в решении духовных вопросов. В домашних библиотеках преобладали Псалтырь, Евангелие, Часослов, жития святых. Старики пытались контролировать чтение младших членов семьи и порой заставляли их читать духовно-нравственную литературу. Такой состав фондов домашних библиотек не удовлетворял представителей молодого поколения, ищущих в книгах прежде всего занимательности и развлечения и вынужденных обращаться в библиотеку за беллетристическими произведениями.

В условиях низкой грамотности населения, особенно сельского, нехватки средств на приобретение книг в личную собственность и начального этапа формирования библиотечной сети эффективной и распространенной формой просвещения малограмотных и безграмотных жителей губернии были бесплатные народные чтения. Посещать их могли все желающие независимо от пола, возраста (от подростков до стариков), сословной, национальной, религиозной принадлежности, имущественного положения и уровня грамотности. Устраивали читки обычно в воскресные и праздничные дни.

Народные чтения признавались важным средством просвещения и воспитания населения, формирования его мировоззрения, поэтому государство сразу взяло их под свой контроль, выдавая разрешение

на их устройство, утверждая кандидатуры лекторов и каталоги дозволенных для чтения книг. Но и в таких условиях содержание чтений было различным. Наряду с текстами духовно-нравственного содержания читались беллетристика, книги по истории, гигиене, этнографии, географии и другим отраслям знаний. Так, в 1899–1900 гг. на территории губернии чтения только духовно-нравственного содержания проводились в селах Спасском, Осиновском, Убинском Каинского уезда, Берском и Битковском Барнаульского уезда; чтения духовно-нравственного и исторического содержания – в селах Ушковском Каинского уезда и Шадринском Барнаульского уезда².

В с. Алтайском Бийского уезда народные чтения проводились с 1884 г. Предметом чтения на них служили статьи религиозно-нравственного характера, жития святых и повествования о главнейших фактах из истории церкви и Отечества. В 1896–1897 гг. читали книги, изданные высочайше утвержденной Комиссией по устройству народных чтений в Петербурге, в том числе «Кавказский пленник» и «Рассказы о Севастопольской обороне» Л.Н. Толстого³.

В с. Тулинском Барнаульского уезда в конце XIX в. читали статьи духовно-нравственного содержания, тексты о природе, о «заразительных» болезнях, средствах предупреждения и лечения их⁴.

В начале XX в. духовно-нравственные и литературные чтения проводились в селениях Чернопятковском и Ребрихинском Барнаульского уезда, Медведчиковом, Богородском, Буграх и Судженском Томского уезда, Локтевском Змеиногорского уезда, Соколовском Бийского уезда⁵.

В 1902 г. в Сибирячихинском сельском училище Бийского уезда числилось 114 названий книг для народных чтений⁶. В религиозно-нравственный отдел были включены жития св. Николая Чудотворца, подобного Ксенофонта, благоверного великого князя Александра Невского, Григория Богослова, Стефана Пермского. Имевшиеся в училище книги географического и этнографического содержания рассказывали о Лондоне, Индии, Италии, Египте, Абиссинии, русском путешественнике Н.М. Пржевальском. В историческом разделе имелись книги о жизни и деятельности русских правителей – Ивана III, Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Александра II, Александра III и др. Кроме того, из имевшихся книг можно было узнать о нашествии монголов, американской выставке в Чикаго в 1899 г., холере, Ростове Великом и его святынях и многом другом. Художественная литература была представлена произведениями Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина.

В обширную программу народных чтений в с. Итате Мариинского уезда, разрешенных 21 дека-

² ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 13–14.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2571. Л. 6–7.

⁴ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 9. Л. 14.

⁵ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1793. Л. 157.

⁶ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Д. 134. Л. 54–55 об.

бря 1904 г., были включены жития святых и духовно-нравственные рассказы, священная история, беллетристика, география, гигиена, сельское хозяйство, пчеловодство, кустарная промышленность, русская история⁷.

Наибольшей популярностью пользовались чтения, сопровождавшиеся демонстрацией иллюстраций с помощью специального проекционного фонаря, получившего название «волшебный». Поэтому все устроители народных чтений, в том числе попечительства о народной трезвости и сельские общества, стремились приобрести «волшебные» фонари, картины и брошюры к ним. Так, Колыонским сельским обществом Мариинского уезда для проведения народных чтений были приобретены следующие брошюры со световыми картинками: 5 – религиозного содержания: «Уничтожение на земле Господа нашего Иисуса Христа», «Церковь Христова со времен апостолов», «Жизнь Св. Николая Чудотворца», «Земля по следам русских паломников», «Начала христианства на Руси»; 6 – исторического: «Нашествие татар и кн. Михаил Тверской», «Завоевание Сибири», «Воцарение дома Романовых», «Народная война 1812 г.», «Рассказы о севастопольцах», «О жизни и деяниях императора Александра II»; 6 – замечательных произведений русской классики: «Полтава», «Капитанская дочка» и «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Тарас Бульба», «Сорочинская ярмарка» и «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя; избранные стихотворения замечательных русских поэтов: «Генерал Топтыгин», «Мазай и зайцы», «Дядюшка Яков», «Мороз красный нос», «Малютка-мужичок» Н.А. Некрасова, «Бесы» А.С. Пушкина, «Крестьянская пирушка» и «Жатва» А.В. Кольцова⁸. В Кривошековском училище Фонарю, из них только две, или 13,3 % от общего числа, были религиозно-нравственного содержания⁹.

Таким образом, в позднеимперский период важным показателем модернизации чтения была его секуляризация, т.е. переход от чтения текстов религиозных, духовно-нравственных, по истории религии и церкви к литературе светской, в том числе учебной, развлекательной, практически полезной, научно-популярной, справочной, энциклопедической. Доля духовно-нравственной литературы в кругу чтения жителей губернии уменьшалась, уступая место прежде всего беллетристике, которая значительно опережала ее по количеству книговыдач в библиотеках различного типа, а также отраслевой литературе преимущественно по географии и истории. Быстрее всего эти процессы протекали в городской и молодежной читательских аудиториях. Однако секуляризация чтения не носила тоталитарного характера. Духовно-нравственная литература по-прежнему присутствовала в чтении жителей Томской губернии. Наиболее широко она была

распространена среди сельского населения и старшего поколения, в среде которых укоренившиеся традиции медленнее поддавались идущей в стране модернизации, оказывавшей влияние на изменения в кругу чтения сибиряков.

При этом необходимо помнить о большой роли духовных текстов в нравственном просвещении и воспитании населения, на которую указывали многие российские исследователи (см., напр.: [17]) и которая заметно уменьшается при вытеснении такой литературы из круга чтения жителей страны, что без равноценной замены может негативно отразиться на моральном облике российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2013. 237 с.
2. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: очерки истории чтения в России во второй половине XIX в. М.: Изд-во Моск. пед. ин-та, 1991. 224 с.
3. Макушин П.И. Из «Автобиографии» // Сибирская старина. 2002. № 19. С. 35–41.
4. Отчет Совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии за 1901–1903 гг. Томск: Паровая тип.-литогр. П.И. Макушина, 1904. 27 с. + прил. 1 с.
5. Сергеева Е.Ф. Очерки книжной культуры Кузбасса (XIX–XX вв.). Кемерово: Кемер. гос. ун-т культуры и искусств, 2008. 192 с.
6. Отчет Совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии за 1904–1907 гг. Томск: Типо-литогр. Сиб. т-ва печатного дела, 1908. 49 с.
7. Десятилетие Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске (19 апреля 1892 г. – 19 апреля 1902 г.): очерк жизни и деятельности Общества. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова, 1903. 152 с. (На обл. год изд.: 1902).
8. Отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске. Тринадцатый годичный отчет за 1904 г. Томск: Паровая типо-литогр. П.И. Макушина, 1905. [5], 90 с.
9. Отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске. Четырнадцатый годичный отчет за 1905 год. Томск: Тип. Братства, 1907. 76 с.
10. Отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске. Восемнадцатогодичный отчет за 1909 год. Томск: Типо-литогр. Сиб. т-ва печатного дела, 1910. 87 с.
11. Отчет Томской городской публичной библиотеки за первые четырнадцать месяцев ее существования (с 1 ноября 1899 года по 31 декабря 1900 года). Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова, 1901. 33 с.
12. Отчет Томской городской публичной библиотеки за 1901 г. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова, 1902. 29 с.
13. Отчет Томской городской публичной библиотеки за 1902 г. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова, 1903. 29 с.
14. Отчет Томской городской публичной библиотеки за 1903 г. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова, 1904. 38 с.
15. Отчет Томской городской публичной библиотеки за 1904 г. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова, 1905. 18 с.
16. Воробьева Н.В. Бесплатная духовно-нравственная библиотека Барнаула в конце XIX – начале XX века // Седьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 89–92.
17. Панченко А.М. «В деле воспитания русского воинства... – могучим орудием является добрая книга» // Духовно-нравственная культура России и Болгарии: православное наследие: VIII Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура»: мат-лы Все-

⁷ ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 179. Л. 54–54 об.

⁸ Там же. Д. 134. Л. 40 об. – 41.

⁹ Подсчитано по: Там же. Д. 179. Л. 19.

рос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 21 мая 2010 г.). Челябинск, 2010. Вып. 2, ч. 1. С. 236–244.

REFERENCES

1. Zvereva K.E., Zverev V.A. How did Siberia learn to read: school, literacy and reading in Russian countryside in the late XIX – early XX centuries. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t., 2013, 237 p. (In Russ.)
2. Reiblat A.I. From Bova to Balmont: essays on reading history in Russia in the second half of the XIX century. Moscow: Izd-vo Moskov. ped. un-ta., 1991, 224 p. (In Russ.)
3. Makushin P.I. From «Autobiography». *Sibirskaya starina*. 2002, no. 19, pp. 35–41. (In Russ.)
4. Report of the Council of the Society for assistance in arranging rural free libraries-reading rooms in the Tomsk province for 1901–1903. Tomsk: Parovaya tip.-litogr. P.I. Makushina, 1904, 27 p. + Suppl. 1 p. (In Russ.)
5. Sergeeva E.F. Essays of book culture in Kuzbass (XIX–XX centuries). Kemerovo: Kemerov. gos. un-t kultury i iskusstv, 2008, 192 p. (In Russ.)
6. Report of the Council of the Society for assistance in arranging rural free libraries-reading rooms in the Tomsk province for 1904–1907. Tomsk: Tipolitogr. Sib. tovarishchestva pechatnogo dela, 1908, 49 p. (In Russ.)
7. The decennary of the Society of mutual assistance of clerks in Tomsk city (April 19, 1892 – April 19, 1902): an essay of the Society activity. Tomsk: Tipolitogr. M.N. Kononova, 1903, 152 p. (Cover: 1902). (In Russ.)
8. Report of the Society of mutual assistance of clerks in Tomsk city. Thirteenth annual report for 1904. Tomsk: Parovaya tip.-litogr. P.I. Makushina, 1905. [5], 90 p. (In Russ.)
9. Report of the Society of mutual assistance of clerks in Tomsk city. Fourteenth annual report for 1905. Tomsk: Tip. Bratstva, 1907, 76 p. (In Russ.)
10. Report of the Society of mutual assistance of clerks in Tomsk city. Eighteenth annual report for 1909. Tomsk: Tipolitogr. Sib. tovarishchestva pechatnogo dela, 1910, 87 p. (In Russ.)
11. Report of Tomsk municipal public library for the first fourteenth months of its existence (since November 1, 1899 till December 31, 1900). Tomsk: Tipolitogr. M.N. Kononova, 1901, 33 p. (In Russ.)
12. Report of Tomsk municipal public library for 1901. Tomsk: Tipolitogr. M.N. Kononova, 1902, 29 p. (In Russ.)
13. Report of Tomsk municipal public library for 1902. Tomsk: Tipolitogr. M.N. Kononova, 1903, 29 p. (In Russ.)
14. Report of Tomsk municipal public library for 1903. Tomsk: Tipolitogr. M.N. Kononova, 1904, 38 p. (In Russ.)
15. Report of Tomsk municipal public library for 1904. Tomsk: Tipolitogr. M.N. Kononova, 1905, 18 p. (In Russ.)
16. Vorobieva N.V. Free spiritual-moral library in Barnaul in the late XIX – early XX centuries. Sed'mye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Krasnoyarsk, May 16–17, 2006). Novosibirsk, 2006, pp. 89–92. (In Russ.)
17. Panchenko A.M. «In education of the Russian troops... – the mighty tool is the kind book». *Duhovno-nravstvennaya kul'tura Rossii i Bolgarii: pravoslavnoe nasledie: VIII Slavyanskiy nauchnyy sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura»: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Chelyabinsk, 21 maya 2010 g.)*. Chelyabinsk, 2010, issue 2, part 1, pp 236–244.

Статья принята
редакцией 25.05.2017

DOI: 10.15372/HSS20170311
УДК 94(47).04+930.85

И.Н. НИКАНОРОВ

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ ФЕДОСЕЕВЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена рассмотрению эволюции эсхатологических представлений старообрядцев федосеевского согласия в контексте идей эпохи Просвещения. Использованный источниковый материал предоставляет возможность для соотнесения практики ведения полемики представителями согласия и уставных сочинений, в которых изложено эсхатологическое учение, а также для уточнения различий между традициями книжной культуры и устной практикой, что особенно актуально в контексте концепции текстуальных сообществ. Соотнесение содержания сочинений и позиции, выраженной представителями согласия в спорах с оппонентами, с одной стороны, показало различие «книжных» представлений и реально переживаемого религиозного опыта, а с другой – позволило сделать вывод о том, что рациональные аргументы, включенные в эсхатологические построения, не отрицали, а обогащали в соответствии с духом эпохи учение федосеевцев о «последнем времени».

Ключевые слова: старообрядчество, эсхатологическое учение, эпоха Просвещения, федосеевцы, Преображенское кладбище, И.А. Ковылин.

I.N. NIKANOROV

THE ESCHATOLOGICAL IDEAS OF THE FEDOSEEVTSY IN THE CONTEXT OF THE CONCEPTS OF THE ENLIGHTENMENT

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article is devoted to the evolution of eschatological ideas of Old Believers of the Fedoseev's denomination in the context of the Enlightenment concepts. It seems appropriate to use the concept of textual communities proposed by B. Strok to study the identity of traditional communities, such as Old Believers. The applied sources provide an opportunity to correlate the practice of oral controversies used by Fedoseevtsy and their statutory works where eschatological teaching is presented. The paper explores the content and context of a work reflecting a polemic between representatives of sensible understanding (by Popovtsy) and Antichrist spiritual understanding (by Fedoseevtsy). It should be noted that rational arguments proposed by Fedoseevtsy were characterized by their opponents as being similar to the Protestant doctrine, not the Orthodox tradition. Analysis of the statutory work recognized as authoritative one by all Fedoseevtsy has shown that the instructors warned their followers against unnecessary speculation about the essence of Antichrist and relied primarily on the interpretation of the Holy Gospel and the Church Fathers. Thus, the arguments inherent for oral practice are more rational and freer than those used for textual monuments preserving more conservative and traditional features, which continued the traditions of Ancient Russia scribes. The correlation of statutory works content and the position expressed by the representatives of Fedoseevtsy in disputes with opponents, on the one hand, showed differences in "text" representations and the actual religious experience, and on the other hand, it led to the conclusion that rational arguments included in eschatological constructions did not deny, but enriched their teachings about the "last days" in accordance with the Enlightenment spirit.

Key words: Old Believers, eschatology, Enlightenment, Fedoseevtsy, Preobrazhensk Old Believers community, I.A. Kovylin.

Церковный раскол, произошедший в XVII в., оказал существенное влияние на культурный и социальный облик России. Исследователи неоднократно отмечали способность старообрядцев, несмотря на их

замкнутость и принцип следования старине, провозглашаемый в качестве основополагающего, активно включаться в модернизационные процессы и адаптироваться к новым социальным и экономическим ус-

Иван Николаевич Никаноров – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: nikanorov1203@ya.ru.
Ivan N. Nikanorov – postgraduate student, Institute of History SB RAS.

ловиям [1]. Особое место в этом процессе занимала книжная культура, определявшая сознание и систему ценностей старообрядцев [2, 3].

Защитники старого обряда в XVIII–XIX вв. в рамках согласий осознали коллективную идентичность не столько через круг религиозных практик, но, в первую очередь, и через круг авторитетных текстов, продолжавших, в их представлении, связь с церковной традицией, предшествовавшей реформам патриарха Никона. Для изучения этих локальных культур представляется возможным использовать концепцию текстуальных сообществ (*textual communities*), предложенную Б. Стоком [4]. Перспективность такого подхода продемонстрировал А.Л. Львов при изучении религиозных меньшинств Российской империи. Он сформулировал принцип новой методологии в переносе внимания исследователя на практики использования и интерпретации письменных текстов вместо рассмотрения религиозных сообществ через традиционные социальные категории, которые к ним слабо применимы и приписывают лишнюю смысловую нагрузку из-за множественности коннотаций в исследовательской литературе [5, с. 11–12]. При этом исследователь разделил сообщества подобного типа на идеологические и текстуальные, в первых – практика интерпретации и толкования текстов строго централизована и закреплена за образованной элитой, а рядовые последователи отчуждены от этой практики, во вторых – руководитель общины или начетник лишь знакомит членов с недоступными текстами и является не носителем, а катализатором образуемых смыслов [5, с. 60]. На этом основании автор подвергает ревизии использование Р.О. Крамми термина «текстуальное сообщество» применительно к старообрядческим общинам, поскольку, по мнению А.Л. Львова, понимание текстуальности прямо противоречит концепции Б. Стока [5, с. 59]. Исследователь считает, что в данном случае Р.О. Крамми интерпретировал «авторов, подобных выговским “отцам” XVIII в.», которые «пополняли, кодифицировали и переписывали канон священных текстов, сформировавший культурную основу движения», и игнорировал собственно интерпретацию священных текстов рядовыми, в том числе неграмотными, членами общин [5, с. 58]. Следует отметить, что сам А.Л. Львов отмечал условность разделения идеологических и текстуальных сообществ [5, с. 17]. Кроме того, концепция Б. Стока была предложена на материале средневековых религиозных движений X–XII вв.; безусловно, она нуждается в уточнении и адаптации к материалу Нового времени.

Важно заметить, что установить живую связь между устной традицией интерпретации священных текстов членами общины и «каноническими» текстами позволяет также материал «бесед», записанных явно на основе рассуждений, имевших место в конкретных исторических условиях. Соотнесение таких источников с соборно одобренными уставными сочинениями позволяет выявить различие между идеологией

общины и практикой понимания священных текстов членами общин и наставниками, снимая заявленное противоречие.

Здесь также следует обратить внимание, что у старообрядцев, в том числе у федосеевцев, выработалось особое отношение к письменному тексту. Как точно отметила Н.С. Гурьянова, «в среде защитников старого обряда сформировалось вполне научное отношение к тексту письменного источника. ...Они (старообрядцы. – И.Н.) воспринимали тексты Священного Писания, святоотеческого предания, летописцы, легендарно-публицистические сочинения и т.п. в качестве исторического повествования. Для них текст был основным документальным источником». Это позволило исследователю сделать вывод, что «у старообрядцев в процессе оформления идеологии согласий сложилось особое отношение к памяти о прошлом, в котором они попытались найти зафиксированную в *письменном виде* информацию, характеризующую традицию Древней Руси, защитниками которой они себя провозгласили» [6, с. 58–59]. Таким образом, именно письменный текст воспринимался старообрядцами буквально как связь с той исторической традицией, частью которой они себя провозгласили.

Все это делает крайне актуальным изучение текстов, определяемых общиной в качестве авторитетных и формирующих ее идентичность. В связи с этим следует обратить внимание на сочинения уставного характера как ценнейший источник, позволяющий охарактеризовать мировоззрение общности, выявить адаптационные механизмы общины и проследить изменения в коллективном сознании.

Эпоха Просвещения, оказавшая существенное влияние на общественное сознание в России второй половины XVIII в., внесла изменения во многие сферы жизни общества (подробнее об эпохе Просвещения в России см.: [7]). Рецепция идей французских просветителей повлияла и на религиозность. На это обратили внимание Е.Б. Смилянская и О.А. Цапина, характеризуя религиозность эпохи Просвещения: «Многие просветители полагали, что религия подлежала не уничтожению, а реформированию. Очищенная от суеверия и предрассудков, “истинная” религия представлялась фундаментом нового, гуманного и разумного общества, в котором интеллектуальная свобода сочеталась с торжеством закона и порядка» [8, с. 135].

Как отмечал академик А.М. Панченко, культурный конфликт между рационализмом, сопутствовавшим барочной культуре раннего Нового времени, и традиционным религиозным сознанием стал одной из причин раскола в XVII в. [9, 10]. Именно схоластическому рационализму «новых учителей» противопоставлены полемические сочинения первых защитников старого обряда в XVII в. Эта черта прослеживается и в полемических сочинениях основателя согласия Феодосия Васильева и в его эсхатологических построениях (см. об этом: [11]).

Несмотря на провозглашенный старообрядцами принцип следования старине, который вел к куль-

турному изоляционизму, они были включены в интеллектуальное пространство Российской империи, о чем свидетельствует знакомство лидеров движения с просветительскими теориями XVIII в. Это показано Р.О. Крамми на материале биографии выговского кинвиарха Андрея Борисова [12].

Одним из важнейших факторов, определивших адаптационные способности старообрядцев и вовлечение их в новые типы экономических отношений в конце XVIII в., исследователи называют, в частности, некоторый рационализм мышления, свойственный сознанию людей Нового времени.

Постепенно рациональный подход стал проследиваться и в религиозной сфере, в том числе в эсхатологических построениях, особенно важных для картины мира старообрядцев. Чтобы наиболее полно проиллюстрировать эту мысль, обратимся к двум текстам, принципиально разного назначения и происхождения, и сопоставим их. Первое сочинение излагает понимание сущности антихриста, приписываемое руководителю федосеевской общины Москвы И.А. Ковылину и другим ее членам и представленное как их позиция в полемическом устном споре с представителями другого согласия. Второе сочинение – глава, посвященная эсхатологическим построениям в «Книжице, нарицаемой Житие христианское» – тексте, который был соборно одобрен наставниками Преображенского кладбища и принят в качестве обязательных правил организации богослужения и повседневной жизни каждого «христианина» (т.е. федосеевца. – *И.Н.*).

Обратим внимание на эсхатологическое сочинение «Всепокорнейшее прошение А.А. Каретника»¹ (об этом сочинении и других его списках см.: [13, с. 34–36; 166]). Оно представляет собой изложение точек зрения различных авторов на сущность антихриста, дается описание приводимых ими свидетельств наступления его царства. Сочинение построено в форме диалога. С одной стороны, рассматривается традиционная точка зрения, основанная на священном предании и отраженная в сочинениях Иоанна Златоуста, Григория Мниха, Феофилакта Болгарского, Кирилла Иерусалимского и др. С другой – представлены индивидуальные мнения, приписываемые наставникам федосеевского согласия, в том числе лидеру московской общины И.А. Ковылину.

Сам автор кратко описал историю составления сочинения. Позиции федосеевских наставников, видимо, представлены с их слов – они отражают мнения, высказанные федосеевцами в полемике по соответствующим вопросам. Автор пишет, что попытался подать их для утверждения на Преображенское кладбище: «И сего 7288[1780]... прошения копию подавал на кладбище [Преображенское. – *И. Н.*] настоятелем, на которых мне никакого решения не учинили. А свое мудрование, в сей тетради написанное в противоречиях, вместо рукоприкладства молчанием

утвердили»². То есть, не отрицая сути диалога, наставники отказались признать данные высказывания официальным учением федосеевского согласия. Это делает данный текст еще более ценным, поскольку он фиксирует не официальную точку зрения, представленную в полемических и уставных сочинениях, а реально высказанную в дискуссии точку зрения наставников. Обращение к этому тексту позволит уточнить ментальность и интеллектуальные практики наставников Преображенского кладбища.

Особенно хорошо заметен рационализм аргументов при анализе пророчества об Илии и Енохе³ – ветхозаветных пророках, которые, согласно христианскому эсхатологическому учению, должны были появиться за три года до прихода Антихриста. Доказывая невозможность чувственного понимания этого предсказания, И.А. Ковылин, рассуждая о всемирной проповеди пророков, которая должна была совершиться за три года, приводит вполне рациональный аргумент: «Илие и Еноху никак невозможно в толь краткое время проповедь свою окончить. Ежели им объезжать все места на протяжных подводах, то во одну сторону до Индии в три года им не доехать, а прочие места без проповеди ими так и останутся»⁴.

Аргументом против чувственного понимания пришествия Ильи и Еноха становилась не характерная для старообрядческой книжной культуры отсылка к одному из авторитетных текстов православной традиции, а практические знания. Этот рациональный аргумент позволял аргументировать аллегорическое понимание данного пророчества и сделать вывод, что «ревностныя мужи, страждущия за веру, те суть Илия и Енох». То есть И.А. Ковылин уподобил им всех пострадавших за веру. Другой федосеевский наставник – Василий Дмитриевский, связал эти имена с Соловецким восстанием, поскольку в Евангелии сказано, что им предназначено обличать антихриста: «Пророки были страдальцы и антихриста обличали Никона патриарха, кои от него и смерть вкусили в Соловках уже более ста лет»⁵. Таким образом, аллегорическое пришествие уже состоялось, что соответствовало учению федосеевского согласия о якобы свершившемся воцарении духовного антихриста в мире. Еще одним фактом, доказывавшим невозможность их пришествия, являлось соотнесение истории хронологии Ветхого и Нового Завета. «Что они (телесно. – *И.Н.*) во скончание века придут, сие учение бесовское. Как же они, Илья и Енох, будут Христа проповедовать, что они Христа не видывали в глаза»⁶.

Даже столь краткий обзор аргументов федосеевских наставников позволяет отметить, что традиционное аллегорическое восприятие сакральных текстов дополняется рациональными аргументами, не свой-

² ГИМ, собр. Хлудова, № 353. Л. 35–35 об. (третьего счета).

³ О нем: Енох // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 462–468.

⁴ ГИМ, собр. Хлудова, № 353. Л. 5 (третьего счета).

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ ГИМ, собр. Хлудова, № 353. Л. 8.

¹ Государственный исторический музей (ГИМ), собрание Хлудова, №353, первая четверть XIX в., 4°, л. 1 – 39 об. (третьего счета).

ственными и предыдущему поколению защитников старого обряда. Структура сочинения и довольно большой объем выписок из Священного предания с позиции, противоположной мнениям федосеевских наставников, свидетельствуют о том, что автор скорее являлся традиционалистом и был сторонником чувственного понимания антихриста. В частности, рассмотрев аргументы «Илии Алексеевича с общниками», автор подчеркивает, что «рассуждают только иносказательным разумом... которым ...содержат и лютеране»⁷. То есть рационализм аргументации и иносказательное понимание Священного Писания, по мнению автора, были чужды православному богословию и позволили соотнести своих оппонентов с протестантами.

О негативном отношении автора к позиции федосеевских наставников свидетельствует и завершение сочинения, где он призывает читателя самому определить – «кому последовать». Противопоставления, сделанные автором, не должны были оставить у читателя каких-либо сомнений в том, какая позиция является верной: «...кому наипаче подобает последовать и верити – Христу ли Сыну Божию с пророки и апостолы его или Илие Алексеевичу с предлагаемыми от него кучерами, каретами и ... протяжными подводами»⁸.

Проследить отношение к данному тексту и его функционирование в старообрядческой среде позволяет его рукописная история. Особый интерес представляет список данного сочинения, включенный в рукописный сборник из собрания Хлудова, № 353 первой четверти XIX в. Он был составлен Е.Г. Брониной – начетницей Монинской общины в Москве, впоследствии перешедшей в единоверие.

Текст сочинения переименован в сборнике и представлен как «Разговор Ильи Алексеевича с прочими об антихристе». Следовательно, внимание читателя было сфокусировано на позиции руководителя Преображенского кладбища. Подобная расстановка акцентов позволила усилить противопоставление точки зрения лидера московских федосеевцев христианскому эсхатологическому учению, изложенному благодаря фрагментам из авторитетных текстов, которые были приведены во «Всепокорнейшем прощении...». Данный пример функционирования текста эсхатологического сочинения позволяет сделать вывод о том, что элементы рационалистического мышления проникали в старообрядческую среду, но принимались не всеми и могли вызывать отрицательное отношение. Рассмотрим в данном контексте, каким образом понимание и интерпретация Библии, выраженные федосеевцами в полемике, соотносятся с соборно одобренными текстами книжной культуры согласия. Для этого сопоставим изложенные аргументы, приписываемые И.А. Ковылину и другим федосеевцам, с текстом соборно одобренного сочинения уставного характера – «Книжица, нарицае-

мая Житие христианское»⁹, составленного руководителем федосеевской общины Кинешмы Трофима Иванова¹⁰ (о нем: [14]).

Об авторитетности данного сочинения позволяет судить включение оглавления сочинения в состав сборника «Отеческие заветования», соборно одобренного на Преображенском кладбище в 1805 г. Глава сборника, в которой представлено оглавление, позволяет прояснить некоторые вопросы истории составления «Книжицы, нарицаемой Житие христианское». Назначение и содержание сочинения в сборнике охарактеризовано следующим образом: ««Книжица, нарицаемая Житие христианское», сочиненная трудом и снисканием, блаженные памяти настоятелем кинешемских стран Трофимом Ивановичем, о разных христианских обрядах и благонравиях притом же в новопригиргешения впавшим епитимейные правила обносятся, по которым и сама Москва, и многия христианския старейшины заимствуясь нужды духовныя уряжают и разрешают и во всенародное чтение прилагают...»¹¹. Все это позволяет охарактеризовать данное сочинение как авторитетное среди федосеевцев и представить его в качестве официальной позиции наставников Преображенского кладбища, в отличие от рассмотренного «Прощения...».

Само название главы 38: «О сем, яко не подобает много мудрствовать об антихристе...»¹² должно было, по замыслу составителя, ориентировать читателя на мысль об отказе от излишних эсхатологических переживаний, построенных на собственных умозаключениях. В самом начале статьи сформулирована компромиссная позиция, предписывающая рядовым федосеевцам уклоняться от рассуждений и споров о сущности антихриста: «Понеже Писание святое много о антихристе, и различное видение описует, и зело премудро и многому разсуждению потреба, но точно спорити и раздор чинити о том много не подобает»¹³. Далее помещено указание, каким образом вести полемику с оппонентом, который верит в чувственный

⁹ Российская государственная библиотека (РГБ), собр. Егорова (ф. 98), № 1807. Первая четверть XIX в. 136 л.; РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1733. Первая половина XIX в. 153 л.

¹⁰ Трофим Иванович Кинешемский сначала принадлежал к филипповскому согласию, затем перешел в федосеевское, став влиятельным наставником в Поволжье и на Вятке, позднее в Москве.

Важно отметить, что федосеевское историческое сочинение конца XIX в. «Собрание от церковной истории, древлеправославных христиан, именуемых федосеевых и филипповых и о их некоем междуусобном несогласии» (БАН, собр. Дружинина, л. 351) представляет Трофима Иванова принявшим «духовную власть» по благословению одного из основателей Выгорецки Даниила Викулова, и далее сообщается, что, живя на Преображенском кладбище в Москве, он «с бывшими отцы единомудренно православие содержаху». Это приведенное известие, по замыслу авторов, должно было также представить Преображенское кладбище продолжателем традиций раннего Выга и его преемником.

¹¹ Библиотека Академии наук (БАН), собр. Дружинина, № 701. Л. 284.

¹² РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1807. Л. 66 об.

¹³ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1807. Л. 67.

⁷ ГИМ, собр. Хлудова, № 353. Л. 38.

⁸ Там же.

приход антихриста: «Аще кто во прении глаголет о сем, яко будет чувственно и вся деяния его и видения скажет, то и мы с таковыми много не спорим и в злобу не входим, но точию спросити его долженствует: о рождении его, и о стране, и о граде, и о родителях, и о имени, и о возрасте, и о действе, и о седании на месте святем, и о взятии Образа Божия и уподоблении Христове»¹⁴. Эти вопросы во многом перекликаются с вопросами дискуссии, изложенной в «Прошении...».

Приводя далее обширный ряд аргументов в пользу духовного понимания антихриста, автор обосновывает их невозможностью понимания сущности антихриста простыми людьми и призывает избегать излишних размышлений на этот счет, ссылаясь на толкование апостола Павла святителем Иоанном Златоустом: «Того ради яко не есть нужнейшая вещь, но и сосуд избранный Божественный Павел с толкованием Великого Златоуста и паче о сем молчать повелевает и не полезных искати воспрещает»¹⁵. Далее автор приводит цитату из послания апостола Павла к евреям (Евр. 11:3–4) в толковании Иоанна Златоуста (Беседа 22), а именно цитату, относящуюся к пророчеству об Илии и Енохе: «Мнози ищут, рече, где преложиися Енох, и почто преложиися. Ниже сия бо не оставляют не ведети дня знамения сущаго самого пришествия. К сим же паки о Илии и Енохе ответ творя тако глаголет: Но излишние есть еже всячески сих искати»¹⁶. Того ради и мы молимся Господу, еже точию просветити очи наши, да некогда уснем в смерть»¹⁷.

Далее Трофим Иванов приводит в качестве аргумента цитату из «Слова на пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово» преподобного Ефрема Сирина – одного из наиболее авторитетных сочинений, определявших эсхатологические представления в Древней Руси: «Тако же и вашу братскую любовь просим и молим еже о сем не искати, и нас, тупоумных и грубых, о сем не пытати. Того ради и святии запретители о сем глаголют. Яко же глаголет преподобный Ефрем: А имущему ум в вещех жития сего и любящим земная, не разумно се будет»¹⁸. «Нам же довлеет едину точию веру во Христа имети, и заповеди Господни прилежно хранити»¹⁹. Автор цитирует авторитетных авторов – толкователей Евангелия, в соответствии с принципами книжной культуры Древней Руси, обосновывая через их высказывания призыв к пастве в первую очередь к добросовестному исполнению евангельских заповедей и предостерегая от излишней остроты эсхатологических ожиданий. Приводя свое понимание приведенных цитат, Трофим Иванов излагает аллегорическое понимание Святого Писания

и духовного понимания прихода антихриста, которое подобает разделять федосеевцам: «...последовати подобает духовно, сиречь: Видимо и невидимо. Невидимо разумеваем по Писанию, яко обладал есть всею Вселенною, и грады и монастыри и вся церкви и весь священный чин и вся тайны и всякое действо»²⁰.

Принципиальным здесь является понимание воцарения антихриста в Церкви и отсутствие отождествления его с верховной государственной властью, характерное для федосеевского учения в изложении его основателя – Феодосия Васильева. Это позволяет сделать вывод о значительной дерадикализации учения федосеевцев в конце XVIII в., обусловленной получением легального статуса в крупных городах и одновременно с этим постепенной рационализацией сознания, свойственной людям раннего Нового времени, постепенно проникавшей и в старообрядческую среду.

Приведенный анализ содержания главы «Книжицы, нарицаемой Житие христианское» продемонстрировал различие в практике ведения устной полемики наставниками Преображенского кладбища и чертами, характерными для книжной культуры согласия. Стремясь обосновать свою позицию и изложить свое понимание текста Священного Писания, представители согласия прибегали к аргументам рационального характера, свойственным людям эпохи Просвещения. Это не свидетельствует о разрыве с традицией, а лишь об обогащении ее новыми аргументами в духе времени. Таким образом, аргументы, свойственные для устной практики, более свободны и рациональны, нежели используемые в письменных памятниках, сохранявших более консервативные и традиционные черты и продолжавших традиции книжников Древней Руси.

Приведенные сочинения убедительно показали, что руководители Преображенского кладбища стремились снизить остроту эсхатологических ожиданий и обратить паству, прежде всего, к аллегорическому пониманию Святого Писания. Соотнесение текстов «Прошения...» и главы об антихристе «Книжицы, нарицаемой Житие Христианское» Трофима Иванова позволило отметить целостность эсхатологического учения федосеевцев и его существенную дерадикализацию в конце XVIII в. Ряд позиций «Прошения...», охарактеризованных как спорные, можно объяснить эмоциональностью устной полемики, на фиксацию которой претендует данный текст, а также, возможно, сознательным подчеркиванием наиболее острых моментов, что объясняется происхождением и функционированием сочинения. Таким образом, краткий обзор двух сочинений – «Всепокорнейшего прошения А.А. Каретника» и главы об антихристе «Книжицы нарицаемой Житие христианское» Трофима Иванова позволяет уточнить особенности влияния эпохи Просвещения на религиозное сознание федосеевцев в XVIII в., а также продемонстрировать информативность эсхатологических сочинений для изучения представлений старообрядцев.

¹⁴ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), №1807.

¹⁵ Там же. Л. 67 об.

¹⁶ Иоанн Златоуст Полное собрание творений в русском переводе СПб. 1906. Т. XII, кн. 1. С. 185.

¹⁷ Там же. Л. 67 об. – 68.

¹⁸ Ефрем Сирин Слово на пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово // Творения. Сергиев Посад, 1908. Т. II. С. 258–259.

¹⁹ Там же. Л. 68.

²⁰ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crummeу R.O. Old Believer. Communities Ideals and Structures // *Old Believers in a Changing World*. Illinois, 2010. P. 99–119.
2. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. Вып. 14. С. 19–40.
3. Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. 1988. № 1. С. 84–99.
4. Stock B. *Listening for the Text: On the Uses of the Past*. Baltimore, 1990.
5. Львов А.Л. Соха и Пятикнижие. Русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 328 с.
6. Гурьянова Н.С. Старообрядческие сборники и память о прошлом // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 58–74. (Археография и источниковедение Сибири).
7. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII в. (Из истории общественно-политической мысли России). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 216 с.
8. Смилянская Е.Б., Цапина О.А. Религия и церковь в эпоху Просвещения // *Всемирная история: в 6 т.* М.: Наука, 2013. Т. 4: Мир в XVIII веке. С. 133–160.
9. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 205 с.
10. Панченко А.М., Моисеева Г.Н. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века // *История русской литературы: в 4 т.* Л., 1980. Т. 1. С. 408–446.
11. Гурьянова Н.С. Старообрядческие эсхатологические сочинения начала XVIII века // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 84–107.
12. Crummeу R.O. Cultural worlds of Andrei Borisov // *Old Believers in a Changing World*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011. P. 57–79.
13. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 187 с.
14. Починская И.В. О бытовании родословий филипповского согласия на Вятке // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 424–430.

REFERENCES

1. Crummeу R.O. Old Believer Communities Ideals and Structures. *Old Believers in a changing world*. Illinois, 2010, pp. 99–119.
2. Pokrovsky N.N. The role of manuscripts and old-printed books in the authorities' system of Old Believers. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1973, vol. 14, pp. 19–40. (In Russ.)
3. Pozdeeva I.V. Old Russian heritage in the traditional book culture history of Old Believers (the first period). *Istoriya SSSR*. 1988, no. 1, pp. 84–99. (In Russ.)
4. Stock B. *Listening for the text: on the uses of the past*. Baltimore, 1990, 208 p.
5. Lvov A.L. Wooden plow and the Pentateuch. Russian Judaizers as a textual community. St. Petersburg. 2011, 328 p. (In Russ.)
6. Guryanova N.S. Old Believer's collections and memory of the past. *Duhovnaya kul'tura i obshchestvennaya mysl' Rossii v literaturnykh i istoricheskikh pamyatnikakh XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2016, pp. 58–74. (In Russ.)
7. Moryakov V.I. Russian Enlightenment of the second half of the XVIII century. (The history of social-political thought in Russia). Moscow, 1994, 216 p. (In Russ.)
8. Smilyanskaya E.B., Tzapina O.A. Religion and the church at the age of Enlightenment. *World History*. Moscow, 2013, vol. 4, pp. 133–160. (In Russ.)
9. Panchenko A.M. Russian culture on the eve of Petrine reforms. Leningrad, 1984, 205 p. (In Russ.)
10. Panchenko A.M., Moiseeva G.N. New ideological and artistic phenomena of the literary life of the first quarter of the XVIII century. *Istoriya russkoi literatury*. Leningrad, 1980, vol. 1, pp. 408–446. (In Russ.)
11. Guryanova N.S. The Old Believers eschatological scripts of the early XVIII century. *Obshchestvennoye soznanie i literatura XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 84–107. (In Russ.)
12. Crummeу R.O. Cultural worlds of Andrei Borisov. *Old Believers in a changing world*. Illinois, 2011, pp. 57–79.
13. Guryanova N.S. Peasant antimonarchic protest in the Old Believer eschatological literature of the late feudal period. Novosibirsk, 1988, 187 p. (In Russ.)
14. Pochinskaya I.V. On the existence of genealogy of the Filippov's community in Vyatka. *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2005, pp. 424–430. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.05.2017

DOI: 10.15372/HSS20170312
УДК 94 (47) "19" + 930.2 + 070 (09)

Н.Н. РОДИГИНА

**ДЕТЯМ О РЕВОЛЮЦИИ:
ДИНАМИКА ОБРАЗОВ И ПОНЯТИЙ «РЕВОЛЮЦИОННОГО»
В ЖУРНАЛЕ «ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО» НАЧАЛА XX в.**

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28,
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15

В статье прослеживается эволюция представлений авторов популярного детского журнала «Задуманное слово» о революциях начала XX в. Показано, что его редакция с восторгом встретила Манифест 17 октября 1905 г., а затем и Февральскую революцию, называя их началом «новой эры». Простым и понятным языком детям объяснялось значение понятий «свобода», «республика», «парламент», с помощью исторических параллелей подчеркивалась закономерность падения монархии в 1917 г. Журнал транслировал либеральную версию исторических перемен в стране, активно используя метафоры обновления, движения, риторические восклицания, гиперболы. Однако тональность публикаций меняется осенью 1917 г. и свидетельствует о разочаровании редакции в революционном преображении России.

Ключевые слова: детские журналы, образы русских революций начала XX в., история журналистики.

N.N. RODIGINA

**ON THE REVOLUTION FOR CHILDREN:
THE DYNAMICS OF REPRESENTATIONS AND CONCEPTS OF «REVOLUTIONARY»
IN THE MAGAZINE «ZADUSHEVNOE SLOVO» ON THE EARLY XX CENTURY**

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Viluykaya str., Novosibirsk, 630126, Russia,
Tobolsk complex scientific station UB RAS,
15 Acad. Yu. Osipova Str., Tobolsk, 626152, Russia

The article objective is to determine the dynamic of representations and concepts of «revolutionary» in children's weekly magazine «Zadushevnoe Slovo» in the early XX century. The methodological framework is set by 1) the concept of P. Bourdieu и M.P. Mokhnacheva on collective authorship of journal texts that is based on the fact that magazine publications are the result of co-creativity of the text authors, publishers, editors, censors and readers; 2) a method of critical discourse by T. van Dijk predetermined close attention not only to the content, but to those who produced and controlled the revolution discourse as well. Magazine «Zadushevnoe Slovo» (1876–1918) founded by M.O. Wolff was one of the most popular and favorite with children's readership. The magazine aims remained practically unchanged throughout its existence history: to be a friend, interlocutor and leader of young readers; give them useful various reading, expand their knowledge. The editorial board was delighted to meet the manifesto on the 7th of October in 1905 calling it «the new era of Russian life». Young readers were informed about proclaimed freedom of conscience, religion, speech, assembly and association, inviolability of a person and the State Duma convocation. Since 1906 when the first issue was published the topics of the Russian parliament elections, population new political rights and freedoms had a priority for the magazine. Its editorial office in a simple, understandable language informed about the State Duma functions, substantiated its creation reasons, notified on estate, ethnic, professional composition of deputies of the first Russian parliament. However, after the manifesto of July 9, 1906 on the State Duma dissolution, «the revolutionary» theme disappears from the journal pages.

Наталия Николаевна Родиgina – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, ст. науч. сотр., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.

Nataliya N. Rodigina – Professor, Doctor of historical sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Senior Researcher, Tobolsk complex scientific station UB RAS.

«The new era of Russian freedom» was proclaimed on the magazine pages in early March 1917. As in 1905, the monarchy overthrow and the Provisional Government, declaring civil rights and freedoms were announced as epochal, progressive and natural. Metaphors of spring, light, family (all people are the native children of mother-country), revival to a new life of free Russia occurred in most April and May issues of 1917. Proclaiming the sacred idea of freedom «Zadushevnoe Slovo» created the pantheon of its heroes-martyrs. Along with Christ, the Decembrists and non-commissioned officer T. Kirpichnikov were recognized as the first freedom fighters. However, by autumn the time of hope and joyful excitement was replaced by the period of «terrible disasters, great misfortunes» and great disappointments. October 29, the magazine published an editorial article named «Homeland is dying», and in early 1918 the journal edition was ceased.

Key words: children's magazines, representations of Russian revolutions of early XX century, history of journalism.

Несмотря на динамичное погружение междисциплинарного сообщества гуманитариев в историю детства и экспансию историков, антропологов, социологов и филологов в область истории детской литературы и журналистики, в настоящее время существуют единичные работы, посвященные обсуждению темы революции в изданиях для «маленьких граждан и подданных». Я разделяю мнение О.Н. Мязотсо том, что детская литература в той же степени, что и взрослая, может быть насыщена различными идеологическими смыслами и детские книги воспринимались и воспринимаются обществом, прежде всего, как воспитательный ресурс, как «агенты влияния», и используются в том числе как средство пропаганды [1, с. 105].

Изучение позиции ведущих детских журналов в отношении революций начала XX в. позволит расширить существующие в гуманитарных науках представления о том, как разные мы-группы конструировали для детей образы революции, какие понятия, темы, символы, риторические приемы они использовали для формирования картины мира и ценностных ориентиров тех, кто олицетворял будущее страны.

Как следует из названия, я стремлюсь выяснить динамику образов и понятий «революционного» в детском еженедельнике «Задусшевное слово» начала XX в. В результате сплошного просмотра годовых комплектов журнала за 1905–1918 гг. стали очевидны два периода актуальности интересующей меня темы, что, впрочем, и ожидаемо: первый – октябрь 1905 – июль 1906 г., второй – март 1917 – январь 1918 г. Именно в номерах за указанное время выявляется тематика, жанровая принадлежность, авторский корпус текстов о революции, характеризуется динамика ее оценок. Предметом анализа являются как прямые упоминания о событиях революции, так и косвенные, скрытые аллюзии, раскрывается тактика сознательного умолчания о некоторых явлениях, травматичных для ребенка.

Два методологических основания определили замысел статьи: 1) идея П. Бурдые и М.П. Мохначевой о коллективном авторстве журнальных текстов, заключающаяся в том, что журнальные публикации являются результатом коллективного труда и сотворчества авторов, издателей, редакторов, цензоров и читателей [2, 3], в связи с этим отдельные разножанровые тексты «Задусшевного слова» отождествляются мною с позицией редакции издания; 2) метод критического дискурсного анализа Т. ван Дейка, неоднократно ранее

применявшийся исследователями, в том числе мною, для анализа текстов периодической печати и предопределивший пристальное внимание не только к содержанию, но и к тем, кто производил и контролировал дискурс о революции, к контексту его создания и читательской рецепции [4].

Как известно, журнал «Задусшевное слово» (1876–1918), основанный М.О. Вольфом, был одним из самых популярных и любимых детской читательской аудиторией. Один из первых биографов Вольфа С.Ф. Либрович, многолетний сотрудник его изданий, писал: «Маврикий Осипович был вообще одним из самых популярных людей в Петербурге: его отлично знали все, сколько-нибудь прикосновенные к литературе или книге, его знал весь петербургский чиновничий мир, вся аристократия. Его знали – и именно по имени и отчеству – даже... петербургские извозчики» [5, с. 13].

Имея в виду, что история журнала, его структура, тематика, специфика читательской аудитории уже были предметом исследовательской рефлексии (см., напр.: [6, 7, 8, 9]), останавлиюсь лишь на тех характеристиках издания, которые позволяют понять контекст обращения редакции к интересующей меня теме. Как многократно упоминалось в самом журнале, его название принадлежит И.А. Гончарову, и именно по его рекомендации первым редактором стала София Макарова–детская писательница. Задачи журнала оставались практически неизменными в течение всей истории его существования: быть товарищем, собеседником и руководителем молодых читателей; давать им разумное, полезное, занимательное, разнообразное чтение, расширять круг их знаний, содействовать развитию у них любознательности и пытливости, развлекать их [10, с. 2].

В начале XX в. журнал выходил в составе двух разделов: для младшего и старшего возраста. Именно материалы последнего раздела использованы в настоящей статье. На страницах «Задусшевного слова» публиковались передовые статьи, беллетристические и поэтические произведения, научно-популярные очерки, путевые записки, иллюстрации, а также многочисленные анкеты для детей и их родителей, описания игр, шарады, письма детей в рубрику «Почтовый ящик» и пр. В круг авторов издания входили: Л.А. Чарская, К.А. Лукашевич, Т.Л. Щепкина-Куперник, С.Ф. Либрович, А.Б. Хвольсон (придумавшая известные литературные персонажи – Мурзилку и Незнайку) и др.

Первое упоминание об изменениях в политической жизни империи, без упоминания концепта «революция», мы встречаем осенью 1905 г. в передовой статье с «говорящим» названием «Новая эра русской жизни», опубликованной по поводу Манифеста 17 октября. Юным читателям сообщалось о провозглашении свободы совести, вероисповедания, слова, собраний и союзов, неприкосновенности личности и созыве Государственной думы, без одобрения которой ни один закон не будет представлен для утверждения императором. Манифест назывался великим событием в русской жизни и русской истории: «День обнародования манифеста – 17 октября – является для России началом новой эры потому, что в нашем государстве вводится такой образ правления, какой принят во всех культурных странах мира, где сам народ, в лице избранных им деятелей, постановляет те или другие новые законы, отменяет старые, устанавливает порядки в стране и пр. и пр., где на высокие посты правителей, то есть министров, назначаются лица, пользующиеся доверием большинства населения» [11, с. 2].

Таким образом, с точки зрения издания, манифест включал страну в число других «культурных» стран (читай: европейских в широком смысле, включая США). Попутно замечу, что для журнала был характерен пристальный интерес к американской жизни: на его страницах был опубликован биографический очерк о Т. Рузвельте, статьи о том, как американские школьники проводят каникулы, о детской колонии для перевоспитания правонарушителей в штате Мичиган под названием «Детская республика» [12, 13, 14] и др. США воспринимались как один из социокультурных образцов и в области политической жизни, и в сфере образования и воспитания детей. Особенно показательна в этом смысле передовая статья, посвященная учебнику «The American Citizen». Статья опять-таки имеет «говорящее» название, наглядно демонстрирующее отношение редакции к учебнику и опыту американской школы – «Воспитание хорошего гражданина».

Приведенные в статье выдержки из учебника и редакционные комментарии свидетельствуют о понимании необходимости со школьного возраста заниматься воспитанием не подданных, а граждан, осознающих целесообразность созданных в результате появления манифеста политических институтов, умеющих их использовать для общего блага и имеющих активную гражданскую позицию. Приведу лишь один из них: «Каждый человек должен знать основные положения, касающиеся управления своей страны и ее общественных учреждений. Но знать одни только факты недостаточно. Нужно выяснить те нравственные основы, на которых зиждется жизнь цивилизованных людей. Думающий ученик стремится узнать, почему мы устанавливаем и поддерживаем известные учреждения и обычаи. Он будет гораздо более уважать последние и охотнее подчиняться изданным законам, когда будет иметь возможность убедиться в том, что и те и другие основаны на справедливости» [15].

Очевидно, что, рассуждая об американском опыте воспитания политической культуры граждан, редакция имела в виду задачи, стоявшие перед русской общественностью, что было типично для русской культуры конца XIX – начала XX в. [16].

Начиная с первого номера за 1906 г. темы выборов в российский парламент, новых политических прав и свобод населения становятся приоритетными для журнала. Его редакция простым понятным языком, с доверием к своим читателям предлагала свою версию событий и обосновывала свое понимание места детей в меняющейся политической реальности.

В первом номере 1906 г. опубликовано воззвание к русским детям и юношеству, в котором вновь упоминается о создании Государственной думы, ее функциях, аргументируется необходимость многопартийности. Вновь позволю себе цитату: «...Люди не могут быть всегда одного и того же мнения ... при новом устройстве государственной жизни образуются различные партии. Эти партии должны относиться одна к другой мирно и отнюдь не препятствовать выражению мнений со стороны несогласной партии. Это – путь законный. Путь же насилия и борьбы физической есть путь беззакония и потому все здравомыслящие люди должны признавать, что каждый, кто выступает против своего ближнего с оружием в руках, есть враг общества и порядка, враг закона, данного государем по желанию самого народа. Не насилием, а словом и убеждением надо решать общественные вопросы. Русские граждане должны вступить в новую жизнь при дарованных им новых законах, как люди достойные ими пользоваться, уважать мнение противников, если только это мнение имеет в виду благо родины» [17, с. 2].

По мнению журнала, дети не должны принимать участия в решении политических проблем – это задача взрослых, но обязаны спокойно относиться к сверстникам, высказывающим противоположные взгляды, утверждая при этом, что все – «дети одной матери России», независимо от их «веры и народности».

Однако редакция и в годы «революционных потрясений» стремилась привлекать детей к участию в решении посильных им общественно-полезных задач, например, к сбору средств голодающим школьникам в 1906–1907 гг. Причем «Задуманное слово» не только публиковало призывы «Союза учителей и деятелей по народному образованию», организовавшему комиссию по устройству школьных столовых, стихотворения о голодающих детях, но и помещало сведения о конкретных детских пожертвованиях с упоминанием имен, мест проживания и сумм, которыми дети делились со своими нуждающимися сверстниками, что свидетельствует о влиянии издания на поведенческие практики читателей и о социальном последствии текстов (см., напр.: [18, 19, 20]).

Сотрудники журнала восторженно и с энтузиазмом описывали политические изменения в стране, несколько идеализируя их перспективы, подчеркивая их величие, эпохальность, новизну, всеохватность.

Типичны следующие слова-маркеры, используемые при описании выборов в Государственную думу, ее первого заседания: «навсегда останется в памяти русского народа», «великий день русской истории» [21, с. 1; 22, с. 1] и др. Учитывая возрастные особенности читателей, журнал информировал о сословном, этническом, профессиональном, возрастном составе депутатов первого русского парламента, детально описывал Таврический дворец, в котором проходили его заседания. Представляется важным и то, что сотрудники журнала пытались объяснить читателям причины революции (не употребляя самого понятия, называя ее «смутой» или «большими смутами в народе»), порой прибегая к критике существующей власти. Первым в числе причин называлось тяжелое положение крестьян и подчеркивалось, что именно крестьяне составляли большинство населения России – страны «крестьянского царства». Малоземелье, тяжесть аренды земли, сложность переселения на многоземельные окраины, непосильность налогового бремени, злоупотребления чиновников, малодоступность образования, недоступность периодических изданий – вот неполный перечень обстоятельств, которые привели отчаявшихся крестьян и рабочих, вышедших из их среды, «на путь поджогов и грабежей, который ведет к полному разорению и нищете». «Три горя подрывали благосостояние крестьян: бедность, темнота и бесправие», – читаем в «Задушевном слове» [21, с. 1–2]. Вторая причина – злоупотребления со стороны окружения императора, в том числе министров (казнокрадство, сокрытие информации о положении в стране, полное отсутствие гласности и отчетности их перед населением): «Говорить и писать об этом нельзя было, так как власть была в их руках, и тех, кто говорил правду, сажали в тюрьмы или ссылали в далекую Сибирь» [21, с. 2].

Однако после публикации выдержек из манифеста 9 июля 1906 г. о роспуске (не без надежды названном редакцией приостановлением занятий) Государственной думы, помещенных практически без редакционных комментариев [23], журнал уже не публикует текстов о политических реформах вплоть до начала марта 1917 г. Вопреки романтическим представлениям его редакции первая «новая эра русской жизни» оказалась весьма короткой.

«Новая эра русской свободы» на страницах журнала провозглашается в начале марта 1917 г. Так, № 11/12 практически полностью посвящен политическим событиям февраля–марта 1917 г. Показательно, что на первых двух страницах в номере указывается официально-событийная версия отречения Николая II от престола, отказа от престола великого князя Михаила Александровича, даются информационные сообщения об обстоятельствах этих отречений, об аресте императорской семьи. Затем в статье «Новая Россия» приводится редакционная версия причин и ожидаемых последствий революции, называемой «народным восстанием»; предпринимается попытка найти аналогии происходящим событиям в историческом

очерке С.Ф. Либровича (под псевдонимом – В. Русаков) о свержении с престола царя Василия Шуйского. На последних страницах помещена интерпретация драматичной участи Николая II и его ответственности перед народом.

Автором «Новой России» (предположительно – С.Ф. Либровичем) в качестве причин Февральской революции называются те же, что указывались при описании событий 1905 г., порой даже в тех же самых формулировках: тяжелое положение народа, злоупотребления высшего чиновничества, доверие царя своему ближайшему окружению, отсутствие свободы слова и др. Однако к этому перечню прибавлялись и новые обстоятельства: роспуск Государственных дум, неспособность правительства вести «беспримерную в истории войну с могучим врагом – Германией», продовольственный голод, спровоцированный властью. В качестве инициатора свержения царя и создания Временного правительства называется народ, понимаемый как нация. Как и в 1905 г., его действия описываются восторженно, объявляются эпохальными, прогрессивными и закономерными: «Для России началась новая жизнь. Русский народ будет управляться людьми, которым он доверяет. Все жители России отныне будут равны перед законом, все составят как бы одну дружную семью, каждый будет полноправным гражданином своей свободной родины. Да здравствует наша свободная, любимая родина!» [24, с. 294].

Актуализируя тему вины и исторической ответственности Николая II, редакция акцентирует основное внимание на плохом знании уроков истории русским монархом: «Если бы Николай II хорошо знал историю и воспринял то, чему она учит, он знал бы, какая участь постигла тех монархов, которые оставались глухими к голосу народа, к предупреждениям и предостережениям представителей его, указывавших, что народ в состоянии терпеть притеснения и неправду лишь до поры до времени» [25, с. 3]. В данном случае важно не только признание высокого статуса «великой науки истории», вера в то, что «ее уроки» могут влиять на настоящее и «предсказывать» будущее, что, как известно, было характерно и для «долгого XIX века», и для бурного начала XX столетия, но и признание представительного правления более прогрессивным и закономерным для России по сравнению с монархией. Журнал публикует и серию очерков, посвященных республикам, подробно описывая их характерные черты и исторические формы, статьи о королях в изгнании, опять же стремясь найти аналогии современным политическим преобразованиям и показать закономерность происходящего.

Метафоры весны, света, семьи (все – родные дети матери-отчизны), возрождения к новой жизни свободной России встречаются в большинстве апрельских и майских номеров 1917 г. Радужное настоящее описывается не только при помощи упоминания эмоций любви, радости единства и служения родине, но и при помощи света и звуков, символизирующих обновление.

Неслучайно символической кульминацией происходящего становится Пасха 1917 г.: «Небывало радостным, небывало светлым звоном гудят в этом году пасхальные колокола. Никогда еще родина не встречала Пасху с такой глубокой верой в будущее, как теперь. Никогда еще великий праздник возрождения не вселял в сердце русского народа столько надежд, столько упований, сколько в наши дни» [26, с. 2].

Последовательно реализуя свои дидактические и просветительские задачи, журнал объяснял юным читателям, что такое свобода, какие политические свободы существуют, что значит быть свободным в повседневной жизни. Главной из свобод объявлялась свобода личности, а ее первым идеологом – «Христос, указав, что кесарю надо воздавать только кесарево, а Богу – Божье» [27, с. 331]. Провозглашая сакральность идеи свободы, «Задуманное слово» создает пантеон ее героев-мучеников. Наряду с Христом первыми борцами за свободу признавались декабристы, которым посвящена целая серия статей. Приведу цитату, раскрывающую основные конструкты образа борца-революционера, призванного служить идеалом для читателей: «Молодые, прекрасно образованные, светлые умом и чистые душой, декабристы горячо любили Россию и народ и принесли ему в жертву свою жизнь, свободу и достояние. Грубая сила кровавой расправы смела юные всходы русской нивы и с ними надолго погибла свобода, которую они хотели завоевать для народа» [28, с. 2].

Как свидетельствует анализ содержания статей о декабристах, ключевым элементом героического образа борца за революцию (как средства завоевания свободы) была способность к самопожертвованию во имя свободы родины и народа, которая понималась в либеральном смысле как свобода личности, собственности, слова, совести, равенства гражданских прав. Для того чтобы образ героя революции был современным и жизнеспособным, редакция общалась и о героях 1917 г. В их числе – старший унтер-офицер Тимофей Кирпичников – первым в учебной команде Волынского полка «поднявший знамя революции» и «присоединивший ее к восставшему народу» [29, с. 2].

Однако постепенно к осени 1917 г. объем материалов о «новой счастливой» послереволюционной жизни сокращается, публикуются извинения редакции за увеличение количества сдвоенных номеров в связи с войной и небывалыми трудностями, печатаются заметки о потере Риги и других городов в результате немецкого наступления. 29 октября журнал публикует передовую статью «Родина гибнет». Время надежд и радостного возбуждения сменилось порой «ужасных бедствий, великих несчастий» и больших разочарований. «Казалось, что русский народ, добившись долгожданной свободы, воспользуется этой свободой, чтобы зажить мирной трудовой жизнью, и пойдет по пути порядка, законности, просвещения. Надежды эти, однако, не оправдались, надежды эти глубоко обманули защитников родины. Начались распри и междоусобицы,

ослабела сила защитников родины... Высшая власть переходит из рук в руки. При этом происходит кровопролитная борьба... Всюду тысячи раненых и сотни убитых. Люди, владеющие оружием, заставляют людей беззащитных исполнять свою волю... Народ запуган, страдает, молчит и ждет спасения» [30, с. 1]. Примечательно, что текст заканчивается молитвой о даровании мудрости вождям России, решимости поставить благо народа (читай: нации) выше выгод отдельных классов, о возвращении дисциплины в русскую армию, сил тем, кто трудится над восстановлением закона и порядка. В январе 1918 г. издание журнала было прекращено.

Итак, «Задуманное слово» транслировало либеральную версию русских революций начала XX в.: приветствовало провозглашение гражданских прав и свобод, создание законодательного представительного органа власти, создание политических партий. Само понятие «революция» впервые используется журналом при описании февраля 1917 г., события 1905–1907 гг. преподносятся как «смута», «народное восстание». До осени 1917 г. редакция с энтузиазмом рассказывает читателям об эпохальном характере происходящих перемен, подчеркивает их неизбежность и историческую закономерность путем использования исторических аналогий, метафор обновления, движения, риторических восклицаний, гипербола. Показательна стратегия умолчания о травмирующих аспектах происходящего: жертвах, личных драмах современников (за исключением Николая II и его семьи), что объясняется бережным отношением к читателям. Да и судьба последнего русского императора после его отречения от престола описана со сдержанным сочувствием как судьба монарха, не ответившего на «вызов эпохи», но заслуживавшего снисхождения в качестве частного лица. Публикации осени 1917 г. свидетельствуют о разочаровании редакции в революционном преображении страны, о возможности оптимистичного сценария политической ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мязотс О.Н. Война как игра // Детские чтения. 2015. № 2. С. 104–123.
2. Бурдые П. Поле литературы / пер. с франц. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
3. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М.: РГГУ, 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте науковорчества в России XVIII–XIX вв. 461 с.
4. Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Либроком, 2014. 244 с.
5. Либрович С.Ф. На книжном посту: воспоминания, записки, документы. Пг.; М.: Изд. тов. М.О. Вольфа, 1916. 496 с.
6. Хеллман Б. Сказки были. История русской детской литературы / пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
7. Корнилова В.В. Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX в. // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 4. С. 82–96.
8. Родигина Н.Н. Репрезентации детской повседневности в журнале «Задуманное слово» второй половины XIX в. // Русское детство. Краков, 2014. С. 10–25.

9. Родигина Н.Н., Митрофанова К.Н. «И вдруг она приблизилась к нам...»: образ Сибири в детских журналах конца XIX – начала XX в. // Вестник ТГУ. История. 2015. № 6 (38). С. 5–10.

10. Что такое «Задусhevное слово» // Задусhevное слово. 1907. № 1. С. 2.

11. Новая эра русской жизни // Задусhevное слово. 1905. № 51. С. 2.

12. Из жизни президента Рузвельта // Задусhevное слово. 1907. № 10. С. 1.

13. Как американские школьники проводят каникулы // Задусhevное слово. 1906. № 24. С. 1–2.

14. Детская республика // Задусhevное слово. 1907. № 31. С. 1–2.

15. Воспитание хорошего гражданина // Задусhevное слово. 1906. № 20. С. 1.

16. Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в траверлогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

17. Воззвание к русским детям и русскому юношеству // Задусhevное слово. 1906. № 1. С. 2.

18. Голодающие школьники // Задусhevное слово. 1906. № 2. С. 1.

19. Жертвуйте на голодающих! // Задусhevное слово. 1907. № 20. С. 2.

20. Пожертвование // Задусhevное слово. 1907. № 19. С. 19.

21. Новые права русского народа // Задусhevное слово. 1906. № 6. С. 1–2.

22. Великий исторический день // Задусhevное слово. 1906. № 27. С. 1–2.

23. Приостановление занятий Государственной думы // Задусhevное слово. 1906. № 39. С. 1–2.

24. Новая Россия // Задусhevное слово. 1917. № 11–12. С. 291–294.

25. Участь Николая II // Задусhevное слово. 1917. № 11–12. С. 3.

26. Пасха 1917 года // Задусhevное слово. 1917. № 21. С. 2.

27. Полянин С. Что такое свобода? // Задусhevное слово. 1917. № 22–23. С. 331–332.

28. Первые борцы за свободу // Задусhevное слово. 1917. № 24–25. С. 1–2.

29. Герой революции // Задусhevное слово. 1917. № 26. С. 2.

30. Родина гибнет // Задусhevное слово. 1917. № 52. С. 1–2.

REFERENCES

1. Myaeots O.N. War as a game. *Detskie chteniya*. 2015, no 2, pp. 104–123. (In Russ.)

2. Bourdieu P. The literature field of cultural production: transl. from Fr. by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000, no. 45, pp. 22–87. (In Russ.)

3. Mokhnacheva M.P. Journalism and historical science. Pt. 1: Journalism in the context of science creation in Russia in the XVIII–XIX centuries. Moscow: RGGU, 1998. 461 p. (In Russ.)

4. Van Dijk T. Discourse and power: representation of domination in language and communication: transl. from Eng. Moscow: Librokom, 2014. 244 p. (In Russ.)

5. Librovich S.F. At the bookstore: memories, notes, documents. Petersburg, Moscow: Tovarischestvo M.O. Wolffa, 1916. 496 p. (In Russ.)

6. Hellman B. Fairy tales and true stories. The history of Russian Literature for children and young people: transl. from Eng. by O. Bukhina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 560 p. (In Russ.)

7. Kornilova V.V. Children's illustrated magazines of St. Petersburg in the XIX century. *Vestnik SPbGUKI*. 2011, no 4, pp. 82–96. (In Russ.)

8. Rodigina N.N. Representations of children's everyday life in magazine «Zadushevnoe Slovo» of the second half of the XIX century. *Russkoedetsstvo*. Cracow, 2014, pp. 10–25. (In Russ.)

9. Rodigina N.N., Mitrofanova K.N. «And suddenly she approached us...»: Siberia image in children's magazines of the late XIX – early XX centuries. *Vestnik TGU. Istoriya*. 2015, no. 6, pp. 5–10. (In Russ.)

10. What is «Zadushevnoe Slovo». *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 1, p. 2. (In Russ.)

11. A new era of Russian life. *Zadushevnoe Slovo*. 1905, no. 51, p. 2. (In Russ.)

12. From the life of President Roosevelt. *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 10, p. 1. (In Russ.)

13. How American schoolchildren spend their holidays. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 24, pp. 1–2. (In Russ.)

14. Children's republic. *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 31, pp. 1–2. (In Russ.)

15. Bringing up a good citizen. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 20, p. 1. (In Russ.)

16. Etkind A.M. Interpretation of travels. Russia and America in travelogues and intertexts. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 496 p. (In Russ.)

17. An appeal to Russian children and Russian youth. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 1, p. 2. (In Russ.)

18. Starving school children. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 2, p. 1. (In Russ.)

19. Donate to the starving! *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 20, p. 2. (In Russ.)

20. Donation. *Zadushevnoe Slovo*. 1907, no. 19, p. 19. (In Russ.)

21. New rights of Russian people. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 6, pp. 1–2. (In Russ.)

22. The great historical day. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 27, pp. 1–2. (In Russ.)

23. Suspension of the State Duma activity. *Zadushevnoe Slovo*. 1906, no. 39, pp. 1–2. (In Russ.)

24. New Russia. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 11/12, pp. 291–294. (In Russ.)

25. The fate of Nicholas II. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 11/12, p. 3. (In Russ.)

26. Easter of 1917. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 21, p. 2. (In Russ.)

27. Polyanin S. What is freedom? *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 22/23, pp. 331–332. (In Russ.)

28. The first freedom fighters. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 24/25, pp. 1–2. (In Russ.)

29. The Revolution hero. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 26, p. 2. (In Russ.)

30. Homeland dies. *Zadushevnoe Slovo*. 1917, no. 52, pp. 1–2. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170313
УДК 93/94. 338.24. 82-7

М.А. КЛИНОВА, А.В. ТРОФИМОВ

КОНСТРУИРОВАНИЕ НЕГАТИВНОГО ИМИДЖА «ХОЗЯЙСТВЕННИКА» НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» В 1953–1964 гг.

Уральский государственный экономический университет,
РФ, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45

Целью публикации является определение специфики конструирования негативного имиджа хозяйственного руководства различного уровня на страницах журнала «Крокодил» в 1953–1964 гг. Анализ, основанный на использовании статистических методов, позволил сделать вывод о том, что в негативном имидже хозяйственных управленцев были наиболее акцентированы практики деятельности, наносящей ущерб государству (бесхозяйственность, бюрократизм, очковтирательство). Активно критиковались также практики злоупотреблений. В меньшей степени в чертах отрицательного образа фигурировали личностные девиантные проявления руководителя (некомпетентность, пьянство и пр.), а также негативные управленческие практики (грубость, халатность). В негативном имидже «хозяйственников» были более акцентированы проявления, в корректировке которых был заинтересован официальный дискурс.

Ключевые слова: хозяйственное руководство, 1953–1964, журнал «Крокодил», критика.

M.A. KLINOVA, A.V. TROFIMOV

CONSTRUCTING A «MANAGER» NEGATIVE IMAGE ON PAGES OF MAGAZINE «KROKODIL» IN 1953–1964

Ural State University of Economics
62/45, 8 Marta / Narodnoy voli Str, Ekaterinburg, 620144, Russia

The article's objective is to determine the specifics of constructing a negative image of economic management at various (local, regional, central) levels on pages of magazine "Krokodil" in 1953–1964. The presented negative images of a leader were combined in specific groups: 1) practices that are detrimental to the state; 2) the selfish use of official position; 3) the negative manifestations in relation to subordinates; 4) negative personal and professional characteristics. The analysis based on use of statistical methods allows concluding that the negative image of economic managers was more accentuated on activities detrimental to the state (mismanagement, bureaucracy, overstatement of reported numbers). The abusive practices were actively criticized. To a lesser extent a negative image of the leader was associated with personal deviant manifestations (incompetence, drunkenness, etc.) and negative management practices (rudeness, negligence). The negative image of managers "constructed" on "Krokodil" pages had more accented features, which adjustment was of great interest to for the official discourse. The negative image of a "manager" was a reflection of political situation trends in the "Khrushchev" period. The policy of glasnost declared after the 20th Congress provoked the criticism intensification, and its collapse in the late 1950s led to a lesser severity of managers' criticism. Elements of negative images of business managers had features of the "Khrushchev" campaigns of 1950–60s (struggle against mismanagement and theft, campaign for vigilance). Active reforms in agricultural sector in 1950s led to the growing criticism of rural leadership. Throughout the period images of local economic managers, became more negative, as they were more "responsible" for economic costs and "Khrushchev" period deviations.

Keywords: heads of enterprises, 1953–1964, magazine "Krokodil", criticism.

Марина Александровна Клинова – канд. ист. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, e-mail: klinowa.m@yandex.ru.

Андрей Владимирович Трофимов – д-р ист. наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, e-mail: 2519612@rambler.ru.

Marina A. Klinova – Candidate of historical sciences, Docent, Department of General and Economic History, Ural State University of Economics.

Andrey V. Trofimov – Doctor of historical sciences, Professor, Department of General and Eco-nomic History, Ural State University of Economics.

Обращение к проблеме имиджа власти в СССР является актуальным трендом современных гуманитарных разработок. Отечественными исследователями изучаются конструкты образа «советского лидера», формируемые прессой и системой пропаганды 1920–1930-х гг. [1; 2]. Помимо позитивного имиджа власти в современной отечественной и зарубежной историографии исследуется образ внутреннего «врага», фиксируемый в советском информационном пространстве 1920–1940-х гг. (плакатах, художественных фильмах и т.д.) [3; 4; 5]. Применительно к «хрущевскому» периоду, в рамках которого произошли существенные модернизационные подвиги в практиках «властвования» и презентации лидера, разрабатывается проблематика имиджа власти [6; 7]. Существенно ограничивает рамки исследований понимание «власти» как реализации практик управления исключительно политической элиты. В результате в «слепом пятне» научного поиска остаются руководители, занятые в управлении отраслей и предприятий народного хозяйства.

В данной статье предпринята попытка выявления механизмов и специфики конструирования негативного имиджа советского хозяйственного управленца на страницах журнала «Крокодил» в «хрущевский» период.

Выбор источника исследования определяется его спецификой. Во-первых, журнал «Крокодил» являлся инструментом системы пропаганды, конструируя образы и стереотипы, выполняющие социально-идеологическую функцию. Во-вторых, в этом издании негативный имидж «хозяйственника» представлен более рельефно, а жанровое разнообразие журнала (рассказы, фельетоны, очерки) позволяет более многогранно презентовать конструируемый негативный образ.

Авторами использовались статистические методы, а также метод дискурс-анализа, источник обрабатывался посредством фронтальной выборки (источниковую базу составили 432 номера журнала «Крокодил», изданных за 12 лет).

Конструирование негативного имиджа реализуется посредством критики личности и деятельности объекта. Для выявления отрицательных черт в презентуемых на страницах «Крокодила» образах хозяйственных руководителей критикуемые практики и личностные проявления руководства систематизировались. Были выделены определенные группы, включающие более частные девиантные проявления. Первая группа объединяет практики руководства, *снижающие эффективность работы предприятия или наносящие ущерб хозяйству (государству)*. Частными проявлениями данного направления являются: бесхозяйственность, очковтирательство, бюрократизм. Вторая группа включает практики *использования руководителем своего служебного положения в корыстных целях* (взятки; самообеспечение за счет предприятия или хищение государственной собственности). Третья группа представлена такими негативными *проявлениями хозяйственного руководителя по отношению к подчи-*

ненным, как грубость, халатное отношение к обязанностям по управлению коллективом. Четвертая группа объединяет негативные *личностные и профессиональные характеристики* хозяйственного руководителя: некомпетентность, глупость, иные девиантные поведенческие практики – пьянство, семейственность, религиозность и пр.

В соответствии с выделенными группами характеристик был предпринят анализ элементов негативного имиджа представителей хозяйственного руководства различного уровня – местного, регионального, центрального. Руководство местного уровня – это председатели колхозов, директора предприятий, подразделений и т.п.; региональный уровень представлен крайвыми и областными хозяйственными управленцами; центральное руководство включало представителей хозяйственных министерств, Госплана, ВСНХ.

Выяснилось, что негативный имидж хозяйственных руководителей (независимо от уровня) конструировался в основном посредством критики их деятельности как наносящей ущерб хозяйству (государству). Данной проблематике посвящено около 55 % (969 сюжетов) из общего количества сюжетов «Крокодила» (1770), в которых критикуется деятельность «хозяйственников».

Местные хозяйственные руководители критиковались чаще, чем управленцы других уровней (607 заметок). В публикациях, которые освещали практики местных управленцев, наносящие ущерб хозяйству, ведущее место занимает критика различных проявлений бесхозяйственности – нерачительного отношения к ресурсам и благам, необоснованных трат государственных средств и т.п. (349 сюжетов)¹. Проводимые в «хрущевский» период масштабные сельскохозяйственные кампании нашли свое отражение в усилении критики местных сельских руководителей (максимальное количество критических материалов фиксируется в 1955–1957 гг. – 77 заметок). Негативный имидж председателей колхозов формировался вследствие возложения на них ответственности за недостаточно высокие темпы сельскохозяйственного производства, проявление бесхозяйственности при хранении и транспортировке урожая и содержании скота².

В очковтирательстве – приписках и иных манипуляциях с отчетными показателями обвиняются преимущественно местные руководители (90 эпизодов), реже – региональные хозяйственные управленцы (18 сюжетов). Примером девиации является фельетон «Лакировщик», в котором руководитель треста «Прокопьевскшахтострой» М.С. Соротокин телеграфировал в Москву о выполнении плана на 100 % (хотя фактически он был недовыполнен), в результате приписка к плану составила почти 1 млн руб.³.

Практики бюрократизма – излишнего администрирования, затягивающего работу предприятий,

¹ С подлинным скверно // Крокодил. 1954. 30 июня. С. 9.

² Семеро с ложкой // Крокодил. 1960. 20 окт. С. 2.

³ Александров Н. Лакировщик // Крокодил. 1953. 20 авг. С. 13.

были более характерны для имиджа региональных управленцев (102 заметки), реже – министерских хозяйственных руководителей (87 сюжетов). В качестве примера можно привести публикацию, где критикуется деятельность Министерства сельского хозяйства Молдавской ССР: «...еще четыре года назад ... положили начало сельской электрификации. Начало есть, а конца не видать. Деньги затрачены, а строить электростанции никто не хочет»⁴.

В большинстве сюжетов, обличающих хозяйственных руководителей в деятельности, наносящей ущерб государству, используется один и тот же прием – приведение впечатляющих цифр, отражающих государственные потери. В ряде случаев приводятся конкретные цифры ущерба: «каждая тонна (бумаги) за время пути выросла в цене на 1 269 руб.»⁵; перевозка подшивников стоимостью 3 руб. 80 коп. обошлась в 59 руб.⁶. Значительно чаще конкретные данные заменяются указанием примерного порядка исчисляемых потерь: «на перевозки шнурков ежегодно затрачиваются десятки тысяч рублей»⁷. Нередко на страницах издания рассуждения о потерях заменяются риторическим вопросом: «Сколько народных рублей потрачено?»; «Сколько драгоценных рабочих часов убито на справки»⁸. Заметим, что прием приведения «количественных» аргументов (не всегда конкретных) широко применяется в публицистике и политической риторике⁹. В контексте исследуемой проблематики использование такого приема призвано подчеркнуть «виновность» хозяйственного руководителя, презентуя его девиантные экономические практики (независимо от их масштаба) как «антигосударственную» и «антиобщественную» деятельность.

В текстах «Крокодила», которые посвящены рассмотрению корыстной деятельности хозяйственного руководства, связанной с использованием служебного положения (231 публикация), также часто фигурируют управленцы местного уровня (191 сюжет). Освещаемые в «Крокодиле» случаи взяточничества немногочисленны (32 заметки), и, как правило, характеризуют деятельность стратегии местных городских управленцев (24 материала), в то время как местные сельские хозяйственники чаще дают взятки. Практики взяточничества реализуются в натуральных подношениях, специфика которых связана с деятельностью управленца, дающего взятку (мясо, телевизоры, мебель и пр.) В сатирической зарисовке «Двенадцать стульев» практика взяточничества рассматривается в рам-

ках сюжета о ревизии на мебельном комбинате: «Очень рад вас видеть! – сказал директор и предложил гостю стул. Ревизор продолжал стоять. ... Директор расщедрился на шесть стульев. Ревизор слегка улыбнулся. ... Сошлись на дюжине. С доставкой на дом за счет комбината...»¹⁰.

Значительно чаще взяточничества на страницах издания фигурируют случаи «самообеспечения» управленцев за счет предприятий (199 публикаций). В качестве примера можно привести заметку о директоре МТС Л.А. Кузине, которому «для поездок по личным делам в Москву, для привоза-отвоза дочки-отпускницы и для экстренных рейсов за горячим вторым видом вполне хватает и казенной машины»¹¹. Корыстные практики хозяйственных руководителей проявляются и во включении в штат несуществующих подчиненных. В одном из номеров помещен сюжет, повествующий о «трудовой деятельности» коня, который в ведомости пункта «Заготлен» «почтительно назван Н.А. Фадькиным и с него удерживается подоходный налог и налог за бездетность. ... Деньги получает директор»¹².

В ряде случаев теневые схемы управленцев не конкретизируются, а подразумеваются. Примерами такой пресуппозиции являются публикуемые в журнале выдержки из текстов актов и объяснительных записок хозяйственных руководителей: «Недостача по лососине произошла ввиду того, что лососина по своей природе рыба жирная, из которой самопроизвольно выделяется жир»¹³.

Проводимая в СССР в конце 1950-х–начале 1960-х гг. кампания по борьбе с хищениями повлияла на количественное увеличение в «Крокодиле» сюжетов, посвященных данной тематике. Наряду с сатирическими зарисовками на страницах издания публикуются официальные сообщения о раскрытых хищениях хозяйственных руководителей местного уровня¹⁴.

Негативные практики руководства подчиненными реализуются в критике на страницах «Крокодила» грубости «хозяйственников» (89 сюжетов), а также проявлений халатности в управленческой деятельности (169 публикаций). Грубость чаще являлась элементом негативного имиджа местных руководителей (83 материала). Ярким примером хама-управленца является главный инженер Пискарев, который «сделал грубость нормой своего поведения», отпуская в адрес сотрудников «длиннейшую очередь из своего зоологического набора»¹⁵. Хозяйственные руководители регионального и центрального уровней преимущественно кри-

⁴ Проделки Пэкалэ // Крокодил. 1956. 20 янв. С. 2.

⁵ Не надо встреч, не надо продолжать // Крокодил. 1957. 10 апр. С. 2.

⁶ Под самым окошком // Крокодил. 1955. 30 марта. С. 3.

⁷ Не надо встреч, не надо продолжать // Крокодил. 1957. 10 апр. С. 2.

⁸ Про Фому и про Ерему // Крокодил. 1955. 30 марта. С. 8.

⁹ Подосинникова Р.В. Риторика журналистского дискурса (муниципальная власть в образах и оценках местной прессы // Уч. зап. Электронный научный журнал Курск. гос. ун-та. 2009. № 4. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/012-9.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁰ Мартынов И. Двенадцать стульев // Крокодил. 1964. 20 апр. С. 15.

¹¹ Бюро обслуживания Крокодила // Крокодил. 1958. 10 янв. С. 15.

¹² Чудо лошади // Крокодил. 1954. 10 мая. С. 14.

¹³ В седьмой день недели // Крокодил. 1960. 10 мая. С. 14.

¹⁴ Алексеев Ю. Пансионат на клюкве // Крокодил. 1960. 30 апр. С. 13.

¹⁵ Нариньяни С. Вместо «добро утра» // Крокодил. 1958. 10 марта. С. 5.

тикуются за «недосмотр» за подведомственными организациями и сотрудниками (77 сюжетов). В фельетоне «К вопросу о доверии» повествуется о махинациях директора Б.А. Итунина в объединении «Заготживсырьё». Сюжет заканчивается риторическим вопросом: «Что скажет ведающий кадрами заместитель министра заготовок Н.Я. Паршин об ответственных людях, оказавшихся шляпами, под сенью которых приютились казнокрады?»¹⁶.

Негативный имидж «хозяйственника» дополняется личностными деформациями. Значительное внимание уделяется некомпетентности управленцев, их невежеству, нежеланию учиться (147 публикаций). Сатирическая направленность издания проявляется в высмеивании глупости местных управленцев (95 сюжетов), реже «хозяйственников» регионального уровня (44 заметки). В журнале приводятся многочисленные «ляпы», допущенные руководителями при составлении отчетов и распоряжений: «по нарушениям трудовой дисциплины наше СМУ полностью ликвидировало отставание»¹⁷; «данное задание доведите до каждой доярки и до каждой дойной коровы»¹⁸. Критика руководителей за отсутствие здравого смысла в текстах распоряжений усиливала отрицательный имидж «хозяйственников».

Среди других негативных личностных проявлений руководителей можно отметить пьянство, семейственность, религиозность (73 сюжета). Указанные девиации чаще фиксируются на местном уровне (66 публикаций). Реализация в 1953 г. кампании, направленной на усиление бдительности, дополнила негативный имидж хозяйственных управленцев такими чертами, как «беспечность», «безалаберность». На страницах издания 1953 г. более десятка раз публикуются сюжеты, героями которых являются местные «хозяйственники», которые по халатности «выбалтывают» информацию о заводах в общественном транспорте, парикмахерских и других местах, доступных для «врагов»¹⁹. Произшедшая трансформация политической конъюнктуры скорректировала имидж хозяйственного управленца – с 1954 г. (и на протяжении всего последующего десятилетия) «бдительность» не презентуется в качестве неотъемлемого качества «хозяйственника», исчезают со страниц издания и образы внутренних «врагов».

Максимальное количество негативных характеристик в имидже хозяйственного руководства фиксируется в 1956–1957 гг. Курс на демократизацию и гласность, взятый после XX съезда КПСС, способствовал активизации критики, увеличению замечаний в адрес «хозяйственников» всех уровней. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. происходит количественное уменьшение замечаний «Крокодила» в адрес управленцев. Бо-

лее выраженно данный тренд проявился в отношении хозяйственных руководителей центрального уровня. Негативный имидж региональных и местных «хозяйственников» несколько сглаживают сюжеты, где руководители предприятий осознают свои ошибки, исправляются, помогают исправиться другим²⁰. Несмотря на некоторое снижение остроты критики, имидж хозяйственных руководителей (особенно местного уровня) был далек от идеала.

Негативный имидж «хозяйственника», воссоздаваемый на страницах «Крокодила», являлся отражением определенных тенденций политической конъюнктуры «хрущевского» периода. Курс на гласность, взятый после XX съезда КПСС, провоцирует усиление критики «хозяйственников», а его свертывание в конце 1950-х гг. ведет к снижению остроты критики. В элементах негативного имиджа хозяйственных руководителей фиксируются черты кампаний «хрущевского» периода (по борьбе с бесхозяйственностью, хищениями, за бдительность и пр.). Активное реформирование сельскохозяйственной сферы в 1950-е гг. проявилось в усилении критики сельского руководства. На протяжении всего периода более негативную «прорисовку» получают образы местных хозяйственных управленцев, которые были «ответственными» за экономические издержки и девиации «хрущевской» эпохи.

Полученные нами результаты являются одним из ракурсов конструирования имиджа управленцев (отражением позиции официального дискурса). Сопоставление наших данных, например, с материалами текстов писем и жалоб граждан, обличающих отрицательные практики хозяйственных руководителей, позволяет выявить существенные расхождения в акцентировании негативных проявлений имиджа таких руководителей [8]. В текстах жалоб населения в значительно большей степени актуализированы следующие негативные черты образа «хозяйственников»: хищения, нарушения социальной справедливости (равенства), предвзятое и грубое отношение к подчиненным. Проявления бесхозяйственности фиксируются в значительно меньшей степени в образах руководителей, а бюрократизм и очковтирательство практически не фигурируют при характеристике их имиджа [9, 10].

Таким образом, анализ материалов журнала «Крокодил» «хрущевского» периода, позволяет прийти к выводу, что имидж «хозяйственника», конструируемый на страницах издания, аккумулировал негативные черты и практики, в «проработке» которых была заинтересована власть. Поэтому в образе управленца в наибольшей степени акцентированы девиации, наносящие вред государству – бесхозяйственность, бюрократизм, очковтирательство, казнокрадство. При этом личностные деформации руководителей и негативные проявления управленцев в отношении подчиненных реже подвергались критике на страницах издания.

¹⁶ Дудочкин П. К вопросу о доверии // Крокодил. 1953. 20 янв. С. 9.

¹⁷ Нарочно не придумаешь // Крокодил. 1960. 30 нояб. С. 15.

¹⁸ С подлинным скверно // Крокодил. 1955. 28 февр. С. 8.

¹⁹ Язык мой – враг мой // Крокодил. 1953. 20 марта. С. 1

²⁰ Виле Ф. Как Федя стал знаменитым // Крокодил. 1960. 30 авг. С. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киселева Е.В. Власть Советов: у истоков создания образа (по материалам Орловской и Брянской губерний). Брянск, 2013. 204 с.
2. Липатова Н.В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. Ульяновск, 2014. 232 с.
3. Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 16–22.
4. Костров А.В. Образы внешнего и внутреннего врагов советского государства в предвоенном фильме Александра Довженко «Аэроград» // Новый исторический вестник. 2015. № 43. С. 60–67.
5. Николаева М.Ф. Динамика образа врага в советском плакате (1917–1941) и модели идентификации советского человека // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 372–386.
6. Никофоров Ю.С. Визит Н.С. Хрущева в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении // Российская история. 2016. № 4. С. 56–72.
7. Соборнов П.Е. «А вам в совнархозе делать нечего...»: управленческая реформа 1957–1965 годов в СССР (по материалам публикаций журнала «Крокодил» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8, ч. III. С. 171–173.
8. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сб. док. и материалов / отв. ред. А. В. Трофимов. Екатеринбург, 2015. 355 с.
9. Клинова М.А. «При советской власти не должно быть буржуев!»: суждения уральского населения о злоупотреблении руководства (по материалам писем и жалоб (1964–1982 гг.)) // Вестник Перм. ун-та. Серия «История». 2016. № 4. С. 115–123.
10. Трофимов А.В. Трудовой конфликт на уральском предприятии в середине 1950-х годов: история в письмах // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 345–349.

REFERENCES

1. Kiseleva E.V. The power of the Soviets: the image origin (on materials of Oryol and Bryansk provinces). Bryansk, 2013. 204 p. (In Russ)
2. Lipatova N.V. Power in a print equivalent: the Soviet leader image on the pages of newspapers. Ulyanovsk, 2014. 232 p. (In Russ)
3. Weiss D. Parasites, carrion, garbage. The image of enemy in Soviet propaganda. *Politicheskaya lingvistika*. 2008, no. 24, pp. 16–22. (In Russ)
4. Kostrov A. V. Images of external and internal enemies of the Soviet state in the pre-war film by Alexander Dovzhenko “Aerograd”. *Novyy istorichskiy vestnik*. 2015, no. 43, pp. 60–67. (In Russ)
5. Nikolaev M.F. Dynamics of the enemy image in Soviet posters (1917–1941) and the model to identify the Soviet man. *Dialog so vremenem*. 2012, no. 39, pp. 372–386. (In Russ)
6. Nikiforov Y.S. N.S. Khrushchev’s visit to Yaroslavl’ in 1963: the power image in a regional measurement. *Rossiiskaya istoriya*. 2016, no. 4, pp. 56–72. (In Russ)
7. Sobornov P.E. “And you have nothing to do in the economic council...”: a management reform of 1957–1965 in the Soviet Union (based on publications of magazine “Krokodil”. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2011, no 8, pt. 3, pp. 171–173. (In Russ)
8. Economic beliefs and behavior models of the Ural population (1917–1991). A collection of documents and materials. Ed. A.V. Trofimov. Ekaterinburg, 2015. 355 p. (In Russ)
9. Klinova M.A. “During the Soviet era should not be the bourgeoisie!”: judgment of the Ural population about the abuse of leadership (according to letters and complaints (1964–1982). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2016, no. 4, pp. 115–123. (In Russ)
10. Trofimov A.V. Labor dispute at the Ural enterprise in the mid-1950s: history in letters. *Odinadtsatye Tatischevskie chteniya: materialy vsenos. nauch. prakt. konf.* Ekaterinburg, 2015, pp. 345–349. (In Russ)

Статья принята
редакцией 29.05.2017

DOI: 10.15372/HSS20170314
УДК 655.4/.5:061.23:821.09(571)(091)

А.Л. ПОСАДСКОВ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15

Целью статьи является анализ деятельности издательств, созданных литературными организациями Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-е гг. Так называемые писательские издательства действовали в начале XXI в. при всех региональных отделениях Союза писателей России, книги выпускали также редакции литературных журналов, принадлежавших этому Союзу.

Официальные писательские организации, получая с начала XXI в. некоторую финансовую поддержку от региональных администраций, муниципалитетов и законодательных органов, возобновили регулярное издание старых литературных журналов («Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Енисей», «Алтай» и др.), а также инициировали создание новых журналов («Иртыш», «Барнаул», «Новосибирск», «Литературный Омск», «Литературный Владивосток», «Слово Забайкалья» и др.). К некоторым из этих журналов стали выпускаться книжные приложения. К концу первого десятилетия XXI в. каждая писательская организация Сибири имела собственное книжное издательство: «Сибирская горница» (Новосибирск), «Сибирский писатель» (Кемерово), «Красноярский писатель», «Иркутский писатель» и др. Нередким стал выпуск целых книжных серий.

Свои издательские проекты реализовывала альтернативная организация – Союз российских писателей в лице его сибирских отделений. Новым явлением во всей истории российского книгоиздания стало активное издательское продвижение самодеятельных организаций – литературных объединений, студий, клубов. Ими создано несколько десятков издательских структур, самая крупная из которых – издательство «Союз писателей» в Новокузнецке.

Основным результатом исследования явился вывод о значительном расширении за прошедшее двадцатилетие информационного поля литературных движений в российской провинции. Формируя новую издательскую среду в регионах, литературные организации продолжают активно диверсифицировать развитие книжного дела на востоке России.

Ключевые слова: книгоиздание, издательства, журналы, Союзы писателей, литературные объединения, Сибирь, Дальний Восток.

A.L. POSADSKOV

PUBLISHING ACTIVITY OF LITERARY ORGANIZATIONS IN SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

State Public Scientific Technological Library of the SB RAS
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia

The article objective is to analyze the activity of publishing houses established by literary organizations in Siberia and the Far East in the 1990s–2010s. So called “literary” publishers acted in the early XXI century within all regional offices of the Union of writers of Russia, books were also published by editorial boards of literary journals belonging to this Union. Getting some financial support from regional administrations, municipalities and legislative bodies at the beginning of XXI century, the official writers’ organizations resumed regular publication of old literary journals (“Sibirskie ogni”, “Ogni Kuzbassa”, “Enisei”, “Altai”, etc.), and initiated the creation of new ones (“Irtys”, “Barnaul”, “Novosibirsk”, “Literaturnyi Omsk”, “Literaturnyi Vladivostok”, “Slovo Zabaikaliya”, etc.). Some of these magazines started to publish book annex. By the end of the first decade of the XXI century each writer’s organization in Siberia had its own publishing house: “Sibirskaya Gornitsa” (Novosibirsk), “Sibirskiy pisatel” (Kemerovo), “Krasnoyarskiy pisatel”, “Irkutskiy pisatel”, etc. The release of book series was quite common.

Александр Леонидович Посадсков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru.

Alexander L. Posadskov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the SB RAS.

The alternative organization – the Union of Russian writers and its Siberian divisions implemented publishing projects as well. An active publishing promotion of amateur organizations (literary associations, studios, recreation centers) became a new phenomenon in the Russian book publishing history. They created several dozens of publishing structures, the largest of which was the publishing house "Union of writers" in Novokuznetsk. The main study result was the conclusion about a significant expansion of the information field of literary movements in the Russian province during the last twenty years. Forming a new publishing environment in regions, literary organizations continue to diversify the business development in the Russian East.

Key words: book publishing, publishers, magazines, unions of writers, literary associations, Siberia, Far East.

Реструктуризация издательской системы на востоке России привела в 1990-е гг. к появлению здесь новой категории издающих организаций – писательских союзов и объединений. Возможность создания писательских издательств была заложена в Законе РФ о средствах массовой информации (1991), предельно упростившем процедуру учреждения издательских предприятий.

Но на пути реализации издательских замыслов сибирских писателей стояли непреодолимые препятствия в виде финансовой несостоятельности как «старых», так и «новых» литературных организаций. В июне 1992 г. на IX съезде Международного сообщества писательских союзов, преемника бывшего Союза советских писателей (ССП) СССР, произошло окончательное разделение прежде единой писательской организации страны. Был оформлен Союз писателей России, провозгласивший себя главным правопреемником бывшего СП РСФСР. Часть писателей, отказавшаяся по идейным соображениям состоять в данном союзе, который они считали реакционным наследием советской эпохи, объединились в Союз российских писателей, также претендовавший на часть имущества бывшего СП.

Малочисленные краевые, областные и республиканские отделения СП в Сибири и на Дальнем Востоке практически все по решению писателей вошли в состав Союза писателей РФ. Лишь в некоторых крупных городах (Омск, Новосибирск, Иркутск и др.) возникли организации альтернативного Союза российских писателей, в рядах которого, однако, состояли многие известные и в литературе, и в общественной жизни писатели-сибиряки.

И те, и другие творческие союзы, имея юридическую возможность создать собственные органы печати и издательства, не могли этого сделать вследствие материальной нищеты своих организаций. Отделения Союза писателей РФ, которым достались помещения бывшего СП, вскоре были из них изгнаны как невыгодные арендаторы [1, с. 87]. В Новосибирске писательский союз был вынужден распродать через букинистов свою богатейшую библиотеку и перебраться из просторных помещений на более скромную площадь. На Сахалине выселение писателей едва не закончилось ликвидацией их союза: областное финансовое управление хотело упразднить и банковский счет писательской организации, передав их средства областному управлению культуры¹.

Все упования писателей сводились в это время к помощи со стороны региональных и городских администраций. К ним, а также к законодательным органам – думам, советам, заксобраниям – писательские союзы постоянно обращались с призывами помочь выпустить то или иное произведение: авторский сборник, роман, альманах, журнал². Власть откликнулась неохотно: в условиях кризисного реформирования экономики и социальной сферы лишних денег в областных бюджетах не имелось. Все «старые» литературные журналы регионов – «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Алтай», «Енисей» и др. – в 1992–1994 гг. были переданы из краевых и областных издательств в местные отделения СП РФ, которые отныне несли всю ответственность за их издание. Старейшие «Сибирские огни», резко сократив тираж, выходили в это время «сдвоенными», «строеными» номерами, содержанием которых зачастую являлись – от первой до последней страницы – детективы зарубежных авторов. В журнал «Алтай» удалось завлечь в качестве соучредителей краевую и городскую администрации в надежде на их финансовую помощь. Изредка расчеты писателей оправдывались.

Со второй половины 1990-х гг. по мере относительного укрепления местных экономик поддержка издательских инициатив со стороны администраций становится более или менее существенной. Возобновились финансирование в минимальных размерах через бюджеты писательских союзов наиболее известных журналов и альманахов – «Сибирские огни», «Енисей», «Сибирь» (Иркутск), «Хан-Тигир» (Хакасия) и др. Литературно-художественный сборник «Сахалин», исчезнувший в 1991 г., стал вновь печататься в 1997 г. под названием «Остров»³. Благодаря спонсорам в печать стали пробиваться и новые, не издававшиеся ранее периодические издания. В марте 1993 г. вышел первый номер общественно-литературного альманаха «Бийск», ныне известного далеко за пределами Сибири⁴. В начале XXI в. такие примеры насчитывались уже десятками. Один за другим стали печататься альманахи региональных отделений СП России: «Литературный Омск», «Литературный Владивосток», «Сургут», «Врата Сибири» в Тюмени, «Медный всадник – Сибирский регион» в Красноярске и др.

² См., например: ГИАСО. Ф. Р-866. Оп. 3. Д. 197. Л. 43; Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-589. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–2.

³ ГИАСО. Ф. Р-863. Оп. 1. Д. 172. Л. 6.

⁴ Бедарев В. Коммерция и культура нашли общий язык // Молодежь Алтая. 1993. 12 марта. С. 5.

¹ Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. Р-866. Оп. 3. Д. 197. Л. 6 об. – 7.

Сказанное относится к сибирским филиалам Союза писателей РФ, объявлявшим себя носителями региональных литературных традиций. Намного сложнее приходилось местным отделениям «нового» Союза российских писателей, ориентировавшимся на идеологию реформ и обновления. До печатного станка они добивались в основном с помощью денег спонсоров – предпринимателей и депутатов. В Иркутске благодаря сверхусилиям руководителя областной организации Союза российских писателей, известного поэта А.И. Кобенкова удалось получить приличное помещение для Союза, наладить выпуск сначала литературной газеты «Зеленая лампа» (с 1999 г.), а затем одноименного альманаха (с 2003 г.)⁵ и альманаха «Иркутское время» [2, с. 51]. В Омске разворачивалась эпопея с созданием альманаха Союза российских писателей, получившего название «Складчина». Поначалу в судьбе альманаха приняли участие местные власти в лице губернатора и Омское отделение «Инкомбанка», которое профинансировало в 1995–1997 гг. три ежегодных выпуска «Складчины». Дефолт 1998 г. уничтожил «Инкомбанк», и с 2002 г. возобновившаяся «Складчина» выходила в виде областной литературной газеты, издаваемой за средства другого спонсора – ЗАО «Енисей-Сервис». В 2005 г. «Складчина» вернулась к формату альманаха, выпускаемого раз или два раза в год [2, с. 5, 8, 9, 11, 13, 14; 61–62].

Почти одновременно с идеей разделения писателей на два союза возникла мысль об их объединении под крышей общих ассоциаций и издательских проектов. В Улан-Удэ с 1991 г. существовала Ассоциация литераторов Бурятии, имевшая свое издательско-творческое объединение «Возрождение». Объединение выпускало в основном литературу, рассчитанную на коммерческий успех: сенсационные труды историков и мемуары, древнетибетские трактаты, жития православных святых. В Тюмени с 1993 г. действовала Тюменская ассоциация литераторов со своим издательством «Русь». Но наибольший, хотя и временный, издательский успех выпал на долю Сибирской писательской ассоциации (СПАС), созданной в Новосибирске. 19 февраля 1992 г. ассоциация получила издательскую лицензию и создала собственное издательство. Многие книги СПАС спонсировал «Инкомбанк», но часть изданий приносила писателям определенную прибыль. Тиражи 100 тыс. экз. были, например, изданы книги прославленного мастера сибирского детектива М.Я. Черненко, сборник документальных новелл пресс-секретаря областного УВД В.Н. Чеплыгина «Капитан Чеплыгин рассказывает».

Попытки создания уставных (самостоятельных) издательств предпринимали в середине 1990-х гг. некоторые отделения СП России. В 1993 г. был организован «Сургутский издательский центр» – хозрасчет-

ное предприятие Тюменской областной писательской организации. Весной 1993 г. появилось издательство «Письмена», созданное при Иркутском отделении Союза писателей России⁶. Строго следуя консервативно-националистической идеологии, свойственной всему Иркутскому отделению СП России, издательство нередко выпускало книги совместно с другим носителем этих идей – журналом «Сибирь». Издательство «Письмена» просуществовало до 1998 г.

Самым известным уставным издательством, созданным писательской организацией, стал Издательский дом «Горница», основанный в марте 1995 г. группой членов Новосибирского отделения СП России во главе с известным писателем М.Н. Щукиным. Первым и главным проектом Издательского дома стал богато иллюстрированный литературный и историко-краеведческий журнал «Горница», наладивший (что немаловажно) регулярный выход и сразу привлечший внимание сибирской общественности⁷. Кроме журнала, ИД «Горница» издавал книги произведений местных писателей и краеведов (А.И. Плитченко, А.В. Никулькова, И.Ф. Цыплакова, Г.Н. Падерина, Н.А. Александрова и др.). В серии «Будаговская библиотека»⁸ публиковались солидные сборники документов и воспоминаний, монографии по истории Западной Сибири и Новониколаевска. Большая часть этих изданий оплачивалась из местных бюджетов и привлеченных средств, учредителем журнала являлся также Литературный фонд СП России. В первый состав работников издательства, кроме главного редактора журнала М.Н. Щукина, входили О.Н. Сانبельгина, Н.И. Овечкина, Е.А. Плитченко, Н.А. Устиновская. В 1999 г. Издательский дом и журнал были переименованы в «Сибирскую горницу». Журнал прекратил существование в 2004 г. (выходили только единичные тематические выпуски, оплаченные заказчиками), зато репертуар книжной продукции продолжал расширяться. В начале XXI в. в издании «Сибирской горницы» выходило ежегодно до 15 названий книг, стал выпускаться журнал детского и юношеского творчества «Отчий мир». «Сибирская горница» до сих пор является крупным предприятием на местном издательском рынке.

В 2000-х гг. издательская деятельность всех без исключения писательских союзов на востоке страны – от Тюмени до Камчатки – заметно оживляется. Писательское книгоиздание развивается по нескольким направлениям. Во-первых, все писательские союзы после отмены в 2002 г. обязательного лицензирования издательской деятельности объявили себя

⁶ Румянцев А. Иркутские «Письмена»: Беседа с рук. Иркут. изд-ва «Письмена» А. Румянцевым (Вел.К. Житов) // Восточно-Сибирская правда. 1993. 20 апр.

⁷ Падерин Г. Здравствуй, «Горница»! Вышел в свет первый номер журнала для семейного чтения // Вечерний Новосибирск. 1995. 3 мая. С. 4.

⁸ Название серии дано в честь инженера-железнодорожника Г.М. Будагова – одного из первостроителей Новониколаевска и начинателя местной культуры.

⁵ Картун С. Добрый свет «Зеленой лампы» / С. Картун // Восточно-Сибирская правда. 2004. 31 янв. С. 13; Филиппова В. Когда слово равно поступку // Восточно-Сибирская правда. 2004. 25 дек. С. 12.

издающими организациями и ввели это положение в свои уставы. Тем самым они обрели право на редакционную подготовку и издание заказной литературы, а значит, и на источник некоторого дохода. Во-вторых, широкое распространение получила практика выпуска книг редакциями литературных писательских журналов. Старейший журнал «Сибирские огни» замыслил книжные приложения к своим номерам еще в конце 1980-х гг. Реальностью такая перспектива стала лишь 15 лет спустя. Начав получать стабильное финансирование, «Сибирские огни» с 2003 г. вновь стали ежемесячным журналом (до этого выходило 6 номеров в год)⁹. Стали появляться книги как приложения к отдельным номерам журнала, выходить сборники художественных произведений и хрестоматии по литературе для школ, издателем которых указывались редакция журнала и Фонд «Сибирские огни». В начале 2010-х гг. выпускается книжная серия «Поэтическое приложение к журналу “Сибирские огни”».

Тем же путем идут редакции других литературных журналов и альманахов. В первой половине 1990-х гг. издание книжного (брошюрного) приложения к журналу являлось редким исключением и мотивировалось в основном идейными побуждениями. Выпуск книг-приложений анонсировал выходивший в Улан-Удэ журнал «Собор» – орган православно-патриотического общества «Спасение». Национал-патриотические книги и брошюры своих литераторов издавал иркутский журнал «Сибирь», который обзавелся с 1998 г. Издательским центром журнала «Сибирь». На рубеже XX и XXI в. в этом центре уже выходило, помимо «идейной» литературы, немалое количество обычных заказных произведений.

В последние годы XX в. отдельные книги, а с конца «нулевых» годов регулярные приложения к своим номерам начинают выпускать красноярский журнал «День и ночь» – наиболее известное в сегодняшней России сибирское литературное издание, выпестованное В.П. Астафьевым и Р.Х. Солнцевым. В 2003 г. появляются первые книги из серии «Библиотека журнала “Алтай”» и почти одновременно в Кемерово начинает выходить «Библиотека журнала “Огни Кузбасса”». Редакции многих писательских журналов поощряют молодых авторов, устраивая для них творческие конкурсы. В 2012 г., например, состоялись литературные конкурсы, объявленные журналом Забайкальского отделения СП России «Слово Забайкалья» (под названием «Новая литература Забайкалья»), а также иркутским журналом для детей «Сибирячок» и литературно-художественным альманахом для юношества «Первоцвет» под девизом «Встречь солнцу».

В начале XXI в. увеличиваются дотации региональных властей местным отделениям творческих союзов, растут и издательские расходы писателей. Появляется еще одна, самая простая форма поддержки писательского книгоиздания: создаются областные

(краевые) издательства отделений СП России, деятельность которых напрямую финансируется из местных бюджетов. Часть издаваемой здесь литературы (не заказной) проходит через «сито» рецензентов и обсуждений писательского союза и утверждается им к печати. Некоторое количество рукописей получает целевую поддержку, выигрывая областные конкурсы и губернаторские гранты, а также проходя через региональные комиссии по финансированию краевой и краеведческой литературы.

Первыми на этот путь вступили кемеровские литераторы. Возрождение писательского книгоиздания началось здесь в 2000 г., когда с помощью областных властей удалось восстановить регулярный выход альманаха «Огни Кузбасса», уже замолкавшего на долгие годы [3, с. 213]. С 2004 г. по решению Союза писателей Кузбасса альманах «Огни Кузбасса» стал ежеквартальным журналом [4], через несколько лет его периодичность достигла шести номеров в год.

В 2002 г. при СП Кузбасса было создано издательство «Сибирский писатель», финансируемое из областных средств. В середине «нулевых» годов XXI в. развернули деятельность аналогичные издательства – «Красноярский писатель» и «Иркутский писатель» (последнее было организовано еще в 1999 г. на месте издательства «Письмена»).

Примерно таким же способом, с небольшими различиями, осуществлялась оплата издательских расходов Новосибирского отделения Союза писателей России. В 2001 г. писательская организация начала выпускать литературный журнал «Новосибирск», периодичность которого доходила до четырех номеров в год. Был создан Редакционно-издательский центр «Новосибирск» при Новосибирском отделении СП России, занимавшийся, кроме журнала, изданием малотиражных книг, преимущественно произведений членов отделения. В печатной продукции РИЦ «Новосибирск» имелось немало заказных изданий, однако наиболее престижные книги авторитетных писателей печатались при поддержке областного правительства. С середины «нулевых» годов РИЦ запустил в производство большую книжную серию «Сибирская проза. Век двадцатый – век двадцать первый». В 2012 г. из печати вышел 18-й том серии. Периодически выпускались книги и в другой серии – «Библиотека для семейного чтения». Издательства при отделениях СП России фактически воспроизвели в начале XXI в. старую схему прохождения рукописей литературных произведений через аппарат творческого союза с последующим выделением финансовых лимитов на их издание.

Новым явлением литературно-художественного книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке стало возникновение в постсоветских условиях большого количества издательских структур, созданных самостоятельными литературными объединениями. На рубеже веков существовали десятки региональных непрофессиональных и полупрофессиональных организаций литераторов, выпускавших чаще всего журналы и коллективные сборники произведений своих

⁹ Яранцев В. Возвращение ежесеместника // Сов. Сибирь. 2003. 30 апр. С. 7.

членов. В Новосибирске такую литературу издавала поэтическая студия «Бригантина», в Хабаровске – литературное объединение «Метаморфозы», в Красноярске – литературное объединение «Диалог» и т. п. К концу первого десятилетия XXI в. во многих крупных городах Сибири имелось по два–три объединения, выпускавших свою печатную продукцию. В Красноярске, например, действовали литературные объединения: «Парнас», издававшее коллективные сборники стихов; «Истоки», выпускавшее одноименный журнал (к 2008 г. вышло 12 номеров) и книги самодельных авторов журнала. Осенью 2006 г. в городе появилось самодельное творческое объединение «Часовенка», соединившее усилия красноярских студий «Диалог» и «Русло», а также литераторов-одиночек из среды как опытных, так и начинающих поэтов. С помощью регионального отделения Петровской Академии наук и искусств объединение начало издавать литературный альманах «Часовенка» (в 2009 г. вышел его восьмой выпуск) и серию авторских книг «Народный поэт». С июня 2005 г. журнал «Самиздат – Дальний Восток» издается группой самодельных литераторов Владивостока.

Самым крупным издательским проектом самодельных литературных объединений России является новокузнецкое издательство «Союз писателей», выпускающее объемный ежемесячный журнал под тем же названием, два других журнала («Страна Озарения» и «ЛитОгранка»), пять ежеквартальных альманахов, а также до двух десятков книг ежегодно. Издательство реализует замыслы Международного союза творческих сил «Озарение», центр которого находится в Новокузнецке.

Об истории воплощения в жизнь этого общественного литературного проекта поведал директор издательства и главный редактор журнала «Союз писателей» Д.А. Суховейко [5]. По его словам, в основе всего первоначально находился поэтический клуб районного масштаба в Новокузнецке, руководимый поэтессой И.И. Малковой. К работе клуба присоединились авторы из других городов Кузбасса. С самого начала (2000 г.) клуб выпускал свое печатное издание – ежеквартальный альманах «Озарение», который затем превратился в ежемесячный журнал «Страна Озарение». Основная идея И.И. Малковой состояла в том, чтобы предоставить возможность реализовать свои творческие задатки максимальному количеству «литературных» людей, которых очень много в стране и мире, но которые в силу стесненных материальных обстоятельств и отсутствия должной писательской подготовки не могут материализовать свое творчество в форме книги или произведения в литературном журнале. Организаторские способности и энергия И.И. Малковой позволили найти с помощью Интернета сотни единомышленников по всему миру и свыше десятка родственных организаций во многих городах России. Координаторами Союза творческих сил «Озарение», приобретшего статус международного, стали литературные объединения и студии в Кемерово («Род-

ники Сибири»), Тюмени («Радуга»), Санкт-Петербурге («Невский проспект»), Оренбурге, Анапе, Пятигорске, Ставрополе, Чебоксарах, Ярославле и других городах [6].

В 2010 г. была сформирована новая структура организации Союза и приняты его принципы, согласно которым члены Союза получали право на бесплатное издание сборника своих произведений «в порядке очередности либо вне очереди, по решению правления МСТС» [6, с. 2]. Для осуществления этой программы в феврале 2011 г. было создано аффилированное с организацией издательство «Союз писателей», выпустившее пробный номер одноименного журнала. 22 марта 2012 г. журнал «Союз писателей» был зарегистрирован в Роскомнадзоре и стал выходить как ежемесячное издание, параллельно с прежним журналом «Страна Озарение». Уже через год издательством, кроме двух журналов, выпускались ежеквартальные альманахи «От имени любви» (публикация лирических произведений самодельных авторов), «Откровение» (философские произведения), «Восторг души» (произведения о природе и родном крае), «Новые сказки» (полноцветное издание для детей), «Вне формата» (артпоэзия), ежеквартальный журнал «ЛитОгранка» (первые произведения начинающих авторов) [7].

Финансовая база под эти проекты формировалась из нескольких источников. Прежде всего журналы и альманахи строились на принципе самофинансирования, публикации в них принимались на платной основе. Платным являлось также издание книг авторов – не членов МСТС «Озарение». В 2012 г. издательство открыло свой интернет-магазин «Планета книг». Важнейшим источником средств для МСТС и издательства стал созданный в ноябре 2011 г. фонд авторской поддержки «Меценат», основной целью которого являлась помощь начинающим литературным талантам. Основатель и президент фонда «Меценат» С. Антипов – предприниматель и поэт, член Союза писателей России, а также его заместитель А. Назаров вступили в члены МСТС и приняли активное участие в решении его задач. С. Антипов сблизился, а затем стал участником этого литературного движения, поскольку он сам, по его словам, искал варианты поддержки даровитых непрофессиональных писателей [8]. Но речь шла не только о материальной помощи, но и об организации профессионального отбора лучших произведений для издания, об учебе авторского актива. Издательство и журнал «Союз писателей» стали проводить регулярные литературные конкурсы, главным призом которых являлось бесплатное издание книги произведений победителя. За 2012 и начало 2013 г. таких конкурсов состоялось шесть. Само участие в конкурсе становилось для начинающих писателей хорошей школой литературного мастерства, поскольку, по выражению одного из экспертов, «“союзники” ведут автора к его книге через очень серьезное, профессиональное обсуждение, через строй достойных соперников и будущих друзей» [9]. Экспертный совет

из квалифицированных специалистов – писателей, критиков – был создан при фонде «Меценат», в его задачи входило отбирать «талантливых авторов на сайте [издательства] и по итогам конкурсов» [8]. Результатом конкурсов и работы экспертов явилось ежемесячное издание двух–трех книг победителей за счет фонда [10]. В 2015–2016 гг. издательство «Союз писателей» запустило в работу книжные серии «Библиотека современной прозы» (к марту 2016 г. вышло 11 томов) и «Сказки-раскраски» для юных читателей.

Издательская деятельность литературных организаций Сибири и Дальнего Востока далеко не исчерпывается приведенными примерами и названиями издательств. Современное литературное движение, захватывая в свой поток широкие слои любителей слова, формирует новые потребности и ожидания, ведет к постоянной диверсификации издательского рынка художественной литературы. Разговор о ее издателях не закончен, за очередным поворотом нас ждут новые решения и организационные находки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русаков Э. Где вы, братья писатели // Успешный край. 2012. № 2(4). С. 86–87.
2. Лейфер А. «Твой Толька...»: Попытка портрета // Складчина. Избранное. 1995–2012. Омск, 2012. Кн. 2. С. 50–73.
3. Самойленко С. То погаснут, то потухнут // Сибирские огни. 2000. № 6. С. 213–214.
4. Литературная жизнь // Огни Кузбасса. 2004. № 1. С. 168.
5. Суховейко Д. Мечты сбываются! // Союз писателей. 2012. № 3. С. 2–3.

6. Координаторы Международного союза творческих сил «Озарение» // Союз писателей. 2015. № 7/8. С. 2; 2016. № 3. С. 2.
7. Приглашаем к сотрудничеству авторов // Союз писателей. 2012. № 3. С. 124.
8. Антипов С. Обращение президента фонда «Меценат» // Союз писателей. 2012. № 3. С. 4.
9. Панов П. «Союзники» // Союз писателей. 2012. № 3. С. 5.
10. Книги, выпущенные по программе поддержки авторов фондом «Меценат» // ЛитОгранка. 2012. Вып. 5. С. 120.

REFERENCES

1. Rusakov E. Where are you, brothers-writers? *Uspeshnyy kraj*. 2012, no. 2(4), pp. 86–87. (In Russ.)
2. Leifer A. «Yours Tol'ka...»: An attempt of a portrait. *Skladchina. Izbrannoe*. 1995–2012. Omsk, 2012, vol. 2, pp. 50–73. (In Russ.)
3. Samojlenko S. It goes out, it goes out. *Sibirskie ogni*. 2000, no. 6, pp. 213–214. (In Russ.)
4. Literaty life. *Ogni Kuzbassa*. 2004, no. 1, p. 168. (In Russ.)
5. Suhovejko D. The dreams come true! *Sojuz pisatelej*. 2012, no. 3, pp. 2–3. (In Russ.)
6. Coordinators of International Union of creative forces «Ozarenie». *Sojuz pisatelej*. 2015, no. 7/8, p. 2; 2016, no. 3, p. 2. (In Russ.)
7. We invite authors for cooperation. *Sojuz pisatelej*. 2012, no. 3, p. 124. (In Russ.)
8. Antipov S. The message of the fond «Metsenat» president. *Sojuz pisatelej*. 2012, no. 3, p. 4. (In Russ.)
9. Panov P. «Sojuzniki». *Sojuz pisatelej*. 2012, no. 3, p. 5. (In Russ.)
10. Books, published according to the fond «Metsenat» programme of authors support. *LitOgranka*. 2012, issue 5, p. 120. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 22.05.2017

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20170315
УДК 94 (571.1) "1850/1879"

П.П. РУМЯНЦЕВ

ЖАНДАРМСКАЯ ОТЧЕТНОСТЬ 1850–1870-х гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Томский государственный университет,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина 36

В статье в качестве самостоятельного исторического источника рассматривается отчетность жандармских штаб-офицеров о развитии частной золотопромышленности в Западной Сибири в 1850–1870-е гг. Приводится краткая история учреждения должности жандармских штаб-офицеров, следивших за состоянием сибирской золотопромышленности. Анализируется информация, содержащаяся в ежегодных отчетах жандармов о различных сторонах процесса золотодобычи, особенно сведения о происшествиях, преступлениях, нарушениях законодательства и т.п. Делается вывод о значимости такого исторического источника, достоверности информации, содержащейся в отчетах жандармских штаб-офицеров и об уровне эффективности жандармского надзора над частной золотопромышленностью в регионе.

Ключевые слова: золотопромышленность, прииски, Западная Сибирь, XIX в., жандармы, штаб-офицер, надзор, годовой отчет, генерал-губернатор.

P.P. RUMYANTSEV

GENDARME REPORTS OF THE 1850s–1870s AS A SOURCE FOR STUDYING THE DEVELOPMENT OF GOLD MINING IN WESTERN SIBERIA

Tomsk State University,
Russia, 634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

The article objective is to consider annual reports of gendarme staff officers on the private gold mining development in West Siberia in 1840–70s as an independent historical source. The article goals are the following: a comprehensive analysis of the information contained in annual reports of gendarmes on various aspects of gold mining process, especially information on accidents, crimes, law violations, etc.; making conclusions on the gendarme report importance as an independent historical source, primarily on the history of the gold mining in the specified time. Comparative historical analysis is the main research method. The author revealed that the gendarme staff officers' attention was focused primarily on various kinds of incidents and violations on the gold mines in Siberia. It should be noted that gendarmes did not depend on local administration, and were directly subordinated to the heads of gendarmerie districts and governors-general, that could indicate the objectivity of information contained in their reports. The next conclusion is that the arguments of the gendarme staff officers on the gold mining state and their proposals to improve workers' conditions confirmed that they were rather qualified in all these matters. Another conclusion is about sufficiently high level of efficiency of the gendarme surveillance in private gold mining: the Governor-General of West Siberia as the highest executive power in the region and the person, to whom the

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-01018.

Петр Петрович Румянцев – канд. ист. наук, доцент, Томский государственный университет, e-mail: petroom@mail.ru.
Peter P. Rumyantsev – Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Tomsk State University.

gendarme's reports on the state of gold mining were addressed, gave orders to the governors on the necessity to adjust cases of violation and abuse revealed by gendarmes. In turn, the governors reported on the work done. Summarizing the research, the author claims that due to the lack of reliable sources on the history of gold mining development in Siberia in the mid XIX century, gendarme reports contribute to closing this gap in some way. Therefore, gendarme reports should attract more attention from scientists.

Key words: gold mining, mines, West Siberia, XIX century, gendarmes, staff officer, surveillance, annual report, Governor-General.

Деятельность жандармских штаб-офицеров вызывает большой интерес у современных историков. Помимо участия жандармов в борьбе официальной власти с освободительно-революционным движением исследователи обращали внимание на выполнение жандармскими штаб-офицерами таких функций, как контроль за местной исполнительной властью, выполнение жандармами различных полицейских функций, присутствие в качестве комендантов на ярмарках, наблюдение за рекрутским наборами и др. [1, с. 147–210; 2, 3; 4, с. 180–202]. Однако до недавнего времени исследователями практически не поднимался вопрос об осуществлении жандармами надзора за промышленным сектором экономики, в том числе за частной золотопромышленностью в Сибири, с момента появления и на долгое время ставшей ключевой отраслью в структуре местного хозяйства. При этом в региональных и центральных государственных архивах отложились отчетная документация жандармов о состоянии золотого промысла в крае, проливающая свет на различные стороны процесса золотодобычи.

Об отчетности жандармских штаб-офицеров как источнике по истории развития золотопромышленности и положении приисковых рабочих отечественными специалистами уже говорилось [5]. Однако исследователи только в последнее время стали обращать внимание на деятельность жандармских штаб-офицеров, следивших как за развитием частной золотопромышленности в Сибири, так и за положением приисковых рабочих и произошедшими на золотых промыслах происшествиями [6, 7]. Научные исследования в этом направлении помогут расширить знания о профессиональной деятельности жандармов в XIX в., о месте жандармов в системе государственного надзора за развитием промышленности и положением рабочего класса, о степени эффективности такого надзора.

Значимость жандармской отчетности по истории развития золотопромышленности заключается в следующем. В первые десятилетия возникновения и деятельности золотого промысла на сибирских землях не существовало налаженной системы отчетности со стороны чиновников горного ведомства. Только в 1888 г. в связи с разделением зауральского региона на Томское и Иркутское горные управления, в каждом из которых насчитывалось сначала по шесть горных округов, налаживается систематическая отчетность со стороны начальников горных округов – окружных горных инженеров. До этого же времени отчеты о золотопромышленности носили несистематический характер и были большой редкостью. По этой причине жандармские отчеты могут восполнить дефицит информации о развитии золотого промысла в регионе. К тому

же наблюдавшие за состоянием частной золотопромышленности жандармские штаб-офицеры не зависели от золотопромышленников, в отличие от горно-полицейских исправников, которые, по многочисленным свидетельствам, находились на прямом содержании у владельцев золотых промыслов и их управляющих и получали от них ежегодную «мзду» за то, чтобы горные исправники закрывали глаза на какие-либо нарушения законодательства.

Жандармский надзор на частных золотых промыслах появился как прямой ответ на целую серию волнений приисковых рабочих, произошедших на рубеже 1830–1840-х гг. Сначала по указу Николая I была учреждена должность жандармского штаб-офицера на частных золотых приисках в Западной Сибири – в 1841 г., а в следующем году по такому же указу – в Восточной Сибири [8, с. 138]. Наблюдавшие за развитием золотопромышленности в Западной и Восточной Сибири жандармские штаб-офицеры в зимнее время года должны были находиться в Томске и в Иркутске или Красноярске соответственно. В период с 1 марта по 1 октября они должны были постоянно присутствовать на приисках. По утвержденной инструкции жандармскому штаб-офицеру вменялось наблюдать за всем, что происходит на приисках, фиксировать разного рода происшествия, но при этом категорически запрещалось напрямую вмешиваться в происходившие события. Офицер должен был в течение лета объезжать промыслы, принимать жалобы, прошения от рабочих и владельцев предприятий и в пределах своей компетенции разбирать их. Обо всех произошедших беспорядках и волнениях офицеры жандармского корпуса обязывались докладывать местной полиции и начальству, а об особо важных доносить генерал-губернатору. Также в конце каждого года они должны были подробно сообщать обо всех действиях на промыслах генерал-губернатору Западной или Восточной Сибири, в зависимости от того, где располагались промыслы, а также начальнику Сибирского жандармского округа¹.

Механизм взаимодействия между жандармами и высшей исполнительной властью выглядел следующим образом. Жандармские отчеты направлялись напрямую генерал-губернатору Западной Сибири, который после их прочтения отдавал распоряжения губернской власти реагировать на выявленные жандармами замечания. Как следует из делопроизводственной документации, местную исполнительную власть интересовала в первую очередь информация

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 712. Оп. 1. Д. 945. Л. 56–59; Государственный исторический архив Омской области (ГИАО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2017. Л. 2–5.

о происшествиях, злоупотреблениях, нарушениях законодательства, а уж потом – статистические данные о добыче золота.

В статье речь идет именно о такой отчетности жандармских штаб-офицеров на примере донесений жандармов, наблюдавших за развитием частной золотопромышленности в Западной Сибири. Тем самым задача исследования представляется во всестороннем изучении отчетной документации жандармских штаб-офицеров как источника по истории развития золотопромышленности Сибири. Материалами послужат жандармские отчеты, которые находятся на хранении в ф. 3 – Главное управление Западной Сибири Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО).

Одним из первых отчетов жандармских штаб-офицеров о состоянии золотопромышленности в Западной Сибири можно считать отчета капитана Мишо «О наблюдениях за производством работ на частных золотых промыслах в Томской губернии», написанный в 1834 г., т.е. на заре золотопромышленности на сибирских землях. В своем отчете жандармский штаб-офицер привел информацию о количестве золотых приисков и отведенных площадей золотопромышленников Асташева, Баландина, Мясникова и других, рабочей силы, о размере заработной платы, количестве добытого золота, общих тратах на производство работ, о местной полиции, наблюдавшей за золотыми приисками, основных происшествиях на промыслах². Таким образом, жандармский штаб-офицер обратил внимание на основные стороны процесса золотодобычи, которые впоследствии найдут отражение в жандармских отчетах, после учреждения должности жандармского штаб-офицера, наблюдавшего за состоянием частной золотопромышленности в Западной Сибири.

В 1840–1850-е гг. отчеты составлял полковник, впоследствии генерал-майор, Пономарев. Свои отчеты он начинал со статистической информации о количестве промытых песков, добытом золоте, рабочей команде и местах выхода рабочих. Далее следовала информация о технической стороне процесса золотодобычи, технических новшествах и совершенствованиях. Затем приводились сведения о полицейской страже на приисках, о ее действиях, особенно при поимке беглых рабочих, с указанием числа пойманных. Значительное место в отчетах отводилось информации о состоянии врачебной части на промыслах, количестве заболевших и выздоровевших рабочих, количестве смертей, а также об основных болезнях. Подробное внимание в отчетах обращалось на злоупотребления и нарушения статей действующего законодательства со стороны золотопромышленников, их доверенных лиц или управляющих. Например, в отчете за 1849 г. Пономарев указывал, что на прииске Палагеевском компании коллежского асессора Роникина рабочие часто не получали говядины в нарушении условий, прописанных в их контрактах. В отчете за 1854 г. этот же

жандармский штаб-офицер доносил, что на некоторых приисках в силу отсутствия денег к концу промысловой операции приисковая администрация выдавала рабочим квитанции, из которых было не ясно – получают ли они деньги или нет³.

Следует отметить, что реакция адресата отчетов, генерал-губернатора Западной Сибири, на выявленные жандармами злоупотребления и нарушения следовала незамедлительно. Так, на отчет Пономарева за 1849 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков отреагировал следующим образом. Перечислив выявленные жандармом нарушения, он отдал распоряжение томскому гражданскому губернатору о следующем: 1) чтобы горный ревизор следил за всеми горными округами в Томской губернии; 2) чтобы на прииске Палагеевском компании коллежского асессора Роникина выдавалось качественное продовольствие; 3) чтобы на прииске компании Рязановых рабочие были удовлетворены платою немедленно; 4) предотвратить случаи, когда с рабочих местные волостные правления требуют уплаты податей в кратных размерах, чтобы рабочие больше не жаловались по этому поводу Пономареву⁴.

6 ноября 1850 г. Томское губернское правление донесло томскому гражданскому губернатору, что приняло распоряжение о предотвращении в будущем тех беспорядков, которые указаны в отчете Пономарева. Так, правление 18 января 1850 г. предписало всем волостным правлениям Томского, Каинского, Кузнецкого и Бийского округов, чтобы они не допускали у себя случаев сбора с рабочих больших податей, надзор за этим возлагался на земские суды. Томскому, каинскому, кузнецкому, бийскому и горному исправнику Тимофееву вменялось наблюдать, чтобы рабочие получали пищу и жалованье согласно контрактам. Тимофееву также «велено вменить управляющим золотыми промыслами Томского округа, чтобы они на будущее время подобных беспорядков отнюдь не осмеливались допускать под опасением взыскания по закону»⁵.

Интересно отметить достаточно высокую компетенцию самого Пономарева в вопросах золотопромышленности. В своих отчетах он не только фиксировал случаи нарушений, злоупотреблений и приводил количественные данные о состоянии промысла. Часто он рассуждал о причинах кризисных явлений в золотопромышленной сфере в Западной Сибири, например, о снижении уровня добычи золота, давал оценку действиям золотопромышленников, а также высказывал свое мнение по поводу улучшения укоренившихся порядков в золотодобыче. Для предотвращения случаев выдачи рабочим квитанций вместо денег (что сопровождалось недовольством со стороны последних) Пономарев предлагал обязать всех владельцев золотопромышленных предприятий заблаговременно высылать доверенным и управляющим на промыслы деньги для расчета с рабочими при окончании работ, о чем

³ Там же. Д. 3783. Л. 3 об.; Оп. 12. Д. 17770. Л. 5.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 17770. Л. 16–17.

⁵ Там же. Л. 20–20 об.

² ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3238. Л. 273–290.

они должны были бы предоставлять сведения горному исправнику не позднее 1 сентября; «а ему вменить в строгую обязанность при случае недоставления к означенному сроку кем-либо на свои промыслы денег, тотчас донести губернскому начальству, которое разрешит немедленно отправлять на промыслы потребное количество денег по исчислению горного исправника из сумм приказа Общественного призрения или Алтайского горного правления на счет возврата из денег, причитающихся за выработанное золото с положенными процентами и с пополнением всех издержек, употребляемых при пересылке денег на счет виновных золотопромышленников»⁶.

В 1860-е гг. структура и характер жандармской отчетности не изменились. Как и раньше, жандармские штаб-офицеры по установленной форме доносили о состоянии золотопромышленности и выявленных ими случаях нарушений и злоупотреблений со стороны владельцев золотых промыслов. Одной из особенностей этого периода является то, что в них отсутствуют сведения о крупных волнениях со стороны приисковых рабочих. Из отчетов следует, что случаи недовольства рабочих разрешались мирным образом — путем внушения, разъяснения со стороны администрации золотых промыслов. Так, в отчете за 1862 г., составленном поручиком Афанасьевым, сообщалось, что на Шалтырском прииске, арендуемом Цыбульским, и на Кундато-Бурлеевском прииске компании Гласкова и Рябкова рабочие выражали свое недовольство условиями труда и отказывались продолжать работать при таких условиях, «но при благоразумном внушении и растолковании им контрактных обязанностей и совершенном убеждении их в неосновательности выраженных ими недоумений, они, не доводя дела до принятия каких-либо решительных мер, с полной покорностью тотчас же начали продолжать работы»⁷. При прочтении этих строк может возникнуть впечатление о патриархальном характере царивших отношений на золотопромышленных предприятиях, или же штаб-офицеры сообщали не все сведения о происшествиях, замалчивая в угоду золотопромышленникам нежелательную информацию, возможно, получая за это денежную компенсацию.

Вероятно, так и было, особенно, если учесть, что автор приведенного отчета был всего лишь поручиком, еще молодым и не обладавшим достаточным жизненным и профессиональным опытом. Однако это единственный случай. Данные отчеты составлял уже более опытный жандармский штаб-офицер — майор, затем ставший подполковником, Кретковский. В его отчетах содержится более развернутая информация о состоянии и положении дел на частных золотых промыслах в Западной Сибири, в том числе описаны случаи злоупотребления. Например, в отчете за 1866 г. он указывал на произвол при составлении контрактов с рабочими: «Контракты нанимателей

с рабочими заключаются по прежнему произвольно вне всякого со стороны чей-либо из правительственных лиц наблюдения с обременительными весьма для людей условиями, так что на стороне золотопромышленника предусматривается все к обеспечению непрерывной работы закабаленного большими задатками рабочего, а на стороне последнего ничего нет, даже права жалобы, потому что условие найма им подписано. Контракты эти обыкновенно свидетельствуются в волостном правлении, которому при этом очевидно, как тяжкие условия найма, так и значительные выдачи рабочему в задаток денег, но они не обращают внимания, свидетельствуют лишь в подлинности рукоприкладство наемщиков и получение ими означенных денег. Для предупреждения сего было бы полезно[,] дабы все заключаемые золотопромышленниками с рабочими контракты свидетельствовали, если не судебным местом, то хотя бы горным исправником, внушив ему строгую обязанность при рассмотрении условий наблюдать взаимные в промышленности сей удобства»⁸.

Приведенные выше предложения жандармских штаб-офицеров об улучшении положения приисковых рабочих вряд ли могут свидетельствовать об искреннем желании жандармов защищать интересы рабочего класса от произвола со стороны предпринимателей и их управляющих. Скорее всего, в этом можно увидеть стремление через улучшение правового и экономического положения рабочих уменьшить количество их протестов, волнений. Однако и эта позиция являлась существенным прорывом в отношении к рабочему классу.

Об объективности изложения Кретковским может свидетельствовать тот факт, что в своих отчетах он не только отмечал нарушения со стороны владельцев приисков и тех, кто был задействован в самом процессе золотодобычи, но и доносил о проступках горно-полицейской стражи, т.е. лиц, отвечавших за соблюдение порядка на золотых промыслах. В этом же отчете он отмечал, что часть казаков замечена в пьянстве, в том числе их командир — есаул Русинов⁹. Генерал-губернатор Западной Сибири высоко оценивал донесения этого жандармского штаб-офицера, в своем распоряжении от 23 июня 1867 г. томскому гражданскому губернатору он указал, чтобы выявленные Кретковским случаи произвола при составлении контрактов должны быть изучены томским губернатором, после чего необходимо составить такую форму контракта, чтобы в дальнейшем рабочие могли оградить себя от произвола нанимателей¹⁰. В другом распоряжении от того же числа, адресованном наказному атаману Сибирского казачьего войска, он писал: «Поведение казаков на промыслах в 1866 г. не только не улучшилось, но из полученных мною от штаб-офицера корпуса жандармов отчета видно, что казаки

⁶ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3783. Л. 3 об.—4.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 5490а. Л. 4.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 7832. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 6 об.

¹⁰ Там же. Л. 22 об.

по-прежнему пьянствовали и даже командир отряда есаул Русинов не отличается трезвостью поведения». Далее он просит принять меры по искоренению пьянства среди казаков¹¹.

В отчетах о состоянии золотопромышленности в 1870-е гг. жандармские штаб-офицеры также фиксировали различную информацию. Структура таких отчетов выглядела следующим образом: число промыслов и количество добытого на них золота; число рабочих, количество продовольствия и размер платы им; санитарная часть; смертность; происшествия; надзор на промыслах; техническая часть; бродяжничество; ввоз на прииски вина; пути сообщения; приисковые церкви; выход с приисков рабочих. После этой части в качестве приложения шла «Ведомость о действиях частных золотых промыслов, состоящих в Томской губернии в Мариинском и Алтайском округах», где по каждому прииску приводилась информация о промытом песке, добытом золоте, среднем содержании золота в 100 пуд. земли, числе промывальных машин и о том, какую следует взыскать подать с добытого золота по каждому прииску.

Жандармские отчеты позволяют узнать об одной из наиболее слабо освещенных сторон жизни на приисках XIX в. — о состоянии медицинской помощи, болезнях, от которых страдало приисковое население, количестве смертных случаев. Жандармские штаб-офицеры фиксировали все как подвижные, так и передвижные лазареты, сообщали имена медицинского персонала, отвечающего за лечение больных и пострадавших рабочих, качество медикаментов, количество больных, поправившихся и умерших рабочих за указанный период, случаи эпидемических болезней. Так, в отчете начальника Томского губернского жандармского управления о частной золотопромышленности в Томской губернии за 1873 г. указано, что на Ольгинском прииске купца Бекчурова, арендуемом купцом Каминером, произошла эпидемия тифа, «совершенно неожиданно и вдруг похитивши: управляющего прииском, двух человек из рабочих и двух из домашней золотопромышленника прислуги, но быстрыми медико-полицейскими мерами зараза эта прекращена и по произведенному исследованию происхождение ее обуславливалось атмосферическими влияниями вследствие ранней и продолжительной весенней сырой погоды»¹².

Из выявленной нами производственной переписки 1870-х гг. следует, что жандармские штаб-офицеры основны́е сведения о состоянии золотопромышленности брали из отчетов горных ревизоров — о количестве промытого песка, добытого золота, рабочей силы на приисках. Ежегодно жандармские штаб-офицеры выходили на горных ревизоров с отношением об отправке им этой информации, объясняя такую потребность тем, что данные сведения войдут в отчет о состоянии местной золотопромышленности, ежегодно отправляемый генерал-губернатору Западной Сибири. Однако в отчетах

горных ревизоров не содержалось информации о происшествиях, нарушениях, злоупотреблениях и т.п.¹³ Тем самым можно сделать вывод, что такого рода сведения жандармские штаб-офицеры черпали из своих источников, а также из личных наблюдениях, посещая места золотых промыслов, как того требовала должностная инструкция. Все это подтверждает довольно высокий уровень информированности офицеров о событиях, происходивших на золотых приисках.

Приведем один факт, который свидетельствует о том, что генерал-губернатор Западной Сибири внимательно читал жандармскую отчетность о состоянии золотопромышленности в крае. Так, в отчете Александрова, начальника Томского губернского жандармского управления, о частной золотопромышленности в Томской губернии за 1876 г. указано неверное количество добытого золота. Об этом сообщал гражданский губернатор Томской губернии, ссылаясь на отчет горного исправника. Из текущей переписки также следует, что генерал-губернатору Западной Сибири были не понятны некоторые фразы из жандармского отчета. На все эти замечания Александров ответил следующим образом: «... неверный цифровой вывод о добытом золотосодержащем песке и пропуск подразделения добытого количества золота в Мариинском и Алтайском округах, произошел по моей ошибке, [о чем я] доносил г. Начальнику Сибирского жандармского округа. <...> В заключении имею честь доложить Вашему превосходительству, что выражение мое в отчете “до своих жилищ” в статье “выход с приисков рабочих” основано было на словах исправника в отчете его и в той же статье “они сопровождалась до жилых мест”, следовательно, до мест, где живут[,] и поэтому я допустил вышеназванное выражение»¹⁴. Из прочитанного напрашивается вывод о необходимости сравнения информации жандармских отчетов со сведениями из отчетов других должностных лиц, например горных исправников. Однако рамки данной статьи не позволяют провести такую работу, вместе с тем такой анализ может быть предметом будущих исследований по данной тематике.

Из отчетов жандармов можно увидеть, что их осведомленность об описываемых событиях строилась на постоянных личных поездках по золотым промыслам, как того требовала от них инструкция (о чем уже говорилось). Так, в отчете за 1877 г. начальник Томского губернского жандармского управления Александров писал, что, несмотря на свою болезнь, он не смог посетить летом большое количество приисков, но им были приняты необходимые меры, чтобы быть в курсе всех дел, происходящих на промыслах¹⁵. Для разъездов жандармских штаб-офицеров по золотым приискам Западной Сибири Томская казенная палата ассигновала им ежегодно 500 руб.¹⁶.

¹³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 422. Оп. 1. Д. 24. Л. 131.

¹⁴ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15168. Л. 45 об.

¹⁵ Там же. Д. 15829. Л. 9.

¹⁶ Там же. Оп. 7. Д. 10438. Л. 3.

¹¹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7832. Л. 24–24 об.

¹² Там же. Оп. 8. Д. 12185. Л. 2 об.

Эффективность работы жандармских штаб-офицеров, наблюдавших за развитием золотопромышленности в Сибири, оценить непросто. Для этой оценки можно привести следующую информацию. В жандармском отчете за 1872 г. имеется отношение от генерал-губернатора Западной Сибири томскому гражданскому губернатору от 9 июня 1873 г. за № 525, где говорится: «Начальник Томского губернского жандармского управления представил мне ныне отчет по наблюдению его в минувшем 1872 г. за частными золотыми промыслами в Томской губернии. Усматривая из этого отчета, что прежних беспорядков и злоупотреблений, которые замечены были жандармскими штаб-офицерами в 1866–1869 гг. и по поводу которых предложениями от 18 апреля 1866 г. № 351, 23 июня и 24 сентября 1867 г. № 368 и 697, 26 марта 1868 г. № 269 и 17 марта 1869 № 276 требовались сведения от губернского начальства, ныне уже не существуют, я признал возможным не требовать более этих сведений, и потому приказал производящиеся по сему предмету в Главное Управление переписки [посчитать] конченными»¹⁷. Отсюда можно сделать вывод, что местная исполнительная власть пыталась устранять и в самом деле устраняла выявленные жандармскими штаб-офицерами разного рода злоупотребления и беспорядки на золотопромышленных предприятиях в Сибири.

Концом 1870-х гг. ограничиваются жандармские отчеты о состоянии золотопромышленности в Сибири. В последующие годы нами не выявлено ни одного отчета. Причины этого следует искать в том, что, начиная с 1870-х гг., жандармы переключают свое внимание в основном на общественно-политическую сферу, следят за общественным порядком, что было вызвано распространением народнических идей, развитием террора. Постепенно жандармское присутствие в золотопромышленной сфере сворачивается, подтверждением чему служит то, что в Уставе о частной золотопромышленности 1870 г. ничего не сказано о наличии жандармского надзора на приисках. Конечно, в 1880-е гг. встречаются сведения о наличии жандармов на приисках, но, как представляется, большого влияния они уже не имели.

В заключение отметим, что жандармская отчетность о состоянии золотопромышленности в Западной Сибири является важным самостоятельным источником о развитии данной отрасли производства в 1840–1870-е гг. По причине дефицита достоверных источников по истории развития золотого промысла на сибирских землях данного периода жандармские отчеты хоть в какой-то мере способствуют заполнению этого вакуума. Особенно это касается информации о разного рода происшествиях, нарушениях, злоупотреблениях и т.п. К тому же следует иметь в виду, что жандармы не зависели от местной администрации и напрямую подчинялись начальникам жандармских округов и генерал-губернаторам, что также может свидетельствовать об объективности информации, со-

державшейся в их отчетах. Рассуждения жандармских штаб-офицеров о состоянии золотопромышленности, предлагаемые ими меры для улучшения положения рабочих подтверждают, что они были довольно компетентными и в этих вопросах. Надеемся, что жандармская отчетность как исторический источник привлечет внимание исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 407 с.
2. Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111.
3. Коновалов И.А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // Вестн. Ом. ун-та. Серия: Право. 2014. № 14 (41). С. 25–34.
4. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография / под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
5. Зиновьев В.П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке // Документ в контексте истории: материалы II Междунар. науч. конф. Омск, 2009. С. 28–33.
6. Бибииков Г.Н., Бахшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
7. Бахшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: История. 2016. № 6 (44). С. 5–10.
8. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Т. 1.

REFERENCES

1. Bibikov G.N. A. Kh. Benkenorf and Emperor Nicholas I's policy. Moscow, 2009, 407 p. (In Russ.)
2. Romanov V.V. Functioning local political police departments during fairs in 1825–1860s. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2010, no. 1, pp. 103–111. (In Russ.)
3. Kononov I.A. Siberian Gendarmerie District: the structure, powers and activities. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo*. 2014, no. 14, pp. 25–34. (In Russ.)
4. Remnev A.V. Siberia in the imperial geography of power of the XIX – early XX centuries. Omsk, 2015, 580 p. (In Russ.)
5. Zinoviev V.P. Gendarmerie-police reporting as a source of workers' social image in Siberia in the XIX century. *Dokument v kontekste istorii: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* Omsk, 2009, pp. 28–33. (In Russ.)
6. Bibikov G.N., Baksht D.A. Establishing the gendarmerie supervision at private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2016, no. 3, pp. 16–24. (In Russ.)
7. Baksht D.A., Rumyantsev P.P. "The gendarme supervision" of private gold mining in Siberia (1870–1880s): its essence, forms and problems of realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2016, no. 6, pp. 5–10. (In Russ.)
8. Semevskii V.I. Workers of Siberian gold mines. St. Petersburg, 1898, vol. 1, 657 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.05.2017

¹⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11614. Л. 32–32 об.

DOI: 10.15372/HSS20170316
УДК 94(571.1)"18"(093)

М.С. КРУТОВА

**НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О СИБИРСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПАЛОМНИКАХ,
ПОГРЕБЕННЫХ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В 1864–1912 гг.***

Российская государственная библиотека, отдел рукописей,
РФ, 119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5

В статье, основанной на рукописных документах Архива Русской духовной миссии в Иерусалиме, рассматриваются сведения о православных сибирских паломниках, умерших на Святой земле в середине XIX – начале XX в. Они прибыли туда из Западной Сибири – Акмолинской (Омской) области, Тобольской и Томской губерний, а также из Восточной Сибири – Иркутской и Енисейской губерний. Особое внимание уделено рукописным материалам из фонда Русской больницы в Иерусалиме. В процессе исследования этих материалов установлено, что наиболее ценным историческим источником являются свидетельства о смерти. В них содержатся сведения о 21 паломнике из Сибири, в основном это женщины из крестьянского сословия. Выявленные архивные материалы представляют интерес для историков сибирского паломничества и краеведов.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Иерусалиме, история Сибири, Святая земля, паломничество, архивные материалы.

M.S. KRUTOVA

**NEW ARCHIVAL MATERIALS ON SIBERIAN ORTHODOX PILGRIMS BURIED
IN THE HOLY LAND IN 1864–1912**

Russian State Library, Department of manuscripts,
Russian Federation, 109119, Moscow, Volkhonka str., 3/5

The article's objective is to acquaint the academic community with unknown handwritten materials, which contain information about Siberian Orthodox pilgrims who died in the Holy Land. The author identified these documents while describing the Russian hospital fund of the Russian Ecclesiastical Mission Archive in Jerusalem. They contain information on the pilgrim deaths in 1883–1912, who arrived from West Siberia – Akmola (Omsk), Amur regions, Tobolsk and Tomsk provinces, as well as the pilgrims of East Siberia – Irkutsk and Yenisei provinces who died in 1864–1891. Such academic methods as descriptive, comparative-historical, source study, palaeographic ones have been used in this research. They allow establishing that the most valuable information about the pilgrims is contained in the death certificates (although the hospital register books of dead patients, metrical books and passports, as well as data of the Russian monastery necropolis and cloister at the Holy Land are investigated). As a rule, death certificates contain information about the first, last and patronymic name of the pilgrim, where he arrived from and at what age, and what disease he died of, where he was buried, who confessed and gave sacraments to him, who read the burial service over and when and who wrote the death certificate. The deceased patient's medical certificates have kept very important information about the Russian Ecclesiastical Mission confessors, among them was Hieromonk Vladimir (Giganov) born in Siberia, who came from the spiritual estate, and graduated from the Tobolsk Theological Seminary. The new documents introduced into the academic circulation extend our knowledge on the pilgrims from remote parts of Russia – their age, social status, etc. The revealed information showed the problem of further studying the Siberian pilgrims' biographical information in regional archives, which is relevant to Russian historians, ethnographers and archeographers.

Key words: Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Siberian history, Holy Land, pilgrimage, archival materials.

*Выполнено в рамках работы над проектом «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв. по материалам российских и зарубежных архивохранилищ», проект № 15-34-11073 при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ).

Марина Семеновна Крутова – д-р филол. наук, доцент, главный палеограф, Российская государственная библиотека, отдел рукописей, e-mail: mskrutova@yandex.ru.

Marina S. Krutova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Chief palaeographer, Russian state library, Department of manuscripts.

В Архиве Русской Духовной Миссии в Иерусалиме¹ хранятся уникальные документы, свидетельствующие о заботе Российской империи о паломниках, совершавших путешествие на Святую землю: это и официальная документация различных учреждений и ведомств, и их финансовая отчетность, и свидетельства о пожертвованиях на Гроб Господень, и переписка частных лиц. Ярким свидетельством заботы о паломниках являются и документы Иерусалимской Русской больницы. Из них мы узнаем, как самоотверженно сражался медперсонал больницы за жизнь каждого пациента, будь он высокопоставленным дворянином из столицы или бедным крестьянином из отдаленного русского села – всем, независимо от социального положения и вероисповедания, оказывалась пасторская, юридическая, медицинская помощь. Но несмотря на самоотверженную помощь многих людей, паломники умирали и находили свое последнее упокоение на православных кладбищах Святой земли.

В настоящее время этот архив находится в стадии описания, и окончательных описей фондов пока не имеет. Однако усилиями Русской Духовной Миссии, по мере обработки фондов, публикуется соответствующая информация. Так, недавно вышло в свет уникальное издание, содержащее сведения почти о двух тысячах православных паломников, нашедших свое последнее упокоение на православных кладбищах Святой земли [1].

Цель данной статьи – ознакомить широкую научную общественность с результатами работы с неизвестными рукописными материалами, содержащими сведения о православных сибирских паломниках, умерших на Святой Земле в 1864–1912 гг. Основными при написании статьи являлись документы фонда Русской больницы, но были использованы и материалы других фондов («Метрические книги и паспорта», «Комитет помощи бедствующим русским» и др.). Русская больница, построенная в Иерусалиме в 1863–1865 гг., была главным медицинским заведением на Святой Земле и предназначалась для оказания медицинской помощи русским паломникам и служащим Русской Духовной Миссии и консульства, Императорского православного общества², православному местному населению. Сведения о почивших паломниках были дополнены данными некрополей русских монастырей и обителей на Святой Земле [2]. При уточнении географических сведений были использованы справочные издания по административно-территориальному делению Российской империи.

¹ Далее АРДМ. В настоящее время документы Архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме находятся в стадии обработки, поэтому исследователям предоставлены быть не могут. Приведенные в данной статье факты были выявлены нами при описании фонда Русской Иерусалимской больницы в АРДМ, которое осуществлялось в рамках оказания методической помощи, в связи с обращением начальника РДМ к руководству Российской государственной библиотеки.

² Далее ИППО.

Одним из самых ценных документов, хранящихся в фонде Русской больницы, являются свидетельства о смерти паломников. В них, как правило, указаны фамилия, имя, отчество паломника, откуда он прибыл, возраст, сословие, от какой болезни скончался, где погребен, кто из монахов РДМ его исповедовал и причащал перед смертью, кто отпевал, где был погребен покойный. Мог указываться номер загранпаспорта, дата и место выдачи, иногда приводилась информация о вещах покойного. Заведующий Русской больницей составлял два документа о смерти паломника. Один из них отправлялся начальнику РДМ, другой – управляющему делами ИППО. Сохранились (хотя и не в полном объеме) и больничные регистрационные книги умерших больных. При получении извещения в соответствующей организации делались пометы канцелярского характера и надписи делового содержания.

Ошибки в больничных документах встречаются довольно часто, их можно объяснить, прежде всего, тем, что медперсонал часто записывал данные со слов пациентов, которые из-за болезни могли невнятно произносить свою фамилию, имя, название места, из которого прибыли на Святую Землю. К тому же сами паломники могли плохо разбираться в особенностях административно-территориального деления и могли называть при поступлении в больницу местный вариант топонима. Причинами ошибок могло быть и то, что сведения о больных сообщали малознакомые спутники паломников. Нельзя исключить и слуховые ошибки тех, кто записывал данные о больных.

Больничные свидетельства об умерших больных содержат и очень важную информацию о духовниках Русской Духовной Миссии, которые причащали, исповедовали больных, провожали их в последний путь. Из разных обителей направлялись из России монашествующие на срок от двух лет и более. Были среди них и родившиеся в Сибири. Так, *иеромонах Владимир (Гиганов)*, несший послушание духовника миссии в 1901–1905 гг., родился около 1854 г., скорее всего, в Сибири, происходил из духовного звания и окончил Тобольскую духовную семинарию. В 1887–1891 гг. он учился в Санкт-Петербургской духовной академии и получил звание кандидата богословия. В монашество был пострижен в 1900 г. в Валаамском монастыре. Указом Синода в 1901 г. был назначен в состав Иерусалимской духовной миссии. После отъезда в Россию в 1905 г. был настоятелем древнейшего псковского Спасо-Преображенского Мирожского Завеличского монастыря.

Следует заметить, что в Архиве РДМ представлены сведения не только о паломниках, но и о насельниках, приехавших на Святую Землю из разных мест Российской империи. В частности, мы находим там сведения о *Кутыревой Анне Терентьевне*, которая была насельницей Горненской женской общины, старшей пономаркой, чтицей псалтири. Происходила из крестьян Тобольской губернии, Ишимского уез-

да, с. Медведево. Занимала половину казенного дома в Горней, построенного в 1885 г. монахиней Леонидой (Собиной). В доме находилась просфорня. Скончалась 19 февраля 1909 г. Диагноз – «старческая слабость». Причащалась в церкви. Хоронил иеромонах Тихон (Фендык) на Горненском кладбище. Могила сохранилась [1, с.117].

Существует расхожее представление, что на Святую Землю паломники отправлялись сами по себе и там, не выдержав трудностей, умирали или погибали в пути, а места их погребения и обстоятельства смерти остались неизвестными. Так оно часто и происходило до 1847 г., но после того для облегчения паломничества и для ведения миссионерской деятельности среди местного населения, по Указу императора Николая I, была создана Русская Духовная Миссия. Ее сотрудники обязаны были отмечать в соответствующей документации имена прибывших или убывших, помогали с размещением в монастырях, совершали требы. Открытие в 1882 г. Императорского Православного Палестинского Общества дало новые возможности для помощи паломникам на Святой Земле. Общество взяло на себя заботу по организации пароходов, которые стали совершать регулярные рейсы из Одессы в Яффу и обратно. Была разработана строгая система регистрации паломников, получения ими паломнических книжек, оплаты проживания на подворьях ИППО (так назывались гостиницы для размещения) в Иерусалиме и Палестине [3]. Медицинская помощь была бесплатной. Никому из паломников не давалось право бесплатного паломничества, каждый обязан был заплатить определенную сумму. Самыми распространенными заболеваниями, от которых умирали православные паломники, были дизентерия, простудные и легочные заболевания.

Скончавшихся паломников хоронили на местных православных кладбищах, в основном на Синайском кладбище в Иерусалиме. Учитывая местные климатические условия, похороны происходили в день смерти или, в крайнем случае, на следующий день. Хоронили, как правило, без гроба, в общей могиле, которая, к сожалению, на сегодняшний день не сохранилась. Случаи захоронения на Сионском кладбище с гробом были редки и особо отмечались в свидетельствах о смерти. Могила монашествующих и паломников, погребенных на кладбищах при Елеонской и Гефсиманской обителях, в основном сохранились, и, хотя на некоторых надгробиях и крестах со временем исчезли надписи, тем не менее, о них заботятся монашествующие, служатся панихиды.

Русские паломники приезжали на Святую Землю со всех необъятных просторов Российской империи, были среди них и паломники из Западной и Восточной Сибири.

Так, рукописные материалы АРДМ содержат следующие сведения об умерших в 1883–1912 гг. паломниках, прибывших из **ЗАПАДНОЙ СИБИРИ** – Акмолинской (Омской) области, Тобольской и Томской губерний.

Акмолинская (Омская) область³

Бабыкина Анна Александровна, казачка станица Омская, Тояльский уезд. Скончалась в Русской больнице 28 февраля 1901 г. в возрасте 73 лет. Диагноз – «старческая пневмония и истощение». Исповедовал, причащал, хоронил иеромонах Иларион (Беликов) на Сионском кладбище.

Тобольская губерния⁴

Колобова Татьяна Васильевна, крестьянка. Тобольская губерния, Тюкалинский уезд. Скончалась 19 апреля 1899 г. в возрасте 64 лет. Диагноз – «ущемление грыжи». Исповедовал и причащал иеромонах Феодосий (Гринев), хоронил иеромонах Модест на Сионском кладбище.

Максимова Татьяна Максимовна, крестьянка. Тобольская губерния, Курганский уезд, Плотниковская волость, деревня Боровое. Скончалась 17 апреля 1907 г. в возрасте 55 лет. Диагноз – «дизентерия». Исповедовал, причащал и хоронил иеромонах Иларион (Беликов) 18 апреля на Сионском кладбище.

Симонова Мавра Федоровна, крестьянка. Тобольская губерния, Туринский уезд, Благовещенская волость, село Касаткино. Скоропостижно скончалась 2 янв. 1911 г. в возрасте 70 лет. Диагноз – «паралич сердца». Исповедовал и причащал на квартире иеромонах Георгий (Пантюхов), хоронил 3 янв. иеромонах Иларион (Шемутило) на Гефсиманском кладбище, при церкви Св. Марии Магдалины. Надпись на надгробии: «Добрая Мавра. Здесь. Скончалась 1911 г. 2 янв.».

Кислицына Наталья, крестьянка. Тобольская губерния, Тарский уезд. Нагорно-Ивановская волость, село Новотроицкое. Скончалась 15 октября 1912 г. в возрасте 69 лет. Диагноз – «дизентерия». Причащалась в церкви. Хоронил иеромонах Сергей (Феферман) 16 октября на Сионском кладбище.

Томская губерния⁵

Ягодкин Онисим Ферапонтович, отставной рядовой. Томская губерния, Бийский уезд, Зырянский рудник. Скончался 21 мая 1883 г. в возрасте 62 лет. Диагноз – «чахотка». Исповедовал и причащал иеромонах Парфений (Нарциссов), хоронил иеромонах Вениамин (Лукьянов) 22 мая на Сионском кладбище.

Трубникова Февронья Афанасьевна, крестьянка, вдова. Томская губерния, Барнаульский уезд, Смоленская (Ребрихинская) волость, деревня Ребриха. Скончалась в Русской больнице 12 января 1886 г. в возрасте 30 лет. Диагноз – «заворот кишок». Исповедовал и причащал иеромонах Парфений (Нарциссов), хоронил иеромонах Вениамин (Лукьянов) 13 января на Сионском кладбище.

³ Списки населенных мест. Омский округ, 1923.

⁴ Списки населенных мест. Тобольская губерния. Т. LX, 1871.

⁵ Списки населенных мест. Томская губерния. Т. LXII, 1868; Списки населенных мест. Алтайская губерния, 1924.

Смирнова Матрона Митрофановна, мещанка. Томская губерния, г. Барнаул. Скончалась в Русской больнице 8 мая 1891 г. Диагноз – «дизентерия». Исповедовал и причащал иеромонах Парфений (Нарциссов), хоронил иеромонах Вениамин (Лукьянов) 9 мая на Сионском кладбище.

Расторгуев Моисей Гаврилович, крестьянин. Томская губерния, Бийский уезд, Нижне-Черыжная (Нижне-Чарышская) волость, село Нежнеозерное. Скоропостижно скончался 16 апреля 1903 г. в возрасте 74 лет. Диагноз – «паралич сердца». Причащался в церкви, хоронили иеромонах Иларион (Беликов) и иеродиакон Илиодор 17 апреля на Сионском кладбище.

Ладыгина Евдокия, мещанка. Томская губерния, г. Мариинск. Скончалась 11 мая 1909 г. в возрасте 67 лет. Диагноз – «истощение». Исповедовал и причащал в больнице иеромонах Евстратий (Новик), хоронил он же 11 мая на Сионском кладбище.

Игумнова Евдокия Исаевна, крестьянка. Томская губерния, Барнаульский уезд, Кулундинская волость, село Ярково. Скончалась 4 августа 1909 г. в возрасте 72 лет. Диагноз – «хронический нефрит». Исповедовал и причащал в больнице иеромонах Георгий (Пантюхов), хоронил иеромонах Фотий (Хорьков) 5 августа на Сионском кладбище.

Михалева Ксения, крестьянка. Томская губерния, Барнаульский уезд, Рябрихская (Ребрихинская) волость, село Ребриха. Муж Прокопий Порфирьевич. Скончалась 30 марта 1911 г. в возрасте 70 лет. Диагноз – «новообразование в брюшной полости и водянка». Исповедовал и причащал в больнице иеромонах Акакий, хоронил иеромонах Георгий (Пантюхов) 31 марта на Сионском кладбище.

Поносова Варвара, мещанка. Томская губерния, г. Бийск. Скончалась во время родов 11 мая 1911 г. в возрасте 40 лет. Исповедовалась и причащалась в церкви, хоронил 11 мая иеромонах Фотий (Хорьков) на Сионском кладбище.

Дмитроченко Семен Алексеевич, крестьянин. Томская губерния, Барнаульский уезд, Шаховская волость, деревня Давыдов Лог. Скончался 21 октября 1911 г. в возрасте 45 лет. Диагноз – «малярия». Исповедовал и причащал в больнице иеромонах Иларион (Шемутило), хоронил иеромонах Мелетий (Розов) 21 октября на Гефсиманском кладбище.

Рукописные материалы АРДМ содержат сведения об умерших в 1864–1891 гг. паломниках из **ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ** – Иркутской и Енисейской губерний.

ИРКУТСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Димина Параскева, крестьянка. Иркутская губерния. Скончалась 30 апреля 1864 г. в возрасте 35 лет. Диагноз – «чахотка». Исповедовал, причащал и хоронил иеромонах Христофор на Сионском кладбище.

Солоникин Леонтий Евфимиевич, мещанин. Иркутск. Скончался 20 ноября 1885 г., в возрасте

40 лет. Диагноз – «непрохождение кишок». Исповедовал, причащал и хоронил иеромонах Вениамин (Лукьянов) 21 ноября на Сионском кладбище.

Моисеева Екатерина Герасимовна, крестьянка, вдова. Иркутская губерния, Балаганский округ, Идинская волость, село Оленское. Скончалась в Русской больнице 18 апреля 1888 г. в возрасте 56 лет. Диагноз – «рак матки». Исповедовал, причащал и хоронил иеромонах Парфений (Нарциссов) на Сионском кладбище.

Иулиания (Каратаева), монахиня. Иркутская губерния, Знаменский монастырь⁶. Скончалась 15 января 1889 г. в возрасте 45 лет. Диагноз – «чахотка легких».

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНИЯ⁷

Солнцева Олимпиада Силуановна, крестьянка. Енисейская губерния, Минусинский уезд, Сушинская (Шушенская) волость, деревня Суш (Шушь). Скончалась в Русской больнице 25 (29?) июня 1886 г. в возрасте 49 лет. Диагноз – «дизентерия». Исповедовал, причащал и хоронил иеромонах Вениамин (Лукьянов) на Сионском кладбище.

Данилов Александр Данилович, потомственный почетный гражданин. Енисейская губерния, г. Красноярск. Скончался в Русской больнице 21 апреля 1891 г. в возрасте 75 лет. Диагноз – «старческая дряхлость, изнурительная дизентерия, лихорадка». Исповедовал и причащал иеромонах Вениамин (Лукьянов); хоронил начальник Миссии архимандрит Антонин (Капустин) 22 апреля на Пасху. Погребение совершено с гробом.

* * *

Итак, в Архиве Русской Духовной Миссии содержатся сведения о 21 православном сибирском паломнике, которые умерли в 1864–1912 гг. на Святой Земле, прибыв туда из различных областей и губерний Западной и Восточной Сибири. Среди них 6 мужчин и 19 женщин в возрасте от 30 до 75 лет, принадлежащих к разным сословиям: дворянскому (1), крестьянскому (12), мещанскому (4), духовному (1), военному (2). Причиной смерти послужили разные заболевания: желудочно-кишечные (7), простудные и легочные (3), кардиологические (2), онкологические (3), почечные (1), истощение организма (2), «ущемление грыжи» (1), малярия (1), осложнения во время родов (1). Все эти паломники сподобились христианской кончины, исповедались и причастились перед смертью и были погребены на Святой Земле, в основном в общей могиле на Сионском кладбище; один паломник – рядом с монастырем св. Иоанна Предтечи на берегу р. Иордан и две паломницы – на кладбище Гефсиманского монастыря в Иерусалиме.

Введение в научный оборот новых источников расширяет наши представления о паломниках из от-

⁶ Иркутский Знаменский женский монастырь, 2 класса, в г. Иркутске, на берегу р. Ангары, основан в 1693 г.

⁷ Списки населенных мест. Енисейская губерния. Т. LI, 1864; Списки населенных мест. Енисейская губерния и Урянхайский край, 1921.

даленных уголков России – их возрасте, социальном положении и других характеристиках – и вносит свою лепту в изучение истории русского паломничества. Хочется надеяться, что приведенные в данной статье биографические сведения о сибирских паломниках заинтересуют краеведов, и они дополнят их сведениями из региональных архивов Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иду в незнаемый я путь. Русская больница в Иерусалиме и судьбы русских паломников на Святой Земле. – Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Концепция издания – М.С. Крутовой; вступит. ст. М.С. Крутовой, Ю.А. Гугнина; сост., подг. текста и комментариев инокини Магдалины (Корниловой). Иерусалим, 2017. 400 с.
2. Исторический некрополь русских обителей в Святой Земле // Святая Земля: историко-культурный альманах [авт.-сост. Т.А. Богданова, Л.И. Алехина, посл. Иулия Кузьмина, посл. Евгения

Сергеева, ин. Магдалина (Корнилова) при участии сестер Горненского, Елеонского и Гефсиманского монастырей]. Иерусалим: РДМ, 2012. Вып. 1, ч. II. С. 220–249.

3. Цысь В.В., Цысь О.П. Паломничество жителей Западной Сибири в Палестину в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ: История. История Русской Православной Церкви. М.: ПСТГУ, 2014. Вып. 6(61). С. 73–90.

REFERENCES

1. I go into the unknown path. Russian hospital in Jerusalem, and fates of Russian pilgrims in the Holy Land. Comp. Nun Magdalene (Kornilova). Jerusalem, 2017. 400 p. (In Russ.)
2. The historic necropolis of Russian monasteries in the Holy Land. *Svyataya Zemlya: istoriko-kul'turnyi al'manakh*. Jerusalem: RDM, 2012, vol. 1, pt. 2, pp. 220–249. (In Russ.)
3. *Tsys V.V., Tsys O.P.* Pilgrimage of West Siberian inhabitants to Palestine in the late XIX – early XX centuries. *Vestnik PSTGU: History. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2014, no. 6, pp. 73–90. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170317
УДК 94 (571.1/5) "18"

Н.П. МАТХАНОВА

«ПЛОХИЕ» И «ХОРОШИЕ» ЧИНОВНИКИ В ЗАПИСКАХ СИБИРСКОГО ДУХОВЕНСТВА XIX в.*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается образ чиновников, сложившийся у сибирских священников XIX в. Используются главным образом созданные представителями духовенства сочинения мемуарно-эпистолярного характера, а также их отчеты и публицистические произведения. Анализ этих источников показал, что для «хороших», по представлениям духовенства, чиновников характерны искренняя вера, преданность интересам церкви и их защита, почтительность к духовенству, честность, добросовестность, деятельное исполнение служебных обязанностей. «Плохие» чиновники подозреваются в неверии, не помогают духовенству, особенно православным миссиям, покровительствуют буддизму и/или язычеству, проявляют интерес к ним, непочтительны по отношению к духовенству и даже иерархам. Нередко они обвиняются в коррупции, взяточничестве, эксплуатации крестьян и инородцев.

Ключевые слова: чиновники, духовенство, православные миссии, Сибирь, представления о чиновниках.

N.P. MATKHANOVA

«BAD» AND «GOOD» OFFICIALS IN THE NOTES OF SIBERIAN CLERGY OF THE XIX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The clergy and officials were notable and significant social groups, played an important role in the empire and its management. They were connected together with complex and ambiguous relationships. The character of these relationships was influenced by the clergy's ideas about officials and officials' ideas about the clergy. The article examines the image of officials, formed in minds of the Siberian priests of the XIX century. In order to identify its main components, the memorial-epistolary works created by representatives of the clergy are used, as well as their reports and journalistic works, all these texts are united under the term «notes».

An analysis of the texts showed that the important component of the image of a «good» official for the clergy was his / her devotion to the Orthodox faith, so the Catholic Poles were often presented in the most negative colors, while officials with liberal views were accused at best in «indifference» towards Orthodoxy, at worst – in nihilism. Direct opponents of Christianity were those people who were indulgent towards Buddhism, visited datsans, attended shamanistic rituals and invited shamans to towns for a demonstration. In the views of missionaries, «good» officials had to help the Orthodox mission and its activity, patronize christened non-Russians. Some hierarchs and ordinary priests highly valued honesty, conscientiousness, energy, experience and understanding of the needs of the region and the population. An important criterion was a respectful attitude of officials to the clergy.

The notes contain images of officialdom in general, of its certain groups and particular officials – real people with their individual human qualities. Generalized images are less common, they were created mostly by heads of dioceses who were more educated, more inclined to journalism and possessed a literary gift. In missionaries' notes one often can see the most negative ideas about the lower strata of officialdom. The notes of the Siberian priests created «personal and everyday image» that became the basis for a stereotype, the way to organize of the clergy's collective memory and to form of its collective identity.

Key words: officials, clergy, Orthodox missions, Siberia, images of officials.

*Подготовлено в рамках гранта РГНФ и Администрации Новосибирской области, № 16-11-54001.

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru.

Natalya P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, professor, chief scientific officer, Institute of History SB RAS.

Духовенство и чиновничество были заметными и значимыми социальными группами, играли важную роль в Российской империи и управлении ею. Их связывали сложные и неоднозначные взаимоотношения (эта тема освещалась не раз – см., напр.: [1, 2, 3, 4]). Характер этих взаимоотношений определялся как объективными (официальный статус, материальное положение, функции), так и субъективными факторами. Среди последних немалую роль играли представления духовенства о чиновниках и чиновников о духовенстве. Эти представления оказывали существенное влияние на взаимодействие различных институциональных структур управления, ибо, как писал А.Я. Гуревич, соглашаясь с идеей Ж. Дюби, «воображаемый мир... не столько отражает объективную действительность, сколько пересоздает ее» [5, с. 148–149].

Историки не раз обращались к проблеме соотношения образа и реальности (см. напр.: [6, 7, 8]), множество исследований посвящено характеристике духовенства и чиновничества, есть работы, рассматривающие их образы, преимущественно в художественной литературе (см., напр.: [8, 9, 10]). Идеал сибирского миссионера и частично его образ, отраженный в созданных чиновниками текстах, анализировался Н.А. Лысенко [11, 12]. Но почти никто не изучал взаимных представлений друг о друге сибирских чиновников и духовенства.

В настоящей статье рассматриваются не реальные взаимоотношения, а образ чиновников, сложившийся у сибирских священников XIX в. Имеется в виду не художественный и не визуальный образ, а «своеобразие восприятия отдельными индивидами или группами тех или иных властных институтов» [13, с. 16], влиявшее на отношение к данным структурам. Термины «представления» и «образ» могут пониматься по-разному, в настоящей статье они используются как синонимы, что нередко встречается в исследовательских практиках [6, 7, 14]. Различались те представления, которые существовали у авторов, и те, которые презентовались в их текстах. Понятно, что о первом пласте представлений можно судить лишь очень предположительно, речь пойдет преимущественно о втором.

Для выявления основных составляющих образов чиновников используются главным образом созданные представителями духовенства сочинения мемуарно-эпистолярного характера, а также их отчеты и публицистические произведения; все эти тексты в данном случае объединены термином «записки». Большинство авторов занимались миссионерской деятельностью. Мемуарные тексты, созданные в XIX в. представителями сибирского духовенства и содержащие те или иные характеристики чиновничества, относятся в основном ко второй половине столетия. В это время и представители духовенства довольно активно участвуют в общественной жизни страны, публикуют свои сочинения (во многом это было связано с ростом числа церковных изданий, привлекавших к сотрудничеству провинциальное духовенство), при этом чиновничество становится популярным объектом описания и критики.

Критерии оценки чиновников духовенством зависели от ряда факторов: общей государственной политики; совпадения и/или расхождения приоритетов церкви и государства; собственной линии местной высшей администрации, которая иногда могла отличаться от общей; отношения к религии, церкви и духовенству.

А.В. Ремнев указывал на предпочтение властью колонизационных задач установке на распространение официального православия [15, с. 118–119]. Миссионерская деятельность духовенства нередко казалась светским властям противоречащей фискальным, внутри- и внешнеполитическим задачам государства. Чаше всего разногласия между священниками и чиновниками были связаны с изменением положения новокрещенных и их отношениями с некрещеными, а также с вопросом об отводе земли новокрещенным.

Важной для духовенства составляющей образа «хорошего» чиновника являлась его преданность православной вере. Чиновники – поляки-католики нередко изображались в самых негативных красках [16, вып. 2, с. 242]. Православные деятели администрации, разумеется, соблюдали формальные требования церкви, но отношение к религии, церкви и духовенству некоторых чиновников в 1860-е гг. стало вызывать недовольство священников. Людей с либеральными настроениями обвиняли в лучшем случае в «индифферентизме» к православию, в худшем – в нигилизме. Даже св. Иннокентий (Вениаминов), отличавшийся известной широтой взглядов, в 1860 г. жаловался митрополиту Филарету на обитателей Николаевска-на-Амуре: «...Здесь народ все нового направления, так что, например, не устыдились сделать публичный бал на день пятидесятницы, несмотря на просьбу благочинного» [17, с. 266]. Изменить ситуацию «при нынешнем горько печальном образе мыслей о религии» невозможно, сетовал архиепископ [17, с. 27].

Прямыми противниками христианства представлялись те, кто снисходительно относился к буддизму, посещал дацаны, или, хуже того, присутствовал на шаманских камланиях и даже приглашал шаманов в город для демонстрации приятелям. Иркутского архиепископа (ранее возглавлявшего Забайкальскую миссию) Вениамина (Благодорова) возмутило посещение генерал-губернатором Д.Г. Анучиным Гусиноозерского дацана, а еще больше рассказ «об отличном порядке у лам и их благоговении при совершении молебна за царя». Архиепископ даже сделал заключение, что «наши либералы любят всякую веру, кроме своей православной» [18, с. 142]. В письме к К.П. Победоносцеву он идет дальше, указывая на таких чиновников как на главных виновников нежелания бурят креститься [19, с. 564]. Его преемник на посту главы Забайкальской миссии Мартиниан (Муратовский) писал: «К несчастью, некоторые из хвастающихся современною ученостию на все шарлатанства, поборы и препятствия лам... смотрят равнодушно, а настоячивое усилие веропроповедников оглашают как фанатизм и нетерпимость» [20, с. 384]. Глава Иркутской миссии

Гурий (Буртасовский) привел (вероятно, не только свое) понимание веротерпимости: «Не умея отличить веротерпимости (как терпения неизбежного зла) от покровительства, такие господа с какою-то особенною нежностью относились ко всему языческому и оказывали ему всевозможное покровительство, при нескрываемом пренебрежении к православию» [21, с. 175]. При проведении переписи населения 1897 г., как писал миссионер Ляхоцкий, счетчики за «шаманское действо... давали деньги и поили водкой» и даже уговорили одного из шаманов поехать с ними в Хабаровск и показать там «свое искусство в кругу знакомых». Инородцы стали говорить, что «русский большой най-он (генерал-губернатор) послал» посмотреть шамана и привезти его в Хабаровск, «значит, шаман – не худо, а хорошо» [22, № 20, с. 183].

Важный критерий оценки чиновника – его помощь православной миссии и ее деятельности. Значение этого критерия могло быть разным у разных церковных деятелей. Еще и поэтому в записках Иннокентия и Вениамина представлены противоположные образы Н.Н. Муравьева-Амурского. У первого он – мудрый руководитель, преданный интересам церкви, у второго – «враг христианства», открыто противодействовавший крещению бурят [23, с. 533]. В основе первого образа лежало понимание огромной роли присоединения Амурского края для распространения православия. Представление Вениамина о бывшем генерал-губернаторе строится преимущественно вокруг Положения о ламайском духовенстве 1853 г. – официального документа, закреплявшего статус и иерархию буддизма в России. Он считал – и справедливо, что Муравьев сыграл важную роль в его принятии. Вениамин прямо писал – и в публицистических работах, и в письмах к К.П. Победоносцеву, и в официальных отчетах, что Положение является легальной основой для противодействия лам крещению. В основу негативного образа Муравьева, сложившегося у Вениамина и презентовавшегося им, легло также убеждение в том, что именно кадровая политика Муравьева привела к появлению в составе администрации Восточной Сибири людей с либеральными настроениями.

В представлениях миссионеров «хорошие» чиновники должны «помогать» миссии в ее усилиях по обращению инородцев, покровительствовать новокрещенным. В сочинениях Вениамина и его подчиненных имеются два основных образа чиновника: защитник христианства и покровитель его врагов. В первой роли, хотя и не сразу, предстает генерал-губернатор М.С. Корсаков – «благопопечитель», «ревнитель христианства». Покровителями врагов православия представлены генерал-губернатор Д.Г. Анучин и забайкальский губернатор Н.П. Дитмар, которые возражали против помощи миссии, приобретавшей характер насильственных действий. На основании писем Вениамина негативный образ Анучина сформировался и у Победоносцева, который считал, что это «человек узкий и ограниченный, вполне чуждый церковным интересам» [24, с. 276].

Среди забайкальских и иркутских миссионеров было распространено убеждение, что «земское начальство равнодушно к делу миссии»¹. Земский начальник стал в их представлениях «орудием злобных врагов христианства», так как следовал закону и не разрешил отрезать земли у инородцев без их согласия для образования особых поселений крещеных инородцев [25, с. 374]. Однако алтайский миссионер И. Смольяников изображает бийского заседателя «плохим» за то, что он обещал жалованье тем, кто крестится «добровольно», и угрожал насильственным крещением остальным [26, с. 277]. В основе образа «плохого» чиновника с характерным для него недоброжелательным (подлинным или мнимым) отношением к миссиям могло лежать и вполне практическое нежелание недобросовестных чиновников иметь в лице миссионеров «свидетелей темных дел»².

Важными составляющими образа «хороших» чиновников для Иннокентия (Вениамина) были их честность, добросовестность, энергия, опыт и понимание нужд региона и населения. Для него типичны такие выражения: «Дай, Господи, благонамеренного, деятельного и хозяина»; «началась деятельность и с тем вместе справедливость строгая» [17, с. 18, 293].

В записках миссионеров часто фигурирует самое негативное представление о низших слоях чиновничества. Миссионер П. Ляхоцкий, действовавший в низовьях Амура, писал, что положение вымирающих инородцев – тяжкий укор на совести тех, кто должен заботиться о них [27, с. 124]. Он возмущался поведением «низовых властей» – сельских старшин и старост, которые обманывают, обижают, «обижают орочен», подрывают авторитет русских властей [28, № 18, с. 181]. Подобные обвинения в печати могли предъявляться специально для высокопоставленных читателей и покровителей с целью очернить потенциального и/или реального оппонента, как это было в конфликте иркутского духовенства и чиновничества в 1817–1819 гг. [29, с. 193–195; 30]. Но обилие и повторяемость таких характеристик свидетельствуют об устойчивости сложившихся представлений.

Создаваемый в записках сибирских священников «личностно-бытовой образ» становится основой образа-стереотипа [7, с. 8]. Обобщенный образ пытались нарисовать некоторые иерархи. Епископ Гурий писал: «...представители русской власти, с которыми инородцам непосредственно приходится иметь дело, – разумею окружных начальников или исправников, – или намеренно не обращают внимания на тяжелое положение инородцев, чтобы не стеснять себя лишними хлопотами и трудами... или, по близорукости, не видят в этом зла» [31, № 2, с. 74].

Енисейский епископ Никодим, критически настроенный по отношению к властям, был наиболее

¹ М. Заметки по поводу статьи П. «Поездка за Байкал» // Современная летопись. 1871. № 48. С. 11.

² РГБ. Ф. 137. Карт. 74. Д. 17. Л. 4. Вениамин (Благонравов). Письмо М.С. Корсакову от 25 марта 1864 г.

резок и даже суров: «... в чинах я вижу ругательство над крестьянами и преступное притеснение их без прав и без пользы для казны» [16, вып. 3, с. 392] – речь идет о подавлении волнений алтайских крестьян; не ожидаю «от подлежащих властей ни ума, ни чести, ни добродетели» [16, вып. 5, с. 126] – это о переселении ссыльнокаторжных; и, наконец: «эти враны ненасытные в Сибири приводят в ужас население насилием, грабежами, утеснением» – это вообще о «власти – администраторах» [16, вып. 7, с. 470]. Такая позиция не случайна. Он подчеркивал бесконтрольность и самоуправство именно сибирского чиновничества. Чаще всего речь шла о мелких и средних чиновниках: «Ясно, что земские чины, начиная с исправника, без надзора и ответственности, самовластные цари» [16, вып. 2, с. 242]. Но затем образ становится все более обобщенным и неприглядным: «В Сибири так называемая власть, сверху и до низу, от губернатора до последнего писаря – суть цари (как я их называю), т.е. повелевают, и все пред ними преклоняются. Бедный крестьянин есть в их понятиях животное, его не удостоивают и имени человека. Ему нет защиты в Сибири» [16, вып. 3, с. 396]. Столь же отрицательно и обобщающе о сибирских властях – правда, не современных ему, – высказывался и архиепископ Нил (Исакович): за 250 лет «якутская земля видела над собою длинный ряд воевод, бояр, областных и многих других начальников и попечителей. Но что общепользнего вышло из всей этой прогрессии и неразлучных с нею катастроф? Ни на шаг подвижки к лучшему» [32, с. 287].

Важное значение для характеристики чиновников имело их уважительное отношение к духовенству, признание его прав. Сугубо негативный образ нередко формировался вследствие критики в адрес духовенства со стороны высокопоставленных чиновников. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников во всеподданнейшем отчете за 1871 г. докладывал, что в «неуспехе православия» во многом «виновны отцы миссионеры», которые к тому же заступаются за правонарушителей из числа инородцев³. Вскоре после этого в печати образ уже бывшего генерал-губернатора рисуется в мрачных тонах⁴. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф указывал, что миссионеры «не могут держаться на соответствующей их призванию высоте» [33, с. 59]. После этого в письмах Вениамина к Победоносцеву Корф изображается как покровитель «ламству», который «всячески старается угодить ламам», не сочувствует «обрусению бурят» [34, с. 780; 35, с. 272]. Почти художественный образ иркутского губернатора Н.И. Трескина представлен в записках иркутского архиепископа Нила (Исаковича). Он описывал положение в губернии в начале XIX в.: «Там самоуправничал человек, о котором внутри Рос-

сии никто не знал и не думал; между тем как Сибирь рабски была ему челом, кряхтела под железной его рукой, честила – величала его, лишь бы только угодить неугомонному деспоту» [36, № 51, с. 555]. Причиной такой характеристики стали и преследование Трескиным иркутского духовенства, и его враждебное отношение к епископу Михаилу (Бурдукову) [29, с. 193–195; 30]. Недовольный многими администраторами архиепископ Вениамин очень хвалил генерал-губернатора А.П. Игнатьева, который относился к нему «дружески» и верял «даже свои секреты, сокрытые от подчиненных» [1, с. 98].

Таким образом, для «хороших» чиновников характерны искренняя вера, преданность интересам церкви, защита их, почтительность к духовенству. Встречаются и такие критерии, как честность, добросовестность, деятельное исполнение служебных обязанностей. «Плохие» чиновники подозреваются в неверии, они не помогают духовенству, особенно православным миссиям, покровительствуют буддизму и/или язычеству, проявляют интерес к ним, непочтительны по отношению к духовенству и даже иерархам. Нередко их обвиняют в корысти, взяточничестве, эксплуатации крестьян и инородцев.

Анализ рассмотренных текстов показал, что существовало множество образов: чиновничества в целом как неотъемлемой части правительственного аппарата, отдельных групп в составе чиновничества, и конкретных чиновников – живых людей, с их индивидуальными качествами. Обобщенные образы встречаются реже, их создавали преимущественно главы епархий – люди более образованные, больше склонные к публицистике, обладавшие литературным даром. И в том, и в другом случае это – образы Другого, способ организации коллективной памяти духовенства, формирования его коллективной идентичности [7, с. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вяткин В.В. Губернаторы и православные иерархи: диалог в синодальный период // Клио. 2011. № 1 (52). С. 94–99.
2. Дулов А.В. Взаимоотношения светских и духовных властей в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение». 2009. № 1 (3). С. 251–260.
3. Матханова Н.П. Взаимоотношения представителей светской и церковной администрации Восточной Сибири в XIX веке // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI – XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 172–184 (Археология и источниковедение Сибири, вып. 33).
4. Матханова Н.П. Сибирские губернаторы и епископы XIX века: контакты, конфликты, компромиссы // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 202–207.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. 327 с.
6. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с.
7. Леонтьева О.Б. Образы исторической реальности в современной отечественной историографии // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2015. № 2 (3). С. 4–19.

³ ГА РФ. Ф. 109, 1-я эксп. Оп. 1871 г. Д. 31. Л. 165 об.

⁴ П-в. Поездка за Байкал // Современная летопись. 1871. № 27. С. 3–4; [От редакции] Москва, 20 декабря // Московские ведомости. 1874. № 320, 21 дек.

8. Борисенко Т.В. Образ чиновника в России и во Франции во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2001. 27 с.
9. Леонтьева Т.Г. Православный священник в литературно-художественных образах «своего» времени: вторая половина XIX – начало XX в. // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «История». 2010. № 1. С. 32–44.
10. Богданов В.П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 101–125.
11. Землякова (Лысенко) Н.А. Священник-миссионер в Сибири: идеал и реальность (по материалам религиозной периодической печати второй половины XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 98–101.
12. Лысенко Н.А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях Русской Православной Церкви второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015. 22 с.
13. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 7–19.
14. Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, вып. 9 (42).
15. Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146.
16. Никодим (Казанцев). Путевые записки епископа Никодима: Мое путешествие из Красноярска в Москву // Русский архив. 1903. Кн. 1, вып. 2. С. 230–252; вып. 3. С. 387–424; вып. 4. С. 595–667; кн. 2, вып. 5. С. 118–139; вып. 6. С. 281–286; вып. 7. С. 458–472.
17. Иннокентий (Вениаминов). Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского // Собр. И.П. Барсуковым. СПб., 1898. Кн. 2: 1855–1865. 496 с.
18. Вениамин (Блаженнов). Письма Вениамина, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.). / с предисл. и примеч. К.В. Харламповича. М., 1913. 218 с.
19. Вениамин (Блаженнов). Письмо к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 8 марта 1885 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1913. № 18. С. 561–563.
20. Мартиниан (Муратовский). Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской православной миссии за 1875 год // Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск, 1885. Т. 3. 1873 – 1877. С. 363–399.
21. Гурий (Буртасовский). Первое мое знакомство с деятельностью Иркутской духовной миссии. (Дорожные заметки нового начальника Иркутского отделения миссии) // Московские церковные ведомости. 1882. № 14. С. 173–176.
22. Ляхоцкий П. Из дневника камчатского миссионера // Православный благовестник. 1898. № 16. С. 343–348; № 17. С. 21–26; № 18. С. 57–63; № 19. С. 114–119; № 20. С. 179–183.
23. Вениамин (Блаженнов). Письмо епископа Селенгинского Вениамина к епископу Енисейскому Никодиму // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1916. № 16. С. 533–535.
24. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. 374 с.
25. Мартиниан (Муратовский). Забайкальская духовная миссия в 1870 г. // Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск, 1884. Т. 2: 1868–1872. С. 354–382.
26. Смольяников И. Записка Алтайской духовной миссии, Улалинского отделения, миссионера священника Иоанна Смольяникова за 1860-й и 1861-й годы // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2, № 7. С. 269–286.
27. Ляхоцкий П. Из дневника миссионера Доле-Троицкого стана Камчатской миссии в 1896 году // Православный благовестник. 1897. № 19. С. 118–124.
28. Ляхоцкий П. Из дневника камчатского миссионера за 1897 год // Православный благовестник. 1898. Т. 2, № 16. С. 343–348; № 17. С. 21–26; № 18. С. 57–63; № 19. С. 114–119; № 20. С. 179–183.
29. Гаращенко А.Н. Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск, 2014. 400 с.
30. Матханова Н.П. Дело «О ссоре между духовными и гражданскими властями в Сибири» // Известия Иркут. гос. ун-та. Серия «История». 2015. Т. 11. С. 133–159.
31. Гурий (Буртасовский). Миссионерское путешествие преосвященного Гурия, епископа Камчатского и Благовещенского (ныне Самарского) вниз по Амуру (из дневника преосвященного за 1887 г.) // Православный благовестник. 1901. № 1. С. 35–39; № 2. С. 73–78; № 3. С. 110–116; № 4. С. 152–156.
32. Нил (Исакович). Путевые записки архиепископа Нила. Ярославль, 1874. 498 с.
33. Всеподданнейший отчет о состоянии Приамурского края за время с 1886 г. по 1891 г. Б/м, б/г. 84 с.
34. Вениамин (Блаженнов). Письмо к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 8 ноября 1889 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1914. № 23. С. 779–781.
35. Вениамин (Блаженнов). Письмо к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву от 3 октября 1890 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1915. № 7/8. С. 271–277.
36. [Нил (Исакович)]. Иерархи, преемствовавшие Иннокентию святому на кафедре иркутской паствы // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1861. № 50. С. 537–540; № 51. С. 554–560; № 52. С. 571–580.

REFERENCES

1. Vyatkin V.V. Governors and Orthodox hierarchs: Their dialogue in the Cynod period. *Clio*. 2011, no. 1 (52), pp. 94–99.
2. Dulov A.V. Relations between Secular and Ecclesiastical Authorities in Eastern Siberia in XVII – early XX century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedeniye»*. 2009, no. 1(3), pp. 251–260.
3. Matkhanova N.P. Relations between Secular and Ecclesiastical Authorities in Eastern Siberia in XIX century. *Religioznye i politicheskiye idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI – XXI vv.* Novosibirsk, 2015, issue 33, pp. 172–184 (seriya «Arkheografiya i istochnikovedeniye Sibiri»).
4. Matkhanova N.P. Siberian governors and bishops of the XIX century: contacts, conflicts, compromises. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 202–207.
5. Gurevich A.Ya. Historical synthesis and the School of «Annals». Moscow, 1993, 327 p.
6. Rodigina N.N. «Other Russia»: the image of Siberia in the Russian magazine press in the second half of the XIX – the beginning of the XX century. Novosibirsk, 2006, 343 p.
7. Leontyeva O.B. Images of historical reality in contemporary Russian historiography. *Istoricheskaya ekspertiza: zhurnal retsenziy*. 2015, no. 2(3), pp. 4–19.
8. Borisenok T.V. The image of an official in Russia and France in the second half of the XIX century. *A Candidate of Culturology degree dissertation abstract*. Moscow, 2001, 27 p.
9. Leontyeva T.G. Orthodox priest in the literary and artistic images of «his» time: Second half of XIX – beginning of XX century. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2010, no. 1, pp. 32–44.
10. Bogdanov V.P. «Nettle seed»: state officials and Russian self-reflection. *Dialog so vremenem*. 2011, no. 37, pp. 101–125.
11. Zemlyakova (Lysenko) N.A. The Missionary Priest in Siberia: Ideal and Reality (on the Materials of Religious Periodicals of the Second Half of the XIX – Early XX Century). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2013, no. 3, pp. 98–101.
12. Lysenko N.A. Ideal of the Siberian Missionary Priest of Religious Periodicals of the 2nd half of the XIX – early XX Century. A «Candidate of History» degree dissertation abstract. Omsk, 2015, 22 p.

13. Bessmertnyy Yu.L. Some considerations on the study of the phenomenon of power and on the concepts of postmodernism and microhistory. *Odissey. Chelovek v istorii*. Moscow, 1995, pp. 7–19.
14. Leontyeva O., Repina L. Images of the Past, Memorial Paradigm and «Memory's Historiography» in Modern Russia. *Istoriya*. 2015, vol. 6, issue 9 (42).
15. Remnyov A.V. Colony or the outskirts? Siberia in the imperial discourse of the XIX century. *Rossiyskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniya*. Voronezh, 2004, pp. 112–146.
16. Nicodemus (Kazantsev). Travel notes by Bishop Nicodemus: My trip from Krasnoyarsk to Moscow. *Russkiy arkhiv*. 1903, vol. 1, no. 2, pp. 230–252; no. 3, pp. 387–424; no. 4, pp. 595–667; vol. 2, no. 5, pp. 118–139; no. 6, pp. 281–286, no. 7, pp. 458–472.
17. Innocent (Veniaminov). Letters from Innocent, Metropolitan of Moscow and Kolomna. Collected by I.P. Barsukov. St.Petersburg, 1898, vol. 2: 1855 – 1865, 496 p.
18. Veniamin (Blagonravov). Letters from Veniamin, Archbishop Irkutsk, to Archbishop of Kazan Vladimir (1862–1889). With the preface and notes of K.V. Kharlampovich. Moscow, 1913, 218 p.
19. Veniamin (Blagonravov). Letters to Chief Procurator of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev, 8 march 1885. *Irkutskie yeparkhial'nyye vedomosti*. Pribavleniya. 1913, no. 18, pp. 561–563.
20. Martinian (Muratovskiy). Report on the status and activities of the Trans-Baikal Orthodox Mission for 1875. *Trudy pravoslavnykh missiy Vostochnoy Sibiri*. Irkutsk, 1885, vol. 3: 1873–1877, pp. 363–399.
21. Guriy (Burtasovskiy). *Moskovskiy tserkovnyye vedomosti*. 1882, no. 14, pp. 173–176.
22. Lyakhotskiy P. From the diary of the Kamchatka missionary. *Pravoslavnyy blagovestnik*. 1898, no. 16, pp. 343–348; no. 17, pp. 21–26; no. 18, pp. 57–63; no. 19, pp. 114–119; no. 20, pp. 179–183.
23. Veniamin (Blagonravov). Letter from Bishop Benjamin of Selenga to the bishop of the Yenisei Nicodemus. *Irkutskie yeparkhial'nyye vedomosti*. Pribavleniya. 1916, no. 16, pp. 533–535.
24. Polunov A.Yu. K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia. Moscow, 2010, 374 p.
25. Martinian (Muratovskiy). Transbaikalian spiritual mission in 1870. *Trudy pravoslavnykh missiy Vostochnoy Sibiri*. Irkutsk, 1884, vol. 2: 1868–1872, pp. 354–382.
26. Smolyaninnikov I. A note of the Altai spiritual mission, the Ula branch, by the missionary priest Ivan Smolyaninnikov for the 1860th and 1861st years. *Dushepoleznoye chteniye*. 1862, pt 2, no. 7, pp. 269–286.
27. Lyakhotskiy P. From the diary of the missionary of the Dolye-Troitskiy stan of Kamchatka, in 1896 year. *Pravoslavnyy blagovestnik*. 1897, no. 19, pp. 118–124.
28. Lyakhotskiy P. From the diary of the Kamchatka missionary for 1897 year. *Pravoslavnyy blagovestnik*. 1898, vol. 2, no. 16, pp. 21–26; no. 18, pp. 57–63; no. 19, pp. 114–119; no. 20, pp. 179–183.
29. Garashchenko A.N. Treskin and Zeidler – Irkutsk civil governors of the first half of the XIX century. Irkutsk, 2014, 400 p.
30. Matkhanova N.P. Case on «Controversy between Clerical and Civil Authorities in Siberia». *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoria»*. 2015, vol. 11, pp. 133–159.
31. Guriy (Burtasovskiy). The missionary journey of the Right Reverend Guriy, Bishop of Kamchatka and Blagoveshchensk (now Samara) down the Amur (from the diary of the Reverend for 1887 year). *Pravoslavnyy blagovestnik*. 1901, no. 1, pp. 35–39; no. 2, pp. 73–78; no. 3, pp. 110–116; no. 4, pp. 152–156.
32. Neil (Isakovich). Travel notes by Archbishop Neil. Yaroslavl, 1874, 498 p.
33. The most recent report on the state of the Amur region during the period from 1886 to 1891. Without seats, without a year, 84 p.
34. Veniamin (Blagonravov). Letters to Chief Procurator of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev, 8 november 1885. *Irkutskie yeparkhial'nyye vedomosti*. Pribavleniya. 1914, no. 23, pp. 779–781.
35. Veniamin (Blagonravov). Letters to Chief Procurator of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev, 8 November 1885. *Irkutskie yeparkhial'nyye vedomosti*. Pribavleniya. 1915, no. 7/8, pp. 271–277.
36. Neil (Isakovich). Hierarchs who transferred to Saint Innokentiy the chair of the Irkutsk flock. *Yaroslavskiy yeparkhial'nyye vedomosti*. Chast' neofitsial'naya. 1861, no. 50, pp. 537–540; no. 51, pp. 554–560; no. 52, pp. 571–580.

Статья принята
редакцией 05.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170318
УДК 262.3(251)"192"

С.Г. ПЕТРОВ

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ АРХИЕПИСКОПА ДМИТРИЯ (БЕЛИКОВА) ПРАВЯЩИМ АРХИЕРЕЕМ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается одна из проблем церковной истории XX в.: назначение законных архиереев в сибирские епархии, охваченные обновленческим расколом. Изучается и публикуется рапорт священника Т.И. Шостака патриарху Тихону о назначении архиепископа Дмитрия (Беликова) правящим архипастырем Томской епархии. Анализируется литература, освещающая появление этого иерарха на томской церковной кафедре. Воссоздаются события первой половины 1920-х гг. в двух крупнейших городских центрах религиозной жизни епархии – Томске и Новониколаевске (Новосибирске). Реконструируются основные вехи служебной биографии автора рапорта патриарху Тихону – одного из организаторов борьбы со схизматиками в Новониколаевске, центре обновленческой сибирской митрополии. Делается вывод о причинах, которые побудили сибиряков избрать архиепископа Дмитрия (Беликова) епархиальным архиереем и обратиться к только что освободившемуся из Лубянской тюрьмы предстоятелю Русской православной церкви по этому поводу.

Ключевые слова: Русская православная церковь, патриарх Тихон, Томская епархия, архиепископ Дмитрий (Беликов), Новосибирск, протоиерей Т.И. Шостак, обновленчество.

S.G. PETROV

ON APPOINTMENT OF ARCHBISHOP DIMITRY (BELIKOV) AS RULING BISHOP OF TOMSK DIOCESE

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article focuses on the regional aspect of the history of the Russian Orthodox Church of the 20th century. It studies the appointment of legitimate bishops to the Siberian dioceses during the initial period of the renewal schism inspired by the Bolsheviks. The analysis of the literature on this issue resulted in establishing the fact that researchers are experiencing an acute shortage of sources on this topic and they do not have a clear image of the events that happened. The article reconstructs in detail the situation that emerged in the largest diocese of Western Siberia, i.e. Tomsk. It portrays the events of the early 1920s in two largest urban centres of religious life of the diocese which are Tomsk and Novonikolayevsk (Novosibirsk). On the basis of historical sources identified and introduced into academic discourse it is concluded that the initiators of the restoration of the canonical diocesan power were ordinary priests and laymen of Novonikolayevsk. The purpose of the study is to analyse and publish the report of the priest Trifon Shostak to Patriarch Tikhon asking him to appoint Archbishop Dmitry (Belikov) as the ruling bishop of the Tomsk diocese. The article establishes the motives of the believers of Novonikolayevsk while making their choice. The study of the scarce evidence found in archives reconstructs main milestones of the clerical biography of the report's author who was an organizer of struggle against the schismatics in Novonikolayevsk, the citadel of the renewed Siberian metropolis.

The report of the priest Trifon Shostak to Patriarch Tikhon is published in accordance with academic norms of archeography, it is provided with a scientific heading, archeographic legend, preserves all features of the published source text.

Key words: Russian Orthodox Church, patriarch Tikhon, Tomsk diocese, archbishop Dmitry (Belikov), Novosibirsk, archpriest T.I. Shostak, renovationism.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы СО РАН II.2.

Станислав Геннадьевич Петров – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru.

Stanislav G. Petrov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

Одной из актуальных задач историографии, освещающей проблемы церковной истории прошедшего столетия, является изучение архиерейских назначений в епархии как механизма сохранения конфессиональной идентичности православными верующими в условиях инспирированных в 1920-е гг. большевиками расколов и разделений. В статье делается попытка рассмотреть названную проблему в первые годы обновленческого раскола на примере одной из крупнейших сибирских епархий того времени – Томской. Анализируется и публикуется августовский 1923 г. рапорт новониколаевского священника Трифона Шостака патриарху Тихону о назначении законного архиерея в эту епархию¹. Данный источник мной уже введен в научный оборот и даже фрагментарно воспроизводился [1, с. 362–363; 2, с. 141–142], но до сих пор полностью не опубликован.

Напомню, что весной 1921 г. томский правящий архиерей – митрополит Иаков (И.А. Пятницкий), согласно его прошению, был отправлен патриархом Тихоном на покой, а назначенный на вакантную кафедру епископ Андрей (А.А. Ухтомский) не мог добраться до города, так как находился под арестом. В этих условиях первосвященник поручил временное управление епархией, до прибытия владыки Андрея, викарному епископу Барнаульскому Виктору (В.С. Богоявленскому). Для захвата обновленцами власти в этой епархии большевики привлекли его к судебной ответственности по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Точно так же в Москве был устранен от церковного управления попавший под судебное преследование патриарх Тихон. Томск остался без правящего архиерея. Осенью 1922 г. по приглашению обновленческого Сибирского церковного управления сюда прибыл признавший схизматиков викарный епископ Новониколаевский Софроний (И.А. Арефьев), который возглавил обновленческую Томскую епархию. Именно он стоял у истоков схизматического белого епископата Сибири. Женатые архипастыри и сменили его вскоре на архиерейском посту в Томске. Местную обновленческую кафедру занял, правда кратковременно, сначала Петр Блинов, а затем на более долгий срок – Сергей Дмитриевский.

После освобождения из-под ареста в июне 1923 г. патриарха Тихона верующие, не признавшие обновленцев, открыто выступили против схизматиков практически во всех епархиях, не исключая и сибирские. Для решения вопросов текущей церковной жизни духовенству и мирянам, находившимся в пределах Томской епархии, как свидетельствует публикуемый ниже рапорт священника Трифона Шостака, патриархом Тихоном было предписано обращаться к оставшемуся на свободе архиепископу Омскому Димитрию (Д.Н. Беликову).

В литературе, посвященной изучению биографии этого видного сибирского иерарха XX в., сюжет о его назначении правящим архиереем в Томскую епархию прописан недостаточно четко, ощущается явная

нехватка фактического материала, исторических источников [3, с. 42; 4, с. 72; 5, с. 62; 6, с. 17]. Существуют варианты с явно ошибочным указанием времени появления владыки Димитрия в Томске [7, с. 36; 8, с. 77; 9, с. 176].

Версия событий, которой отдается предпочтение в большинстве работ, принадлежит томскому историку Н.М. Дмитриенко, и она сводится к следующему. Осенью 1922 г. после прихода к власти обновленцев в Омске владыка Димитрий (Беликов), возглавлявший кафедру в этом городе, был отправлен на покой. По своему выбору, подкрепленному приглашением из с. Петухово Томского уезда, или в результате принятого властью решения о его высылке он оказался в этом селе, в местной Покровской церкви. В 1923 г. прихожане Сретенской церкви в Томске пригласили архиепископа служить у себя в храме. После чего, по свидетельству городских старожилов, в частности некой В.В. Киселевой, Димитрий «был назначен томским архиереем в сане архиепископа». Данное назначение весьма существенно осложнило жизнь местным обновленцам, так как большая часть верующих явно тяготела к широко известному в Томске и имевшему огромное влияние владыке Димитрию [10, с. 74–75].

Действительно, томичам была памятна его активная и многогранная преподавательская, церковная и общественная деятельность в дореволюционное время. Он более полутора десятка лет проработал в Томском императорском университете, стал здесь доктором церковной истории и заслуженным профессором. Находясь в Томске, протоиерей Д.Н. Беликов был избран от белого духовенства в высшую палату Российского парламента – Государственный совет, а прибыв в Петербург, возглавил еще и Учебный комитет при Святейшем синоде.

Благодаря исследовательской деятельности и многочисленным научным трудам имя томского протоиерея оказалось востребованным и в советское время. Его работы по истории томского старообрядчества и заселения Сибири хорошо знали историки-сибиреведы [11, с. 299–301; 12, с. 19; 13, с. 62, 94–95]. Сегодня неординарная фигура владыки Димитрия привлекает внимание исследователей в контексте непростой церковной истории XX в., когда он во второй раз оказался в Томске и в 1928 г. стал региональным лидером григорианского раскола, «митрополитом» Сибирским².

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 76–76 об.

² Любопытным источником о жизни владыки Димитрия (Беликова) в этот период в Томске являются документы из его личного дела лишенца, заведенного после подачи им в 1930 г. заявления о восстановлении в избирательных правах. К сожалению, самого заявления томского архиерея в деле нет, зато имеются: учетная карточка на лицо, лишенное избирательных прав, составленный малограмотным участковым инспектором первого отделения городской милиции рапорт о выяснении социально-имущественного положения «гражданина Белекова Димитрия Никонорова[,] прожив[ающего] по 2 Черепичной ул[ице] № 53», вопросник с ответами и подписью автографом иерарха, повестка с просьбой явиться на разбор его дела в Томский окружной административный отдел, выписка из протокола заседания Томской городской окружной комиссии по проверке списков лишенных избирательных прав, содержащая постановление

Публикуемый документ однозначно говорит, что инициаторами назначения архиепископа Димитрия на томскую кафедру были верующие Новониколаевска, переименованного в начале 1926 г. в Новосибирск. По всей видимости, именно здесь, в столице советской Сибири и центре обновленческой митрополии, острее всего ощущалось отсутствие архиерея патриаршей Церкви. Подтверждают это и такие специфические источники, как сводки и отчеты VI отделения секретного отдела ГПУ–ОГПУ, освещающие состояние церковных дел в разных губерниях в первой половине 1920-х гг. [14]. Отмечу, что из новониколаевского духовенства, причисляемого к патриаршему лагерю, в данных документах упомянуто имя только единственного клирика – священника Трифона Шостака.

Согласно чекистским наблюдениям, после освобождения первосвященника из-под ареста борьба его сторонников и обновленцев приняла форму открытого противостояния: в Новониколаевске начался захват «самоорганизовавшимися мирянами» храмов, принадлежащих раскольникам. По сообщению одной из сводок, к 1 января 1924 г. схизматики были вытеснены из трех городских общин³. В сводке же, составленной не ранее апреля 1924 г., говорилось, что приверженцы патриарха Тихона во главе с «инженером Восжанкиным и попом Шостаком», не имея возможности из-за отсутствия архиерея создать свой легальный «церковно-административный центр», пытались организовать «объединенный совет канонических общин». Однако патриаршие общины остались в Новониколаевске разобщенными по причине существующих между ними разногласий. Здесь же говорилось и о неудачных попытках связаться с епископом Уфимским – назначенным патриархом на томскую кафедру епископом Андреем (Ухтомским)⁴.

К сожалению, из текста источника не совсем понятно, к какому времени относятся сведения о несостоявшихся контактах с владыкой Андреем. Не исключено, что как раз эта неудача могла подтолкнуть новониколаевцев к принятию решения об архиепископе Димитрии⁵. Так или иначе, но священник Трифон

Шостак в своем рапорте попросил патриарха Тихона поручить омскому архипастырю руководство и управление всеми православными приходами Томской епархии, включая викариатства Новониколаевское, Барнаульское и Бийское.

Думается, кандидатура его представлялась новониколаевцам оптимальной по нескольким причинам. Во-первых, владыке уже было поручено окормление не признавших обновленцев приходов Новониколаевского викариатства; во-вторых, Димитрий был, пожалуй, единственным правящим архиереем старого поставления, оставшимся на свободе, и, в-третьих, он находился в не удаленном от Новониколаевска Томске, где, согласно автору рапорта, имел «мѣстожительство», но епархиальными делами не занимался. По-видимому, исходя из всего этого, священник Трифон Шостак и осмелился просить главу Русской православной церкви назначить пребывающего не у дел архиерея на томскую кафедру. Но кафедра эта была занята епископом Андреем (Ухтомским), а сам архиепископ Димитрий (Беликов) числился на омской кафедре. Поэтому новониколаевский священник и сделал существенную оговорку: «до его возвращения на Омскую кафедру или до приѣзда по мѣстам епископовъ»⁶. Скажу сразу, что в Омск владыка уже больше не вернулся, а в Новониколаевск патриарший ставленник епископ Никифор (Н.П. Асташевский) прибыл только осенью 1924 г. С его появлением сибирская столица наконец-то стала епархиальным городом.

Из проставленных на рапорте Шостака дат (имеется в виду не только дата документа – 23 августа 1923 г., но и даты делопроизводственных помет и резолюции самого патриарха – 24 августа 1923 г.) следует, что документ был составлен непосредственно в Москве и сразу же подан в канцелярию. В церковной среде Новосибирска бытовал устный рассказ о поездке в столицу в 1924 г. священника Александра Пospelова, который от имени новониколаевского духовенства и мирян обратился к патриарху Тихону с просьбой прислать в город правящего архиерея⁷. Данное свидетельство подтвердить или опровергнуть практически невозможно, как и трудно сказать, какое влияние на принятие решения о повторном обращении к патриарху оказала поездка, осуществленная годом раньше священником Трифоном Шостаком. Источники свидетельствуют лишь о том, что в созданном, видимо не ранее начала 1926 г., списке патриарших приходов и духовенства Новосибирской епархии Трифон Шостак числится вторым священником Воскресенской церкви, в которой настоятельствовал Александр Пospelов⁸.

⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 76 об.

⁷ Шабунин Е.А. Исповедник веры Христовой. Памяти протоиерея Александра Пospelова // URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/nepropol/787-09.html> (дата обращения: 04.01.2017); *Он же*. Церковь в честь Воскресения Христова на старом кладбище // URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/602-09.html> (дата обращения: 04.03.2017).

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАОН). Ф. Р1978. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 6.

об отказе в восстановлении этих прав (Государственный архив Томской области. Ф. Р430. Оп. 3. Д. 168. Л. 1–6).

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 281–282; Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / изд. подг. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.: Новосибирск, 1998. Кн. 2. С. 390–391.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 28 об.–29.

⁵ В чекистской сводке не указано не только время, но и количество таких попыток. Если все же речь идет о событиях после назначения архиепископа Димитрия на томскую кафедру, то поиски контактов с епископом Андреем могли иметь место тогда, когда до Новониколаевска дошли сведения, отразившиеся, например, в сообщении по Томской губернии из сводки VI отделения СО ОГПУ на 1 января 1924 г. Согласно документу, владыка Димитрий пошел на сотрудничество с обновленцами, правда, на очень короткий срок. Недовольство томских сторонников патриарха Тихона этим поступком владыки было так сильно, что вынудило его прекратить всякие сношения с раскольниками (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 282; Архивы Кремля: Политбюро и Церковь... Кн. 2. С. 391).

Проблема была настолько злободневной, что новониколаевцы, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же после освобождения патриарха отправили в Москву посланца. Он подал свой рапорт, когда не истекло еще и двух месяцев после выхода первосвященника из Лубянской тюрьмы, если, конечно же, даты на документе проставлены по новому стилю, а если по старому, то чуть позже. Достаточно быстро определился и патриарх Тихон. Уже на следующий день, 24 августа 1923 г., он проставил на документе резолюцию о назначении архиепископа Димитрия временно управляющим Томской епархией и ее тремя викариатами⁹. Решение это было внесено затем в специально составляемые в патриаршей канцелярии списки иерархов и занимаемых ими церковных кафедр¹⁰.

Конечно же, иерей Шостак не знал, что в отличие от других сибирских иерархов, владыка Димитрий имел в Москве высокопоставленного партийного покровителя – родственника-революционера В.В. Адоратского, которого высоко ценил и опекал В.И. Ленин. Как относительно недавно установлено, семьи Беликовых и Адоратских связывали многолетние тесные родственные узы [1, с. 354–385]. В марте 1923 г. В.В. Адоратский в письме авторитетному сибирскому большевику В.Д. Вегману просил помочь своему церковному родственнику и сделать так, чтобы его не трогали и разрешили ему жить там, где он хочет¹¹. Видимо, архиепископ Димитрий выбрал местом проживания хорошо знакомый ему старинный сибирский город. Известно, когда в Томске владыка сменил свой архиерейский статус с временного на постоянный, но уже в мае 1924 г. патриарх Тихон включил его в состав формируемого Священного синода Русской православной церкви с титулом Томский, а не Омский¹².

Автор публикуемого документа – ничем не примечательный в дореволюционное время иерей, один из рядовых священников Томской епархии, достаточно часто менявший места своего служения. Сведений о Трифоне Игнатьевиче Шостаке сохранилось минимальное количество, разбросаны они по самым разнообразным документам церковного делопроизводства. Из тех источников, которые удалось выявить, следует, что в конце октября 1922 г. ему был 41 год, служил он в Троицком соборе Колывани, возглавлял благочиннический округ № 39, из церковных наград в 1912 г. получил скуфью, в 1921 г. – наперсный крест¹³. Шостак кончил со званием студента Томскую духовную семинарию, в сентябре 1901 г. был рукоположен в священника. Все это указано в составленном и подписанном

28 октября 1922 г. колыванским благочинным наградном списке на девять священников из округа № 39, причем приведенные выше сведения о нем вписаны в документ другим почерком. Видимо, о. Трифон претендовал на сан протоиерея, но из источника не совсем понятно, получил он его от обновленцев или нет.

Публикуемый рапорт говорит, что в конце августа 1923 г. священник Шостак возглавлял уже патриаршую старо-Покровскую общину в Новониколаевске, а в составленном не ранее начала 1926 г. списке приходов и духовенства Новосибирской епархии он числился вторым священником в городской Воскресенской церкви, причем в сане протоиерея¹⁴. В поданном для регистрации в Новосибирский окружной административный отдел списке духовенства той же церкви от 31 декабря 1927 г. сообщается, что идущий под номером один священнослужитель Шостак (настоятель о. Александр Пospelов был уже арестован) происходит из духовного сословия, является православным со дня своего рождения, живет на Журиной улице, дом 46, недвижимого имущества не имеет¹⁵.

Интернетовские публикации подтверждают его службу в новосибирской Воскресенской церкви и колыванском Троицком соборе, а также сообщают, что до Колывани о. Трифон Шостак служил священником в железнодорожных храмах: с октября 1910 г. – в Андрее-Екатерининской церкви при станции Каинск, а до этого (с сентября 1901 г.?) – в Андреевской церкви при станции Тайга¹⁶.

По всей видимости, он был вынесен потоком событий на поверхность в критический период церковной истории, стал ключевой фигурой в борьбе с раскольниками в Новониколаевске тогда, когда в городе обосновалось Сибирское церковное управление обновленческой митрополии. Во многом развитие этих событий конструировалось и контролировалось местными чекистами, которые после освобождения патриарха приступили к выполнению поставленной Центром задачи – создания противоборствующих церковных групп, дискредитирующих друг друга и тем самым подрывающих в глазах верующих авторитет церковных институтов. Вероятно, именно тогда часть прихожан городской Покровской церкви, уже публично до этого заявлявшая о непризнании обновленцев¹⁷, получила наконец возможность организовать свою собственную общину, во главе

¹⁴ ГАНО. Ф. Р1978. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 6.

¹⁵ Там же. Ф. Р1418. Оп. 1. Д. 1. Л. 104, 105.

¹⁶ Шабунин Е.А. Церковь в честь Воскресения Христова на старом кладбище // URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/602-09.html> (дата обращения: 04.03.2017); Пасекунов Д. Свято-Троицкий собор г. Колывань // URL: https://vk.com/topic-4749020_21835420 (дата обращения: 04.03.2017); Церковь Андрея Критского // URL: http://taigamuz.ucoz.ru/index/cerkov_andreja_kritskogo/0-12 (дата обращения: 04.03.2017); URL: <http://www.kainsksib.ru/123/index.php?showtopic=1414&st=100> (дата обращения: 04.03.2017); URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/885/%3Fnom=307?id=0&nom=&sw=%D1%88%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BA> (дата обращения: 04.03.2017).

¹⁷ Об этом см.: ГАНО. Ф. Д159. Оп. 1. Д. 149. Л. 159–160.

⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 76.

¹⁰ Там же. Л. 326.

¹¹ Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: сб. док. к 90-летию Сибархива / сост. Л.С. Пашенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010. С. 256–257.

¹² Следственное дело патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н.А. Кривова. М., 2000. С. 370–371.

¹³ ГАНО. Ф. Д159. Оп. 1. Д. 148. Л. 37 об., 39.

которой и встал священник Трифон Шостах. Его рапорт однозначно говорит, что именно он был первым настоятелем этой общины, а не написавший в апреле 1924 г. патриарху Тихону покаянное послание протоиерей Николай Афанасьев¹⁸, как считалось в литературе ранее [16, с. 13].

Рапорт священника Трифона Шостаха публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. В квадратных скобках восстановлены сокращения, пропущенные буквы и знаки препинания. Подчеркивания в документе – читательские.

Рапорт священника старо-Покровской общины Градо-Новониколаевского благочиннического округа Новониколаевского викариатства Томской епархии Т.И. Шостака патриарху Московскому и всея России Тихону (В.И. Беллаину) о назначении архиепископа Димитрия (Д.Н. Беликова) временно управляющим Томской епархией

23 августа 1923 г.

(л. 76) Его Святѣйшему,
Святѣйшему Патриарху Тихону
Московскому и Всея Россіи

настоятеля Покровской
Православно Канонической
Христіанской общины
въ городѣ Ново-Николаевскѣ,
священника Трифона Шостака

рапорт.

Имеющіеся въ предѣлахъ Ново-Николаевскаго Викариатства Томской епархіи православные приходы[,] не присоединившіеся къ «живой церкви», не имѣющіе своего епископа, резолюціей Вашего Святѣйшества вѣдряются вѣдѣнію Архіепископа Омскаго Димитрія.

Высокопреосвященный Димитрій въ настоящее время имѣетъ мѣстожителство въ г. Томскѣ и епархіальными дѣлами не занимается, а потому осмѣливаюсь // (л. 76 об.) почтительнѣйше просить Ваше Святѣйшество, не найдете ли возможнымъ сдѣлать указаніе Высокопреосвященнейшему Димитрію[,] взять на себя руководство и управленіе православными приходами всей Томской Епархіей съ ея Викариатствами Бійскимъ, Барнаульскимъ^a и Ново-Николаевскимъ до его возвращенія на Омскую кафедру или до прїѣзда по мѣстамъ покаянствъ.

Вашего Святѣйшества, Милостиваго Отца и Архипастыря преданный сынъ и послушникъ

Священникъ Трифонъ Шостака.

1923 года Августа 23 дня.

¹⁸ Мне уже приходилось обращаться к его биографии [1, с. 259–265; 15], отмечу только, что более подробные сведения, чем те, которые уже есть в историографии, о дореволюционной жизни протоиерея Н.Л. Афанасьева можно почерпнуть из оформленного в 1921 г. его собственной рукой послужного списка (ГАОУ. Ф. Д159. Оп. 1. Д. 136. Л. 17 об.–18 об., 19 об.).

^a Подчеркнуто фиолетовыми чернилами.

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 76–76 об. Рукописный подлинник, автограф черными чернилами. На л. 76 фиолетовыми чернилами рукой патриарха Тихона резолюция: «24 авг[уста]. Поручается Высокопр[еосвященнейшему] Димитрію Арх[іепископу] Омскому управл[ять] православным[и] приходами Томской епархии и ея викариатствами временно. Патр[іархъ] Тихонъ». *Здесь же рукописные пометы: фиолетовыми чернилами – 1) «Вх[одящій] ж[урналъ] № 10. 24/VIII. 1923^a», 2) «Испол[нѣно] 24/VIII. 1923 г.»; синим карандашом – «Исп[олнѣно]».*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (историографическое исследование). Новосибирск, 2013. 407 с.
2. Петров С.Г. Известные источники о томском архиепископе Димитрии (Беликове) // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 138–143.
3. Дмитриенко Н.М. Томский биографический словарь: Беликов Дмитрий Никанорович // Сибирская старина. 1994. № 7. С. 41–42.
4. Ковырзин К.В. Димитрий (Беликов Дмитрий Никанорович) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 70–73.
5. Дмитриенко Н.М. Беликов Дмитрий Никанорович // Энциклопедия Томской области. Томск, 2008. Т. 1: А–М. С. 61–62.
6. Бородин А.П. Беликов Дмитрий Никанорович // Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 17–18.
7. Луков Е.В. Беликов Дмитрий Никанорович // Профессора Томского университета: Биограф. словарь. Томск, 1996. Вып. 1: 1888–1917. С. 34–37.
8. Фоминых С.В. Беликов Д.Н. // Профессора медицинского факультета Императорского (Государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): биограф. словарь. Томск, 2004. Т. 1. С. 76–77.
9. Кузоро К.А. Исследователь томского старообрядчества профессор Д.Н. Беликов: новые материалы к биографии // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2005. Т. 1: Материалы. С. 173–178.
10. Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. Томские архиереи: биограф. словарь. 1834–2002. Томск, 2002. 112 с.
11. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. 399 с.
12. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 396 с.
13. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. 320 с.
14. Петров С.Г. К истории обновленческого церковного раскола в г. Новониколаевске // Новосибирская область в контексте российской истории: Материалы региональной историко-краеведческой конференции. Новосибирск, 2001. С. 162–166.
15. Петров С.Г. Покаянное послание новониколаевского священника патриарху Тихону (1924 г.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 8: История. С. 177–183.
16. Шабунин Е.А. Храмы Новосибирска: исторический путеводитель. Новосибирск, 2002. 80 с.

REFERENCES

1. Petrov S.G. Russian Orthodox Church at the time of Patriarch Tikhon (source-study). Novosibirsk, 2013, 407 p. (In Russ.)

^a Исправлено, в помете ошибочно: 1924.

2. Petrov S.G. Unknown sources on the Tomsk Archbishop Dmitry (Belikov). *Sibirskie arhivy v nauchnom i informatsionnom prostranstve sovremennogo obshchestva: Materialy mezhr regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, 2015, pp. 138–143. (In Russ.)
3. Dmitrienko N.M. Tomsk biographical dictionary: Belikov Dmitry Nikanorovich. *Sibirskaja starina*. 1994, no. 7, pp. 41–42. (In Russ.)
4. Kovyrzin K.V. Dmitry (Belikov Dmitry Nikanorovich). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2007, vol. 15, pp. 70–73. (In Russ.)
5. Dmitrienko N.M. Belikov Dmitry Nikanorovich. *Entsiklopediya Tomskoj oblasti*. Tomsk, 2008, vol. 1: A–M, pp. 61–62. (In Russ.)
6. Borodin A.P. Belikov Dmitry Nikanorovich. *Gosudarstvennyy sovet Rossijskoy imperii. 1906–1917: Jentsiklopediya*. Moscow, 2008, pp. 17–18. (In Russ.)
7. Lukov E.V. Belikov Dmitry Nikanorovich. *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskij slovar'*. Tomsk, 1996, vol. 1: 1888–1917, pp. 34–37. (In Russ.)
8. Fominykh S.V. Belikov D.N. *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (Gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2003): biogr. slovar'*. Tomsk, 2004, vol. 1, pp. 76–77. (In Russ.)
9. Kuzoro K.A. Researcher of the Tomsk Old Believers Professor D.N. Belikov: new materials for biography. *Starobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Moscow, 2005, vol. 1: Materials, pp. 173–178. (In Russ.)
10. Isakov S.A., Dmitrienko N.M. Tomsk bishops: Biographical dictionary. 1834–2002. Tomsk, 2002, 112 p. (In Russ.)
11. Sheinfeld M.B. Historiography of Siberia (late XIX – early XX century). Krasnoyarsk, 1973, 399 p. (In Russ.)
12. Pokrovsky N.N. Anti-feudal protest of Ural-Siberian peasant-Old Believers in the XVIII century. Novosibirsk, 1974, 396 p. (In Russ.)
13. Goriushkin L.M., Minenko N.A. Historiography of Siberia in the pre-October period (late 16th – early 20th century). Novosibirsk, 1984, 320 p. (In Russ.)
14. Petrov S.G. To the history of the Church Renovated Schism in Novonikolaevsk. *Novosibirskaja oblast' v kontekste rossijskoy istorii: Materialy regional'noy istoriko-kraevedcheskoy konferentsii*. Novosibirsk, 2001, pp. 162–166. (In Russ.)
15. Petrov S.G. The penitential Letter of the priest of Novonikolayevsk to Patriarch Tikhon (1924). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012, vol. 11, no. 8: History, pp. 177–183. (In Russ.)
16. Shabunin E.A. Temples of Novosibirsk: a historical guide. Novosibirsk, 2002, 80 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 05.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170319
УДК 930.23:325.111(47+57)

И.Н. СТАСЬ

ПОЛЕМИКА ИСТОРИКОВ О СУЩНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТАХ УРБАНИЗАЦИИ В РОССИИ/СССР*

Сургутский государственный университет,
РФ, 628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1

В статье раскрывается позиция историков в научном споре о ложной урбанизации в истории России / СССР. Дается характеристика негативных интерпретаций (концепции М.Г. Мееровича, В.А. Исупова, А.С. Иванова, И.Н. Стася, М.Н. Балдано), а также позитивных оценок российской урбанизации (теории А.С. Сеньявского, С.С. Букина, В.И. Исаева, А.Ю. Ильина, О.В. Горбачева). Автор приходит к выводу, что историки единодушны в толковании урбанизации России как незавершенного процесса. Однако суть спора заключается в оценках результатов и понимании движущих акторов урбанизации. Начавшись в 1990-х гг., спор так и не стал полноценной научной дискуссией в виде конференций, семинаров или серий научных статей, а скорее приобрел форму заочного обмена мнениями. Продолжает также оставаться широким круг проблем, которые редко анализируются в историографии, но изучение которых актуально для разработки концептуально-теоретических моделей истории городского развития России.

Ключевые слова: догоняющая урбанизация, индустриализация, индустриально-урбанистическое общество, ложная урбанизация, модернизация, поселковость, псевдоурбанизация, урбанизация.

I.N. STAS'

HISTORIAN'S CONTROVERSY ON THE URBANIZATION ESSENCE AND RESULTS IN RUSSIA/USSR

Surgut State University,
1, Lenin Str., Surgut, 628412, Russia

The article analyzes historians' position in the scientific dispute about false urbanization in the history of Russia/USSR. Generalization of its results is determined by the significance of national historical urban studies development. The problem field of the article includes a study of negative interpretations (concepts of M.G. Meerovich, V.A. Isupov, A.S. Ivanov, I.N. Stas, M.N. Baldano), as well as the positive estimations of the Russian urbanization (theories of A.S. Senyavskii, S.S. Bukin, V.I. Isaev, A.Yu. Ilyin, O.V. Gorbachev). Research methodology of the article is based on principles of synthesis of the historiographic analysis and socio-cultural anthropology that contribute to understanding the historiography as a social scientific phenomenon to reproduce research activity of scientists with different self-identity, determined by their scientific schools and conceptual-theoretical orientation. The author comes to conclusion that historians unanimously interpret urbanization in Russia as unfinished process. However, the dispute essence lies in assessing results and understanding driving actors of urbanization. At the same time, the author believes that because of the relative youth of the urban history and rarity of generalizing works on urbanization in Soviet Russia, disparate opinions have not really attained a discussion form. Starting in 1990s, the dispute did not become a full-fledged scientific discussion in the form of conferences, seminars or series of scientific articles in particular journals, but rather took the form of correspondence exchange. A wide range of issues persists, that are rarely examined by historians in order to analyze urbanization processes. However it is important to study these issues for the sake of elaborating conceptual-theoretical models of urban development.

Key words: catch-up urbanization, industrialization, industrial-urban society, false urbanization, modernization, township, pseudourbanization, urbanization.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01014.

Игорь Николаевич Стась – канд. ист. наук, старший преподаватель, старший научный сотрудник, Сургутский государственный университет, e-mail: igor.stas@mail.ru.

Igor' N. Stas' – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Surgut State University.

В отечественной историографии до сих пор практически отсутствуют научные работы, в которых подводились бы итоги урбанизационного развития в России, особенно на региональном уровне, давалась оценка этому явлению и ответ на главный дискуссионный вопрос при изучении российских городов: была ли урбанизация России «истинной», т.е. в русле мирового цивилизационного развития, или все же стоит ее интерпретировать как псевдо- и квазиурбанизацию, как искусственное социальное явление? Данная научная проблема является междисциплинарной, ее обсуждение носит дискуссионный характер, а его результаты имеют значение для развития отечественной исторической урбанистики в целом.

Дискуссия о ложной урбанизации в истории России/СССР началась в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Она вышла из научного спора о роли и необходимости развития крупных городов в системе расселения СССР в 1960–1970-х гг. и приняла более крайнюю форму этого обсуждения. Начало дискуссии нашло отражение в статьях известных советских ученых, которые работали на стыке философии, социологии и урбанистики – Л.Б. Когана, А.С. Ахиезера, В.Л. Глазычева, А.Г. Левинсона, Э.С. Демиденко. Они задали крайне критический тон дискуссии, оценивая городское развитие России в понятиях «псевдоурбанизации», «слободизации», урбанизации по «третьемировскому» образцу, «урбанистической маргинализации», «поселковости». Иницируя эту дискуссию, критики советской урбанизации отмечали ее значимость для развития науки.

В 1990-е гг. как ответ на крайнюю точку зрения урбанистов пересмотрели свое мнение и известные советские географы – Ю.Л. Пивоваров, Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик, П.М. Полян. Они признали незавершенный характер советской урбанизации, вместе с тем, выступили и против оценки урбанизации в России как ложного процесса. К дискуссии подключились демографы, прежде всего в лице такого авторитетного ученого, как А.Г. Вишневский, который отметил, что страна урбанизовалась, но сами города рурализовались и одеревенщивались.

Постсоветская историческая наука также не осталась в стороне от бурной дискуссии о ложной урбанизации в России/СССР. Но включились историки в этот спор только к концу 1990-х гг., когда основные позиции урбанистов, философов и географов были уже известны. В последние года наблюдается всплеск научного интереса к этой среди историков, особенно занимающихся региональными исследованиями.

Исторические исследования урбанизации разделяются по критерию концептуально-методологической базы и аксиологической позиции: с одной стороны – модернизационный и макроисторический подходы, а с другой – критическая парадигма, основанная, как правило, на социокультурных и антропологических теориях. Приверженцы первого подхода оценивают российскую и советскую урбанизацию позитивно, делают акцент на положительной роли советской урбанизации в развитии социума, рассматривают ее

как модернизационный процесс, который в конечном итоге привел к формированию полноценного городского общества.

Представители второго подхода чаще оценивают урбанизацию скептически, усматривая в советской урбанизации противоречивое явление; по их мнению, скорее всего создавались поселения при производственных центрах, чем города в полном смысле этого слова. В этом случае можно говорить о псевдоурбанизации или квазиурбанизации.

Историки в регионах используют преимущественно позитивную модернизационную парадигму в исследованиях урбанизации [1, с. 68]. Однако применение модернизационного и макроисторического подходов может еще не означать положительной оценки урбанизации (например, работы М.Г. Мееровича и В.А. Исупова), как и, наоборот, антропологическая основа не предопределяет критического отношения к сущности российской урбанизации и отрицания модернизации общества (работы В.И. Исаева и С.С. Букина).

Сегодня среди историков наиболее крайняя точка зрения принадлежит историку архитектуры М.Г. Мееровичу, который в совместной с Е.В. Конышевой и Д.С. Хмельницким монографии указывает, что весь Советский Союз оказался «кладбищем мечты о соцгороде» [2, с. 18]. Ученый высказывается против большинства теорий о сущности урбанизации географов, демографов и философов. В них, по мнению М.Г. Мееровича, советская урбанизация рассматривается как существующая в условиях «саморазвития», которое неким непонятным образом оказывалось «сопровождаемым» милитаризацией. М.Г. Меерович называет такие разъяснения ложными, потому что в СССР «само по себе» не происходило совершенно ничего настоящего масштаба [3, с. 11]. Соглашаясь с другими исследователями, что урбанизация была жестко привязана к индустриализации, М.Г. Меерович, однако, первым увидел в ее незавершенности и убогости жилищной и городской среды заданную политику советского государства. Историк предлагает изучать советскую урбанизацию с учетом того, что она являлась побочным продуктом индустриализации [3, с. 10].

В рамках этой критической парадигмы исследует сталинскую урбанизацию Сибири В.А. Исупов [4]. Он один из первых историков включился в дискуссию о ложной урбанизации в истории России [5]. Согласно его выводам, говорить об урбанизации в сталинский период в полном смысле этого слова не приходится. Историк называет этот процесс квазиурбанизацией, для которой были характерны следующие качества: 1) ускоренные темпы роста городского населения; 2) особенно интенсивные миграции сельского населения в города; 3) формирование резко выраженной диспропорции между численностью населения и степенью развития социальной инфраструктуры населенных пунктов; 4) формирование сети маргинализированных поселений, в которых проживало маргинализированное население; 5) задержка в формировании городско-

го образа жизни, «промежуточность» между сельской и городской ментальностью.

В.А. Исупов утверждает, что города Сибири не являлись городами в полном смысле этого слова, но они и не были сельскими поселениями, так как большинство их жителей были заняты в несельскохозяйственной сфере труда, а сложившаяся к концу 1930-х гг. сеть маргинализированных населенных пунктов относилась статистикой тех лет к городам и рабочим поселкам по критерию численности населения [6, с. 467]. Однако, как считает ученый, в 1950-е гг. произошел отказ от политики квазиурбанизации, когда на развитие городской инфраструктуры населенных пунктов Сибири стали направляться ресурсы.

Критический подход у некоторых историков проявляется при анализе движущих сил советской урбанизации в регионах. Так, анализируя систему спецпоселений региона, А.С. Иванов приходит к выводу о феномене режимной урбанизации в сталинскую эпоху, характерными чертами которой были секретность, межведомственная конфликтность, вписывание административного режима в городскую среду и внеэкономическое принуждение [7]. Автор данной статьи, изучая период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960–1980-х гг., выдвигает концепцию ведомственной урбанизации в условиях становления территориально-производственных комплексов Сибири и Урала, когда – при организации системы городского расселения, городской среды и идентичности – урбанизация рассматривалась как развитие ведомственного хозяйства [8].

Изучая урбанизацию на региональном уровне, некоторые историки приходят к выводу о ложной урбанизации в России. Так, в исследованиях городского развития Бурятии М.Н. Балдано отмечается, что одной из глубинных черт советской урбанизации являлась «поселковая сущность городов», которая и по сей день остается реальной преградой для развития подлинной урбанизации в современном понимании [9, с. 54].

Однако результаты урбанизации в СССР большинством историков, признающих ее особенный и незавершенный характер, оцениваются положительно, как большое достижение советской эпохи. Главным идеологом этой позиции историков выступает А.С. Сенявский, который сформулировал теорию «урбанизационного перехода» в истории России и раскритиковал радикальные концепции о ложной урбанизации, отметив, что в основе этих взглядов лежат социальная реальность, дающая повод для соответствующих выводов, а также либеральная позиция авторов, рассматривающих модернизацию как вестернизацию [10, с. 77–78].

По его мнению, нельзя брать за точку отсчета в оценке российской урбанизации западный город. Признавая, что урбанизация в СССР обладала чертами «искусственности», а городские поселения становились «приложением» к промышленному производству [10, с. 83], А.С. Сенявский резко выступает против категорически негативных оценок советской урбанизации, которые, как и позитивные, вообще неприемлемы при историческом подходе [10, с. 84]. Ученый заключа-

ет, что в 1960–1980-х гг. масштабная урбанизация подготовила социальную почву для трансформации советской системы и уничтожения тоталитаризма, что она в целом вписывалась в общую логику индустриального развития и в общемировые модернизационный и урбанизационный процессы, но при этом имела свои «системные» особенности [10, с. 261–266].

Известный историк Б.Н. Миронов также указывает, что к 1990-м гг. в общих чертах урбанизация в России состоялась, но еще не успели во всей силе проявиться ее последствия: многие города не стали центрами высокой городской культуры в материальном и духовном смысле, а большие города обросли унылыми и убогими полугородскими-полусельскими окраинами и пригородами [11, с. 275].

Позитивно оценивали советскую урбанизацию С.С. Букин и В.И. Исаев [12, с. 140–167]. В рамках теории модернизации сибирское население XX в. стало изучаться ими как общество индустриально-урбанистического типа. Они утверждали, что индустриализация Сибири повлекла за собой урбанизацию, в то время как та «стала следствием и составной частью всеобъемлющей модернизации общества, проводимой по инициативе государства» [12, с. 163]. Переход к современному индустриально-урбанистическому образу жизни на основной территории Сибири совершился к концу предвоенных пятилеток. Однако С.С. Букин и В.И. Исаев отмечали, что переход был незавершенным: рурализовались города, навязывались искусственная ориентация среди сельской молодежи в пользу города и негативное отношение к крестьянству, происходило инициирование урбанизации Сибири «сверху», оставалась нерешенной жилищная проблема [12, с. 147–148]. Но в целом, несмотря на множество проблем, в XX в. города Сибири становились очагами индустриальной цивилизации, «в которых были воплощены современные достижения городского образа жизни, с сохранением старых отсталых городских районов» [12, с. 152–153]. Историки подчеркивали, что «урбанизацию Сибири ... следует рассматривать как часть общемирового процесса становления индустриальной цивилизации» [12, с. 142].

В обобщающей монографии [13] ее авторы, комплексно раскрывая проблему становления индустриально-урбанистического общества в Сибири в конце XIX–XX вв., пришли к выводу, что социальные последствия модернизации и урбанизации на Урале и в Сибири в основном совпадали с изменениями жизни людей, имевшимися во многих странах Европы, а негативная оценка этих процессов представляется крайностью и упрощением [13, с. 333–334].

Известным критиком концепции ложной урбанизации в России выступает также А.Ю. Ильин, который выдвинул теорию догоняющей урбанизации в истории России [14]. Не принимая модели рурализации социалистических городов немецкого историка Т.М. Бона [15], А.Ю. Ильин объясняет свою концепцию, обращаясь к аргументам М. Вебера [14, с. 145–147]. Он делает акцент на том, что многие города России, особенно

старинные губернские и уездные города, после 1917 г. продолжали развиваться на своей дореволюционной материально-хозяйственной основе и только в определенной мере включали в себя элементы «социалистического города» [14, с. 145]. А.Ю. Ильин соглашается с тем, что в России не был завершен урбанизационный переход, потому что его и невозможно было завершить при догоняющей модели урбанизации, в рамках которой российские города XX в. пережили не рурализацию как движение назад, а развитие в русле мирового урбанизационного процесса с сохранением отдельных черт «преиндустриального» города [14, с. 154].

О.В. Горбачев отстаивает мысль о том, что советская урбанизация являлась саморазвивающимся естественным процессом. В целом, по его мнению, односторонний характер советской урбанизации, в огромной степени обусловленный жестким административным контролем со стороны государства, в конечном счете не смог отменить естественных законов городского развития, и советские города, хотя и с запозданием, но повторяли в своем развитии путь западноевропейских центров, выполняли функции источников инноваций, несмотря на ограничения со стороны административно-бюрократической системы [16, с. 360–361]. Что касается самой дискуссии о ложной урбанизации в истории России, О.В. Горбачев считает, что концепт «псевдоурбанизация» в последнее время употребляется в науке все реже, при этом специфичность и проблемность советской урбанизации уже никто не отрицает, а все больше специалистов склоняются к мысли, что по мере развития модернизации в России эти негативные черты урбанизации постепенно изживались [1, с. 68].

Отказ от концепции ложной урбанизации характерен и для историков, изучающих города на региональном уровне. В частности, Н.В. Гонина в исследованиях урбанизации Восточной Сибири отмечала, что города развивались не только в количественном, но и в качественном отношении [17, с. 358–359].

Таким образом, в исторической науке многие положения концепции «ложной» урбанизации в СССР подвергаются жесткой критике. Но при этом ни сторонники «ложной», ни сторонники «полноценной» советской урбанизации до сих пор не дали однозначных ответов на многие вопросы, которые пролили бы больший свет на характер урбанизационных процессов в СССР, особенно на уровне регионов и конкретных городов. В.И. Исаев справедливо отмечает, что изучение формирования индустриально-урбанистического общества невозможно без подключения исследователей, занимающихся историей отдельных регионов и тем самым способных уточнить имеющиеся позиции и оценки, особенно с ракурса изучения условий и характеристик существования людей и повседневной жизнедеятельности отдельной личности [18, с. 17–19].

Однако редко проводимые форумы по проблемам исторической урбанистики и представляемые на них результаты региональных исследований, к сожалению, пока не раскрывают местных и локальных осо-

бенностей урбанизационного процесса, которые бы смогли детализировать и уточнить признаки ложной урбанизации или их отсутствие в истории России и ее регионов [19, с. 199]. Из-за относительной молодости исторической урбанистики и крайне редко появляющихся обобщающих работ по урбанизации советской России разрозненные мнения по-настоящему не обрели дискуссионную форму. Начавшийся в 1990-х гг. спор так и не стал полноценной научной дискуссией ученых, а скорее приобрел форму заочного обмена мнениями.

Оценочные суждения о сущности урбанизации в истории России / СССР определяются различными исследовательскими стратегиями, которые опираются на модернизационные и социокультурные подходы. Негативные исторические интерпретации урбанизации основываются на концептах «насильственной принудительной урбанизации» (М.Г. Меерович), «маргинализации населенных пунктов и жителей» (В.А. Исаев), «режимности» (А.С. Иванов), «ведомственности» (И.Н. Стась) и др., в то время как позитивные оценки урбанизации строятся на концепциях «урбанизационного перехода» (А.С. Сенявский), «индустриально-урбанистического общества» (С.С. Букин, В.И. Исаев), «догоняющей урбанизации» (А.Ю. Ильин), «естественного развития» (О.В. Горбачев). Однако, несмотря на различные мнения, историки, как правило, единодушны в мысли, что урбанизация России оказалась незавершенной, спор касается в основном оценок результатов и понимания движущих сил урбанизации.

Модели российской урбанизации, «ложной» или «настоящей», в научном поле историков конструируются посредством исследований количественной динамики городского населения, градостроительной политики и ее реализации, формирования городской среды и практик повседневности. Вместе с тем широкий круг проблем, важных для понимания урбанизационных процессов, все еще не привлекает должного внимания исследователей, среди них следует отметить: 1) движущие силы, субъекты урбанизации и механизмы управления ею; 2) городская политика и самоуправление; 3) стихийность и хаотичность урбанизации; 4) теснотные пространства и расширение самостроя; 5) роль архитекторов и градостроителей; 6) становление комфортной среды в соответствии с концепциями нового урбанизма; 7) формирование городской и гражданской идентичности и общества потребления в послесталинский период. Надеемся, что профессиональный диалог между историками и проведение обобщающих фундаментальных исследований будет способствовать более ясному пониманию урбанизационных процессов в России / СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбачев О.В. Российская урбанизация в XX веке как междисциплинарная проблема // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2012. № 2-1. С. 67–71.
2. Меерович М.Г., Конышева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.).

М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 270 с.

3. Меерович М.Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестн. Том. гос. архитек.-строит. ун-та. 2015. № 2 (49). С. 9–16.

4. Исунов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Мат-лы межрегион. науч. конф. 6–7 июня 2013 г. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238–245.

5. Исунов В.А. Урбанизация и псевдоурбанизация? (Динамика численности городского населения Сибири в нач. XX века) // Городская культура Сибири: история и современность: сб. науч. тр. Омск, 1997. С. 32–39.

6. Исунов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск, 2012. С. 464–468.

7. Иванов А.С. Феномен режимной урбанизации Западной Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–1. С. 90–94.

8. Стась И.Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Лабиринт. Журн. соц.-гуманит. исслед.. 2014. № 1. С. 64–71.

9. Балдано М.Н. Советская модель урбанизации // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 7. С. 53–56.

10. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.

11. Мионов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 3. С. 259–276.

12. Букин С.С., Исаев В.И. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 140–167.

13. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. 336 с.

14. Ильин А.Ю. Догоняющая урбанизация и городское хозяйство в истории России (размышления по поводу работ немецкого историка Т.М. Бона) // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 143–155.

15. Бон Т.М. «Социалистический город» или «европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе // Российская история. 2009. № 1. С. 65–76.

16. Горбачев О.В. Административно-бюрократический аспект российской урбанизации (XVIII – начало XX в.) // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 350–361.

17. Гонина Н.В. Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. – «псевдоявление» или объективный процесс? // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. Иркутск, 2009. С. 356–359.

18. Исаев В.И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 17–20.

19. Баканов С.А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198–201.

REFERENCES

1. Gorbachev O.V. Russian urbanization in the XX century as an interdisciplinary problem. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, no. 2–1, pp. 67–71. (In Russ.)

2. Meerovich M.G., Konyshcheva E.V., Khmel'nickii D.S. The socialist town cemetery: urban policy in the Soviet Union (1928–1932). Moscow: ROSSPEN: Fond «Prezidentskii centr B. N. El'tsina», 2011, 270 p. (In Russ.)

3. Meerovich M.G. The urbanization uniqueness in the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2015, no. 2, pp. 9–16. (In Russ.)

4. Isupov V.A. Quasiurbanization in Stalin's strategy for Siberia modernization: late 1920–1930s. *Regional'nye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiiskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii. Materialy mezhhregion. nauch. konf. 6–7 iyunya 2013 g.* Novosibirsk: Parallel', 2013, pp. 238–245. (In Russ.)

5. Isupov V.A. Urbanization and pseudourbanization? (The dynamics of urban population of Siberia in the early XX century). *Gorodskaya kul'tura Sibiri: istoriya i sovremennost'*. Omsk, 1997, pp. 32–39. (In Russ.)

6. Isupov V.A. Quasiurbanization in Stalin's strategy for Siberia modernization: late 1920s – late 1930s. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2012*. Irkutsk, 2012, pp. 464–468. (In Russ.)

7. Ivanov A.S. The phenomenon of regime of urbanization in West Siberia. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, no. 10–1, pp. 90–94. (In Russ.)

8. Stas' I.N. Urbanization as the economy: departmental cities of oil-producing areas in West Siberia (1960–1980s). *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2014, no. 1, pp. 64–71. (In Russ.)

9. Baldano M.N. The Soviet model of urbanization. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009, no. 7, pp. 53–56. (In Russ.)

10. Senyavskii A.S. Urbanization of Russia in the XX century: its role in the historical process. Moscow: Nauka, 2003, 286 p. (In Russ.)

11. Mironov B.N. The city of the village: four hundred years of Russian urbanization. *Otechestvennye zapiski*. 2012, no. 3, pp. 259–276. (In Russ.)

12. Bukin S.S., Isaev V.I. Urbanization in Siberia in the XX century: patterns and characteristics. *Khozyaistvennoe osvoenie Sibiri v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii*. Novosibirsk: SO RAN, 2005, pp. 140–167. (In Russ.)

13. Bukin S.S., Dolgolyuk A.A., Isaev V.I., Timoshenko A.I. The industrial-urban society formation in the Ural-Siberian region. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2011, 336 p. (In Russ.)

14. Il'in A.Yu. Catch-up urbanization and urban economy in the history of Russia (reflections on the works of German historian T.M. Bon). *Voprosy istorii*. 2016, no. 5, pp. 143–155. (In Russ.)

15. Bon T.M. «Socialist city» or «European city»: urbanization and ruralization in East Europe. *Rossiiskaya istoriya*. 2009, no. 1, pp. 65–76. (In Russ.)

16. Gorbachev O.V. An administrative-bureaucratic aspect of Russian urbanization (the XVIII – early XX centuries). *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 2013, no. 17, pp. 350–361. (In Russ.)

17. Gonina N.V. Urbanization in East Siberia in the second half of the XX century – “pseudophenomena” or an objective process? *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2009*. Irkutsk, 2009, pp. 356–359. (In Russ.)

18. Isaev V.I. Problems of studying the history of the industrial-urban society formation in Siberia. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2010, no. 1, pp. 17–20. (In Russ.)

19. Bakanov S.A. Manifest of historical urban studies in Russia. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po oistoricheskim naukam i arkhologii*. 2016, no. 2, pp. 198–201. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.05.2017

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20170320
УДК 070.3

О.Н. АЛЬШЕВСКАЯ¹, С.А. ТАРАСОВА², А.Г. ПУСТОТИНА³

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА: ВЫХОД В ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВ НОВОСИБИРСКА)

¹Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

²Новосибирская государственная областная научная библиотека,
РФ, 630007, Новосибирск, ул. Советская, 6

³Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630022, г. Новосибирск, ул. Петухова 99/1, 64

В статье рассматривается продвижение в интернет-пространстве брендов и продукции издательств. Характеризуются уровни использования интернета на предприятиях книжного бизнеса. Приводятся данные о развитии интернет-продвижения издательствами в столице и регионах России. Рассмотрены формы продвижения книг в Интернете, использующиеся издательствами, выделены наиболее характерные для регионального рынка. Излагаются результаты исследования продвижения в Интернете издательств и издающих организаций Новосибирска по направлениям: наличие сайта (75 %); наличие интернет-магазина (19 %); ведение групп или страниц в социальных сетях (18 %). Отмечается недостаточная представленность издательств в Интернете. Наряду с этим выявляется активная, целенаправленная деятельность других организаций региональной инфраструктуры продвижения чтения (библиотек, книжных магазинов, книжных выставок-ярмарок и др.), выделяются наиболее интересные и перспективные формы такой работы. Сделан главный вывод о постоянном динамичном развитии в виртуальном пространстве инфраструктуры продвижения местной книги.

Ключевые слова: региональные книжные издательства, Интернет, интернет-торговля, социальные сети, аккаунт, инфраструктура чтения.

O.N. ALSHEVSKAYA, S.A. TARASOVA, A.G. PUSTOTINA

REGIONAL PUBLISHING HOUSES: EXIT TO THE VIRTUAL SPACE (A CASE OF NOVOSIBIRSK PRINTING OFFICES)

State Public Scientific-Technological Library SB RAS,
15, Voskhod, Novosibirsk, 630200, Russia
Novosibirsk State Regional Scientific Library,
6, Sovetskaya Str, Novosibirsk, 630007, Russia

Ольга Николаевна Альшевская – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: alshevsk@yandex.ru.

Светлана Антоновна Тарасова – директор, Новосибирская государственная областная научная библиотека, e-mail: director@ngonb.ru.

Анастасия Георгиевна Пустотина – бакалавр, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: nasyapustotina@yandex.ru.

Olga N. Alshevskaya – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific-Technological Library SB RAS.

Svetlana A. Tarasova – Director, Novosibirsk State Regional Scientific Library.

Anastasiya G. Pustotina – Bachelor, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Institute of Philology, Mass Information and Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
99/1, Petukhova Str., Ap. 64, Novosibirsk, 630022, Russia

The article by O.N. Alshevskaya, S.A. Tarasova and A.G. Pustotina «Regional publishing houses: exit to the virtual space (a case of Novosibirsk printing offices)» is devoted to PR activities of regional publishing houses on promoting their brands and products in the Internet. There are several levels of applying the Internet by book business enterprises. Over time, businesses are gradually moving from one level to another or starting to run several parallel directions. The number of publishing and book-selling organizations, which have access to the Internet, grows in the capital and regions of Russia. The most common (at the federal level) forms of books promotion in the Internet are the following: active support for own website (93 %), promotion in social networks (52 %), blogging (37 %), participation in forums (30 %), contextual advertising in the Internet (26 %), direct advertising in the Internet (19 %).

In 2016 studying the promotion in the Internet of publishing houses and organizations was carried out in Novosibirsk – the third megalopolis of the country, the largest city beyond the Urals. The research results revealed insufficient representation of publishers in the Internet: the site presence (75 %); availability of an online bookstore (19 %); maintaining groups or pages in social networks (18 %).

The accounts in social networks and their activity become especially important under modern conditions. Despite wide opportunities for interaction with the public and minimal financial costs of the publishers, only 10 Novosibirsk publishing houses (18 %) use social networks as a way of promoting their own products, and communication with the reader. Along with this, the study has revealed purposeful activity of other organizations of the regional infrastructure to promote the reading (libraries, bookstores, book fairs, etc.). In general, the authors have ascertained existing and dynamic development of the local book promotion infrastructure in the virtual space.

Key words: regional book publishers, Internet, Internet commerce, social networks, account, reading infrastructure.

Интернет все активнее заполняет пространство нашей жизни, становясь незаменимым помощником в учебе, бизнесе, воспитании детей, быту: «Сегодня не менее половины жителей России выходят в Сеть ежедневно, а русскоязычный Интернет освоил все континенты и достиг Антарктиды» [1, с. 12]. Реалии времени вынуждают издательства параллельно, а иногда и полностью переводить продвижение своей продукции в электронный формат. Проведение четкой и регулярной маркетинговой деятельности с использованием прямых и косвенных способов продвижения книг в Интернете дает ощутимый результат, при том что многие из них не требуют материальных затрат. Выделяют следующие уровни использования Интернета предприятиями книжного бизнеса:

1) применение Интернета в качестве средства поиска информации и заказа каких-либо товаров для нужд предприятия;

2) создание web-сайта предприятия с информацией о фирме и предлагаемых ею товарах. На этом уровне покупателю не предоставляется возможность заказа и оплаты товаров;

3) использование Интернета в качестве одного из логистических каналов продажи товара (услуги) в дополнение к основным каналам распределения. На этом уровне структура основного бизнеса предприятия сохраняется, а Интернет позволяет:

– повысить привлекательность предприятия для клиентов;

– увеличить эффективность рекламы товаров за счет оперативного распространения информации о событиях и новостях фирмы;

– привлечь новые слои покупателей [2, с. 227];

4) выделение интернет-подразделения в самостоятельный бизнес.

Эти технологические уровни в какой-то мере можно считать хронологическими. С течением времени предприятия книжного бизнеса постепенно переходят от одного

уровня к другому или начинают параллельно вести несколько направлений.

Количество издательских и книготорговых организаций, имеющих выход в Интернет, постоянно растет. В материалах учебного курса «Веб-сайты отечественных издательств» приводится некоторая статистика присутствия предприятий книжного бизнеса в Интернете на рубеже XX–XXI вв. В 1997 г. в России выход в Интернет имели около 100 издательств, а собственную веб-страницу – менее 10. К 2000 г. пользователями Интернета стали более 400 издательско-книготорговых организаций, около 150 из них открыли собственную веб-страницу. Большая часть издательств–владельцев веб-сайтов – располагалась в Москве (~77 %) и в Санкт-Петербурге (~11 %). Другие регионы были представлены такими городами, как Новосибирск (6 сайтов издательства), Казань (4), Екатеринбург (3), Самара (3), Воронеж (2), Ростов-на-Дону (2), Челябинск (2), Владимир (1), Казань (1), Калининград (1), Калуга (1), Нижний Новгород (1), Новокузнецк (1), Петрозаводск (1), Петропавловск-Камчатский (1), Саранск (1), Саратов (1), Смоленск (1), Томск (1), Тула (1), Ульяновск (1), Якутск (1)¹.

В последующие годы темпы этого процесса значительно возросли. К 2015 г. большинство центральных издательств тем или иным способом продвигали свою продукцию в Интернете. В 2014 г. было проведено исследование использования возможностей Интернета для продвижения продукции московских книжных издательств [3, с. 40–48]. Оно показало, что из 232 издательств (исходно базу исследования составляли 350 издательств) 82 % имеют сайты, 41 % – интернет-магазины, 38 % используют социальные сети.

Как обстоят дела с продвижением собственной продукции в Интернете у региональных издательств? Для понима-

¹ Грузинова Л.Б., Головкина А.В., Озерова М.В. Веб-сайты отечественных издательств. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook737/01/part-002.htm> (дата обращения: 12.12.2016).

ния этого процесса было проведено исследование продвижения в Интернете издательств Новосибирска.

Новосибирск является третьим мегаполисом страны, крупнейшим городом за Уралом. В списке регионов-лидеров отечественного книгоиздания Новосибирская область следует за Ростовской, Волгоградской, Воронежской, Московской, Нижегородской областями. Доля выпущенных в Новосибирской области названий книг и брошюр в общероссийской продукции составляет 1,58 % (в 2015 г. количество названий 1786; общий тираж изданий 514,0 тыс. экз.)².

В основу исследования легли данные, полученные из выпусков библиографического указателя «Издано в Новосибирске» (2009–2015 гг.)³. В указатель включены книги, присланные в соответствии с Законом «Об обязательном экземпляре документов Новосибирской области»⁴ в Новосибирскую государственную областную научную библиотеку (НГОНБ). За шесть лет выхода в свет указателя в нем зафиксированы в качестве издательств и издающих организаций Новосибирской области около 90 организаций и предприятий. При анализе список был сокращен по ряду причин: предприятие перестало существовать или упоминание о нем было однократным; не рассматривались типографии, а также редакционно-издательские подразделения научно-исследовательских институтов СО РАН. Итоговый список включил 57 издательств и издающих организаций Новосибирска. Информация о способах продвижения книжных издательств была собрана в Интернете в период с сентября по декабрь 2016 г.

Издательства в зависимости от объема выпускаемой продукции подразделяются на крупные (свыше 120 книг в год), средние (от 12 до 120 книг в год) и мелкие (менее 12 книг в год). Большинство издательств Новосибирска относятся к средним и мелким, реализующим зачастую не более одного-двух проектов в год. Из 57 издательств к категории мелких нами были отнесены 30 предприятий, 24 издательства попали в категорию средних. Всего лишь три издательства Новосибирска можно считать крупными, и все они являются подразделениями вузов: издательско-полиграфический комплекс Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) (<http://publish.nstu.ru/>); издательство Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ) (<http://rio.nspu.ru/>); редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета (НГУ) (<http://www.nsu.ru/ric/>).

В отраслевом докладе «Книжный рынок России» [4] выделены следующие формы продвижения книг в Интернете, используемые издательствами:

- активная поддержка собственного сайта (93 %);
- продвижения в социальных сетях (52 %);
- ведение блогов (37 %);
- участие в форумах (30 %);
- контекстная реклама в Интернете (26 %);
- прямая реклама в Интернете (19 %) [4, с. 36].

С учетом региональной специфики, нами было рассмотрено продвижение издательств в Интернете по следующим направлениям:

- наличие сайта;
- наличие интернет-магазина;
- ведение групп или страниц в социальных сетях;
- продвижение издательской продукции другими организациями.

Наиболее часто используемой издательствами формой продвижения книжной продукции в сети является организация и поддержка собственного сайта. Для большинства издательств важной целью сайта является создание имиджа компании. Представленная на нем информация свидетельствует об открытости, прозрачности компании, а ежедневное (регулярное) обновление сайта – о динамичности деятельности фирмы, постоянная доступность сайта – о надежности предприятия⁵.

Из составивших базу исследования 57 издательств сайты имеют 43 (75 %). При этом у всех крупных издательств есть сайт, из 24 средних издательств сайт имеет 21, а из 30 малых сайты только у 19. Необходимо сделать важную оговорку. Самостоятельными сайтами обладают 27 (из 43) новосибирских издательств; 16 являются структурными подразделениями сайта своей организации: вуза, библиотеки и др.

Из 15 вузовских издательств Новосибирска страницы в Интернете есть у 12, но чаще всего (80 %) – это лишь модули на сайте учебного заведения (на сайте НГАУ – раздел «Издательский центр НГАУ» (<http://nsau.edu.ru/>); на сайте НГТИ – раздел «Издательство Новосибирского государственного театрального института» (<http://ngti.ru/biblioteka/izdaniya-ngti/>) и т.п. В большинстве случаев такие модули не информативны и выполняют формальные функции (сообщают о существовании издательского подразделения в структуре вуза и о его сотрудниках). В некоторых случаях приводятся перечни книг с аннотациями (НГТИ, СГУПС).

Исключение составляет обширный, хорошо структурированный сайт издательско-полиграфического комплекса НГТУ, хотя и расположенный на сайте вуза, но имеющий все необходимые разделы и удобный интернет-магазин. Выделяется из общего ряда и сайт «Сибмедиздата» (<http://www.ngmu.ru/izdatelstva/sibmedizdat/>), являющегося одним из структурных подразделений Новосибирского государственного медицинского университета, он содержит «визитку», каталог, информацию о новинках, другие разделы.

Важнейшим разделом издательского сайта является «Каталог» – рубрицированный список ссылок и кратких описаний книг. Значимость размещения каталогов на сайтах издательств усиливается еще в связи с сокращением выпуска печатных

² Сухоруков К. Лучше ожидаемого // Книжное обозрение PRO, 444. № 3–4. С. 15.

³ Издано в Новосибирске. 2009 г.: библиогр. указ. Новосибирск: НГОНБ, 2010. 215 с.; Издано в Новосибирске. 2010 г. Новосибирск: НГОНБ, 2011. 222 с.; Издано в Новосибирске. 2011 г. Новосибирск: НГОНБ, 2012. 211 с.; Издано в Новосибирске. 2012 г. Новосибирск: НГОНБ, 2013. 220 с.; Издано в Новосибирске. 2013 г. Новосибирск: НГОНБ, 2014. 222 с.; Издано в Новосибирске. 2014 г. Новосибирск: НГОНБ, 2015. 211 с.; Издано в Новосибирске. 2015 г. Новосибирск: НГОНБ, 2016. 210 с.

⁴ Закон Новосибирской области от 2 февраля 2009 г. № 304-ОЗ «Об обязательном экземпляре документов Новосибирской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/5432802> (дата обращения: 12.01.2016).

⁵ Грузинова Л.Б., Головкина А.В., Озерова М.В. Веб-сайты отечественных издательств. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook737/01/part-002.htm> (дата обращения: 12.12.2016).

библиографических пособий, их ограниченным распространением (большей частью на книжных выставках-ярмарках, среди книготорговцев). Из 43 новосибирских издательств, имеющих сайты, каталоги есть у 22 (51 %) издательств.

Далеко не каждое издательство может позволить себе интернет-магазин (англ. online shop; e-shop) – интерактивный веб-сайт, рекламирующий товар или услугу, принимающий заказы на покупку, предлагающий пользователю выбор варианта расчета, способа получения заказа и выписывающий счет на оплату. С технической точки зрения интернет-магазин можно определить как multifunctional программный модуль, встроенный в сайт (или функционирующий отдельно) и призванный обеспечить продажи продукции фирмы через Интернет.

Из 57 новосибирских издательств интернет-магазины имеют только 11 (19 %): Издательство СО РАН (market.sibran.ru/catalog/); «Окарина» (<http://ocarina.press.ru/>); «Мысль» (<http://www.mysl.ru/howmakebay/>); «Инфолио» (<http://www.infolio.press.ru/>); издательский центр «Россасия» (<http://rossasia.sibro.ru/>) и др. Сайт группы компаний «Сибирского университетского издательства», издательства «Норматика» и «Актуальная литература» (<http://www.sup99.ru/index.php>) предлагает воспользоваться несколькими интернет-магазинами, в том числе новосибирским «Actual.ru» (<http://actual.ru/>).

Если прежде для издательства было важно иметь сайт и каталог, то сегодня на первый план выходит наличие аккаунтов в социальных сетях и их активность. Несмотря на то, что количество способов взаимодействия с публикой в них ограничивается исключительно техническими возможностями самих сетей и материальные затраты со стороны издательства минимальны, социальные сети как способ продвижения своей собственной продукции, место коммуникации с читателем используют только 10 новосибирских издательств (18 %). Все они имеют страницы в популярной отечественной социальной сети «ВКонтакте», в некоторых случаях информация дублируется в других сетях (Издательство СО РАН, 284 участника; «Академиздат», 193 участника; издательский центр «Россасия», 219 участников). 1290 участников имеет группа «Издательства Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»; активно работают в социальных сетях издательские подразделения ГПНТБ СО РАН и НГОНБ.

В подавляющем большинстве случаев ведение аккаунтов в социальных сетях новосибирскими издательствами малоэффективно, так как страницы в социальных сетях неинтересны, оформлены бедно, непривлекательны для посетителей социальных сетей, обновление новостей происходит не чаще одного раза в неделю, некоторые группы и страницы неактивны более двух лет. Крайне редко встречается диалог с потребителем, читателем; издательства не проводят конкурсы, викторины, онлайн-встречи с авторами. Чаще всего происходит дублирование общей информации с сайта издательства. Но совершенно очевидно, что простое пребывание в социальных сетях – это еще не способ продвижения. Чтобы заинтересовать пользователя, необходима планомерная и целенаправленная деятельность по модерации аккаунта, наполнению его интересной для читателей информацией. Только в этом случае он будет привлекательным для потенциальных покупателей.

Обобщая информацию о продвижении в Интернете своих брендов и продукции издательствами Новосибирска, нельзя назвать эту деятельность активной и результативной: 10 % издательств не имеют выхода в Интернет. Мелкие и средние издательства ограничиваются тем, что открывают в Интернете сайт-«визитку»; около половины из имеющих сайты выставляют каталоги своей продукции; 19 % от общего числа издательств открывают собственные интернет-магазины. Только 11 % издательств работают в социальных сетях, продвигая среди пользователей свои бренды и продукцию.

Тем значимее выявленное нами косвенное продвижение продукции местных издательств и авторов другими организациями. Прежде всего, это активная, целенаправленная деятельность областных библиотек:

- Новосибирской государственной областной научной библиотеки;
- Новосибирской областной юношеской библиотеки (НОЮБ);
- Новосибирской областной детской библиотеки имени А.М. Горького.

Названные библиотеки создают документы, в которых представлены книги новосибирских издательств. Лидером этой деятельности, каталогизатором и модератором является Новосибирская государственная областная научная библиотека. В работе с местными изданиями она на протяжении многих лет использует следующие методы:

- все издания, поступившие в НГОНБ в качестве обязательного экземпляра, вносятся в общий электронный каталог библиотеки;
- на основе данных электронного каталога НГОНБ с 2009 г. создается ежегодный библиографический указатель «Издано в Новосибирске». Указатель выходит в бумажном и электронном виде;
- в составе электронной библиотеки НГОНБа созданы электронные коллекции на основе изданий новосибирских авторов и издательств: «Произведения сибирских писателей», «Свидетельствует очевидец», «Солдат войны не выбирают» и др.;
- книги новосибирских издательств и авторов (краеведческая тематика) входят составным элементом в коллекции Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина;
- совместно с городским центром истории новосибирской книги и Центральной городской библиотекой им. К. Маркса ведется «Новосибирский краеведческий портал» (<http://kraeved.ngonb.ru/>), где представлены сибирские авторы и их книги;

- все региональные книги выносятся в обменные списки библиотеки – списки книг для обмена с другими библиотеками, которые выставляются на сайте в соответствующем разделе и др.

Указанные способы продвижения издательской продукции требуют минимального участия со стороны издательства – высылки обязательного экземпляра.

Уникальна деятельность по продвижению региональной книги Новосибирской областной юношеской библиотеки. Сотрудниками библиотеки был создан сайт «Литературная карта Новосибирска и Новосибирской области» (<http://infomania.ru/map/>). Сайт представляет собой пополняемый электронный путеводитель, аккумулирующий информацию

о современной литературной жизни города и области: о писателях и поэтах, организациях и объединениях, событиях, издательствах, литературных журналах и альманахах, сайтах и порталах. Свою цель разработчики видят в объединении всех литературных сил и представлении творческого и краеведческого потенциала широким массам.

Продвижением продукции местных издательств занимаются книжные магазины города («КапиталЪ», 8 новосибирских магазинов сети «Аристотель»), размещающие информацию о книгах местных издательств в своих каталогах и новостных разделах собственных сайтов. Способствует продвижению в Интернете и выставочно-ярмарочная деятельность. В Новосибирске в 2016 г. было организовано две выставки-ярмарки: Международная книжная выставка-ярмарка «Книга: Сибирь – Евразия» и книжный фестиваль «Новая книга». Местные издательства и авторы принимали в них активное участие, они были внесены в каталоги и программы ярмарок, проанонсированы на сайтах организаторов и СМИ города. Ярким событием Международной выставки-ярмарки «Книга: Сибирь – Евразия» стала презентация проекта издательства «Свиньин и сыновья» – русско-го издания книги немецкой писательницы Ингеборги Приор «Завещание Софи», получившая широкое освещение в Интернете.

В продвижении в Интернете местных издательств и авторов заметную роль играют около 20 сайтов и страниц, представляющих писательские ассоциации, литературные объединения: «Арт-кухня» (<http://gcink.nios.ru>); «Баюшка» – творческое объединение фонда «Мое открытие Сибири», группа «ВКонтакте» (<http://vk.com/club16141031>); «Перво-снежник» – литературно-поэтический клуб, группа «ВКонтакте» (<https://vk.com/pervosnezhnik>); Студия Доброго Слова (<http://s-d-s.ru>); «Зеленая лампа» – литературно-музыкальная гостиная (<http://lomonosov.lib54.ru/index.php/lib/biblioteka-im-yu-d-dmitrieva/o-b-dm/90-filialy/dmitrieva/111-literaturno-muzykalnaya-gostinaya-zelenaya-lampa>); «К востоку от солнца» – клуб поэтов НГУ (<http://www.nsu.ru/community/poetry>); «КЛЮЧ» – клуб любителей чтения (<http://www.karlmarx.lib54.ru/club1.html>) и др.

Нечастым явлением на региональном уровне становится организация рекомендательного сервиса. Примером подобного сервиса служит авторский проект новосибирского преподавателя, журналиста и редактора В.Н. Распопина «Интерпретации» (<http://raspopin.den-za-dnem.ru/>). Один из разделов сайта «Лики книг» «представляет собой авторское книжное обозрение, или дневник внимательного читателя, в жанрах рецензии, короткой аннотации, развернутой статьи или тематического обзора, представляющий новые

издания в области художественной литературы, литературоведения и критики, искусства и искусствоведения, истории и культурологии, философии и теологии»⁶. На сайте на протяжении нескольких лет анонсируются книги издательства «Свиньин и сыновья».

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о двух способах продвижения издательской продукции в Интернете: прямом (издательствами) и косвенном (другими организациями). Анализ наличия сайтов, их содержательного наполнения, наличие интернет-магазинов, присутствия в социальных сетях показал и существенное отставание региональных издательств от столичных в вопросах продвижения ими собственного бренда и продукции в Интернете.

Анализ косвенного продвижения продукции региональных издательств, местных авторов, напротив, выявил активную и целенаправленную деятельность библиотек, созданных ими уникальных формирований, книжных магазинов и других организаций. В виртуальном пространстве постепенно формируется инфраструктура продвижения местной книги, состоящая из разных элементов. Тесное взаимодействие институтов книжного дела, составляющих эту инфраструктуру, поднимает на новый уровень общественный интерес к литературной культуре региона, способствует активизации работы по сохранению, популяризации и развитию местных культурных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьева Ю. ОК, Google, или Весь мир в вашем смартфоне // Университетская книга. 2015. № 6. С. 12–17.
2. Есенкин Б.С., Крылова М.Д. Логистика в книжном деле: учебник для вузов. М: МГУП, 2002. 335 с.
3. Лаврова А.Н. Использование возможностей Интернета для продвижения книжных издательств // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10 «Журналистика». 2015. № 2. С. 40–48.
4. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М. 2013. С. 36.

REFERENCES

1. Solovieva Yu. «OK, Google, or the whole world in your smartphone». *Universitetskaya kniga*. 2015, no 6, pp. 12–17. (In Russ.)
2. Esen'kin B.S., Krylova M.D. Logistics in the book business: a textbook. Moscow: MGPU, 2002, 335 p. (In Russ.)
3. Lavrova A.N. The Internet opportunities use to promote book publishing offices. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 10 «Zhurnalistika». 2015, no 2, pp. 40–48. (In Russ.)
4. The book market in Russia. State, tendencies and prospects of development. A branch report. Moscow, 2013, p. 36. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.06.2017

⁶ Интерпретации. URL: <http://raspopin.den-za-dnem.ru/?item=3> (дата обращения: 05.02.2016).

DOI: 10.15372/HSS20170321
УДК 947 081/086

М.К. ЧУРКИН

СИБИРСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ФЕЛЬЕТОНАХ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644007, г. Омск, ул. Яковлева, 166, кв. 73

В статье на материалах фельетонов Н.М. Ядринцева выявляются содержание и особенности сибирского колониального дискурса. Акцентируется внимание на том, что история Сибири в составе Российской империи не сводится исключительно к истории колониальной эксплуатации, являясь длительным процессом интеграции региона в единое административное, социокультурное и экономическое пространство. Установлено, что объектом внимания фельетониста являлись наиболее яркие сюжеты региональной истории: ссылка и каторга, жизнеспособность сибирского общества, административно-управленческая система, переселенческий и инородческий вопросы, предметно отраженные в сибирском колониальном дискурсе второй половины XIX – начала XX вв.

Обращение к жанру фельетона позволило представителям сибирского регионализма, в частности Н.М. Ядринцеву, значительно расширить круг участников обсуждения общественно-политических проблем восточных окраин империи. Тематически связанные тексты фельетонов Н.М. Ядринцева создают ментальные образы региона, семантика которых позволяет постоянно расширять существующие границы дискурса.

Ключевые слова: фельетон, сибирский колониальный дискурс, региональная идентичность, областничество.

M. K. CHURKIN

SIBERIAN COLONIAL DISCOURSE IN N.M. YADRINTSEV'S FEUILLETONS

Omsk State Pedagogical University,
73, Yakovlev Str., Omsk, 644007, Russia

Siberian colonial discourse has recently been the subject of historians' special attention, who tried to overstep the limits of positivistic parameters of understanding the regional history (conquest, annexation). The discourse is oriented to determining the place of eastern outskirts as a part of Russia, as well as conditions, circumstances, methods and results of incorporating a remote outskirts into the General Imperial construct. The discourse basics were formed in the mid XIX century and represented in the works by S.M. Solovyov and V.O. Klyuchevsky. Due to the efforts of the Siberian regionalism representatives, formation of the ideological platform of the Siberian colonial discourse and determination of its subject and participants were actualized in the second half of the XIX century. Problems of the colonial discourse in relation to the socio-cultural incorporation of Siberia into the Imperial construct are vividly represented in literature, in particular, in N.M. Yadrintsev's feuilletons. The key topic of his feuilletons was connected with the limited knowledge of the central authorities about the eastern outskirts potential, with Siberia perception as a Russian economic colony ruled by the local officialdom in accordance with that status. The common idea of multi-thematic Siberian colonial discourse embedded in N.M. Yadrintsev's feuilletons was to highlight the condition of the Siberian society. It was that matrix that included multi-ordinal issues of incorporating Siberia into Russia; migrants fate and future, issue of non-Russian population, prospects of regional cities development, state-administrative policy.

N.M. Yadrintsev's feuilleton contributed to spreading the important ideas of regionalism, popularizing them in the society. Besides, the genre rules for feuilleton such as associativity, emotional and figurative dominant allowed the author to untie his hands and made it possible to broaden the sphere of scientific interest and attract more actors, participants of the colonization process. Ultimately, all this has given full value and versatility for the Siberian colonial discourse of the second half of the XIX – early XX centuries.

Key words: feuilleton, Siberian colonial discourse, regional identity, regionalism, social and political journalism.

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, e-mail: proffchurkin@yandex.ru.

Mikhail K. Churkin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University.

По определению современных исследователей, работающих в рамках научно-исследовательских подходов и практик «новой истории империи», в частности А.В. Ремнева, история Сибири в составе Российской империи отнюдь не сводится только к истории колониальной эксплуатации, это еще и длительный процесс ее интеграции в единое административное, социокультурное и экономическое пространство. В связи с этим, резюмировал историк, более продуктивным будет взглянуть на проблему как на процесс превращения Сибири в периферийный регион, осмысливания ее положения и перспектив в составе Российской империи¹.

Основы сибирского колониального дискурса, ориентированного на определение места восточных окраин в составе России, а также условий, обстоятельств, методов и результатов инкорпорации отдаленной окраины в общеперский конструкт, были заложены еще в середине XIX в. и озвучены С.М. Соловьевым в короткой «Заметке относительно завоевания Сибири». В полемике с П.Н. Небольсиным, рассуждая о форпосте русской колонизации в конце XVI в. – Пермском крае, а также открывающихся перспективах завоевания сибирских земель, историк отмечал, что «пустые пространства, которые давались для обработки и населения, не имели никакой ценности в глазах правительства...» [1, с. 695]. Это, казалось бы частное замечание, стало отправным моментом в формировании платформ, определении круга участников и предмета долгосрочного сибирского «колониального» дискурса, оформлявшегося со второй половины XIX в. Знаковую роль в его становлении сыграли представители сибирского областничества. Актуализация колониальной проблематики пришлось на 1880-е гг., когда в преддверии празднования 300-летия присоединения Сибири к России противостояние сибирского областнического проекта (А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др.) и идеи создания теории «большой русской нации», инициированной М.Н. Катковым, перешло из латентной стадии в открытую. Сложившаяся ситуация характеризовалась и поиском новых литературных приемов и жанров, которые могли бы позволить сохранить паритет в полемике сторон, обойти цензурные препоны и тем самым способствовать поддержанию репрезентативности и наполненности дискурса.

Во втором издании фундаментальной монографии Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» приводится обширный список статей и книг, общим число около 100, изданных автором за 1864–1892 гг., весомая часть которых отражает устойчивый интерес автора к колониальному вопросу. Особая роль в процессе оформления и развития сибирского колониального дискурса принадлежит фельетонам, вышедшим из-под пера Н.М. Ядринцева. За 30 лет исследователем в различных изданиях было опубликовано более 200 фельетонов, определивших широкий круг проблем колонизации Сибири. Два обстоятельства отмечаются нами как симптоматичные. Во-первых, становление Ядринцева-фельетониста приходится на 1860-е гг. – период либеральных реформ и актуализации крестьянского вопроса, который спустя десятилетие станет основным в официально-консервативном сегменте сибир-

ского колониального дискурса. Именно в журнале русской революционной демократии «Искра» публикуются первые фельетоны Н.М. Ядринцева, в которых отчетливо обозначена крестьянская тематика, помещенная в контекст имперского дискурса («Наша любовь к народу», «Козни злонамеренных»). Во-вторых, в силу объективных факторов со второй половины 1860-х гг. появляется серия фельетонов, в которых тема Сибири выходит на первый план («Бойкий полет», «Тюленьская жизнь»). Тем самым происходит внедрение сибирского фельетона в общероссийскую журналистику.

Расцвет творчества Н.М. Ядринцева как фельетониста относится к 1880-м гг. Далеко не последнюю роль в своеобразной «раскачке» сибирской публицистики и, в частности, фельетонного жанра сыграли намечавшиеся торжества по поводу 300-летия присоединения Сибири к России. С точки зрения теоретиков сибирского областничества, юбилейный пафос мог быть использован в интересах продвижения концепции «Сибирь – колония России», что открывало возможность для широкой пропаганды местного патриотизма, а также утверждения чувства социальной и экономической обделенности сибиряка. Показательно, что площадкой демонстрации и репрезентации идей сибирского регионализма становится газета «Восточное обозрение», издаваемая Н.М. Ядринцевым в Санкт-Петербурге. Одним из первых фельетонов, опубликованных на страницах данного издания, становятся «Воспоминания и грезы восточного фельетониста». В этом, отчасти программном, фельетоне Ядринцев в преамбуле апеллирует к рассказу Брета Гарта о маленьком китайце, воспитанном европейцами в Сан-Франциско, который всю жизнь носил под платьем маленького китайского идола... (ответ ориенталистам). Ядринцев, разворачивая эту историю, пишет: «Мой божок и мой кумир – не китайский идол, но воспоминания о моей далекой родине» [2, с. 37]. Пафос регионализма в дальнейшем регулярно возобновляется его тирадами о временах золотого детства на берегах Томи.

Ссылка и каторга в регионе, проблемы жизнеспособности сибирского общества, административно-управленческая система, переселенческий и инородческий вопросы – вот краткий тематический спектр, репрезентируемый Н.М. Ядринцевым на страницах материалов фельетонного характера, отразивших в разнообразных вариациях содержание сибирского колониального дискурса второй половины XIX – начала XX вв.

Значимость сибирского областнического проекта, как неотъемлемой части колониального дискурса, помещенного в фельетонный контекст, представляется неоспоримой (что было во многом предопределено спецификой жанра). Фельетон, объединяя в себе три начала – публицистическое (актуальность, злободневность, ярко выраженная оценочность), художественное (использование образных средств из арсенала художественной литературы) и сатирическое (обращение к комическому иносказанию), способствовал более масштабному вовлечению в обсуждение колониционных вопросов широких слоев общества. При этом использование автором многочисленных псевдонимов, допустимых правилами жанра (Сибиряк, Сибирский репортер, Добродушный сибиряк, Пельменелюбов, Затуранский и др.) [2, с. 7], создавало необходимую ил-

¹ Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Сибирская заимка. URL: <http://www.nsu.ru> (дата обращения: 22.09.2014).

люзию массовой публицистической рефлексии проблемы. Кроме того, фельетонный образ, обладая теми же качествами, что и образ в художественных жанрах, характеризуется повышенным эмоциональным началом. Таким образом, фельетонист, опираясь на достоверные факты, имеет возможность, гиперболизируя их художественными средствами, довести реальную конкретную ситуацию до масштабной общественной проблемы.

Общим знаменателем, объединяющим тематическую палитру сибирского колониального дискурса в фельетонах Н.М. Ядринцева, являются вопросы, призванные осветить состояние сибирского общества. Именно в эту общественную матрицу включены разнопорядковые проблемы инкорпорации Сибири в состав России: судьба и будущее переселенческого дела, инородческий вопрос, перспективы развития городов в регионе, государственно-административная политика.

Характерно, что выведенные автором персонажи, а также вложенные в их уста сентенции в полной мере соотносятся с тезисом Н.М. Ядринцева о зачаточном состоянии общественных и умственных интересов в местных условиях, равнодушии к образованию, примитивности литературных и эстетических потребностей, двойственной роли сибирского купечества в становлении и развитии регионального социума, что определяло, в конечном итоге, исключенность Сибири из общероссийского организма.

В фельетонах Н.М. Ядринцевым выделены две проблемы, определяемые им в качестве краевых, так или иначе связанных со всем блоком колониального дискурса: значение торгового капитала и купечества в колонизации Сибири; возможность и необходимость распространения либеральных реформ и российских общественно-политических практик и учреждений в условиях восточной окраины. В рамках первой проблемы автором в фельетоне «Кондрат благодуществующий и Кондрат утопающий» сконструирован персонаж, презентуемый в двух ипостасях [2, с. 48–51]. Н.М. Ядринцев, акцентируя внимание на нереализованном потенциале купечества, который мог бы обеспечить эффективность колонизационного дела, опосредованно включился в дискурс о путях развития Сибири и отношении в обществе к сибирскому сепаратизму.

Прямо противоположная позиция была представлена в публицистике сторонниками М.Н. Каткова и теории «большой русской нации». Так, 25 января 1886 г. в «Московских ведомостях», в письме «Из Томска», автор которого укрылся за литерами Я. Т. О., томский корреспондент выражал озабоченность проявлениями сибирского патриотизма, который проповедуют в Петербурге «Восточное обозрение», в Иркутске «Сибирь», а в Томске «Сибирская газета»: «Тенденции их везде одни и те же: самобытное развитие страны, возможная независимость колонии от метрополии, которая так безжалостно эксплуатирует богатый край и т.п.». Газеты эти «финансируют сибирские купцы, а за ними прячутся ссыльные поляки, нигилисты и социалисты, которым попустительствуют местные чиновники» [3, с. 999].

Наиболее рельефно проблемы колониального дискурса применительно к теме социокультурной инкорпорации Сибири в имперский конструкт отражены в фельетонах «Сибиряки-эгоисты и цивилизаторы-альтруисты» [2, с. 66–74], «Пельмень», «Сибирские Гарун-аль-Рашиды» [4,

с. 186–192]. Центральная тема фельетонов – ограниченность представлений центральной власти о потенциале восточных окраин, определение места Сибири в составе России как колонии в экономическом отношении, управляемой местным чиновничеством в соответствии с обозначенным статусом. Российское (читай – русское) культуртрегерство в Сибири оценивается фельетонистом в двух плоскостях – как «цивилизаторство» и «администрирование». Скептик Ноздрев, позиционируемый Н.М. Ядринцевым как «просветитель и распространитель сведений о Сибири» [2, с. 67], поминутно восклицает: «Вопросы! Какие там вопросы у самоедов-то... вопросы!»; «На что им (русским. – М.Ч.) университет! Кто в нем учиться будет? Кто к ним пойдет из профессоров?»; «Новый суд им нужен! Да кто у них будет присяжными?» и т.д. [2, с. 67–68].

Такого рода вопросы – составляющий сегмент колониального дискурса эпохи, в котором сторонники русской национальной партии заявляли об опасности либеральных начинаний в Сибири. В частности, по мнению М.Н. Каткова (и это вписывалось в его понимание «народности»), пока народ в силу неграмотности далек от этой пропаганды, но с открытием университета появится и новый читатель – студенты, для которых уже готов целый штаб социалистов, собранных со всех концов Сибири в Томске [3, с. 998]. В стилистически блестяще построенном фельетоне «Пельмень» Н.М. Ядринцев прямо наделяет своего главного персонажа – «пельменя», приходящего к автору регулярно в почтовом конверте, чертами и мировоззрением сибирской либеральной интеллигенции, со свойственной этому слою зыбкостью почвы, неопределенностью взглядов и узкокорыстными настроениями и интересами [2, с. 188–192]. Симптоматично, что полученные автором «пельмени» «выдают» ему бессмысленный массив новостей, так или иначе связанных с востоком, переходя в дальнейшем к исключительно бытовой тематике. Как только «пельмень» пытался обсуждать вопросы истории, политики, религии, географии и статистики, становилось ясно, что это не его профиль [2, с. 190]. Например, комментируя вопрос о строительстве железной дороги, «пельмень» повторял только одну фразу: «чем линия железных дорог южнее, тем нужнее», «чем южнее, тем нужнее» [2, с. 190–191], что, несомненно, разворачивает читателя к колониальному дискурсу по вопросу о траекториях железнодорожной магистрали, начало которому было положено еще в 1870-х гг. на страницах общественно-политического издания «Северный вестник» [5].

Н.М. Ядринцев, размышляя о государственных методах колонизации Сибири как «цивилизации Востока», в фельетоне «Сибирские Гарун-аль-Рашиды» [2, с. 186–188], настойчиво генерирует мысль о том, что опыт распространения в Сибири российских либеральных институтов и идей включения региона в состав империи исторически основан на грубом администрировании и регламентациях. Чиновник, главный герой, в преамбуле фельетона говорит: «Видите эту палку? Я ее вам рекомендую. Эта палка... я ею цивилизацию в Сибири вводил!» [2, с. 186]. И далее: «В городе театра не было. Призываю купцов. Что у вас театра нет? Не нужно? Трах, трах! 50 000 выложили и театр готов»; «Вы все вздыхаете о железной дороге? Я бы вам ее давно построил. Трах! И была бы дорога» [2, с. 186–187].

Таким образом, обращение Н.М. Ядринцева к жанру фельетона способствовало, во-первых, распространению актуальных областнических идей, нуждавшихся в популяризации и донесенных таким способом до общественного сознания. Во-вторых, жанровые законы фельетона – ассоциативность, эмоционально-образная доминанта в развитии темы, открывали новые перспективы в плане расширения проблемного поля исследования, а также обнаружения широкого круга акторов, участников колонизационного процесса. Все это, в конечном итоге, придало полноценность и многосторонность сибирскому колониальному дискурсу второй половины XIX – начала XX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев С.М. Заметка относительно завоевания Сибири // С.М. Соловьев. Сочинения. М.: «Мысль», 1988. Кн. III: История России с древнейших времен, т. 5–6. С. 691–699.
2. Ядринцев Н.М. «Я сын девственной и могучей страны...» // Сборник статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 244 с.
3. Я. Т. О. «Из Томска» // Русский вестник. Современная летопись. СПб., 1882. № 12. С. 962–999.

4. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н.М. Ядринцева: Издание журнала «Сибирские записки» в память 25-летия со дня кончины Н.М. Ядринцева. Красноярск: Тип. Енисейского губ. совета кооператоров, 1919. 223 с.

5. Весин Л. Прошлое и настоящее вопроса о сибирской железной дороге // Северный вестник. 1892. № 10. С.1–27.

REFERENCES

1. Soloviev S. M. A note regarding the conquest of Siberia. S.M. Solov'jov. *Sochineniya*. Moscow: Mysl', 1988, book III. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremyon*. vol. 5–6, pp. 691–699. (In Russ)
2. Yadrintsev N. M. "I am the son of a virgin and mighty country...". *Collection of articles, essays, feuilletons by N.M. Yadrintsev*. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2004, 244 p. (In Russ)
3. Ya. T O. "From Tomsk". *Russkii vestnik. Sovremennaya letopis'*. St. Petersburg, 1882, no 12, pp. 962–999. (In Russ)
4. Collection of selected articles, poems and satires by N.M. Yadrintsev. Edition of magazine "Siberian Notes" in commemoration of the 25th anniversary of N.M. Yadrintsev's death. Krasnoyarsk: Tip. Eniseiskogo gub. soveta kooperatorov, 1919, 223 p.
5. Vesin L. Past and present of the problems on the Siberian railway. *Severnuyu vestnik*. 1892, no. 10, pp. 1–27. (In Russ)

Статья принята
редакцией 01.06.2017

DOI: 10.15372/HSS20170322
УДК 94(571.16) "1900/1917"

Е.В. ПОЧЕРЕВИН

СОДЕРЖАНИЕ ЗЕМСКИХ РЕЧНЫХ ПЕРЕВОЗОВ НА ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина,
РФ, 659333, г. Бийск, ул. Короленко, 53

В статье анализируется практика содержания земских перевозов, находившихся на почтовых трактах Томской губернии в начале XX в. Паромные переправы эксплуатировались подрядным способом за счет средств губернского земского сбора. Контракт получал участник торгов, обозначивший наименьшую цену. Автором проанализированы материалы, отражающие результаты таких подрядных торгов. Несмотря на стремление администрации ограничить рост цен на поддержание переправ, сделать это удавалось не всегда. В рассматриваемый период происходил их неуклонный рост, вызванный как экономической ситуацией в регионе, так и интересами подрядчиков. Получение статуса земской переправы было связано с рядом проблем организационного и материального характера.

Ключевые слова: губернский земский сбор, губернское управление, подрядные торги, речной перевоз, Томская губерния.

E. V. POCHEREVIN

MAINTAINING OF ZEMSTVOS' RIVER CROSSINGS ON TRANSPORT COMMUNICATIONS OF TOMSK PROVINCE IN THE EARLY XX CENTURY

The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University,
53, Korolenko Str., Biysk, 659333, Russia

Tomsk province transport infrastructure at the XX century included many river crossings which were located on important routes and supported by the provincial taxes. The owners of these ferries concluded a three-year contract with the county administration and received a fixed fee for servicing transportation. The article objective is to study the practice of carrying out contract auctions to maintain ferries. The author considers the mechanism of interaction of power structures at the provincial and district levels with contractors and keepers of river crossings on postal routes. Office materials of the provincial and district levels were used in research. Archival materials analysis made it possible to reveal the costs dynamics of maintaining crossings. The author pointed to a number of measures taken by the administration to conclude more profitable contracts to maintain ferry transports. The author concludes that contract tendering, as a rule, was not arranged according to a standard scheme. On the one hand, the official authorities tried to maintain the existing level of contract prices, thereby making them "profitable for Zemstvo cashbox". On the other hand, potential contractors sought to increase them in various ways. It should be noted that the efforts of the latter sometimes paid off. The transportation costs permanent increase was exploded not only by self-interest of their keepers, but also by the real economic situation. The usual river crossings could be supported by provincial zemsky tax, if located on the postal tract. The mechanism for changing the facility status was very complicated and associated with formulating relevant documents, carrying out contract auctions, creating a material base. Under the conditions of limited provincial budget, the process of organizing a new zemsky crossing was rather difficult.

Key words: provincial tax, provincial administration, contract biddings, river crossing, Tomsk province.

Евгений Владимирович Почеревин – канд. ист. наук, старший преподаватель, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина, e-mail: pev2@mail.ru.

Evgeny V. Pocherevin – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, The Shukshin Altay State Humanities Pedagogical University.

Возможность преодоления водных препятствий в условиях Западной Сибири с разветвленной гидрографической сетью является крайне важной для налаживания устойчивых транспортных коммуникаций. В Томской губернии начала XX в. там, где невозможно было построить мосты, для перемещения транспортных средств через крупные реки использовались паромные переправы. Цель настоящей статьи – изучение практики проведения подрядных торгов на содержание земских перевозов. Автором рассмотрен механизм взаимодействия властных структур губернского и уездного уровней с подрядчиками и содержателями речных переправ на почтовых трактах. Статья основана на анализе делопроизводственного материала административных структур в Томской губернии изучаемого периода.

Среди исследований, посвященных развитию сухопутных путей сообщения в Сибири, следует отметить обобщающие работы под редакцией В.П. Бойко [1] и В.П. Зиновьева [2]. Кроме того, данная тема рассматривалась А.А. Завьяловым и Н.С. Модоровым [3], О.Н. Катионовым [4], А.В. Матвеевым [5], С.Ю. Матушиной [6], Т. С. Пустогачевой [7; 8]. В этих трудах внимание уделялось устройству и функционированию речных перевозов. Однако проблемы, связанные с деятельностью администрации по организации земских переправ на трактах Томской губернии, затронуты не были.

Ряд самых востребованных речных переправ на крупных трактах региона содержался за счет губернского земского сбора. Проведение публичных торгов было обязательным условием для поиска содержателя земского перевоза. Торги проводились, как правило, в правлениях тех волостей, на территории которых находились сдаваемые объекты. Механизм организации торгов представлял довольно сложную процедуру и требовал соблюдения ряда формальностей [9]. Анализ делопроизводственных материалов уездной и губернской администрации за 1908 г. позволяет сделать вывод о том, что процесс подрядных торгов почти всегда отклонялся от стандартной модели. Так, в июне 1908 г. змеиногорский уездный исправник докладывал губернскому начальству, что перевоз через р. Чарыш в с. Белоглазово желательнее оставить за прежним подрядчиком – Бирюльцовым, который изъявил желание содержать перевоз за прежнюю цену. Она была «сравнительно не высока и ниже этой цены едва ли найдется». Тем не менее торги были проведены, на них явился только Бирюльцов и предложил оставить содержание перевоза за ту же цену. Губернское управление согласилось с этим, так как сохранение прежнего уровня цен было одним из главных требований со стороны руководства¹. В данном случае участие в «соревновании» всего одного претендента не вызвало протеста со стороны начальства.

Администрация сталкивалась с серьезными трудностями в стремлении ограничить рост цен на содержание земских переправ. Так, торги на сдачу Катунского перевоза в Смоленской волости Бийского уезда на трехлетие с 1908 г. проводились три раза. Дважды результаты ока-

зывались «невыгодными для земской кассы»². На торгах по сдаче перевоза через р. Чумыш в с. Сорокинском Барнаульского уезда была установлена цена, которая в 3 раза превышала действовавшую на тот момент. Томское губернское управление не утвердило данный результат и поручило уездному начальству организовать новые торги. Кроме того, потребовало предоставить справочные сведения о ценах на провиант, фураж, рабочие руки и перевозочные средства³. В том же году губернское управление не утвердило торги на сдачу паромной переправы через р. Бухтарму Змеиногорского уезда. Причиной этого послужило повышение цены на услуги перевоза. Победу на торгах одержал крестьянин Бельский, который содержал эту переправу в истекшем трехлетии 1905–1907 гг. На повторные торги более никто не явился, и становой пристав, проводивший торги, предложил Бельскому снизить цену с 490 до 400 руб. в год, что и было сделано. Однако губернское управление усмотрело в этом невыгодность для «земской кассы», поскольку в прошедшее трехлетие цена составляла 349 руб. в год. Кроме того, были отмечены нарушения в торговом производстве. А именно, Бельский не внес денежный залог, а предоставил только «ручательные одобрения ... не имеющие никакого юридического значения». Предписывалось змеиногорскому уездному исправнику организовать новые торги, а также «предоставить справочные сведения о ценах на провиант, фураж, рабочие руки и перевозочные средства, существовавших в 1905 г. и в настоящее время»⁴. На повторных торгах самую низкую цену в 280 руб. «выпросил» тот же крестьянин, а губернское управление утвердило торговое производство⁵.

При рассмотрении Томским губернским управлением документов о сдаче через торги пяти земских перевозов в Томском уезде за трехлетие 1908–1910 гг. было выявлено, что в двух случаях цены были установлены ниже, чем в прошедшем трехлетии. Поэтому торги были утверждены. В трех случаях цены оказались выше и были признаны «не выгодными для земской кассы». К тому же в одном случае было усмотрено нарушение – победивший участник торгов внес недостаточный залог. Губернским управлением в феврале 1908 г. было указано на необходимость провести новые торги, «приняв все зависящие меры к выгодной сдаче этих подрядов»⁶. Однако уездный исправник доложил губернатору, что ввиду «местных рабочих условий едва ли возможно будет сдать в содержание ... перевозки за меньшую цену». На повторных торгах в апреле перевозки на р. Китат при с. Мазаловское и на р. Яя при с. Ишимское остались за прежним содержателем. Он «выпросил» сумму 939 руб. в год за оба перевоза, что на 282 руб. превышало стоимость их содержания в истекшем трехлетии. Срок предыдущего контракта заканчивался 1 июля 1908 г., и губернское управление в условиях дефицита времени вынуждено было признать необходимость заключения контракта на требуемую сумму⁷.

² Там же. Л. 54–54 об.

³ Там же. Л. 257–257 об.

⁴ Там же. Л. 14, 14 об.

⁵ Там же. Л. 149.

⁶ Там же. Л. 18–19.

⁷ Там же. Л. 114–115.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 43. Л. 220 об.

Еще сложнее происходило заключение контракта на содержание перевоза через р. Томь в с. Ярское Варюхинской волости Томского уезда. В сентябре 1907 г. были проведены торги на сдачу данной переправы на трехлетие с 1908 г. Победителем конкурса стал крестьянин вышеуказанного села Прохор Гейман. Однако торговое производство не было утверждено Томским губернским управлением, поскольку цена оказалась на 300 руб. выше существовавшей в прошлом трехлети. Губернское управление обязало уездного исправника провести повторные торги, которые состоялись в марте 1908 г. Однако на конкурсное соревнование никто не явился. Губернское управление отреагировало указанием исправнику провести торги под его личным наблюдением с тем расчетом, чтобы не позднее 1 июля 1908 г. подрядчик принял перевоз. Кроме того, предписывалось при содействии крестьянского начальника «приискать и заподрядить по частному соглашению благонадежное лицо, которое могло бы принять в содержание перевоз за наиболее выгодную для земства плату»⁸. В начале июня исправник представил в губернское управление рапорт, в котором указывал, что «благонадежное лицо» найти не удалось. Однако в полицейское управление был вызван прежний содержатель Гейман, который согласился снизить цену на 200 руб. Новые торги не назначались. Губернское управление вынесло свой вердикт: «Хотя последняя цена превышает платившуюся в прошлом трехлети на 100 руб., тем не менее отсутствие других желающих, окончившийся срок контракта, невозможность содержания перевоза хозяйственным распоряжением земства, по неимению на месте перевоза перевозочных средств, принадлежащих земству, ставят в необходимость подряд этот утвердить»⁹. От исправника и крестьянского начальника были затребованы объяснения, «по каким причинам и соображениям они не исполнили возложенного на них поручения относительно наиболее выгодной сдачи Ярского перевоза»¹⁰. Таким образом, из рассмотренных документов видно, что губернское начальство стремилось сохранить существующий уровень цен на содержание земских перевозов. Для этого прилагались определенные усилия, давались распоряжения нижестоящим представителям власти. Однако не всегда достигалось желаемое, приходилось мириться с увеличением стоимости содержания перевозов, вызванным, по-видимому, как реальной экономической ситуацией, так и давлением со стороны претендентов на получение контракта.

Со стороны потенциальных содержателей перевозов делались попытки поднять цену с помощью разных ухищрений. Так, торги на сдачу перевоза через р. Иню у с. Гутовское в 1908 г. выиграл крестьянин Василий Карманов, обозначив цену 326 руб. в год. Губернское управление поручило томскому уездному исправнику заключить с ним соответствующий контракт. Однако подрядчик отказался от подряда под предлогом своего болезненного состояния, о чем и представил медицинскую справку. Были назначены новые торги, на которые явился и Карманов. В ходе проведения

процедуры этих торгов самую низкую цену обозначил тот же Карманов, однако сумма составила уже 475 руб. в год. Томское губернское управление, рассмотрев торговое производство, сделало ряд замечаний. Поскольку торги были назначены только вследствие отказа от подряда Карманова под предлогом болезни, его не следовало допускать к конкурсу. Участие Карманова в новых торгах и выраженное желание взять подряд за 475 руб., а не 326 руб. в год указывало на то, что он отказался не из-за болезни, а с целью повышения цены. При таком положении дел, подчеркивалось в определении губернского управления, подряд следовало утвердить за обществом крестьян с. Гутовское, за плату 480 руб. в год, которая тоже была обозначена на торгах. Кроме того, эта цена была ниже платимой в прошедшем трехлети и поэтому «выгодна для земской кассы». Более того, управление посчитало, что своими действиями крестьянин нанес ущерб местному хозяйству региона. Разница между первоначальной ценой, «выпрошенной» Кармановым на первых торгах, и ценой, предложенной крестьянами с. Гутовское, составляла 154 руб. в год, а за три года 462 руб. Данную сумму следовало взыскать с Карманова или его поручителей и «обратить на пополнение понесенных земством убытков»¹¹. То есть по вине крестьянина была увеличена сумма контракта на содержание переправы. Позднее Карманов подавал ходатайство об оставлении за ним перевоза за первоначальную цену, однако губернское управление не пошло ему навстречу, обязав соответствующие структуры ускорить взимание штрафа¹². Конфликт с подрядчиками мог быть перенесен в судебные органы. Так, в 1906 г. Томским губернским управлением был предъявлен иск бывшим содержателям земского перевоза через р. Обь около с. Бердское. Убытки, причиненные ими земской кассе «своей неисправностью и несостоятельностью по содержанию перевоза», составили 664 руб. В свою очередь, бывшие содержатели перевоза предъявили встречный иск на 1132 руб. за невыдачу им платы за содержание¹³.

Вопрос о том, какие именно переправы могли содержаться за счет сумм губернского земского сбора, оставался неразрешенным. Барнаульский уездный распорядительный комитет в марте 1904 г. принял решение подать ходатайство в губернское управление о принятии переправы через р. Обь вблизи с. Красноярское Екатеринбургской волости за счет сумм губернского земского сбора, «как находящейся на почтовом тракте»¹⁴. То есть аргументом здесь выступает расположение объекта на почтовом тракте. Однако известны случаи, когда находящийся на почтовом тракте перевоз содержался силами уезда, а, случалось, и волости. В декабре 1903 г. Барнаульской волостью содержалась переправа через р. Алей на Бийско-Змеиногорском почтовом тракте¹⁵.

Механизм изменения статуса переправы можно проследить на следующем примере. В 1904 г. на заседании уездного распорядительного комитета было высказано мне-

⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 43. Л. 167–169.

⁹ Там же. Л. 244 об.

¹⁰ Там же. Л. 245.

¹¹ Там же. Л. 90–91, 167–169.

¹² Там же. Л. 212–212 об.

¹³ Там же. Л. 287.

¹⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 65. Оп. 1д. Д. 1. Л. 7.

¹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1435. Л. 104, 113–114.

ние об «отнесении переправы через реку Обь около г. Барнаула по Барнаульско-Томскому почтовому тракту на счет губернского земского сбора». До этого перевоз содержался дворянином И.К. Платоновым за плату, что являлось нарушением закона. Разрешение на эксплуатацию переправы с правом взимания платы было выдано бывшим Алтайским горным правлением в декабре 1871 г.¹⁶ В августе–декабре 1906 г. губернатор путем переписки с Министерством финансов получил разрешение на перевод содержания указанной переправы за счет губернского земского сбора. Губернатором было предложено барнаульскому уездному распорядительному комитету определить, с какого времени можно принять перевоз на средства земского сбора. Указано на необходимость выработать «подробные кондиции» для заключения контракта и провести торги. Однако дело затянулось, только осенью 1908 г. был составлен проект кондиций. Распорядительный комитет полагал, что переправу необходимо пустить к весне 1909 г., «иначе тракт прервется». Указывалось на необходимость проведения подрядных торгов, так как хозяйственным способом устроить и содержать перевоз невозможно по причине отсутствия «в распоряжении комитета подходящих лиц». Из материалов распорядительного комитета видно, что на сооружение переправы требовалось 7461 руб., на ее содержание – 4476 руб. в год. Однако было принято решение «установить основную сумму для торгов 6500 руб.». Губернское управление утвердило решения комитета и постановило просить Министерство финансов включить в земскую смету на трехлетие 1909–1911 гг. кредит в размере 6500 руб. в год. Копия с журнала заседания общего присутствия Томского губернского управления была отправлена в Главное управление МВД по делам местного хозяйства¹⁷. В течение 1909 г. торги объявлялись трижды. В феврале¹⁸ и августе¹⁹ публиковались объявления с указанием суммы предполагаемого контракта 6500 руб. в год. В ноябре стоимость уже не указывалась: «торги будут производиться с заявленных цен на понижение»²⁰.

В 1903 г. в губернии насчитывалось 14 земских перевозов через реки Обь, Чумыш, Чарыш, Уба, Бухтарма, Катунь, Томь, Иня, Тартас, Яя и Китат. В 1904 г. добавился перевоз в Барнаульском уезде через р. Бердь при д. Усть-Чемская. Расходы на их содержание составляли 8213 руб. в год²¹. Два трехлетия с 1906 по 1911 г. общая стоимость земских перевозов повышалась незначительно – с 10 213 до 10 271 руб. в год²². В 1912–1914 гг. имелось уже 17 земских перевозов, на их содержание расходовалось 27 428 руб. в год, или на 37 % больше, чем в предыдущие трехлетние периоды²³. В трехлетие 1915–1917 гг. на содержание такого же числа переправ земской сметой предполагалось израсходовать 33 413 руб.²⁴, что на 21,7 % больше, чем

в предшествующий период. Из объяснений губернского начальства следовало, что такое повышение произошло из-за удорожания стоимости труда, фуража и т.д. Однако при окончательном утверждении земских смет, которое осуществлялось на специальных совещаниях «представителей подлежащих ведомств» в столице, было выражено иное мнение. Собрание высказало предположение, что причина в несовершенстве «самого способа проведения торговых состязаний на отдачу с подряда содержания перевозов». Было рекомендовано выяснить этот вопрос на месте и принять меры к привлечению к торгам большего числа участников²⁵. Следует отметить, что в структуре губернских расходов на содержание сухопутных путей сообщения затраты на эксплуатацию речных перевозов составляли от 74 % в 1906–1908 гг.²⁶ до 40 % (план на 1915–1917 гг.)²⁷.

Таким образом, издержки на содержание земских речных перевозов являлись существенной частью губернской сметы расходов, выделяемой на содержание дорожной сети. Организация бесперебойного функционирования переправ требовала от властных структур губернского и уездного уровней энергичной работы по подбору подрядчиков, способных должным образом эксплуатировать данные объекты дорожной инфраструктуры. Определяющим фактором для заключения контракта была его стоимость. Прилагаемые со стороны администрации усилия по сдерживанию роста цен на содержание паромных переправ не всегда давали положительный результат. Можно наблюдать существенный рост расходов губернской земской сметы на содержание речных перевозов в начале XX в. Официальные органы власти сталкивались как с попытками искусственного завышения цен, так и с их естественным ростом. Причем руководство самого высокого уровня даже в годы Первой мировой войны отказывалось учитывать инфляцию, давая рекомендации лишь по улучшению процедуры проведения торгов. Процесс перевода обычной паромной переправы в разряд земской, т.е. содержавшейся на средства губернского земского сбора, был сопряжен с рядом трудностей. Требовалось не только оборудовать перевоз, но и рационально организовать его эксплуатацию, как правило, подрядным способом. Сделать это, располагая крайне ограниченными финансовыми средствами, было не просто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко В.П., Ефименко В.Н., Кадесников А.П. Исторические очерки строительства дорог и мостов. Томск, 2012. 149 с.
2. История дорожного дела в Томской области / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1999. 284 с.
3. Завьялов А.А., Модоров Н.С. Почтовые тракты Алтайского округа в конце XIX – начале XX вв. // Интерэкспо Гео-Сибирь. Горно-Алтайск, 2010. Т. 6. С. 63–73.
4. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 514 с.
5. Матвеев А.В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья: Средневековье – Новое время. Омск, 2014. 266 с.

¹⁶ ГААК. Ф. 65. Оп. 1 д. 1. Л. 10.

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 43. Л. 397–398 об.

¹⁸ Томские губернские ведомости. 1909. 15 февр. С. 3.

¹⁹ Там же. 9 авг. С. 1.

²⁰ Там же. 29 нояб. С. 5.

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1517. Л. 9, 10, 50, 51.

²² Там же. Оп. 23. Д. 43. Л. 294–299.

²³ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 35А. Л. 1 об. –2.

²⁴ Там же. Л. 1 об. –2.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 43. Л. 294–299.

²⁷ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 35А. Л. 1 об. –2.

6. Матушина С.Ю. История дорожного дела на Алтае. 1900–2000 гг. Барнаул, 2000. 23 с.

7. Пустогачева Т.С. История развития путей сообщения в Горном Алтае в конце XIX – начале XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2010. № 4/2. С. 182–189.

8. Пустогачева Т.С. Развитие транспорта, путей сообщения и торговли в Горном Алтае во второй половине XIX – первой половине XX в.: историография вопроса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 339. С. 70–74.

9. Почеревин Е.В. Организация подрядных торгов волостными правлениями Томской губернии в начале XX в. // Вопросы истории Сибири. Омск, 2014. Вып. 11. С. 42–49.

REFERENCES

1. Bojko V.P., Efimenko V.N., Kadesnikov A.P. Historical sketches on roads and bridges construction. Tomsk, 2012, 149 p. (In Russ.)

2. The history of roads construction in Tomsk region. Ed. by V.P. Zinoviev. Tomsk, 1999, 284 p. (In Russ.)

3. Zav'yalov A.A., Modorov N.S. The post tracts of Altai region in the late XIX – early XX centuries. *Interekspo Geo-Sibir*. Gorno-Altaysk, 2010, vol. 6, pp. 63–73. (In Russ.)

4. Kationov O.N. Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII–XIX centuries. Novosibirsk, 2004, 514 p. (In Russ.)

5. Matveev A.V. History of the land communication lines in Omsk Irtysh region: Middle Ages – New time. Omsk, 2014, 266 p. (In Russ.)

6. Matushina S.Yu. The history of roads construction in Altai. 1900–2000. Barnaul, 2000, 23 p. (In Russ.)

7. Pustogacheva T.S. The history of communication lines development in Gorny Altai in the late XIX – early XX centuries. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, no. 4/2, pp. 182–189. (In Russ.)

8. Pustogacheva T.S. Development of transport, communication lines and trade in Gorny Altai in the second half of XIX – first half of XX century: historiography of the issue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, no. 339, pp. 70–74. (In Russ.)

9. Pocherevin E.V. Organization of contract bidding by Tomsk Province volost (district) office in early XX century. *Voprosy istorii Sibiri*. Omsk, 2014, vol. 11, pp. 42–49. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 01.06.2017

Е.В. Комлевой. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в. – Новосибирск: Академиздат, 2016. – 324 с.

обычных людей резко возрос. Актуальность данной работы издания безусловна. Она существенно расширит источниковую базу для изучения проблем, связанных с историей сибирского города и его населения в дореформенную эпоху.

Основным источником работы стал комплекс рукописных материалов, принадлежащий купеческому семейству Ларионовых и хранящийся в фонде Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края. В издание включено 95 писем конца XVIII – первой трети XIX в. Переписка в рассматриваемый период являлась важнейшим информационным каналом и играла особую роль для грамотной части населения – написание и чтение писем являлось одной из форм проведения досуга горожан. Публикуемые в книгах письма позволяют переместиться и погрузиться в ту эпоху, познакомиться с бытом и нравами сибирского города.

Ранее историки неоднократно обращались к документам из собрания Ларионовых, часть источников уже была введена в научный оборот. Е.В. Комлева впервые с соблюдением норм археографии подготовила собрание писем к печати. Накануне выхода книги ею опубликована серия статей о семье Ларионовых и их рукописном наследии. Данная книга – результат многолетней активной деятельности исследователя.

Работа состоит из трех взаимосвязанных частей. Первая часть знакомит читателя с династией Ларионовых и их рукописным наследием. Две другие части представляют коллекции писем о хозяйственной и торговой деятельности членов семьи Ларионовых. Исследователь провел скрупулезную работу по расшифровке, обработке и подготовке к изданию уникальных документов. Причем при обработке текстов писем приходилось преодолевать такие трудности, как плохая сохранность некоторых писем, ошибки, искажения, опiski и т.п. В ряде случаев не представлялось возможным определить ни автора, ни адресата письма. Тем не менее Е.В. Комлевой удалось, с одной стороны, максимально сохранить особенности авторского стиля, а с другой – адаптировать письма для читателя (с. 9). Большую роль в этом плане играют комментарии исследователя.

Первая глава посвящена династии купцов Ларионовых и их рукописному наследию. Автором-составителем подготовлен очерк, в котором представлены подробные сведения о родоначальнике купеческой династии П.Ф. Ларионове, членах его семьи, образе жизни жителей в сибирском городе дореформенного периода. Е.В. Комлевой, которая провела огромную работу по поиску информации о членах семьи Ларионовых и их деятельности, удалось привлечь дополнительные источники. В частности, были использованы документы РГИА (ф. 18, 1265, 1281), ГАКК (ф. 47, 117, 122, 160, 173), приведены ценные сведения современников (воспоми-

В вышедшей в конце 2016 г. книге Е.В. Комлевой рассказывается о династии купцов Ларионовых. В последние годы интерес к истории повседневной жизни

нания И.Ф. Парфентьева, В.Д. Касьянова и др.). На основе разнообразных источников было составлено родословное древо семьи Ларионовых (с. 64). Автор увлекательно повествует о повседневной жизни людей в дореформенное время. Значительное внимание уделено их хозяйству, интерьеру дома, костюму, досугу, праздникам. Наряду с информацией о схожести городского быта с деревенским укладом показаны и происходившие перемены, новое в архитектуре, одежде и быте горожан. Такие сведения значительно расширяют имеющиеся представления об образе жизни и быте сибирских горожан в дореформенную эпоху.

Купцы Ларионовы не относились к купеческой верхушке города, но представители этого семейства нередко занимали видные посты в городском самоуправлении и пользовались уважением среди горожан. На основе писем Е.В. Комлева воссоздала социальный портрет П.Ф. Ларионова, дала характеристику его личным качествам. С одной стороны, она отметила прагматизм и расчетливость своего героя, его деловую хватку, увлеченность торговой деятельностью. С другой стороны, она показала его как неординарного человека – образованного, любознательного, эрудированного (с. 39–40). Такая характеристика свидетельствует о том, что П.Ф. Ларионов как личность импонирует автору-составителю. Переписка Ларионовых позволяет проследить уровень жизни и круг интересов не только купечества, но и представителей других социальных групп (мещане, крестьяне, дворяне, чиновники, духовенство). Анализ писем позволил исследователю прийти к выводу о довольно однообразной и наполненной постоянными житейскими хлопотами повседневной жизни городских жителей дореформенного сибирского города (с. 53, с. 61–62).

Во второй главе представлена деловая корреспонденция из коллекции Ларионовых. Это письма с деловыми партнерами по разнообразным коммерческим вопросам, а также переписка между отцом и сыном – Петром Федоровичем и Иваном Петровичем Ларионовыми. По мнению Е.В. Комлевой, распределение корреспонденции в хронологической последовательности позволяет рассмотреть на наглядном примере поэтапное развитие семейного бизнеса Ларионовых. Интерес для специалистов представляет информация о разнообразных товарах: «шляпы полярковы», «чай холунтунский», «миткил», «даба», «ластик» и т.д. Разъяснение устаревших слов, географических названий, праздников, а также краткие биографические сведения, касающиеся упомянутых имен, приводятся в конце каждого письма. В переписке нашло отражение обширная география торговых связей купцов. При чтении писем обозначаются масштабы их деятельности: они получали товары с Макарьевской и Нижегородской ярмарок, совершали деловые поездки в Енисейск, Иркутск и другие города.

Переписка купцов Ларионовых с другими предпринимателями свидетельствует о том, что отношения между купцами нельзя назвать открытыми и доверительными, существовали коммерческая тайна и взаимная конкуренция. В текстах документов описаны случаи обмана, подачи неверной информации, сокрытия реальных фактов, имевших

место среди предпринимателей Сибири. Во многих письмах содержится информация о торговых поставках, ценах на товары, состоянии рынка, взаимоотношениях с торговцами и др. На основе деловой переписки купцов можно составить представление о предприимчивости и напряженности трудовой деятельности сибирского купечества.

В третьей главе включены семейные письма из наследия Ларионовых. Здесь можно найти интересные материалы по истории городского быта и внутрисемейным отношениям. Основная тема всех писем – семейные заботы и домашнее хозяйство. Эта группа источников знакомит читателей с мелкими подробностями из жизни горожан. В письмах отразились личные переживания авторов. В данную коллекцию вошли письма, написанные членами семьи Ларионовых или их ближайшими знакомыми. Переписка велась между жителями Красноярска, Иркутска, Барнаула, Томска. Интересно, что Петру Федоровичу Ларионову приходили письма даже из Аляски от находившегося там по службе родственника.

В целом такой уникальный эпистолярный источник, как рукописная коллекция Ларионовых, позволяет на примере истории одной семьи не только познакомиться с жизнью купеческой династии на протяжении многих лет, но и значительно дополнить и обогатить имеющиеся представления о провинциальном сибирском городе, его жителях. Публикация приведенных источников существенно расширяет источниковую базу по социально-экономической истории Сибири. Приятное впечатление оставляют оформление, верстка, дизайн, цветные иллюстрации в издании. Книга будет востребована как среди специалистов, преподавателей, студентов, так и среди широкого круга читателей. Следует поддержать намерение автора провести дальнейший анализ деловых документов и частных писем из собрания Ларионовых и подготовить к изданию следующий выпуск.

Т.А. Кискидосова,
канд. ист. наук, Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории, г. Абакан

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.